

**БЛАГОПОЛУЧИЕ И БЕЗОПАСНОСТЬ
В УСЛОВИЯХ СОЦИАЛЬНЫХ
ТРАНСФОРМАЦИЙ**

**Сборник научных трудов
X Международного симпозиума
(г. Екатеринбург, 9–10 июля 2019 г.)**

**Екатеринбург
Гуманитарный университет
2019**

УДК 316.6
ББК 88.52
Б 68

Редакторы

Е. Б. Перельгина,
чл.-корр. РАО, д-р психол. наук, профессор,
АНО ВО «Гуманитарный университет»,
г. Екатеринбург, Россия (*гл. редактор*)

О. Ю. Зотова,
чл.-корр. РАО, д-р психол. наук, доцент,
АНО ВО «Гуманитарный университет»,
г. Екатеринбург, Россия

А. В. Дроздова,
д-р культурологии, доцент,
АНО ВО «Гуманитарный университет»,
г. Екатеринбург, Россия

Л. В. Тарасова,
канд. психол. наук, доцент,
АНО ВО «Гуманитарный университет»,
г. Екатеринбург, Россия

Б 68

Благополучие и безопасность в условиях социальных трансформаций : сборник научных трудов X Международного симпозиума (г. Екатеринбург, 9–10 июля 2019 г.) / ред. Е. Б. Перельгина, О. Ю. Зотова, А. В. Дроздова, Л. В. Тарасова. – Екатеринбург : Гуманитарный университет, 2019. – 325 с.

978-5-7741-0376-8

На фоне современных реалий все явственнее оформляется социальный заказ на изучение проблем безопасности в современном мире, выявление и анализ которых способствуют определению векторов развития общества, ориентиров в массовом сознании, особенностей трансформации социального самочувствия и благополучия россиян.

В центре внимания, заданного целеполагающим вектором и контекстом X Международного симпозиума по безопасности, находится круг следующих проблем: спектр интерпретаций безопасности, эволюция понятия безопасности, его смысловое наполнение в различных социальных группах, практическое приложение проблем безопасности в современном мире. Представленное междисциплинарное многоголосие будет способствовать нахождению некоего инварианта «общего языка» феномена безопасности с позиций разных научных дисциплин, определению вектора стратегического развития страны и осуществлению дальнейших исследований в русле психологии безопасности.

Адресован специалистам разных областей знания, в частности в области социальной психологии, социально-гуманитарных наук; представителям правительственных, общественных и правовых организаций, а также аспирантам и магистрантам гуманитарных направлений.

УДК 316.6
ББК 88.52

ISBN 978-5-7741-0376-8
<https://doi.org/10.35853/LAU.WS.2019>

© Сборник. Гуманитарный ун-т, 2019
© Оформление. Гуманитарный ун-т, 2019

Статьи распространяются
на основе свободной лицензии
Creative Commons

**Wellbeing and Security
in the Face
of Social Transformations**

Collection of academic papers
from the 10th International Symposium
(Yekaterinburg, July 9–10, 2019)

Yekaterinburg
Liberal Arts University – University for Humanities
2019

Editors

Elena B. Perelygina,
Corresponding Member of the Russian
Academy of Education; Dr. Sci. (Psychology),
Professor, Liberal Arts University – University
for Humanities, Yekaterinburg, Russia
(*Editor-in-Chief*)

Olga Yu. Zotova,
Corresponding Member of the Russian
Academy of Education; Dr. Sci. (Psychology),
Ass. Prof., Liberal Arts University – University
for Humanities, Yekaterinburg, Russia

Alla V. Drozdova,
Dr. Sci. (Cultural Studies), Ass. Prof.,
Liberal Arts University – University
for Humanities, Yekaterinburg, Russia

Lyudmila V. Tarasova,
Cand. Sci. (Psychology), Ass. Prof.,
Liberal Arts University – University
for Humanities, Yekaterinburg, Russia

Wellbeing and Security in the Face of Social Transformations: Collection of academic papers from the 10th International Symposium (Yekaterinburg, July 9–10, 2019). Editors E. B. Perelygina, O. Yu. Zotova, A. V. Drozdova, L. V. Tarasova. Yekaterinburg: Liberal Arts University – University for Humanities, 2019. 325 p.

ISBN 978-5-7741-0376-8

In the background of analyzing today's realities, a social demand for addressing security issues is becoming increasingly clear. The insight in these problems can enhance a screening of key social development vectors, guidelines in mass consciousness, specific features of the transformations of social and personal wellbeing of the Russian.

The focus of the discussion specified by a goal-setting context of the 10th International Symposium on security entails the following areas: a range of security concepts, the evolution of the security concept, its substance in different social groups, theories, and practices of security issues in the contemporary world. This broad grouping of issues presented in an interdisciplinary format will facilitate the obtention of a somewhat invariant of security "common language" from different academic disciplines, the definition of the vectors of the country's strategic development, and further studies in the field of security psychology.

It is recommended to specialists in different fields of expertise, in particular: social psychology, social and human sciences, government, public and legal representatives, as well as post graduates and master's students.

ISBN 978-5-7741-0376-8

<https://doi.org/10.35853/LAU.WS.2019>

Published by: **Liberal Arts University – University for Humanities**

Address, contact information:

Zheleznodorozhnikov street 3, off. 207.

Yekaterinburg, Russia, 620041.

E-mail: ektbriogu@mail.ru

URL: <https://simposium.sopsy.ru/en>

Computer layout: V.V. Kuryanovich

Signed for publication 27.12.2019.

© Liberal Arts University – University for Humanities, 2019

The articles are distributed under a free license of Creative Commons

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	11
Приветственное слово президента Российской академии образования, президента Российского психологического общества, академика РАО, доктора психологических наук, профессора, декана факультета психологии Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова <i>Ю. П. Зинченко</i>	15
Социально-психологическая секция	17
<i>Агапов В. С., Зотова О. Ю., Мостиков С. В.</i> Изменения образа Я и восприятие безопасности в межэтническом общении	19
<i>Дружинина В. Н.</i> Эмпирический анализ образа профессии и образа Я сотрудников полиции	28
<i>Боднар А. М., Боднар Э. Л.</i> «Я-зеркальное» как фактор социально-психологической адаптации личности в организации	36
<i>Каранетян Л. В.</i> Ответственность как предиктор эмоционально-личностного благополучия	44
<i>Лифшиц М. В.</i> Ценностные особенности психологического благополучия личности	54
<i>Кольхалова Е. А.</i> Реализация потребности в искусстве как фактор психологического благополучия личности	62
<i>Мороз Т. С., Агапов В. С., Кучина Т. И.</i> Особенности психологического благополучия личности в ситуации неопределенности	72
<i>Фомина Ю. И.</i> Особенности преодоления конфликтных ситуаций молодыми людьми с разными типами этнической идентичности	81

<i>Васильюк Н. Н.</i> Эмоциональная безопасность образовательной среды, созданной на базе блог-технологий	88
<i>Горбачев И. В., Агапов В. С., Красноштанова Н. Н.</i> Эмпирическая характеристика когнитивных стилей психологически благополучных курсантов военных вузов	96
<i>Караваева Л. П., Окунева Т. В.</i> Успешный человек в представлении современных студентов	106
<i>Боднар А. М., Боднар Э. Л.</i> О роли иррациональных убеждений в продуктивности учебной деятельности студентов	117
<i>Фельдман И. Л., Хаидов С. К.</i> Психологический анализ личностно-профессиональных качеств студентов, обучающихся по специальности «Дизайн» и «Архитектура»	126
<i>Зайцева А. Р., Кулешова Л. Н., Пешикова Н. А.</i> Развитие коммуникативной компетентности у старших подростков с нарушением слуха методами танцевальной терапии	135
<i>Мишина М. М., Воробьева К. А.</i> Образовательная среда как фактор риска формирования девиантного поведения современных подростков	145
<i>Донская О. А.</i> Особенности субъективного благополучия у подростков	152
<i>Каранетян Л. В.</i> Особенности эмоционально-личностного благополучия заключенных	162
<i>Зотова О. Ю., Флейтлих О. Ю.</i> Небинарный подход к гендеру в контексте психологической безопасности личности в транзитивном обществе	173
<i>Солянкина Л. Е., Тимофеева Т. С.</i> Становление профессиональной идентичности психолога в условиях транзитивного общества	182
<i>Харченко Д. В., Агапов В. С., Красноштанова Н. Н.</i> Типологические особенности нравственных отношений курсантов военных вузов	192
<i>Шакура К. В., Гизуллина А. В.</i> Личностные особенности людей, склонных к интернет-аддикции	203

Междисциплинарная секция	211
<i>Духновский С. В., Парсуков В. А.</i> Антикоррупционная компетентность государственных гражданских служащих как условие кадровой безопасности организации	213
<i>Беспалова Т. М.</i> Гражданская идентичность личности как маркер психологической безопасности в условиях глобальных социальных изменений	223
<i>Васильцова Л. И., Александрова Н. А.</i> Национальные проекты в России: проблемы реализации и пути достижения целей	232
<i>Донцов А. И., Перельгина Е. Б.</i> От доверия и справедливости к политкорректности	242
<i>Грицков Ю. В., Перельгин Н. М., Сюткина Е. Н.</i> Архетипические алгоритмы обеспечения экзистенциальной безопасности личности	255
<i>Львов Д. В.</i> Архетипы корпоративности и иерархии в обеспечении психологической безопасности социокультурной целостности	263
<i>Дроздова А. В., Власова Е. В.</i> Трансформация тела в современной медиакультуре	272
<i>Радыгина Е. Г.</i> Информационный комфорт как составляющая качества обслуживания в гостинице	280
<i>Рамзина С. А.</i> Периметр безопасности гостиничного продукта в инфраструктуре туризма	289
<i>Захарова Н. Л.</i> Концептуальные положения и модель контроля профилактики негативных проявлений в образовательной организации	298
<i>Максименко М. В.</i> Этическое измерение возможности применения смертной казни	308
<i>Муслумов Р. Р.</i> Проблема профилактики ксенофобии в молодежной среде	317

CONTENTS

Foreword	11
Salutatory address of Y. P. Zinchenko, President of the Russian Academy of Education, President of the Russian Psychological Society, Academician of the Russian Academy of Education, Doctor in Psychology, professor, Dean of Psychology faculty of Lomonosov Moscow State University	15
Socio-psychological section	17
<i>Valery S. Agapov, Olga Yu. Zotova and Sergey V. Mostikov</i> Changes in the Self-Image and the Perception of Security in Interethnic Interaction	19
<i>Valeriya N. Druzhinina</i> The Empirical Analysis of the Profession Image and the Self Image of Police Officers	28
<i>Aleksandr M. Bodnar and Elvira L. Bodnar</i> Looking-Glass Self as a Factor of Socio-Psychological Adaptation of the Individual in an Organization	36
<i>Larisa V. Karapetyan</i> Responsibility as a Predictor of Emotional and Personal Wellbeing	44
<i>Marina V. Lifshits</i> Value Features of Personality Psychological Wellbeing	54
<i>Elena A. Kolykhalova</i> Satisfying the Need for the Art as a Factor of Personality Psychological Wellbeing	62
<i>Tatyana S. Moroz, Valery S. Agapov and Tatyana I. Kuchina</i> Specific Features of Personality Psychological Wellbeing in Situations of Uncertainty	72
<i>Yuliya I. Fomina</i> Specificities of Handling Conflict Situations by Young People with Different Types of Ethnic Identity	81
<i>Nadezhda N. Vasilyuk</i> Emotional Security of an Education Environment Based on Blog-Technologies	88

<i>Ivan V. Gorbachyov, Valery S. Agapov and Nataliya N. Krasnoshatanova</i> An Empirical Characteristic of Cognitive Styles of Military Academies Trainees Exhibiting Psychological Wellbeing	96
<i>Lyudmila P. Karavaeva and Tatyana V. Okuneva</i> A Successful Man as Perceived by Contemporary Students	106
<i>Aleksandr M. Bodnar and Elvira L. Bodnar</i> On the Role of Irrational Beliefs in the Efficacy of Students' Learning Activities	117
<i>Inessa L. Feldman and Sergey K. Khaidov</i> The Psychological Analysis of Personal and Professional Qualities of Design and Architecture Students	126
<i>Anastasiya R. Zaitseva, Lyudmila N. Kuleshova and Nataliya A. Peshkova</i> The Development of Communicative Competence in Adolescents with Hearing Impairments by Dance Therapy	135
<i>Marina M. Mishina and Kseniya A. Vorob'eva</i> Educational Environment as a Risk Factor in the Formation of Deviant Behavior of Today's Teenagers	145
<i>Oksana A. Donskaya</i> Characteristics of Teenagers Subjective Wellbeing	152
<i>Larisa V. Karapetyan</i> Characteristics of Emotional and Personal Wellbeing of Prisoners	162
<i>Olga Yu. Zotova and Olga Yu. Fleitlikh</i> A Non-Binary Approach to Gender in the Context of Personality Psychological Security in a Transitive Society	173
<i>Lyudmila E. Solyankina and Tatyana S. Timofeeva</i> A Becoming of the Psychologist Professional Identity in a Transitive Society	182
<i>Denis V. Kharchenko, Valery S. Agapov and Nataliya N. Krasnoshatanova</i> The Typological Characteristics of Moral Attitudes among the Trainees of Military Academies	192
<i>Karina V. Shakura and Anna V. Gizullina</i> Personal Features of People Prone to Internet Addiction	203

Multidisciplinary section	211
<i>Sergey V. Dukhmovsky and Vladimir A. Parsukov</i> Anti-Corruption Competence of State Civil Servants as a Condition of an Organization' Personnel Security	213
<i>Tatyana M. Bespalova</i> Civil Identity of Personality as a Marker of Psychological Security under Global Social Changes	223
<i>Lyudmila I. Vasil'tsova and Nadezhda A. Aleksandrova</i> National Projects in Russia: Problems of Implementation and Ways to Achieve Goals	232
<i>Aleksandr I. Dontsov and Elena B. Pereylygina</i> From Trust and Justice to Political Correctness	242
<i>Yuri V. Gritskov, Nikolai M. Pereylygin</i> <i>and Elena N. Syutkina</i> Archetypical Algorithms for Providing Existential Security of the Individual	255
<i>Denis V. L'vov</i> Archetypes of Corporate Nature and Hierarchy in Providing Psychological Security of Socio-Cultural Integrity	263
<i>Alla V. Drozdova and Elena V. Vlasova</i> The Transformation of the Body in Today's Media Culture	272
<i>Evgeniya G. Radygina</i> An Informational Comfort as a Component of High-Standard Service in Hotels	280
<i>Snezhana A. Ramsina</i> The Security Perimeter of a Hospitality Product in the Tourism Infrastructure	289
<i>Nadira L. Zakharova</i> Conceptual Propositions and the Model for Control and Prevention of Negative Effects in an Educational Establishments	298
<i>Marina V. Maksimenko</i> An Ethical Dimension of Applying the Death Penalty	308
<i>Rustam R. Mushumov</i> The Problem of Preventing Xenophobia among Young People	317

Предисловие

Сборник научных трудов симпозиума состоит из докладов, представленных на X Международном симпозиуме Гуманитарного университета «Благополучие и безопасность в условиях социальных трансформаций», которая проводилась 9–10 июля 2019 года.

В десятый раз на факультете социальной психологии Гуманитарного университета проводится симпозиум, посвященный проблемам безопасности. Это не случайно: безопасность как общепризнанная ценность остается до сих пор полем разногласий как среди ученых, так и в практической деятельности. И одной из главных причин этих разногласий являются различия в представлениях о том, какая безопасность нужна той или иной личности, группе и обществу.

Разработка проблемы психологической безопасности является одним из значимых направлений не только психологической науки, но и социологии, культурологии, политики, журналистики. Развитие современного российского общества, характеризующееся ростом напряженности, обусловленным несоответствием достаточно высокого уровня интенсивности социальных, экономических, политических, духовных изменений возможностям людей адаптироваться к ним, делает одной из важнейших научных и общественно значимых проблем современности поиск взаимосвязи: доверия индивидов на личностном, межличностном и межгрупповом уровнях; социальной обусловленности формирования субъективного благополучия личности; устойчивого развития социальной среды; эффективности стратегий преодоления ситуаций, содержащих угрозу психологической безопасности личности, и их реализации в моделях поведения.

В современном обществе усиливается рассогласование смысловых ориентиров и реальной жизнедеятельности людей, потенциала их жизненной ситуации, что обуславливает формирование угроз психологической безопасности личности. Стратегии психологической безопасности, представляя собой сложное психологическое образование, интегрирующее эмоциональные, когнитивные и поведенческие проявления субъектной активности, основываются на комплексе личностных особенностей, лежащих в основе развития и самореализации личности. Исследование перспективности стабильных агрегаций и структур в условиях изменения социальных реальностей и постановки вопроса о множестве современностей подводит нас к необходимости изучения потоков, имеющих всеобщий характер. Именно поэтому в фокусе внимания симпозиума находились анализ современной реальности, потоки рисков, идей, психологической безопасности, человеческого капитала. Данные вопросы рассматриваются на межнациональном и межгосударственном уровне, что подразумевает разработку и определение общего языка, что невозможно без изучения и осмысления радикальных изменений, происходящих в российском обществе.

В симпозиуме приняли участие более 100 преподавателей и студентов из ведущих университетов Екатеринбурга, Москвы, Красноярска, Тюмени, Перми, Тулы, а также зарубежные участники из Израиля, Чехии, Кипра, Узбекистана и Казахстана. Организаторами и партнерами симпозиума выступили Российская академия образования и Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова. В рамках

проведения симпозиума состоялись пленарное и секционные заседания, тематические симпозиумы, мастер-классы, тренинги, круглые столы по тематике научных секций.

Пленарное заседание открыли ректор Гуманитарного университета Л. А. Закс и академик РАО А. И. Донцов (г. Москва).

Доклад доктора психологических наук, академика РАО Александра Ивановича Донцова был посвящен рассмотрению потребности в доверии и справедливости как основы социально-психологического состояния общества. Проблеме доверия как фактора психологической безопасности в различных ситуациях социального взаимодействия был посвящен доклад доктора психологических наук, члена-корреспондента РАО Елены Борисовны Перельгиной.

Лариса Владимировна Карапетян, доктор психологических наук, представила результаты исследования, доказывающие, что человек с низкой степенью ответственности склонен к переживанию эмоционально-личностного неблагополучия, тогда как высокая степень ответственности предрасполагает к переживанию эмоционально-личностного благополучия. Доктор психологических наук Валерий Сергеевич Агапов (г. Москва) в докладе раскрыл особенности содержания психологического благополучия человека в ситуации неопределенности.

Научный анализ вопросов безопасности и психологического благополучия, исследований в области доверия, психологии неопределенности, восприятия экстремальных ситуаций заняли важное место не только на пленарном заседании, но и в работе секций симпозиума. В течение двух дней работали 5 секций, мастер-классов, круглых столов, тематическими фокусами которых стал научно-теоретический анализ психологической безопасности в контексте межнационального взаимодействия, перспективы и ресурсы раннего предупреждения конфликтов, проявлений агрессивного поведения, массовых беспорядков, экстремизма и терроризма.

Все статьи, включенные в сборник трудов симпозиума, прошли процедуру двустороннего анонимного рецензирования 2 внешними экспертами в соответствующей области научных знаний. В результате рецензирования в сборник трудов вошло 33 статьи из 86 тезисов, представленных участниками конференции.

Главный редактор

Е. Б. Перельгина

Foreword

The Proceedings of the symposium entails reports presented at the 10th International symposium “Wellbeing and Security in the Face of Social Transformations” held by Liberal Arts University-University for Humanities 9–10 July 2019.

It is no accident that this is the 10th time that the university has hosted the symposium addressing the issues of security since it, as universally acknowledged value, remains a field of debates involving both academicians and practitioners. One of the main reasons for such controversy is the difference in ideas relating to what security this or that person, group, or society needs.

The development of the problem concerning the psychological security concept is a particular highlight not only of psychology but also sociology, culturology, political studies, and journalism. The current development of the Russian society characterized by a growing tension due to the disparity between highly intensive social, economic, political, and spiritual changes and people’s inability to adapt to them, has made a priority of the following issues: the individual’s trust at personal, interpersonal and intra-group level; social determination of personality subjective wellbeing; sustainable development of social milieu; effective strategies for coping with situations generating threats to personality psychological security and their implementation in behavior patterns.

In modern society, the imbalance between the meaningfulness of life benchmarks and real people’s lives, the potential of their situation is rising, which provokes the formation of threats to their psychological security. Psychological security strategies being a complex psychological construct that integrates emotional, cognitive, and behavioral manifestations of the subject’s activity rest on a set of personal specific features, and the development of personality and his/her self-actualization depend on them. In the face of social transformations and a multitude of modernities, the research on the prospects of stable aggregations and structures brings us to the need to consider streams of a general character. This is why the symposium focused on the analysis of today’s reality, streams of risks, ideas, psychological security, and human capital. These issues are dealt with at the intra-State and interethnic levels, which implies the design and definition of a common language, which is impossible without exploring and comprehending the ongoing radical changes in Russian society.

More than 100 professors and students from leading universities of Yekaterinburg, Moscow, Krasnoyarsk, Tyumen, Perm, Tula, and the invited lecturers from Israel, Czechia, Cyprus, Uzbekistan, and Kazakhstan participated in the symposium. The Russian Academy of Education and Moscow State University after M. V. Lomonosov co-hosted and supported the symposium. This academic event included plenary and section sessions, thematic seminars, master-classes, pieces of training, roundtable discussions in line with the section’s topics.

Professor L. A. Zaks, Rector of Liberal Arts University-University for Humanities and A. I. Dontsov (Moscow), the RAE academician, opened the plenary session.

The report of A. I. Dontsov, doctor in Psychology, highlighted the need for trust and justice as foundations of a socio-psychological state of society. Another aspect of trust as a factor of psychological security in different situations of social interaction was in the focus of the report presented by E. B. Perelygyna, doctor in Psychology, professor, the RAE academician.

Doctor in Psychology L. V. Karapetyan provided the results of the study confirming that a person with low responsibility tends to experience emotional and personal ill-being, while a high level of responsibility predisposes to sensing emotional and personal wellbeing. A guest speaker from Moscow, doctor in Psychology V. S. Agapov, disclosed the specificity of psychological wellbeing in situations of uncertainty.

Research studies and data-driven analysis of security and psychological wellbeing, trust, the psychology of uncertainty, perceptions of extreme situations assumed an important place in the reports not only at the plenary session but on the agenda of sectors' sessions, too. The topics discussed during the two-day symposium embraced the theoretical analysis of psychological security in the context of interethnic interaction, prospects and resources of early prevention of conflicts, aggressive behaviors, mass unrest, acts of terrorism and extremism.

All the articles included in the proceedings were subject to double blind refereeing. Two external experts in the corresponding fields produced their reviews. As a result of reviewing, this collection consists of 33 out of 86 reports presented by the symposium participants.

Editor-in-Chief

E. B. PereLygina

Участникам X Международного симпозиума
«Благополучие и безопасность
в условиях социальных трансформаций»

Дорогие коллеги!

Влияние психологии как многогранного и многомерного института на культурный и духовный климат современного общества переоценить сложно.

Процессы трансформации современного общества и самой личности требуют выработки специфического, адекватного текущим социокультурным реалиям языка описания происходящих явлений. Целый ряд проблем современности, ее противоречивость, сложность происходящих социальных процессов, существование разного рода факторов-угроз, формирование новых социальных структур и технологический прогресс требуют от человека усилий для поиска адекватного выбора как способов адаптации, так и способов «совладания» с ними. Я уверен, что именно психология вносит значительный вклад в прояснение конфигурации общества, способна оказать помощь человеку найти себя в новом, изменившемся обществе и овладеть ролями, востребованными временем.

Хочу отметить, что на факультете социальной психологии в Гуманитарном университете накоплен огромный научный потенциал: создан Центр изучения проблем безопасности, проводятся ежегодные конференции и симпозиумы по безопасности. Демократичная, открытая для дискуссий площадка факультета социальной психологии Гуманитарного университета, на котором проходит симпозиум, позволит представить на суд профессиональной психологической общественности материалы, отражающие разные позиции, что было и остается важным в контексте очередного методологического кризиса психологии и практики.

Не сомневаюсь, что у юбилейного Международного симпозиума будет большой круг участников: ученые теоретики и практики, представляющие различные позиции, а также широкая аудитория, выходящая далеко за рамки «чистой» психологии.

Я уверен, что X юбилейный симпозиум внесет значительный вклад в развитие психологической науки и практики, привлечет внимание общественности к ее проблематике. Желаю творческой работы всем участникам!

Я желаю всем участникам симпозиума самого хорошего настроения, самых плодотворных дискуссий и самых лучших впечатлений!

С уважением и признательностью,
президент Российской академии образования,
президент Российского психологического общества,
академик РАО, доктор психологических наук,
профессор, декан факультета психологии
Московского государственного университета
им. М. В. Ломоносова

Ю. П. Зинченко

To the participants of the 10th International symposium
“Wellbeing and security in the face of social transformation”

Dear colleagues!

The impact of psychology as a multifaceted and multidimensional institution on a cultural and spiritual climate of today’s society would be difficult to overestimate.

The processes involving the transformation of the present-day society and the very personality require the development of a specific, adequate to the current socio-cultural realities, language to describe the ongoing phenomena. A whole range of our modernity’ challenges, their contradictory character, the complexity of social processes, the existence of various factors-threats, the formation of new social structures and technical advancements force man to seek an adequate choice of both ways to adapt and to cope with them. I do not doubt that it is the psychology that can contribute to man’s finding himself in a new, modified society and mastering the roles needed by the contemporary epoch.

I wish to note that the Faculty of Social Psychology of LAU – University for Humanities has accumulated a wealth of research capacities, namely, the establishment of a center for comprehensive problems of security and annual conferences and symposia on security issues. Therefore a democratic, open-to-discussion platform of LAU symposium will bring materials from different perspectives before the professional psychological public, which was and is vital in the context of another methodological crisis in psychology and practice.

I am convinced that the anniversary symposium will have a broad range of attendees: theoreticians and practitioners presenting diverse academic schools of thought and positions and a wider audience going far beyond “pure” science.

I believe that the tenth-anniversary symposium will make a significant contribution to the development of psychological science and practice, draw new public attention to their issues. I wish all participants and organizers of the symposium a constructive and creative work and unforgettable experiences!

May all participants have a natural high and a good mood and fruitful discussions!

With respect and appreciation,
President of the Russian Academy of Education,
President of the Russian Psychological Society,
Academician of the Russian Academy of Education,
Doctor in Psychology, professor,
Dean of Psychology faculty of Lomonosov
Moscow State University

Yu. P. Zinchenko

Социально-психологическая секция

Socio-psychological section

DOI: 10.35853/LAU.WS.2019.SP01
УДК 159.922.4:[159.9+614.8]

Изменения образа Я и восприятие безопасности в межэтническом общении

Валерий С. Агапов¹,

¹НОУ ВО «Российский новый университет»,
г. Москва, Россия

ORCID: 0000-0002-1999-7408, e-mail: agapov.vs@mail.ru

Ольга Ю. Зотова²,

ORCID: 0000-0002-5607-6317, e-mail: oiambusheva@mail.ru

Сергей В. Мостиков³,

ORCID: 0000-0002-6058-8462, e-mail: smostikov@ya.ru

^{2,3}АНО ВО «Гуманитарный университет»,
г. Екатеринбург, Россия

Аннотация. Прирост населения городов во многом обеспечивается внутренней миграцией: жители регионов переселяются в крупные мегаполисы, отличающиеся разнообразием этнических групп. Цель исследования: выявить динамические изменения в образе Я и в субъективном восприятии безопасности у лиц, переезжающих в Санкт-Петербург и Москву (многонациональные мегаполисы), из регионов с низким уровнем этнического разнообразия (республики Татарстан, Башкортостан и Дагестан). Используемые методы: тест «Кто Я?» М. Кун и опросник Д. Берри для комплексного исследования аккультурации (переменная «воспринимаемая безопасность»). Выборка 150 человек. Исследование проводилось в течение 1 года. Первое анкетирование – перед выбытием в мегаполис; второй срез – спустя 6 месяцев после проживания в мегаполисе; третий срез – спустя 1 год. Полученные результаты позволяют утверждать, что среди респондентов, переехавших в Москву и Санкт-Петербург из регионов с низким уровнем этнического разнообразия, этническая идентичность видится важным, но не основным аспектом образа Я. На первоначальном этапе отмечается подъем этнической самоидентификации с последующим снижением спустя 1 год. Проживание в многонациональных городах формирует у приезжих более выраженную идентификацию по этническому признаку; респонденты чаще и активнее взаимодействуют с представителями разных культур и, соответственно, глубже переживают свою уникальность. Отметим, что этот процесс не сопряжен с ощущением культурной угрозы, что указывает на низкий уровень конфликтогенности по этническому признаку.

Ключевые слова: этническое взаимодействие, психологическая безопасность, образ Я, этническое разнообразие.

Благодарности: работа выполнена в рамках гранта Российского научного фонда (проект № 18-18-00112) «Психологическая безопасность как интегральный показатель формирования этнической идентичности в международном взаимодействии россиян».

Для цитирования: Агапов В. С., Зотова О. Ю., Мостиков С. В. Изменения образа Я и восприятие безопасности в межэтническом общении // Благополучие и безопасность в условиях социальных трансформаций : сб. науч. тр. X Междунар. симпозиума (г. Екатеринбург, 9–10 июля 2019 г.) / ред. Е. Б. Перельгина, О. Ю. Зотова, А. В. Дроздова, Л. В. Тарасова. – Екатеринбург : Гуманитарный университет, 2019. – С. 19–27. – ISBN 978-5-7741-0376-8. – DOI: 10.35853/LAU.WS.2019.SP01

© В. С. Агапов, О. Ю. Зотова, С. В. Мостиков, 2019

Changes in the Self-Image and the Perception of Security in Interethnic Interaction

Valery S. Agapov¹,

¹ Russian New University, Moscow, Russia
ORCID: 0000-0002-1999-7408, e-mail: agapov.vs@mail.ru

Olga Yu. Zotova²,

ORCID: 0000-0002-5607-6317, e-mail: oiambusheva@mail.ru

Sergey V. Mostikov³,

ORCID: 0000-0002-6058-8462, e-mail: smostikov@ya.ru

^{2,3} Liberal Arts University – University for Humanities, Yekaterinburg, Russia

Abstract. Urban population growth is, by large, due to internal migration: rural areas residents move to large cities characterized by ethnic diversity. The paper aims to identify dynamic changes in the image of the self and the subjective perception of security in people moving to St.-Petersburg and Moscow (multinational megacities) for resettlement from regions with a low level of ethnic diversity (Tatarstan, Bashkortostan, and Dagestan). The authors used the M. Kun test ‘Who am I?’ and J. Berry scale for measuring acculturation (the variable “perceived security”). The sample consisted of 150 people. The study lasted 1 year and had three stages: the first survey took place before leaving for megacities, the second – a half a year after living in a new place, and the last survey was administered a year later. The respondents from regions with low ethnic diversity see ethnic identity as an important though not the only aspect of the self-image. The authors documented a rise of ethnic self-identification with a consequent reduction a year later. Life of newcomers in the multi-ethnic environment shapes a more pronounced identification by ethnicity; the respondents interact with other national more often and actively, and, consequently, they acquire a deeper feeling of their uniqueness. It is worth noting that this process does not appear to entail a sense of cultural threat, which indicates a low conflict potential along ethnic lines.

Keywords: ethnic interaction, psychological security, the self image, ethnic diversity.

Acknowledgements: the article was supported with a grant from the Russian Science Foundation (project № 18-18-00112).

For citation: Agapov VS, Zotova OYu, Mostikov SV. Changes in the Self-Image and the Perception of Security in Interethnic Interaction. In: Perelygina EB, Zotova OYu, Drozdova AV, Tarasova LV. (eds.) *Wellbeing and Security in the Face of Social Transformations: Collection of academic papers from the 10th International Symposium (Yekaterinburg, July 9–10, 2019)*. Yekaterinburg: Liberal Arts University – University for Humanities; 2019. p. 19–27. Available from: doi:10.35853/LAU.WS.2019.SP01.

Введение

В настоящее время, в «эпоху мобильности» [6] межэтническое взаимодействие стало одним из моментов повседневной жизни человека. Жители крупных мегаполисов ежедневно общаются с представителями множества этнических групп, что влияет на представление о собственной идентичности и на картину мира в целом. Российская Федерация, будучи многонациональным государством, в отличие от стран Запада, характеризуется различной этнической плотностью регионов. Есть регионы с высокой моноэтничностью, где доминируют представители одного этноса (татары, башкиры, русские, буряты и т. д.), и есть регионы, где уровень этнической однородности близок к европейским показателям (прежде всего Санкт-Петербург и Москва), т. е. имеет место высокая этническая разнородность.

Переезд из регионов с низкой этнической разнородностью в города, где проживает значительное число представителей иных этнических групп, оказывает влияние на личность. Безусловный интерес вызывают причины переезда: как отмечают Ю. П. Зинченко и О. Ю. Зотова, «проблема изучения намерения до сих пор остается открытой» [2, с. 18]. Процесс принятия решения о смене региона проживания детерминирован совокупностью факторов (внутренние и внешние), а само решение может быть растянуто во времени. Например, С. Л. Рубинштейн выделял несколько стадий в этом процессе: побуждение, постановка цели, борьба разнонаправленных мотивов, далее – принятие решения и реализация намеченного замысла [3]. Другие исследователи делили этот процесс непосредственно на сам выбор и последующую активность [5, с. 78].

Вовлеченность личности в межэтническое взаимодействие с носителем иного культурного кода приводит к возникновению явления, которое определяется как этническая трансмиссия (передача), она может осуществляться как посредством внешнего группового давления, так и благодаря ориентации личности на более глубокое усвоение новых норм. Этническая идентичность, транслируемая на поведенческом уровне, может существенно отличаться от внутренних ценностей индивида, образуя разрыв между внешним поведением и глубинными ценностями, установками индивида. В полиэтничной среде, за счет многофакторности воздействия различных культурных норм на этническую идентичность, могут возникать разнонаправленные векторы этнической трансмиссии, отличающиеся по своему содержанию и силе производимого эффекта. Группа этнического большинства способна оказывать более сильное воздействие на индивида, чем менее значимые этнические меньшинства. Как справедливо отмечает А. И. Донцов, необходимо «учитывать различия социально-психологических параметров» в ходе многонационального взаимодействия [1, с. 30]. Доминирование этнической (либо религиозной) идентичности в самоописании личности может указывать на вероятность формирования закрытых социальных групп по признаку национальности и религиозной принадлежности, а соответственно увеличивается риск межэтнических конфликтов.

Эффект, оказываемый на образ Я межнациональным взаимодействием, также зависит от этнической константности, т. е. способности сохранять неизменным этническое своеобразие. Высокая этническая константность способствует стабильности групповой идентичности и обеспечивает большую целостность группы, но мешает аккультурации личности к новым реалиям. Так как этническая идентичность выступает комплексным понятием, включающим в себя множество аспектов бытия личности (гендерный, религиозный, эмоциональный, ценностный и т. д.), то интенсивность личностных изменений по каждому из параметров может отличаться [11, р. 25].

Методы исследования

В работе применены опросник Д. Берри для комплексного исследования аккультурации (переменная «воспринимаемая безопасность») [7], в котором безопасность дифференцируется на следующие компоненты: экономическая, культурная и физическая безопасность, и тест «Кто Я?»

М. Кун, Т. Макпартленд, модификация Т. В. Румянцевой [4]. Теоретико-методологическим основанием методики выступает идея об отражении доминирующей личной идентичности, социальных ролях и представлений о себе в категориях, используемых респондентами для само-описания.

В работе мы попытались исследовать образ Я и субъективное ощущение безопасности в динамике: на момент готовности к переезду, спустя 6 месяцев после переезда и через 1 год. Наша задача – выявить различия, возникающие в результате переезда из регионов с низкой этнической разнородностью (республики Татарстан, Башкортостан и Дагестан) в города с большой этнической разнородностью (Санкт-Петербург и Москва). Первоначальная гипотеза: переезд в этнически разнородные города влечет изменение представлений о себе, в частности, возрастает частота упоминания в самоописании этнической идентичности, а также изменяется субъективное ощущение «воспринимаемой безопасности» на каждом этапе адаптации. Исследование проводилось с ноября 2018-го по ноябрь 2019 года.

Первоначальная выборка состояла из 150 человек в возрасте от 18 до 25 лет (в основном студенты вузов и ССУЗов), проживающих на момент начала исследования в республиках Татарстан, Башкортостан и Дагестан. Критерием отбора участников было их стремление переехать в Москву и Санкт-Петербург. Отметим, что участники не просто мечтали о переезде, но предпринимали активные действия в этом направлении (рассматривали возможности продолжения учебы, искали работу в указанных городах, обсуждали с родственниками и знакомыми, проживающими в Москве и Санкт-Петербурге, свой переезд и т. д.). На первом этапе респонденты заполнили опросник Д. Берри для комплексного исследования аккультурации (переменная «воспринимаемая безопасность») и тест «Кто Я?» М. Куна, Т. Макпартленд.

Вторая часть исследования реализовалась спустя 6 месяцев. К этому моменту из 150 человек 106 респондентов переехали в указанные города. С ними было проведено повторное тестирование по указанным методикам. Третья часть исследования реализована спустя 12 месяцев после первого этапа и также состояла в повторном тестировании; участвовали 100 респондентов. Вторая и третья части эмпирического исследования проводились офлайн, дистанционно. Отдельно отметим, что имеющиеся в настоящее время данные показывают отсутствие статистически значимых различий между дистанционным и очным тестированием [8].

В обработке результатов теста «Кто Я?» М. Куна используемые респондентами категории были подвергнуты контент-анализу и последующему частотному анализу, что позволило определить наиболее частотные категории, используемые респондентами в самоописании. Распределение используемых категорий осуществлялось с помощью метода экспертных оценок. Состав экспертной комиссии: три психолога и два филолога.

Опросник Д. Берри для комплексного исследования аккультурации также был применен для определения различий в восприятии безопасности на разных этапах адаптации в этнически разнородной группе. Включение данной методики в исследовательскую программу призвано определить субъективное восприятие угрозы (безопасности) у приезжих. Мы полагаем, что ощущение «культурной угрозы» у респонден-

тов косвенно повышает вероятность межэтнических конфликтов, а также способствует расслоению на «своих» и «чужих». Обычно это сопровождается повышением частоты упоминания этнической (либо религиозной) идентичности по сравнению с другими. Проведено сравнение трех срезов с использованием t-критерия Стьюдента (статистическая значимость различий средних величин). Выборки независимые. Проверка на нормальность распределения осуществлялась с применением критериев асимметрии и эксцесса; значения асимметрии не более 3, а эксцесса не более 7 [9]. Обработка результатов проходила с применением SPSS Statistics 17.0.

Результаты и обсуждение

Ниже представлены результаты опросника Д. Берри для комплексного исследования аккультурации (переменная «воспринимаемая безопасность») (рис. 1).

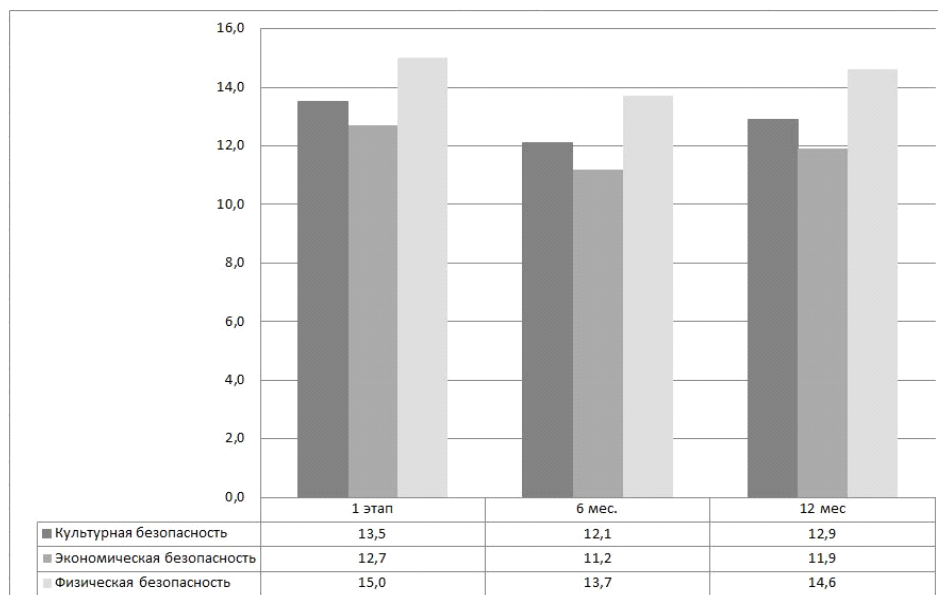

Рис. 1. Динамика восприятия безопасности в зависимости от периода проживания в регионе с высоким этническим разнообразием

Как следует из рисунка 1, заметен спад в срезе «через 6 месяцев» (чем ниже значение, тем выше ощущение угрозы). На этот период приходится повышенное ощущение угрозы и низкий уровень восприятия безопасности, что в целом является предсказуемым эффектом, так как смена региона проживания и необходимость налаживания новых социальных связей приводят к возрастанию тревоги и ощущению незащищенности (минимальные значения по фактору «экономическая безопасность»). Спустя год ощущение защищенности повышается, но не достигает первоначального уровня. При этом физически и культурно приезжие ощущают себя более защищенными, чем экономически; финансовые проблемы (поиск работы, аренда жилья) выходят на первый план. Это указывает на стремление к социальной адаптации и низкий уровень межэтнического напряжения.

Вторая используемая нами методика – «Кто Я?», авторы М. Кун, Т. Макпартленд (рис. 2).

Представленные на рисунке 2 результаты показывают, что переезд в регион с высоким этническим разнообразием усиливает, особенно на первоначальном этапе, этническую самоидентификацию (эти категории в самоописании становятся более частотными), но спустя 1 год важность категории «этнос» снижается. Характерным моментом является разнонаправленный процесс религиозной идентификации и этнической. Хотя регионы исхода – республики Татарстан, Башкортостан и Дагестан – традиционно ближе к исламу, взаимодействие с христианской и светской культурой не приводит к активизации религиозной идентичности (что мы фиксируем в случае этнической идентичности), т. е. религиозная идентичность обладает большей пластичностью и носит менее стабильный характер, чем этнос; связь религиозности и этничности в данной выборке слабая.

Низкая частота упоминаний этнической идентичности в самоописаниях и доминирование половозрастных, профессиональных категорий указывают на достаточно высокую интегрированность и встроенность выходцев из регионов в жизнь многонационального мегаполиса, что выступает одним из факторов профилактики межнациональных и религиозных конфликтов в РФ.

Значимые изменения с тенденцией к росту можно отследить по социальной, профессиональной, половозрастной и семейной идентичности. Изменения по этим шкалам связаны с возрастной выборкой участников исследования (18–25 лет): в этот период происходит активная социализация, многие респонденты не только переезжают в Москву и Петербург, поступают в учебные заведения, но и сталкиваются с необходимостью трудоустройства и решения финансовых вопросов. Опросник Д. Берри подтверждает, что экономическая безопасность видится достаточно важной для приезжих. Также у многих участников опроса возникают стабильные партнерские отношения, что повышает частоту упоминания категорий половозрастной и семейной идентичности.

Незначительная динамика отмечается в самооценке респондентов. Первые 6 месяцев мы наблюдаем рост положительной самооценки (очевидно, это связано с периодом «эйфории, триумфом» от переезда в крупный мегаполис), в дальнейшем этот аффект несколько снижается, и доминирует нейтральная самооценка. Ряд исследований показывает, что если в результатах доминируют негативные, отрицательные самооценки у национальных меньшинств, то это указывает на «ощущение небезопасности и вероятность дискриминации» [10], а следовательно, повышается вероятность межнациональных конфликтов. В нашем случае это выявлено не было, следовательно, можно говорить о низком уровне межэтнического напряжения в представленной выборке.

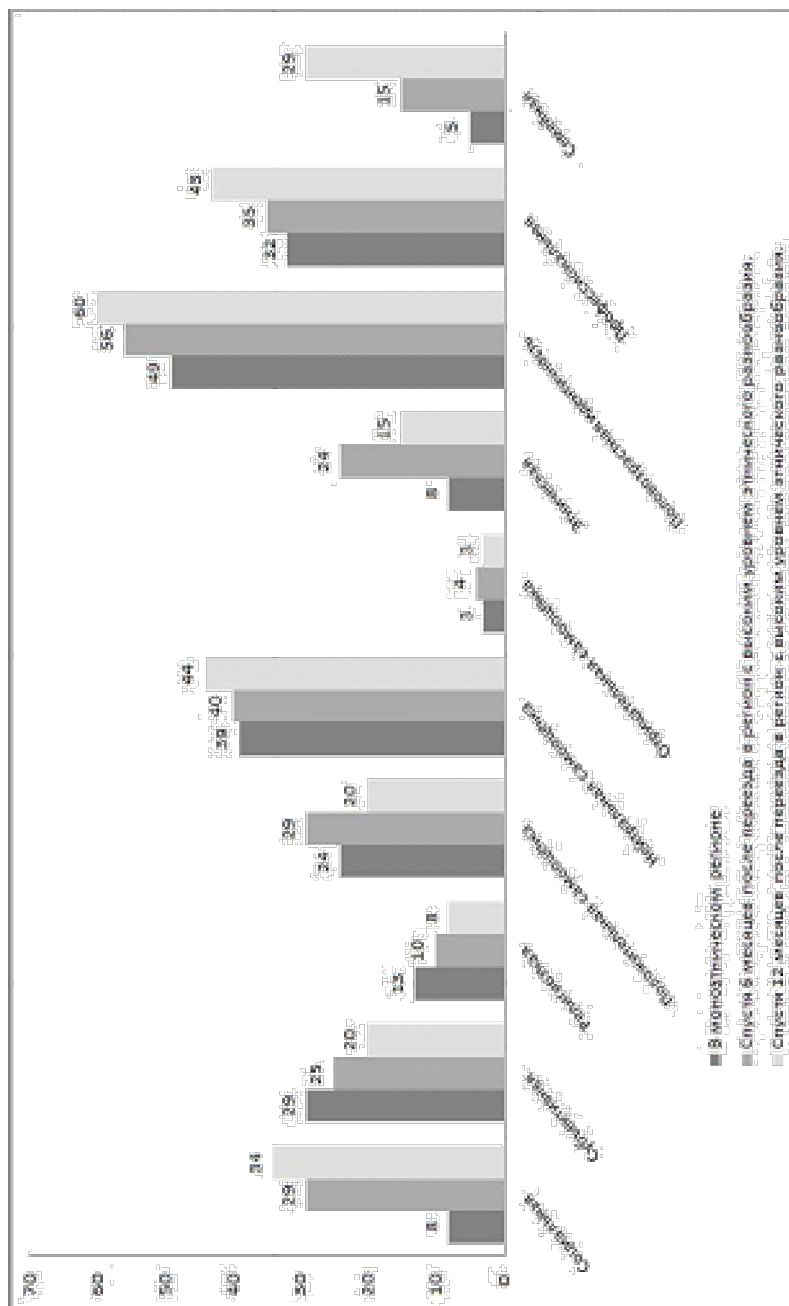

Рис. 2. Динамика образа Я у респондентов в зависимости от периода проживания в регионе с высоким этническим разнообразием (%)

Выводы

1. Субъективное восприятие безопасности и образ Я являются динамическими образованиями и трансформируются в зависимости от социальной ситуации, в которой оказывается индивид.

2. При переезде в города с высокой этнической разнородностью, для респондентов на первый план выходят задачи социальной адаптации, финансовой стабильности и встраивания в новый культурный контекст. Этническая принадлежность видится важной на начальном этапе адаптации, когда переживание своей инаковости ощущается особенно остро, но в дальнейшем ее значимость снижается.

3. Представленная в исследовании группа респондентов нацелена на адаптацию в многонациональном мегаполисе, важное место занимает социальная и личная реализация; выявленные личностные особенности указывают на низкую вероятность межэтнических конфликтов или религиозного экстремизма.

Информация об авторах

Валерий Сергеевич Агапов, доктор психологических наук, профессор, профессор кафедры общей психологии и психологии труда Российского нового университета (г. Москва, Россия).

Ольга Юрьевна Зотова, член-корреспондент РАО, доктор психологических наук, доцент, профессор кафедры общей и прикладной психологии Гуманитарного университета (г. Екатеринбург, Россия).

Сергей Владимирович Мостиков, соучредитель «Союза профессиональных психоаналитиков», магистр психологии, преподаватель факультета социальной психологии Гуманитарного университета (г. Екатеринбург, Россия).

Information about the authors

Valery S. Agapov, Dr. Sci. (Psychology), professor, professor at General Psychology and Labour Psychology chair, Russian New University, Moscow, Russia.

Olga Yu. Zotova, corresponding Member of the Russian Academy of Education, Dr. Sci. (Psychology), associate professor, professor at General and Applied Psychology chair, Liberal Arts University – University for Humanities, Yekaterinburg, Russia.

Sergey V. Mostikov, co-founder of “The Union of professional psychoanalysts”, Master’s degree in Psychology, lecturer at Social Psychology Faculty, Liberal Arts University – University for Humanities, Yekaterinburg, Russia.

Список литературы

1. Донцов А. И., Перельгина Е. Б. Проблемы безопасности коммуникативных стратегий // Вестник Московского университета. Серия 14 : Психология. 2011. № 4. С. 24–31.

2. Зинченко Ю. П., Зотова О. Ю. Эмиграционные намерения и безопасность личности // Национальный психологический журнал. 2013. № 2 (10). С. 17–24.

3. Рубинштейн С. Л. Основы общей психологии. СПб. : Питер, 2002. 594 с.

4. Румянцева Т. В. Психологическое консультирование: диагностика отношений в паре. СПб. : Речь, 2006. 176 с.

5. Теплов Б. М. Проблемы индивидуальных различий : избранные работы. М. : Изд-во Акад. пед. наук РСФСР, 1961. 536 с.

6. Урри Дж. Мобильности. М. : Праксис, 2012. 576 с.

7. Berry J. W. Mutual attitudes among immigrants and ethnocultural groups in Canada // International Journal of Intercultural Relations. 2006. № 30. P. 719–734.

8. Buffardi E. L., Reips U. D. Studying Migrants with the Help of the Internet: Methods from Psychology // Journal of Ethnic and Migration Studies. 2012. № 38. P. 1405–1424.

9. Byrne B. M. Structural equation modeling with AMOS: basic concepts, applications, and programming. N. Y. : Routledge Academic, 2009. 416 p.

10. Pushkin I., Veness T. The development of racial awareness and prejudice in children // *Psychology and race* / Ed. P. Watson. Harmondsworth : Penguin, 1973. P. 23–42.

11. Stephan W. G., Stephan C. W. An integrated Threat Theory of Prejudice // *Reducing prejudice and discrimination* / Ed. S. Oscamp. New Jersey, Mahwah : Lawrence Erlbaum associates, 2000. P. 23–44.

Статья поступила в редакцию: 22.10.2019

Принята к публикации: 25.11.2019

References

1. Dontsov AI, Perelygina EB. Problemy bezopasnosti kommunikativnykh strategii [Security problems of communication strategies]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 14. Psikhologiya = Moscow University Psychology Bulletin*. 2011;4: 24–31. (In Russ.).

2. Zinchenko YP, Zotova OY. Emigratsionnye namereniya i bezopasnost' lichnosti [An intent regarding possible emigration and personality security]. *Natsional'nyi psikhologicheskii zhurnal = National Psychological Journal*. 2013;2(10): 17–24. (In Russ.).

3. Rubinshtein SL. *Osnovy obshchei psikhologii [Fundamentals of General Psychology]*. Saint Petersburg: Piter; 2002. 594 p. (In Russ.).

4. Rumyantseva TV. *Psikhologicheskoe konsul'tirovanie: diagnostika ot-noshenii v pare [Counseling: diagnostics of relations within a couple]*. Saint Petersburg: Rech'; 2006. 176 p. (In Russ.).

5. Teplov BM. *Problemy individual'nykh razlichii: izbrannye raboty [The problems of individual differences: Collected works]*. Moscow: The RAP of the RSFSR Publ.; 1961. 536 p. (In Russ.).

6. Urry J. *Mobil'nosti [Mobilities]*. Moscow: Praxis; 2012. 576 p. (In Russ.).

7. Berry JW. Mutual attitudes among immigrants and ethnocultural groups in Canada. *International Journal of Intercultural Relations*. 2006;30: 719–734.

8. Buffardi EL, Reips UD. Studying Migrants with the Help of the Internet: Methods from Psychology. *Journal of Ethnic and Migration Studies*. 2012;38: 1405–1424.

9. Byrne BM. *Structural equation modeling with AMOS: basic concepts, applications, and programming*. New York: Routledge Academic; 2009. 416 p.

10. Pushkin I, Veness T. The development of racial awareness and prejudice in children. In: Watson P. (ed.) *Psychology and race*. Harmondsworth: Penguin; 1973. p. 23–42.

11. Stephan WG, Stephan CW. An integrated Threat Theory of Prejudice. In: Oscamp S. (ed.) *Reducing prejudice and discrimination*. New Jersey, Mahwah: Lawrence Erlbaum associates; 2000. p. 23–44.

Submitted 22.10.2019

Accepted 25.11.2019

DOI: 10.35853/LAU.WS.2019.SP02
УДК 159.923:351.74

Эмпирический анализ образа профессии и образа Я сотрудников полиции

Валерия Н. Дружинина,
Московский университет МВД России им. В. Я. Кикотя,
г. Москва, Россия
ORCID: 0000-0003-2354-4636, e-mail: Drusinina@rambler.ru

Аннотация. Одной из наиболее актуальных проблем современной психологии труда являются изучение и анализ образа профессии сотрудников органов внутренних дел. В настоящей статье рассматривается теоретический аспект психологического познания образа профессии и образа Я полицейского, на примере будущих сотрудников следственных подразделений Министерства внутренних дел Российской Федерации. Цель исследования заключается в эмпирическом обосновании психологических особенностей образа профессии и образа Я сотрудников полиции. Автором приводятся результаты эмпирического исследования, в выборке слушателей Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя. Были применены следующие методики: диагностика межличностных отношений (Т. Лири); контент-анализ сочинений «Я-полицейский»; шкала общей самооэффективности (Р. Шварц и М. Ерусалем); шкалы перфекционистской самопрезентации (П. Хьюитта, в адаптации А. А. Золотаревой). Для обработки полученных результатов и их статистического анализа использовались методы непараметрического U-критерия Манна–Уитни, который проводился с помощью системы SPSS for Windows v. 19. Доказано, что образ профессии и образ Я играют ведущую роль в регуляции поведения и служебной деятельности, развития личностно-профессиональных качеств сотрудников полиции. Результаты проведенного исследования впоследствии будут способствовать проведению корреляционного анализа компонентов образа профессии и образа Я, а также дальнейшей разработке авторской программы развития позитивного образа профессии и структуры Я-концепции сотрудников полиции.

Ключевые слова: образная сфера личности, служебная деятельность, образ профессии, образ Я, Я-концепция, образ сотрудника полиции.

Для цитирования: Дружинина В. Н. Эмпирический анализ образа профессии и образа Я сотрудников полиции // Благополучие и безопасность в условиях социальных трансформаций : сб. науч. тр. X Междунар. симпозиума (г. Екатеринбург, 9–10 июля 2019 г.) / ред. Е. Б. Перельгина, О. Ю. Зотова, А. В. Дроздова, Л. В. Тарасова. – Екатеринбург : Гуманитарный университет, 2019. – С. 28–35. – ISBN 978-5-7741-0376-8. – DOI: 10.35853/LAU.WS.2019.SP02.

© В. Н. Дружинина, 2019

The Empirical Analysis of the Profession Image and the Self Image of Police Officers

Valeriya N. Druzhinina,

Kikotya Moscow University of the Ministry of Internal Affairs
of the Russian Federation, Moscow, Russia
ORCID: 0000-0003-2354-4636, e-mail: Drusinina@rambler.ru

Abstract. One of the urgent challenges of contemporary labor psychology is studies into the image of internal affairs personnel occupation. The paper considered a theoretical aspect of psychological insight into the job image and the self-image of a policeman by the example of will-be investigative staff of the Ministry for Internal Affairs of the Russian Federation. The study aimed to empirically substantiate the psychological characteristics of the police officers' occupation and self-images. The sample comprised the trainees of Kikotya Moscow University of the RF Ministry of Internal Affairs. The methods involved included the Interpersonal Diagnosis of Personality designed by T. Leary; content-analysis of compositions on "I'm a policeman"; the Generalized Self-efficacy Scale by R. Schwarzer and M. Jerusalem; the Perfectionistic Self-Presentation Scale by P. Hewitt adapted by A. A. Zolotaryova. The author exploited the Mann-Whitney U-test to process and statistically analyze the results obtained. The findings showed that the images of occupation and the self play a leading role in regulating conduct and vocational activities, the development of personal and professional skills of police officers. The results of the study will enhance the correlation analysis on the components of the occupation and the self-images and further design of the authorial program for the development of a positive image of both the profession and the self within the self-conception of police personnel.

Keywords: image-based aspect of personality, professional activities, the image of occupation, the self-image, the self-conception, the image of a policeman.

For citation: Druzhinina V. N. The Empirical Analysis of the Profession Image and the Self Image of Police Officers. In: Perelygina EB, Zotova OYu, Drozdova AV, Tarasova LV. (eds.) *Wellbeing and Security in the Face of Social Transformations: Collection of academic papers from the 10th International Symposium (Yekaterinburg, July 9–10, 2019)*. Yekaterinburg: Liberal Arts University – University for Humanities; 2019. p. 28–35. Available from: doi:10.35853/LAU.WS.2019.SP02.

Введение

Актуальность настоящего исследования обусловлена потребностью органов внутренних дел в высококвалифицированных и компетентных сотрудниках полиции, так как образ профессии и образ Я полицейского влияют на их отношение к выполнению профессиональных обязанностей, его работоспособность в целом, а также его взаимодействие с гражданами. Взаимосвязанность обозначенных феноменов образует Я-концепцию сотрудников полиции, которая является определяющим регулятором служебной деятельности.

Одним из центральных положений современной психологии труда является проблема изучения образов профессии. В последнее время отечественные психологи всё чаще подходят к ее решению. Наиболее ярким представителем, рассматривающим данную проблему, является А. Н. Леонтьев, который писал: «...ощущение, восприятие, представления и вообще сознание человека принимаются за образ объективной реальности» [7, с. 195].

В ходе теоретического анализа научной литературы удалось выявить, что у понятия «образ профессии» отсутствует единое, общепри-

нятое определение. По мнению Е. А. Климова и Е. Ф. Платаша, под образом профессии понимается структурная упорядоченная конструкция личности, включающая в себя взаимосвязанные компоненты. С другой стороны, С. В. Зиброва и М. Н. Рыбникова рассматривают указанное понятие как некое структурное образование, которое формируется в процессе профессионального становления личности. Вместе с тем А. М. Сосновская и Н. В. Куберт понимают его как совокупность представлений человека о своей профессии в целом [8].

В настоящем исследовании под образом профессии сотрудников полиции мы будем понимать систему представлений личности об основополагающих звеньях служебной деятельности [3]. К основным компонентам образа профессии относятся идеальное представление сотрудников полиции, моделируемое в соответствии с мнением респондентов, и смысловые единицы личностно-профессиональных характеристик полицейских. Необходимо отметить, что наибольшие изменения образа профессии происходят в процессе получения профессионального образования [5].

В теории психологии существует несколько взглядов на понимание образа Я. Часть ученых соотносят его с понятием «Я-концепция» (К. Роджерс, И. С. Кон, Л. Н. Собчик, В. В. Столин и др.), а другие считают его самостоятельным элементом Я-концепции (Р. Бернс, И. В. Латыпов, В. С. Агапов), чему и мы будем следовать в данной статье. Например, В. С. Агапов в своих научных трудах придерживается позиции, что образ Я является одним из ядерных компонентов динамической многоуровневой системы Я-концепции личности [1].

В свою очередь образ Я будет рассматриваться нами как система представлений о себе, своих личностно-профессиональных качествах, сформировавшихся в процессе служебной деятельности сотрудника и по результатам взаимодействия с другими субъектами. По мнению Т. С. Блохиной, конструкция образа Я состоит из познавательного и аффективно-эмоционального компонентов [2]. С нашей точки зрения, основными компонентами данного образа является самооффективность и социальные ориентации (дружелюбие, альтруистичность, властьность, самодостаточность, агрессивность, подозрительность и подчиненность).

Исходя из обозначенных ранее проблемных вопросов, данная статья посвящена исследованию образа Я и образа профессии сотрудника полиции, на примере слушателей Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя.

Методы исследования

Цель исследования – выявить эмпирические особенности образа Я и образа профессии сотрудников полиции.

Задачи исследования:

1. Рассмотреть психологические характеристики образа профессии сотрудников полиции.
2. Раскрыть эмпирические характеристики образа Я сотрудников полиции.

В соответствии с целью и задачами исследования были выбраны следующие методики, которыми изучаются:

- образ профессии: методика диагностики межличностных отношений Т. Лири [9] для выявления основных социальных ориентаций, а именно для построения идеального образа профессии полицейского; контент-анализ сочинений «Я-полицейский», который необходим для определения основных специфических характеристик образа профессии сотрудника полиции;

- образ Я: русскоязычная версия общей шкалы самоэффективности Р. Шварцера и М. Ерусалема [10], при которой интерпретация результатов проводится на трех уровнях; русскоязычная версия шкалы перфекционистской самопрезентации П. Хьюитта в адаптации А. А. Золотаревой [4], включающая в себя шкалы: «демонстрация совершенства», призванная выявить позитивную самопрезентацию; «поведенческое непроявление несовершенства» и «вербальное непроявление несовершенства», отражающие тактику ухода.

Эмпирическую базу исследования составили 40 слушателей 5-го курса Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя.

Результаты и обсуждение

В ходе исследования образа профессии в первую очередь нами была применена методика Т. Лири [9]. С помощью средних значений всей группы нам удалось построить образ идеального сотрудника полиции (рисунок).

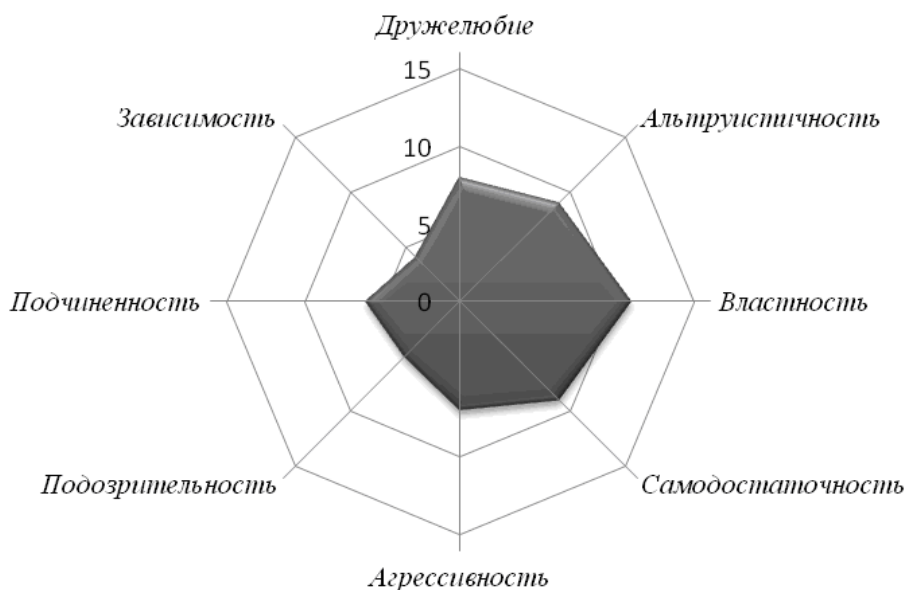

Рис. Образ идеального сотрудника полиции

При интерпретации результатов мы выяснили, что идеальный сотрудник должен быть достаточно властным (значение среднее = 11), самодостаточным (высокое значение = 9), в меру агрессивным (значение среднее = 7), относительно подозрительным (значение среднее = 5), умеющим подчиняться руководству (значение низкое = 6), независимым (значение низкое = 4), достаточно дружелюбным (значение среднее = 8), а также альтруистичным (значение высокое = 9). Выявленные показа-

тели соответствуют нормам, предусмотренным ключами к настоящей методике.

Далее обратимся к результатам контент-анализа сочинений на тему «Я-полицейский». В результате обработки полученных данных нами были выделены характеристики образа профессии сотрудника полиции. Проведенный анализ позволил выделить следующие смысловые единицы: знания о деятельности, необходимые для качественного исполнения служебных обязанностей (частота упоминания 29 раз); уважение к форме сотрудника полиции (частота упоминания 25 раз); направленность на саморазвитие личности (частота упоминания 21 раз); уровень социального статуса сотрудника (частота упоминания 17 раз).

Для исследования образа Я, в первую очередь нами была применена методика самооценки, цель которой заключается в выявлении ее уровня [6] (табл. 1).

Таблица 1
Уровни самооценки слушателей 5-го курса (в %)

Уровень	Мужчины (n = 20)	Женщины (n = 20)	Выборка (n = 40)
Низкий	5	15	10
Средний	65	55	60
Высокий	30	30	30

Полученные эмпирические данные говорят о том, что у большей части группы возникают сложности различной категории при выполнении служебных задач. Из чего следует, что слушатели обладают некоторыми знаниями и умениями, однако навыки еще недостаточно развиты для профессиональной деятельности. Исходя из этого, можем утверждать, что указанным респондентам необходимо совершенствовать профессионально важные качества, которые способствовали бы ускоренному и более качественному исполнению служебных обязанностей.

По результатам перфекционистской самопрезентации П. Хьюитта в адаптации А. А. Золотаревой [4] выявлен уровень каждой субшкалы: «Демонстрации совершенства» (далее П1), «Поведенческое не проявление несовершенства» (далее П2) и «Вербальное не проявление несовершенства» (далее П3), который был разделен по гендерному и групповому признакам. Впоследствии проведен непараметрический U-критерий Манна–Уитни (табл. 2).

Таблица 2
Показатели шкал перфекционистской самопрезентации (среднее значение)

Шкала	Мужчины (n = 20)	Женщины (n = 20)	Непараметрический критерий выборки		
			Uэмп	u _{кр}	Уровень значимости
Демонстрация совершенства (П1)	41,7	34,8	90,5	127	$p < 0,05$
Поведенческое не проявление несовершенства (П2)	38,25	34,9	144,5	127	$p > 0,05$
Вербальное не проявление несовершенства (П3)	23,05	22,1	199	127	$p > 0,05$

Проанализировав полученные различия на уровне статистической значимости с помощью U-критерия Манна–Уитни, мы можем констатировать, что показатели по первой шкале (демонстрация совершенства) статистически значимы. Данный факт свидетельствует о том, что слушатели мужского пола стремятся создать образ «наигранного» сотрудника полиции, пользуясь авторитетом в своем социальном окружении, профессионально компетентного и социально востребованного. По второй (поведенческое не проявление несовершенства) и третьей (вербальное не проявление несовершенства) шкалам различия между выборками мужчин и женщин статистически незначимы. Это свидетельствует об однородности выборок, так как респонденты-мужчины и респонденты-женщины практически одного возраста и находятся в одинаковом образовательно-профессиональном пространстве.

Заключение

Установлено, что современный полицейский должен быть требовательным, категоричным в суждениях и при этом умеющим ладить с окружающими людьми, способным к компромиссам и уверенным в себе, умеющим быстро принимать рациональные решения, а также готовым помочь всем, кто обратится к нему. Более того, обязательными элементами образа профессии являются: знания о служебной деятельности, необходимые для качественного исполнения своих обязанностей, уважение к форме сотрудника полиции, направленность на саморазвитие личности, высокий уровень социального статуса сотрудника.

Основные параметры образа Я, а именно самоэффективность и перфекционистская самопрезентация, в выборке слушателей имеют средние значения. Однако установлено, что поведенческое не проявление несовершенства зависит от пола: для женщин не столь важны, как для мужчин, доминирование в служебной деятельности и карьерный рост.

Полученные данные будут способствовать дальнейшему проведению опытно-экспериментальных исследований по изучаемой проблематике, а также разработке авторской программы психологического сопровождения процесса формирования положительного образа профессии и образа Я сотрудников полиции у выпускных курсов образовательных организаций МВД России.

Информация об авторе

Валерия Николаевна Дружинина, адъюнкт факультета подготовки научно-педагогических и научных кадров по кафедре юридической психологии УНК ПСД Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя (г. Москва, Россия).

Information about the author

Valeriya N. Druzhinina, Adjunct at Legal Psychology chair of the Faculty of Science and Teaching Staff Training, the Military University of the Ministry of Defense of the Russian Federation, Moscow, Russia.

Список литературы

1. Агапов В. С. Становление Я-концепции в управленческой деятельности руководителей. М. : Альтекс, 2012. 486 с.
2. Блохина Т. С. Соотношение понятий «Я-концепция» и «Образ Я» // Акмеология. 2017. № 3 (63). С. 23–28.

3. Дружинина В. Н. Психологическая структура образа профессии сотрудника органов внутренних дел // Образ современного полицейского : сборник материалов Междунар. науч.-теоретической конференции (г. Ростов-на-Дону, 29 марта 2019 г.) / отв. ред. В. Б. Рожковский. Ростов н/Д. : ФГКОУ ВО РЮИ МВД России, 2019. С. 106–112.

4. Золотарева А. А. Адаптация методики «Шкала перфекционистской самопрезентации» П. Хьюитта // Психологический журнал. 2011. Т. 32, № 6. С. 59–66.

5. Канюков Д. Н. Структура образа профессии и динамика ее изменения у студентов-психологов в процессе обучения // Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия «Психология». 2011. № 1 (9). С. 104–112.

6. Климчук В. А. Тренинг внутренней мотивации. СПб. : Речь, 2005. 76 с.

7. Леонтьев А. Н. Деятельность. Сознание. Личность. М. : Политиздат, 1975. 304 с.

8. Рыбникова М. Н. Индивидуально-типологические и социально-психологические факторы формирования образа профессии : автореф. дис. ... канд. психол. наук. М. : Московский гуманитарный университет, 2008. 26 с.

9. Собчик Л. Н. Диагностика межличностных отношений: Модифицированный вариант интерперсональной диагностики Т. Лири. М. : Б. и., 1990. 46 с.

10. Шварцер Р., Ерусалем М., Ромек В. Русская версия шкалы общей самооффективности Р. Шварцера и М. Ерусалема // Иностранная психология. 1996. № 7. С. 71–76.

Статья поступила в редакцию: 28.10.2019

Принята к публикации: 02.12.2019

References

1. Agapov VS. *Stanovlenie Ya-kontseptsii v upravlencheskoi deyatel'nosti rukovoditelei [The becoming of the self conception in managerial activities of leaders]*. Moscow: Al'teks; 2012. 486 p. (In Russ.).

2. Blokhina TS. Sootnoshenie ponyatii «Ya-kontseptsiya» i «Obraz Ya» [The Interrelationship between “Self-Conception” and “Self-Image” Concepts]. *Akmeologiya = Acmeology*. 2017;3(63): 23–28. (In Russ.).

3. Druzhinina VN. Psikhologicheskaya struktura obraza professii sotrudnika organov vnutrennikh del [The psychological structure of the image of the profession of internal affairs officers]. In: Rozhkovsky VB. (ed.) *Obraz sovremennogo politseiskogo [The image of the policeman]: a collection of reports of the International scientific theoretical conference (Rostov-on-Don, 29 March, 2019)*. Rostov-on-Don: Rostov Judicial Institute of the Ministry of Internal Affairs of the RF; 2019. p. 106–112. (In Russ.).

4. Zolotareva AA. Adaptatsiya metodiki «Shkala perfektsionistskoi samoprezentatsii» P. Kh'yuitta [Adaptation of P. Hewitt's “perfectionistic self-presentation scale”]. *Psikhologicheskii zhurnal = Psychological journal*. 2011;32(6): 59–66. (In Russ.).

5. Kanukov D. Struktura obraza professii i dinamika ee izmeneniya u studentov-psikhologov v protsesse obucheniya [The structure of an image of a trade and dynamics of its change of students-psychologists in the course of training]. *Vestnik Samarskoi gumanitarnoi akademii. Seriya «Psikhologiya» = Bulletin of Samara Academy for the Humanities. A series of “Psychology”*. 2011;1(9): 104–112. (In Russ.).

6. Klimchyuk VA. *Trening vnutrennei motivatsii [Internal motivation training]*. Saint Petersburg: Rech'; 2005. 76 p. (In Russ.).

7. Leontiev AN. *Deyatel'nost'. Soznanie. Lichnost' [Activity. Consciousness. Personality]*. Moscow : Politizdat; 1975. 304 p. (In Russ.).

8. Rybnikova MN. *Individual'no-tipologicheskie i sotsial'no-psikhologicheskie faktory formirovaniya obraza professii [The individual-typological*

and socio-psychological factors of the profession image formation]. Moscow: Moscow University for the Humanities; 2008. 26 p. (In Russ.).

9. Sobchik LN. *Diagnostika mezlichnostnykh otnoshenii: Modifitsirovannyi variant interpersonal'noi diagnostiki T. Liri [The diagnostic of interpersonal relationships: a modified variant of the Leary Interpersonal Diagnose of Personality: a methodological guide].* Moscow: no Publ. House; 1990. 46 p. (In Russ.).

10. Schwarzer R, Jerusalem M, Romek V. Russkaya versiya shkaly obshchei samoeffektivnosti R. Shvartsera i M. Erusalema [The Russian version of the General Self-Efficacy Scale by Schwarzer R. and Jerusalem M. scale]. *Inostrannaya psikhologiya = Foreign psychology.* 1996;7: 71–76. (In Russ.).

Submitted 28.10.2019

Accepted 02.12.2019

DOI: 10.35853/LAU.WS.2019.SP03
УДК 159.9:331.108.3

«Я-зеркальное» как фактор социально-психологической адаптации личности в организации

Александр М. Боднар¹,
ORCID: 0000-0003-2131-2698, e-mail: kk001127788@gmail.com

Эльвира Л. Боднар²,
ORCID: 0000-0002-2600-5446, e-mail: abodnar@rambler.ru

^{1,2} Уральский федеральный университет,
г. Екатеринбург, Россия.

Аннотация. В работе рассмотрено понятие «социально-психологическая адаптация» на фоне близких к нему понятий, связанные с ним феномены субъективного благополучия и дезадаптированности, а также объективные и субъективные факторы социально-психологической адаптации (СПА). Среди субъективных факторов СПА для рассмотрения выделен феномен Я-концепции личности, а конкретнее, его структурный компонент – Я-зеркальное. Я-зеркальное – неотъемлемая часть Я-концепции, продукт социального взаимодействия человека, формирующийся в процессе общения со значимыми другими, от которого зависит оценка и интерпретация того, как его видят другие. Но если факт влияния Я-концепции на благополучность СПА доказан множеством исследований, то роль в этом влиянии Я-зеркального не ясна, поскольку практически отсутствуют соответствующие исследования. **Методология.** Теоретико-методологическая основа исследования включает основные философско-психологические положения о феноменах адаптации, социально-психологической адаптации, Я-концепции за период их существования, начиная с У. Джемса. В эмпирической части работы применялись методики «Диагностика социально-психологической адаптации» К. Роджерса и Р. Даймонд и «Q-сортировка» (адаптация НИИ им. Бехтерева). В результате выявлены и проанализированы взаимосвязи показателей Я-зеркального и СПА с точки зрения успешности (благополучности) адаптации сотрудников в организации. Показано, что адаптивность личности повышается только с повышением одного параметра Я-зеркального – уверенности этой личности в том, что окружающие считают ее независимой; с фактором «возраст» коррелирует показатель СПА «внутренний контроль», а высокие показатели интернальности обеспечиваются группе присутствием более взрослых ее участников.

Ключевые слова: социально-психологическая адаптация, адаптивность, Я-зеркальное, Я-социальное, Я-концепция.

Для цитирования: Боднар А. М., Боднар Э. Л. «Я-зеркальное» как фактор социально-психологической адаптации личности в организации // Благополучие и безопасность в условиях социальных трансформаций : сб. науч. тр. X Междунар. симпозиума (г. Екатеринбург, 9–10 июля 2019 г.) / ред. Е. Б. Перельгина, О. Ю. Зотова, А. В. Дроздова, Л. В. Тарасова. – Екатеринбург : Гуманитарный университет, 2019. – С. 36–43. – ISBN 978-5-7741-0376-8. – DOI: 10.35853/LAU.WS.2019.SP03.

© А. М. Боднар, Э. Л. Боднар, 2019

Looking-Glass Self as a Factor of Socio-Psychological Adaptation of the Individual in an Organization

Aleksandr M. Bodnar¹,

ORCID: 0000-0003-2131-2698, e-mail: kk001127788@gmail.com

Elvira L. Bodnar²,

ORCID: 0000-0002-2600-5446, e-mail: abodnar@rambler.ru

^{1,2}Ural Federal University, Yekaterinburg, Russia

Abstract. The authors considered socio-psychological adaptation on the background of close concepts and wellbeing and maladjustment associated with it. The authors paid proper attention to the objective and subjective factors of SPA. Among subjective factors of SPA, they singled out the self-conception, in particular, its structural component – the looking glass self. This component is an integral part of the self-conception, a product of a person's social interaction shaped in contacts with significant others; a person's assessment and interpretations of how others see depend on it. But, while many researchers have proved the impact of the self-conception on SPA wellbeing the role of the looking glass self in this impact remains unclear due to little research in the field. Philosophical and psychological considerations about adaptation, SPA and the self-conception dating back to W. James laid the groundwork for the study. The methods used included the C. Rogers & R. Diamond SPA test and the W. Stephenson Q-sort technique (adapted by Bekhterev Research Institute). As a result, the interrelations of the looking-glass self and socio-psychological adaptation were revealed and analyzed from the perspective of success (smoothness) of adjustment of employees in the organization. One more finding was that personality adaptation increases with the rise of one only parameter of the looking glass self – a person's confidence that others see him as independent; the SPA indicator – internal control – correlates with the factor “age”, and elder participants of the group contribute to its high internality.

Keywords: socio-psychological adaptation (SPA), adaptivity, looking glass self, social self, self-conception.

For citation: Bodnar AM, Bodnar EL. Looking-Glass Self as a Factor of Socio-Psychological Adaptation of the Individual in an Organization. In: Perelygina EB, Zotova OYu, Drozdova AV, Tarasova LV. (eds.) *Wellbeing and Security in the Face of Social Transformations: Collection of academic papers from the 10th International Symposium (Yekaterinburg, July 9–10, 2019)*. Yekaterinburg: Liberal Arts University – University for Humanities; 2019. p. 36–43. Available from: doi:10.35853/LAU.WS.2019.SP03.

Введение

Социально-психологическая адаптация (СПА) – это феномен, благодаря которому человеку удается актуализировать свои потенциалы и при этом оставаться в гармонии с природой и социумом [1; 7]. Процессы адаптации происходят постоянно, так как постоянно изменяются и социальные условия нашего существования, и мы сами. Нормальная адаптация направлена на рост уровня адаптированности и приводит к устойчивой адаптивности личности в типичных проблемных ситуациях без патологических изменений ее структуры, а также без нарушения норм той социальной группы, в которой проявляется активность личности. Вопросы, связанные с ходом и исходом процесса СПА, широко освещаются в научной литературе [1; 10; 11; 13]. Тем не менее отмечается отсутствие единой концепции социально-психологической адаптации личности и ее теоретической модели [7]. Это затрудняет выработку диагностических критериев оценки СПА, адекватных

данному понятию, и объясняет нехватку пригодного диагностического инструментария. Так часто применяемая для диагностики социально-психологической адаптации методика К. Роджерса и Р. Даймонд разрабатывалась в рамках и для нужд гуманистической психотерапии и используется сегодня за ее пределами скорее от безысходности, чем как «правильный» инструмент.

Важной причиной отсутствия единой концепции СПА представляется наличие близких к нему понятий, таких как психофизиологическая, психологическая, профессиональная (производственная, трудовая) социальная адаптация. Однако знакомство с фундаментальными исследованиями проблемы адаптации [1; 7; 8; 11] показывает, что описание процессов и условий этих разновидностей адаптации включает в себя разные наборы факторов, общий список которых и образует пространство описания понятия «адаптация». При этом большинство авторов в качестве системообразующего фактора явно или неявно рассматривают социум, поскольку он опосредует характер протекания других аспектов адаптации, обеспечивая их неразрывную связь. Налицо тенденция рассматривать упомянутые выше виды адаптации в их совокупности как социально-психологическую адаптацию. Этой тенденции следует, например, А. А. Реан [11], используя этот термин.

Поскольку процесс адаптации направлен на рост уровня адаптированности, а высокая степень адаптированности, в свою очередь, является результатом и целью процесса адаптации, то важным качественным показателем процессов СПА может служить такой критерий, как эффективность (успешность, благополучность) адаптации. От чего же она зависит?

В настоящее время получены многочисленные данные о зависимости СПА от различных объективных и субъективных факторов. Как действуют объективные факторы (организационная культура, стиль руководства, специфика деятельности организации и др.), можно видеть на примере реализации образовательных программ, разработанных для граждан пожилого возраста с учетом особенностей и социально-психологических проблем этой возрастной группы [10].

К субъективным факторам (состояние здоровья, индивидуальные особенности внешности, ценностные ориентации и др.) относится и Я-концепция, которая, по Р. Бернсу, есть «...совокупность всех представлений индивида о себе, сопряженная с их оценкой. Описательную составляющую Я-концепции часто называют образом Я или картиной Я. Составляющую, связанную с отношением к себе или к отдельным своим качествам, называют самооценкой или принятием себя» [цит. по: 2, с. 55]. Анализируя состояние проблемы самооценки в зарубежной психологии, Л. В. Бороздина отмечает пристальный интерес к ней и тот факт, что западной культурой самооценка воспринимается в качестве важнейшего психологического ресурса человека, сравнимого по ценности с хорошим здоровьем и благосостоянием. Однако, одновременно с интересом и даже вопреки ему, она отмечает «поразительную концептуальную путаницу» относительно феномена самооценки в западной литературе. Сопоставляя фигурирующие там представления о самооценке, самоотношении и Я-концепции, Бороздина показывает, что самооценка не имеет самостоятельного статуса в структуре Я-концепции [2]. А это значит, что для теории такой психологический феномен не существует.

Отечественные психологические исследования при анализе самооценки исходят из явления совершенно иного масштаба и наполнения в сравнении с Я-концепцией – явления самосознания, частью которого является самооценка. В них показана относительная независимость самооценки как аспекта самосознания, ее несводимость к образу Я или к самоотношению. Если для ответа на вопрос, что такое образ Я, человек должен понять, чем он обладает, что есть в его распоряжении, то самооценка – это понимание ценности этого богатства для него, т. е. чего он стоит как личность.

Отсюда следует, что самооценка не просто важный, а, возможно, ключевой элемент самосознания, ибо от него зависит степень принятия человеком себя, его удовлетворенности собой, а значит, комфорт или дискомфорт его существования. При этом самооценка и самоотношение – достаточно самостоятельные сущности: человек может любить себя и при низкой самооценке каких-то важных качеств и, наоборот, не любить, притом что его самооценка высока [2].

Итак, самооценка, образ Я и Я-концепция – это теоретически разные элементы самосознания, и их нельзя смешивать. Однако в онтологии они слиты и практической психологией не различаются. Практические психологи следуют пониманию самооценки и Я-концепции, отраженному в вышеприведенной цитате Л. В. Бороздиной из Бернса, и изучают их с помощью методик, впервые созданных в 50-х годах XX века (далее эти методики постоянно модифицировались). Именно тогда в рамках гуманистической психологии возникло понятие Я-концепции.

Исследования связи Я-концепции и СПА проводились, но если факт связи Я-концепции и благополучности СПА доказан [4; 12], то связью СПА кадров в организации и их Я-зеркального никто специально не занимался, поэтому связь показателей СПА и показателей Я-зеркального мы сделали предметом нашего исследования. Цель исследования: выявить взаимосвязи показателей Я-зеркального и СПА с точки зрения успешности (благополучности) адаптации сотрудников в организации.

Мы предположили, что чем более выражены показатели Я-зеркального («зависимость», «независимость», «общительность», «необщительность», «принятие борьбы», «избегание борьбы»), тем выше адаптивность личности.

Методы исследования

Теоретико-методологическая основа исследования включает основные философско-психологические положения о феноменах адаптации, социально-психологической адаптации, Я-концепции за период их существования, начиная с У. Джемса. В эмпирической части работы применялись методики «Диагностика социально-психологической адаптации» К. Роджерса и Р. Даймонд [9] и «Самооценки личности» в варианте опросника, разработанного НИИ им. Бехтерева [5]. По этим методикам были обследованы работники торгово-производственной компании в количестве 40 человек (22 женщины и 18 мужчин в возрасте от 25 до 58 лет). Из них имеют высшее образование 29 человек, среднее и среднее специальное – 11 человек.

Методика Роджерса–Даймонд выявляет степень адаптивности/дезадаптивности в системе межличностных отношений и в качестве предпосылок для дезадаптации предполагает низкий уровень самопринятия, низкий уровень приятия других (конфронтация с ними), эмоциональный дискомфорт (может выражаться по-разному и быть разным по происхождению), сильную зависимость от других, стремление к доминированию. Результаты опроса анализируются по интегральным показателям: адаптации, самопринятию, приятию других, эмоциональному комфорту, интернальности, стремлению к доминированию.

Методика «Самооценка личности» позволяет изучать уровень выраженности отдельных факторов самооценки. Прототип этой методики появился как ответ на потребность гуманистической психотерапии в инструменте, с помощью которого может быть обнаружена реально существующая Я-концепция человека. Попытка операционализировать конструкт «Я-концепция» была предпринята Стефенсоном, предложившим в 1958 году методику «Q-сортировка». Эта методика используется для изучения Я-концепции на основании анализа шести основных тенденций поведения в группе: зависимости и независимости, общительности и необщительности, принятия «борьбы» и избегания «борьбы» [6]. Выявляются показатели Я-актуального (какой я в разных ситуациях), Я-идеального (каким бы я хотел быть), Я-зеркального (каким меня видят другие).

Теория Я-зеркального разработана Ч. Кули [14] на основании идей У. Джемса о социальном Я. Джемс считал, что у человека может быть множество «социальных Я» – по количеству значимых для него людей или социальных групп. Понятие «Я-зеркальное» Кули предложил для обозначения знакомого каждому из нас чувства, возникающего при контакте с другим, в особенности значимым для нас человеком, аналоге тому, что мы испытываем, когда смотримся в зеркало. Значимые другие, их реакции, мнения, поступки – это наше общественное «зеркало». «Подобно тому как мы бываем заинтересованы своим отражением в зеркале, довольны или не довольны собой, так и в воображении мы рисуем себе, что другие люди думают о нашей внешности, манерах, намерениях, делах, характере, друзьях и т. д.» [цит. по: 3, с. 84]. Таким образом, Я-зеркальное – это продукт социального взаимодействия человека, формирующийся в процессе общения со значимыми другими, от которого зависит оценка и интерпретация того, как его видят другие. Очевидно, что Я-зеркальное – это то же Я-социальное, только более удобное для понимания и интерпретации понятие.

Методика «Q-сортировка» в исходном виде – тонкий, но недостаточно технологичный для групповых исследований инструмент. Поэтому для решения проблемы измерения Я-концепции и ее компонентов, в частности самооценки, тогда же, в 50-х годах XX века, началась разработка опросников [6, с. 276–278]. Для измерения Я-зеркального наших испытуемых мы воспользовались опросником, разработанным в психоневрологическом институте им. В. М. Бехтерева и являющимся адаптацией методики «Q-сортировка».

Результаты и обсуждение

На рисунке представлены средние значения интегральных показателей СПА изучаемой группы.

Авторы методики указывают, что если интегральный показатель выражен более чем на 60 %, то это означает его высокий уровень, от 40 до 60 % – средний уровень. Мы видим, что только один показатель – стремление к доминированию – не достигает высокого уровня, т. е. группа в целом удачно вписывается в существующие производственные условия, ее социально-психологическое самочувствие – благополучное. Что же его обеспечило? Конечно, в наши цели не входил поиск глобального ответа на этот вопрос, нашей целью был поиск вклада в адаптацию параметров Я-зеркального, измеренного с помощью модифицированной Q-сортировки.

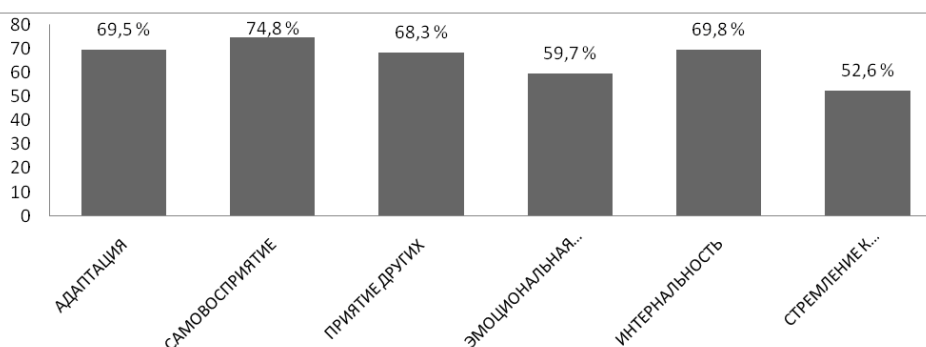

Рис. Средние значения интегральных показателей
«Методики диагностики СПА К. Роджерса и Р. Даймонд» ($n = 40$), %

Поскольку принято рассматривать основные показатели исследования в связи с такими объективными факторами, как пол, возраст и образование, мы прокоррелировали показатель адаптивности с этими факторами и выявили отсутствие между ними статистически значимых связей. Однако рассмотрение корреляционных плеяд показало, что с фактором «возраст» коррелирует показатель СПА «внутренний контроль»: обнаружена положительная достоверная связь ($r_s = 0,326$, $p \leq 0,05$). То есть с возрастом внутренний локус контроля увеличивается, развивается интернальность. Напомним, что «интернальность» в целом по группе находится на высоком уровне. К этому можно добавить, что высокие показатели «интернальности», скорее всего, обеспечиваются группе за счет более взрослых ее участников.

Коррелирование показателей Я-зеркального («зависимость», «независимость», «общительность», «необщительность», «принятие борьбы», «избегание борьбы») с наиболее информативным параметром СПА «Адаптивность» показало, что связь прослеживается по двум показателям ($p \leq 0,05$): «зависимость» $r_s = -0,39$; «независимость» $r_s = 0,52$.

Заключение

В результате эмпирического исследования гипотеза о том, что чем более выражены показатели Я-зеркального, тем выше адаптивность личности, нашла свое подтверждение лишь в отношении показателя «независимость», т. е. адаптивность личности повышается только с повышением одного параметра Я-зеркального – уверенности этой личности в том, что окружающие считают ее независимой.

Информация об авторах

Боднар Александр Михайлович, кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры общей и социальной психологии Уральского федерального университета (г. Екатеринбург, Россия).

Боднар Эльвира Львовна, кандидат психологических наук, доцент, доцент кафедры общей и социальной психологии Уральского федерального университета (г. Екатеринбург, Россия).

Information about the authors

Aleksandr M. Bodnar, Cand. Sci. (Pedagogy), Assoc. Prof., associate professor at General and Applied psychology chair, Ural Federal University, Yekaterinburg, Russia.

Elvira L. Bodnar, Cand. Sci. (Psychology), Assoc. Prof., associate professor at General and Applied psychology chair, Ural Federal University, Yekaterinburg, Russia.

Список литературы

1. Березин Ф. Б. Психическая и психофизиологическая адаптация человека. Л. : Наука, 1988. 207 с.
2. Бороздина Л. В. Сущность самооценки и ее соотношение с Я-концепцией // Вестник Московского университета. 2011. № 1. С. 54–65.
3. Горшков Е. А. Интеракционистский подход Ч. Х. Кули к определению предмета и метода социальной психологии // Приволжский научный вестник. 2014. № 11-2 (39). С. 80–85.
4. Дворцова Е. В., Дружилов С. А. Профессиональная «Я-концепция» и концептуальная модель деятельности // Ананьевские чтения-2001: Образование и психология : тезисы науч.-практ. конф. / под ред. А. А. Крылова, В. А. Якунина. СПб. : Изд-во С.-Петербургского гос. ун-та, 2001. С. 264–266.
5. Карелин А. А. Большая энциклопедия психологических тестов. М. : Эксмо, 2007. 416 с.
6. Купер К. Индивидуальные различия. М. : Аспект Пресс, 2000. 527 с.
7. Ларионова С. А. Социально-психологическая адаптация личности: теоретическая модель и диагностика. М. : РГБ, 2003. 200 с.
8. Налчаджян А. А. Психологическая адаптация: механизмы и стратегия. М. : Эксмо, 2010. 368 с.
9. Осницкий А. К. Определение характеристик социальной адаптации // Психология и школа. 2004. № 1. С. 43–56.
10. Потрикеева О. Л., Супруненко Г. А. Образование пожилых людей как средство их социальной адаптации // Дискуссия. 2017. № 6 (80). С. 111–115.
11. Реан А. А., Кудашев А. Р., Баранов А. А. Психология адаптации личности. Анализ. Теория. Практика. СПб. : Прайм-Еврознак, 2008. 479 с.
12. Фролов А. А. Исследование взаимосвязи видов самооценки и уровней правового самосознания личности сотрудников правоохранительных органов // Человек. Сообщество. Управление. 2016. Т. 17, № 2. С. 26–36.
13. Хаустова А. И. Социально-психологическая адаптация // Молодой ученый. 2016. № 26. С. 614–617.
14. Cooley C. H. Human Nature and the Social Order. N. Y. : Charles Scribner's Sons, 1922. 460 p.

Статья поступила в редакцию: 18.10.2019

Принята к публикации: 29.11.2019

References

1. Berezin FB. *Psikhicheskaya i psikhofiziologicheskaya adaptatsiya cheloveka [Psychological and Psycho-physiological adaptation of man]*. Leningrad: Nauka; 1988. 207 p. (In Russ.).
2. Borozdina LV. Sushchnost' samoosenki i ee sootnoshenie s Ya-kontseptsiei [The essence of "samoosenka" and how it is related with the self-concept]. *Vestnik Moskovskogo universiteta = Moscow University Bulletin (Vestnik)*. 2011;1: 54–65. (In Russ.).

3. Gorshkov EA. Interaktsionistskii podkhod Ch. Kh. Kuli k opredeleniyu predmeta i metoda sotsial'noi psikhologii [Interactionist Approach of C. H. Cooley to the Subject and Method of Social Psychology]. *Privolzhskii nauchnyi vestnik = The Volga Research Bulletin*. 2014;11-2(39): 80–85. (In Russ.).
4. Dvortsova EV, Druzhilov SA. Professional'naya «Ya-kontseptsiya» i konseptual'naya model' deyatelnosti [The vocational self-conception and a conceptual model of activity]. In: Krylov AA, Yakunin VA. (eds.) *Anan'evskie chteniya-2001: Obrazovanie i psikhologiya [The Ananiev's Readings – 2001: Education and Psychology]: theses of scientific and practical conference*. Saint Petersburg: The Saint Petersburg State University Publishing House; 2001. p. 264–266. (In Russ.).
5. Karelin AA. *Bol'shaya entsiklopediya psikhologicheskikh testov [The Big encyclopedia of psychological tests]*. Moscow: Eksmo; 2007. 416 p. (In Russ.).
6. Cooper C. *Individual'nye razlichiya [Individual differences and Personality]*. Moscow: Aspekt-press; 2000. 527 p. (In Russ.).
7. Larionova SA. *Sotsial'no-psikhologicheskaya adaptatsiya lichnosti: teoreticheskaya model' i diagnostika [The socio-psychological adaptation of personality: a theoretical model and diagnostic]*. Moscow: the RSL; 2003. 200 p. (In Russ.).
8. Nalchadzhani AA. *Psikhologicheskaya adaptatsiya: mekhanizmy i strategiya [Psychological adjustment: mechanisms and a strategy]*. Moscow: Eksmo; 2010. 368 p. (In Russ.).
9. Osnitsky AK. Opredelenie kharakteristik sotsial'noi adaptatsii [The identification of social adaptation's characteristics]. *Psikhologiya i shkola = Psychology and school*. 2004;1: 43–56. (In Russ.).
10. Potrikeyeva OL, Suprunenko GA. Obrazovanie pozhilykh lyudei kak sredstvo ikh sotsial'noi adaptatsii [Education of Elderly People as a Mean of Their Social Adaptation]. *Diskussiya = Discussion*. 2017;6(80): 111–115. (In Russ.).
11. Rean AA, Kudashev AP, Baranov AA. *Psikhologiya adaptatsii lichnosti. Analiz. Teoriya. Praktika [The psychological adaptation of personality. Analysis. Theory. Practice]*. Saint Petersburg: Praim-Evroznak; 2008. 479 p. (In Russ.).
12. Frolov AA. Issledovanie vzaimosvyazi vidov samootsenki i urovnei pravovogo samosoznaniya lichnosti sotrudnikov pravookhranitel'nykh organov [The research of interrelation between types of self-esteem and levels of legal consciousness of law enforcement officers]. *Chelovek. Soobshchestvo. Upravlenie = Human. Community. Management*. 2016;17(2): 26–36. (In Russ.).
13. Khaustova AI. Sotsial'no-psikhologicheskaya adaptatsiya [Socio-psychological adaptation]. *Molodoi uchenyi = Young Scientist*. 2016;26: 614–617. (In Russ.).
14. Cooley CH. *Human Nature and the Social Order*. New York: Charles Scribner's Sons; 1922. 460 p.

Submitted 18.10.2019

Accepted 29.11.2019

DOI: 10.35853/LAU.WS.2019.SP04
УДК 159.947.2:17.023.34

Ответственность как предиктор эмоционально-личностного благополучия

Лариса В. Карапетян,

Уральский федеральный университет им. первого
Президента России Б. Н. Ельцина;
Уральский филиал Центра экстренной психологической помощи МЧС России,
г. Екатеринбург, Россия
ORCID: 0000-0002-3209-2750, e-mail: karapetyanl@mail.ru

Аннотация. Ответственность как личностное качество играет важную роль при выполнении любого вида деятельности. Ученые связывают ответственность с надежностью профессионала, его успешностью, способностью к развитию и самоактуализации. Вместе с тем в науке имеются данные о таких деструктивных последствиях ответственности, как профессиональное выгорание, профессиональные деформации и деструкции, стресс, прокрастинация. Цель исследования: определение влияния ответственности на эмоционально-личностное благополучие. Под эмоционально-личностным благополучием понимается состояние гармонии между внутренним и внешним миром, возникающее в процессе жизни, деятельности и общения человека. Для достижения цели использовались исследовательская методика изучения ответственности в разных сферах ее проявления, а также методика изучения самооценки эмоционально-личностного благополучия (СЭЛБ). Исследование показало, что ответственность имеет ряд социально-демографических предикторов, таких как пол (мужчины в большей степени склонны брать ответственность за достигнутые успехи), возраст (чем моложе респонденты, тем более выражена готовность принимать ответственность на себя), профессиональная принадлежность (наиболее высоко оценивают свою ответственность психологи, врачи и представители МВД). Выявлено, что все сферы проявления ответственности связаны с эмоционально-личностным благополучием. В статье приводятся результаты исследования, доказывающие, что респонденты с низкой степенью ответственности склонны к переживанию эмоционально-личностного неблагополучия, тогда как высокая степень ответственности предрасполагает к переживанию эмоционально-личностного благополучия.

Ключевые слова: ответственность, внутреннее благополучие, эмоционально-личностное благополучие.

Для цитирования: Карапетян Л. В. Ответственность как предиктор эмоционально-личностного благополучия // Благополучие и безопасность в условиях социальных трансформаций : сб. науч. тр. X Междунар. симпозиума (г. Екатеринбург, 9–10 июля 2019 г.) / ред. Е. Б. Перельгина, О. Ю. Зотова, А. В. Дроздова, Л. В. Тарасова. – Екатеринбург : Гуманитарный университет, 2019. – С. 44–53. – ISBN 978-5-7741-0376-8. – DOI: 10.35853/LAU.WS.2019.SP04.

© Л. В. Карапетян, 2019

Responsibility as a Predictor of Emotional and Personal Wellbeing

Larisa V. Karapetyan,

Ural Federal University after the First Russian President B. N. Eltsin;
Ural branch of Emergency Psychological Assistance Centre, EMERCOM of Russia,
Yekaterinburg, Russia
ORCID: 0000-0002-3209-2750, e-mail: karapetyanl@mail.ru

Abstract. Responsibility as a personal trait plays an important role in performing any activity. Scholars relate responsibility to the reliability of a pro, his success, ability to develop and self-actualize. However, there exists solid academic evidence of such destructive consequences of responsibility as professional burnout, occupational deformations, stress, and procrastination. The study aimed to define the impact of responsibility on emotional and personal wellbeing. The author treats this state as harmony between inner and outer worlds in all spheres of human life. The study methods included research methodology to examine responsibility and the authorial Self-Assessment of Emotional and Personal Wellbeing (SEPW) scale. According to the results, responsibility has several socio-demographic predictors: gender – men are more likely to assume responsibility for the success; age – the younger the respondents, the more intense their readiness to take responsibility; occupation – psychologists, doctors, and internal affairs officers appreciate their responsibilities and duties more than other professionals. All manifestations of responsibility are associated with emotional and personal wellbeing. Another finding was that a person with a low level of responsibility tends to experience emotional and individual ill-being, while people with a high level of responsibility are prone to sensing emotional and personal wellbeing.

Keywords: responsibility, inner wellbeing, emotional and personal wellbeing.

For citation: Karapetyan LV. Responsibility as a Predictor of Emotional and Personal Wellbeing. In: Perelygina EB, Zotova OYu, Drozdova AV, Tarasova LV. (eds.) *Wellbeing and Security in the Face of Social Transformations: Collection of academic papers from the 10th International Symposium (Yekaterinburg, July 9–10, 2019)*. Yekaterinburg: Liberal Arts University – University for Humanities; 2019. p. 44–53. Available from: doi:10.35853/LAU.WS.2019.SP04.

Введение

Происходящие в мире социально-экономические, политические, производственно-технические и иные изменения предъявляют к специалистам всех отраслей народного хозяйства всё новые требования. В их числе – готовность сотрудников брать на себя ответственность за процесс и результаты труда, как собственного, так и коллективного. Это привело к усилению в науке интереса к изучению феномена ответственности. Ведь именно ответственность, являясь одним из базовых социально ценных и значимых качеств личности, показателем зрелости, определяет эффективность всех сфер жизнедеятельности человека и обеспечивает прочную платформу социальных отношений. Однако открытым остается вопрос: как влияет ответственность на психологическое здоровье человека, в частности, на его внутренне благополучие?

Разработка феномена благополучия корнями уходит в философию (Аристотель, Гераклит, Демокрит, Платон, Эпикур, Бэкон, Гоббс, Декарт, Спиноза, Гегель и др.). Современные философы также задумываются над тем, что такое ответственность, какова ее причинная обу-

словленность (Х. Йонас, Р. И. Косолапов, В. С. Марков, А. Г. Спиркин, А. П. Ореховский, А. Ф. Плахотный, С. И. Дмитриева, П. В. Алексеев, А. В. Панин и др.). Широкое распространение изучение ответственности получило в педагогике (В. А. Сухомлинский, А. С. Макаренко, Ш. А. Амонашвили). Особое внимание в данной отрасли науки уделяется поиску возможностей формирования ответственности (В. А. Баранова, Л. А. Барановская, Т. Н. Дегтярева, Н. А. Минкина и др.). Помимо педагогов, психологи также озадачены проблемой формирования и воспитания ответственности (Л. И. Божович, З. Н. Борисова, В. А. Горбачева, Л. И. Дементий, И. А. Зимняя, К. А. Климова, И. М. Пушкина, Н. И. Сидорова, Л. С. Славина и др.). Однако проблемное поле феномена ответственности в психологии гораздо шире, масштабнее. Фактология понятия «ответственность» представлена в трудах С. В. Быкова, К. Муздыбаева. Вызывают интерес работы, посвященные рассмотрению ответственности как личностного предиктора. По данным психологических исследований, ответственность является предиктором успешности (Л. И. Дементий), рефлексии (Т. Ф. Ушева), личностной зрелости (Л. Л. Скворцова), профессиональной надежности (О. Л. Осадчук), исполнительности и дисциплинированности (В. П. Прядеин). Психологи, называя ответственность «качеством высшего порядка» [15], пытаются определить ее место в ряду морально-волевых, этических, нравственных черт, при этом подчеркивается взаимосвязь ответственности с такими качествами личности, как самостоятельность, честность, справедливость, принципиальность, чувство долга, следование нормам своего социума, требовательность к себе (К. А. Альбуханова-Славская, Л. И. Дементий, Н. В. Кузнецова, К. Муздыбаев, В. П. Прядеин и др.). Есть исследования, посвященные изучению особенностей ответственности у представителей разных профессиональных групп: педагогов (Э. Ф. Зеер, Э. Э. Сыманюк, Е. И. Алферова, Н. В. Кузьмина и др.) руководителей (Э. Э. Сыманюк), военных (Н. Н. Семененко), спортсменов (А. А. Тащиян, И. И. Калаушина), юристов (А. Г. Перлин), врачей (О. В. Сысоева). Не остался без внимания ученых возрастной аспект исследования ответственности [10; 13].

При этом ответственность рассматривается в психологии как целостная структура, включающая совокупность взаимосвязанных компонентов, и описывается через эмоционально-волевой, мотивационный, когнитивный и поведенческий компоненты. Эмоционально-волевой компонент включает в себя проявление волевых усилий при достижении поставленных целей, эмоциональную стабильность при возникновении затруднений, наличие чувства долга, стремления выполнять взятые на себя обязательства [2, с. 603]. Мотивационный компонент ответственности выполняет функции оценки, контроля и регуляции деятельности [14, с. 157]. Поведенческий компонент ответственности, включая в себя выполнение обязанностей, доведение начатого до конца, отчет за полученные результаты, определяет выбор стратегии поведения [12, с. 51–54]. Сущность когнитивного компонента ответственности проявляется в понимании, осознании и учете последствий деятельности по критериям ее необходимости и эффективности [4, с. 15].

Таким образом, в многочисленных исследованиях ответственность описывается как значимое, ценное качество личности профессионала. Однако высказывается мнение, что высокая степень ответственности

может иметь и негативные последствия, в частности, такие, как одиночество: «Развитая ответственность связана с осознанием своей независимости, самостоятельности, иногда даже своего одиночества» [1, с. 82]. Имеются результаты исследований, свидетельствующие о том, что высокий уровень сформированности ответственности приводит к таким деструктивным последствиям, как развитие синдрома эмоционального выгорания [5], профессиональная деформация личности [11], стресс [7], прокрастинация [8], появление чувства вины и стыда [9], утрата психологической безопасности [16], что, безусловно, негативно влияет на психологическое здоровье человека, а также внутреннее переживание состояния благополучия/неблагополучия, которое Л. В. Карапетян и Г. А. Глотова предложили обозначать термином «внутреннее благополучие» [3, с. 58]. Термин «внутреннее благополучие» предлагается использовать в качестве обобщающего для конструктов, широко представленных в психологии, таких как «субъективное благополучие», «психологическое благополучие», «личностное благополучие», «эмоциональное благополучие» и др. Одним из проявлений внутреннего благополучия является эмоционально-личностное благополучие, под которым мы понимаем целостное экзистенциальное переживание состояния гармонии между внутренним и внешним миром, возникающее в процессе жизни, деятельности и общения человека [3, с. 102].

Целью нашей работы является рассмотрение ответственности в качестве предиктора такого состояния, как эмоционально-личностное благополучие.

Методы исследования

Анализ работ отечественных и зарубежных авторов показал, что репертуар методик, применяемых для исследования ответственности, весьма ограничен. Изучение ответственности проводится на основании результатов шкал многофакторных личностных вопросников: шкалы социальной ответственности в Миннесотском многофакторном личностном опроснике (ММРП), фактора G в опроснике Р. Кеттела. Выводы о сформированности ответственности многие авторы делают, опираясь на данные, полученные по методике УСК (уровень субъективного контроля). Многочисленные особенности личности, связанные с ответственностью, раскрываются при исследовании интернальности. Исследователями используются также шкала ответственности Гоу и шкала социальной ответственности Л. Берковица и К. Луттермана [6]. При изучении данного феномена подчеркивается ситуативность его проявления, однако применяемые методики не позволяют исследовать ответственность как качество, проявляющееся в разных сферах жизнедеятельности человека. Мы полагаем, что ответственность целесообразно рассматривать не только как структурное образование, но и как интегративный феномен, связанный с ситуационным контекстом. Этот тезис и лег в основу исследовательской методики по изучению ответственности, при проведении которой испытуемому предлагалось оценить, в какой степени ответственность лежит на нем, а в какой – на обстоятельствах (других людях и др.). Оценка ответственности проводилась по 7 шкалам: А – жизнь в целом; В – достижения; С – неудачи; D – профессиональная сфера; Е – семья; F – социальные отношения, G – здоровье. Максимальная оценка – 100 %.

Эмоционально-личностное благополучие оценивалось по методике СЭЛБ [3, с. 106].

Выборку исследования составили 1 348 человек, представителей различных профессиональных категорий (врачи, сотрудники МВД, ИТР, рабочие, педагоги, психологи, работники сферы услуг), трудоспособного возраста (от 18 до 60 лет), из них 963 женщины и 385 мужчин.

Для статистической обработки полученных данных применялись двухшаговый кластерный анализ, корреляционный анализ (коэффициент Спирмена), сравнительный анализ (критерий Колмогорова–Смирнова) и анализ соответствий.

Результаты и обсуждение

Корреляционный анализ показал взаимосвязь ответственности с рядом социально-демографических показателей. Так, мужчины в большей степени, чем женщины, склонны приписывать себе ответственность за достижения ($r = 0,06$ при $p \leq 0,05$). Возраст также влияет на принятие ответственности. Чем моложе респонденты, тем больше они ощущают свою ответственность за жизнь в целом ($r = -0,16$ при $p \leq 0,001$), собственные достижения ($r = -0,24$ при $p \leq 0,001$), неудачи ($r = -0,15$ при $p \leq 0,001$), за происходящее на работе ($r = -0,06$ при $p \leq 0,05$).

Рассмотрим, различаются ли представители профессиональных категорий по степени ответственности (рисунок). В основу сравнения было положено среднее значение оценок по 7 шкалам методики: $(A + B + C + D + E + F + G) / 7$.

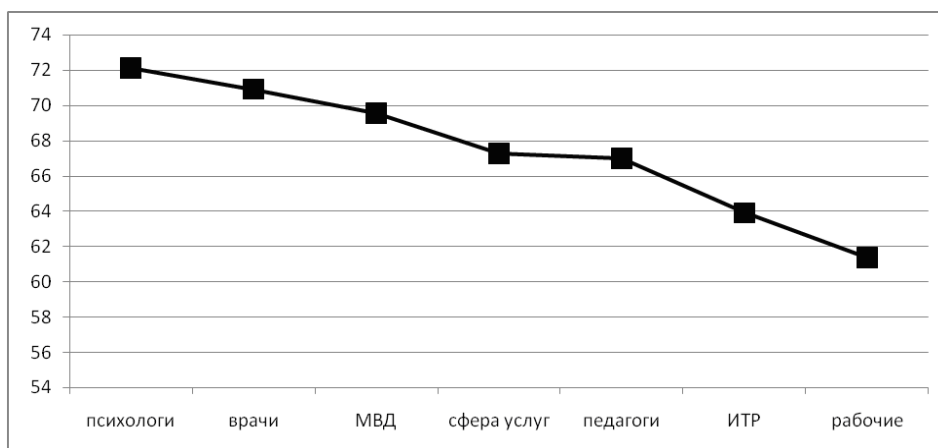

Рис. Выраженность ответственности у представителей различных профессиональных категорий

Рисунок демонстрирует, что к числу наиболее ответственных сотрудников относят себя психологи, врачи и представители МВД. В меньшей степени ответственность ощущают работники промышленных предприятий (ИТР и рабочие). Сравнительный анализ (критерий Колмогорова–Смирнова) показал наличие достоверных различий в выраженности ответственности у специалистов этих групп (табл. 1).

Таблица 1

**Достоверные различия в выраженности ответственности
у представителей различных профессиональных групп**

	Психологи	Врачи	МВД	Сфера услуг	Педагоги	ИТР	Рабочие
Психологи	1,000						
Врачи		1,000					
МВД	0,000		1,000				
Сфера услуг	0,000		0,045	1,000			
Педагоги	0,000	0,036	0,020		1,000		
ИТР	0,000	0,001	0,000	0,006	0,028	1,000	
Рабочие	0,000	0,000	0,000	0,000	0,003	0,035	1,000

Для дифференциации участников выборки по степени ответственности респонденты с помощью двухфакторного кластерного анализа были разделены на 3 группы: с низкой (14,91 %), средней (48,96 %) и высокой (36,13 %) степенями ответственности. В основу этого способа кластеризации была положена средняя оценка ответственности по всем семи шкалам. Примечателен тот факт, что группа людей, низко оценивших степень своей ответственности, не так уж велика по объему.

Описательная статистика по группам с разной степенью ответственностью приведена в таблице 2.

Таблица 2

**Описательная статистика по группам
с разной степенью ответственности**

	Mean	Std. Deviation	Minimum	Maximum
Низкая степень ответственности	52,94	9,16	,00	61,13
Средняя степень ответственности	69,32	3,93	62,14	75,42
Высокая степень ответственности	83,53	5,89	76,43	100,00
Combined	67,39	13,43	,00	100,00

В основу второго способа кластеризации был положен индекс методики СЭЛБ. Это позволило выделить типы респондентов, характеризующиеся разной степенью выраженности эмоционально-личностного благополучия: с низким уровнем индекса СЭЛБ (20,47 %), со средним уровнем индекса СЭЛБ (38,72 %) и с высоким уровнем индекса СЭЛБ (40,80 %).

Описательная статистика по группам с разным уровнем эмоционально-личностного благополучия приведена в таблице 3.

Таблица 3

**Описательная статистика по группам с разным уровнем
эмоционально-личностного благополучия (ЭЛБ)**

	Mean	Std. Deviation	Minimum	Maximum
Низкий уровень ЭЛБ	15,17	4,59	-2,00	20,00
Средний уровень ЭЛБ	24,31	1,93	21,00	27,00
Высокий уровень ЭЛБ	31,39	2,82	28,00	39,00
Combined	25,33	6,75	-2,00	39,00

Корреляционный анализ (коэффициент корреляции Спирмена) выявил, что на данной выборке ($n = 1\,348$) показатели ответственности в разных сферах коррелируют с индексом СЭЛБ на высоком уровне значимости (при $p \leq 0,001$): жизнь в целом $r = 0,256$; достижения $r = 0,259$; неудачи $r = 0,109$; производство (работа) $r = 0,183$; семья $r = 0,122$; межличностные отношения $r = 0,163$; здоровье $r = 0,144$.

При проведении корреляционного анализа (коэффициент корреляции Спирмена) между группами, выделенными в результате кластеризации, основанной на оценках ответственности, и кластеризации, в основу которой положен индекс самооценки эмоционально-личностного благополучия, мы выявили наличие тесных взаимосвязей на высоком уровне достоверности: $r = 0,776$ (при $p < 0,001$).

Близость выделенных групп, связь между ответственностью и эмоционально-личностным благополучием подтверждается результатами анализа соответствий: кластеру с низкой степенью ответственности сопутствует кластер с низким уровнем индекса СЭЛБ, кластер со средней степенью ответственности соотносится с кластером со средним уровнем индекса СЭЛБ, кластер с высокой степенью ответственности согласуется с кластером с высоким уровнем индекса СЭЛБ. В таблице 4 представлена оценка качества анализа соответствий.

Таблица 4

Оценка качества анализа соответствий

Число измерений	Сингулярные значения	ДОД	χ^2	Sig.	Доверительная инерция		Доверительные сингулярные значения	
					Процент инерции	Кумулятивный процент	σ	r
								2
1	,289	,684			,859	,859	,027	,205
2	,117	,114			,141	1,000	,027	
Total		,798	131,400	,000	1,000	1,000		

Значимость коэффициента корреляции (p) между строками и столбцами таблицы сопряженности равна 0,000 ($p < 0,001$), что свидетельствует о целесообразности проведения анализа соответствий. В результате снижения размерности до максимально допустимой (2 оси) доля объясненной дисперсии (ДОД) составит 80 %. Корреляция между новыми координатными осями (r) равна 0,205 (что меньше 0,4); это значит, что анализ соответствий отражает реальное соотношение кластеров и проведен корректно.

Выводы

Проведенное исследование позволило сделать следующие выводы:

1. Ответственность за достигнутые успехи в большей степени берут на себя мужчины.
2. Респонденты молодого возраста в большей степени готовы брать ответственность на себя, нежели представители более старших воз-

растных групп, которые значительную долю ответственности делегируют другим людям и внешним факторам.

3. Наиболее высоко оценивают свою ответственность психологи, врачи и представители МВД, что вполне согласуется с предъявляемыми к ним профессиональными требованиями. Работники промышленных предприятий (рабочие и ИТР) значительную часть ответственности передают окружающим людям.

4. Эмоционально-личностное благополучие связано со всеми сферами ответственности.

5. Для людей с низкой степенью ответственности характерен низкий уровень эмоционально-личностного благополучия, тогда как ответственные люди высоко оценивают степень своего эмоционально-личностного благополучия.

Таким образом, полученные данные позволяют рассматривать ответственность как явный предиктор эмоционально-личностного благополучия. В качестве перспективы дальнейшего исследования нами рассматривается выявление общих и специфических факторов, влияющих на уровень ответственности в разных профессиональных группах.

Информация об авторе

Лариса Владимировна Карапетын, доктор психологических наук, доцент, доцент кафедры общей и социальной психологии Института социальных и политических наук Уральского федерального университета имени первого Президента России Б. Н. Ельцина, начальник Уральского филиала Центра экстренной психологической помощи МЧС России (г. Екатеринбург, Россия).

Information about the author

Larisa V. Karapetyan, Dr. Sci. (Psychology), Associate professor, Associate professor at General and Personal Psychology chair of Psychology Department of Institute of Social and Political sciences of the Ural Federal University after the First Russian President B. N. Eltsin, Head of the Ural branch of Emergency Psychological Assistance Centre, EMERCOM of Russia, Yekaterinburg, Russia.

Список литературы

1. Абульханова-Славская К. А. Типология личности и гуманистический подход. М. : Наука, 1995. 214 с.
2. Деркач А. А. Акмеологические основы развития профессионала. М. : Изд-во Моск. психол.-соц. ин-та, 2014. 603 с.
3. Карапетын Л. В., Глотова Г. А. Эмоционально-личностное благополучие. Екатеринбург : Уральский институт ГПС МЧС России, 2017. 212 с.
4. Коротков Э. М. Корпоративная социальная ответственность. М. : Юрайт, 2013. 445 с.
5. Кудинов С. И., Седова И. В. Исследования эмоционального выгорания у педагогов с разными уровнями ответственности // Вестник РУДН. Серия : Психология и педагогика. 2014. № 4. С. 34–39.
6. Муздыбаев К. Психология ответственности. Л. : Наука, 1983. 240 с.
7. Паршутин И. А. Ответственность и контроль как факторы возникновения стрессовых реакций у сотрудников правоохранительных органов // Наука и инновации в современных условиях / под ред. А. А. Сукиасян. Уфа : Омега Сайнс, 2016. С. 206–210.
8. Полевая М. В. Прокрастинация и социальная ответственность личности // Современные научные исследования и инновации. 2016. № 8 (64). С. 602–604.
9. Прокофьев А. В. Моральная ответственность, вина и стыд в контексте коллективной деятельности // Гуманитарные ведомости ТГПУ им. Л. Н. Толстого. 2016. № 3 (19). С. 45–52.

10. Прядин В. П. Половозрастные особенности ответственности. Екатеринбург : Урал. гос. пед. ун-т, 1998. 290 с.

11. Прядин В. П., Кожевникова Н. В. Ответственность, ответственная зависимость и профессиональная деформация у сотрудников правоохранительных органов // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2006. № 3 (27). С. 81–83.

12. Сидорова Т. Н. Исследование особенностей когнитивного и поведенческого компонентов социальной ответственности // Психологические условия формирования социальной ответственности школьников. М. : Наука, 1987. С. 51–54.

13. Сидорова Т. Н. Психологические условия воспитания социальной ответственности в раннем юношеском возрасте : дис. ... канд. психол. наук. М. : б.и., 1988. 178 с.

14. Сыманюк Э. Э. Психологические компоненты ответственности руководителей образовательных учреждений // Известия Уральского федерального университета. Сер. 3 : Общественные науки. 2015. № 1 (137). С. 155–163.

15. Borgatta E. Some Findings Relevant to a Great Man Theory of Leadership // *American Sociological Review*. 1954. Vol. 19. P. 755–759.

16. Zotova O. Y., Karapetyan L. V. Psychological security as the foundation of personal psychological well-being (analytical review) // *Psychology in Russia: State of the Art*. 2018. Vol. 11 (2). P. 100–113.

Статья поступила в редакцию: 20.10.2019

Принята к публикации: 25.11.2019

References

1. Abul'hanova-Slavskaya KA. *Tipologiya lichnosti i gumanisticheskii podkhod [The typology of personality and the humanistic approach]*. Moscow: Nauka; 1995. 214 p. (In Russ.).

2. Derkach AA. *Akmeologicheskie osnovy razvitiya professionala [The acmeological foundations of the development of the professional]*. Moscow: Publ. House of Moscow Psychological and Social Institute; 2014. 603 p. (In Russ.).

3. Karapetyan LV, Glotova GA. *Emotsional'no-lichnostnoe blagopoluchie [Emotional and personal wellbeing]*. Yekaterinburg: Ural Institute of the Russian EMERCOM; 2017. 212 p. (In Russ.).

4. Korotkov EM. *Korporativnaya sotsial'naya otvetstvennost' [The corporate social responsibility]*. Moscow: Urait; 2013. 445 p. (In Russ.).

5. Kudinov SI, Sedova IV. Issledovaniya emotsional'nogo vygoraniya u pedagogov s raznymi urovnymi otvetstvennosti [Research of Emotional Burning out in Teachers with Different Levels of Responsibility]. *Vestnik RUDN. Seriya: Psikhologiya i pedagogika = RUDN Journal of Psychology and Pedagogics*. 2014;4: 34–39. (In Russ.).

6. Muzdybaev K. *Psikhologiya otvetstvennosti [The psychology of responsibility]*. Leningrad: Nauka; 1983. 240 p. (In Russ.).

7. Parshutin IA. Otvetstvennost' i kontrol' kak faktory vozniknoveniya stresovykh reaktsii u sotrudnikov pravookhranitel'nykh organov [The responsibility and control as factors of stress reactions in internal affair staff] In: Sukiasyan AA. (ed.). *Nauka i innovatsii v sovremennykh usloviyakh [Science and innovations in modern conditions]*. Ufa: "Omega Science" ltd.; 2016. p. 206–210. (In Russ.).

8. Poleyaya MV. Prokrastinatsiya i sotsial'naya otvetstvennost' lichnosti [Procrastination and social responsibility of the individual]. *Sovremennyye nauchnye issledovaniya i innovatsii = Modern scientific researches and innovations*. 2016;8(64): 602–604. (In Russ.).

9. Prokofyev AV. Moral'naya otvetstvennost', vina i styd v kontekste kollektivnoi deyatelnosti [Moral responsibility, guilt and shame in the context of collective agency]. *Gumanitarnye vedomosti TGPU im. L. N. Tolstogo = The Humanitarian Gazette, Tula State Pedagogical University after L. N. Tolstoy*. 2016;3(19): 45–52. (In Russ.).

10. Pryadein VP. *Polovozrastnye osobennosti otvetstvennosti [Age-sensitive characteristics of responsibility]*. Yekaterinburg: Ural State Pedagogical University; 1998. 290 p. (In Russ.).

11. Pryadein VP, Kozhevnikova NV. Otvetstvennost', otvetstvennaya zavisimost' i professional'naya deformatsiya u sotrudnikov pravookhranitel'nykh organov [Responsibility, responsible dependence and vocational deformation in internal affair staff]. *Psikhopedagogika v pravookhranitel'nykh organakh = Psychopedagogics in Law Enforcement*. 2006;3(27): 81–83. (In Russ.).

12. Sidorova TN. Issledovanie osobennostei kognitivnogo i povedencheskogo komponentov sotsial'noi otvetstvennosti [The study into specific features of the cognitive and behavioral components of social responsibility]. In: *Psikhologicheskie usloviya formirovaniya sotsial'noi otvetstvennosti shkol'nikov [Psychological conditions of the formation of schoolers' social responsibility]*. Moscow: Nauka; 1987. p. 51–54. (In Russ.).

13. Sidorova TN. *Psikhologicheskie usloviya vospitaniya sotsial'noi otvetstvennosti v rannem yunosheskom vozraste [The psychological conditions of social responsibility education in early adolescence]*. Moscow: no Publ. House; 1988. 178 p. (In Russ.).

14. Simanuk EE. Psikhologicheskie komponenty otvetstvennosti rukovoditelei obrazovatel'nykh uchrezhdenii [Top Management's Responsibility in Educational Institutions: Psychological Aspects]. *Izvestiya Ural'skogo federal'nogo universiteta. Ser. 3, Obshchestvennye nauki = Izvestia Ural Federal University Journal. Series 3. Social and Political Sciences*. 2015;1(137): 155–163. (In Russ.).

15. Borgatta E. Some Findings Relevant to a Great Man Theory of Leadership. *American Sociological Review*. 1954;19: 755–759.

16. Zotova OYu, Karapetyan LV. Psychological security as the foundation of personal psychological well-being (analytical review). *Psychology in Russia: State of the Art*. 2018;11(2): 100–113.

Submitted 20.10.2019

Accepted 25.11.2019

DOI: 10.35853/LAU.WS.2019.SP05
УДК 159.9:17.022.1

Ценностные особенности психологического благополучия личности

Марина В. Лифшиц,
Восточно-Европейский институт психоанализа,
г. Санкт-Петербург, Россия
ORCID: 0000-0003-2064-2302, e-mail: erde@inbox.ru

Аннотация. Психологическое благополучие является фундаментальным вопросом современной психологической науки, и интерес к нему обусловлен происходящими социально-экономическими изменениями, которые во многом определяют проблематику развития личности. Понятие «психологическое благополучие» отождествляется с переживанием человеком счастья и его общей удовлетворенностью жизнью. Особое значение исследования психологического благополучия приобретают в настоящее время, когда человек находится под влиянием активно происходящих социально-экономических преобразований: общественных и политических процессов, изменяющихся требований профессиональной среды, трансформации системы ценностей. Вопрос о взаимосвязи психологического благополучия и ценностных ориентаций исходит из представления о том, что в основе переживания благополучия лежат ценностно-смысловые основания личности. Для исследования ценностных особенностей психологического благополучия применялся метод психодиагностики, в частности методики К. Рифф (шкала психологического благополучия) и М. Рокича (иерархия ценностей). В исследовании принимали участие взрослые мужчины и женщины, в возрасте 25–35 лет, в количестве 184 человек, жители мегаполисов (Санкт-Петербурга и Москвы), выборка была уравнена по основным социодемографическим характеристикам. На основании полученных данных тестирования был проведен корреляционный анализ, который позволил выявить достоверные взаимосвязи между общим уровнем психологического благополучия, отдельными его компонентами и ценностными ориентациями. Отдельно были рассмотрены связи личностного благополучия с терминальными и инструментальными ценностями. По итогам исследования было доказано, что психологическое благополучие связано с определенными ценностными ориентациями. Высокий уровень благополучия определяет ценность свободы, мудрости, тягу к познанию нового и отсутствие критического отношения в отношении недостатков других.

Ключевые слова: психологическое благополучие, ценности, ценностные ориентации.

Для цитирования: Лифшиц М. В. Ценностные особенности психологического благополучия личности // Благополучие и безопасность в условиях социальных трансформаций : сб. науч. тр. X Междунар. симпозиума (г. Екатеринбург, 9–10 июля 2019 г.) / ред. Е. Б. Перельгина, О. Ю. Зотова, А. В. Дроздова, Л. В. Тарасова. – Екатеринбург : Гуманитарный университет, 2019. – С. 54–61. – ISBN 978-5-7741-0376-8. – DOI: 10.35853/LAU.WS.2019.SP05.

© М. В. Лифшиц, 2019

Value Features of Personality Psychological Wellbeing

Marina V. Lifshits,
Eastern European Institute of Psychoanalysis,
Saint Petersburg, Russia
ORCID: 0000-0003-2064-2302, e-mail: erde@inbox.ru

Abstract. Psychological wellbeing presents a fundamental issue of the present-day psychology, and the ongoing socio-economic transformations that largely define the mainstreaming of personal development, has stirred this interest. The concept of psychological wellbeing is synonymous with a feeling of being happy and life satisfaction. The current situation, when a person is subject to active social, political and economic influences, changing requirements of professional milieu, transformations of value system, has emphasized research on psychological wellbeing. The question, whether there is a linkage between psychological wellbeing and value orientations, rests on the idea that value-and-meaning foundations of personality form the basis of wellbeing. In the study, the author applied psychodiagnostic techniques, namely, the Psychological Wellbeing Scale by C. Ryff and the Rokeach Value Survey. The sample involved adult males and females aged 25 to 35 (n = 184), residents of mega cities (Moscow and St.-Petersburg) equalized by socio-demographic characteristics. On the basis of the testing data, the author produced the correlation analysis. It resulted in identifying statistically significant interrelations between the general level of psychological wellbeing, its separate components and value orientations. We also gave proper attention to considering the linkage of personal wellbeing and terminal and instrumental values. The findings proved that psychological wellbeing is related to certain values. High wellbeing determines the value of freedom, wisdom, thirst for knowledge, and no criticism of other's weaknesses.

Keywords: psychological wellbeing, values, value orientations.

For citation: Lifshits MV. Value Features of Personality Psychological Wellbeing. In: Pelygina EB, Zotova OYu, Drozdova AV, Tarasova LV. (eds.) *Wellbeing and Security in the Face of Social Transformations: Collection of academic papers from the 10th International Symposium (Yekaterinburg, July 9–10, 2019)*. Yekaterinburg: Liberal Arts University – University for Humanities; 2019. p. 54–61. Available from: doi:10.35853/LAU.WS.2019.SP05.

Введение

Исследование ценностных особенностей психологического благополучия приобретает большое значение в условиях современной жизни, когда глобальные социальные перемены оказывают влияние на развитие человека и его успешность в различных жизненных сферах. Для человека настоящей эпохи особое значение приобретает вопрос эффективности не только в профессиональной самореализации, но и в сфере межличностных отношений, временная компетентность, стремление к саморазвитию. Большое значение имеет умение отстаивать личную автономию, возможность осознанно управлять своей жизнью, определять и достигать конкретные цели. Можно говорить о формируемом культе «компетентности», в котором главную роль играет личностная эффективность. Современному человеку важно оставаться компетентным во многих жизненных вопросах, отстаивать свою точку зрения, аргументировать принимаемые решения. При этом в обществе часто проявляется индивидуализм, эгоистические тенденции, вплоть до жестокости, конфликтность, посягательства на суверенные права личности. Подобные явления возникают ввиду нарастающего расхож-

дения между общественными ценностями и ценностями индивидуальными [9]. Последствия трансформации нынешней культуры сказываются на общей удовлетворенности жизнью в целом и психологическом благополучии отдельной личности.

В академической науке психологическое благополучие личности определяется как многоаспектное понятие, под которым большинство авторов подразумевает когнитивно-аффективное состояние целостности и гармоничности [6; 7].

Согласно М. Селигману, психологическое благополучие человека – это сложный феномен, отражающий сочетание положительной эмоциональности с деятельностью [5]. К. Рифф проанализировала и обобщила ряд психологических теорий и представила наиболее полную модель структуры психологического благополучия, которая включает в себя шесть компонентов: умение выстраивать отношения с другими, личностную автономию, умение управлять средой, стремление к личностному росту, целеполагание и принятие себя. Также К. Рифф разработала методику для измерения уровня и структуры психологического благополучия с учетом вышеперечисленных характеристик [10].

В отечественной психологии понятие психологического благополучия разрабатывалась авторами П. П. Фесенко и Т. Д. Шевеленковой. Согласно их мнению, психологическое благополучие представляет собой экзистенциальное переживание человека по поводу собственной жизни и ценности своего бытия. Оно относится к субъективной реальности, т. е. является сугубо индивидуальным переживанием, и во многом связано с личностными особенностями и сферой направленности человека [8].

Структурный подход к пониманию психологического благополучия представлен Р. М. Шамионовым, который выделяет три компонента благополучия как психического явления: когнитивный, эмоциональный и поведенческий [7].

Уровневый подход к пониманию психологического благополучия был предложен А. В. Ворониной. Под уровнем психологического благополучия личности понимается стремление к реализации позитивного функционирования, которое выражается в переживании положительных эмоций, счастья, удовлетворенности своей жизнью и собой [1].

На психологическое благополучие оказывают влияние не только внешние факторы (например, социальные и экономические изменения в обществе), но и внутренние факторы – личностные особенности, специфика ценностно-смысловой сферы [2]. Развитие человека обусловлено его социальной ситуацией, особенностями жизнедеятельности, а также системой ценностно-смысловых ориентиров [3; 9]. Таким образом, в качестве основных факторов, обуславливающих уровень психологического благополучия, можно рассматривать ценности, которые представляют собой важнейший компонент психологической структуры личности, составляют содержательную сторону ее направленности, определяют отношение субъекта к миру и лежат в основе жизненных выборов. Каждому человеку присуща индивидуальная иерархия личных ценностей, которые служат связующим звеном между культурой и внутренним миром человека. С. Л. Рубинштейн отмечал, что «ценности являются производными от соотношения мира и чело-

века, выражая то, что в мире, включая и то, что создает человек в процессе истории, значимое для него» [4, с. 361].

Методы исследования

Цель эмпирического исследования состояла в изучении взаимосвязей между показателями психологического благополучия и ценностными ориентациями личности. Были опрошены 184 человека – мужчины и женщины, в возрасте 25–35 лет, проживающие в Санкт-Петербурге и Москве, русскоговорящие и имеющие высшее образование. Была поставлена цель – определить взаимосвязи между уровнем психологического благополучия и отдельными ценностными ориентациями. Для достижения цели применялся метод психодиагностики: шкала психологического благополучия К. Рифф и методика М. Рокича для изучения ценностей. Получить взаимосвязи удалось при помощи метода корреляционного анализа (по r-Спирмену).

Результаты и обсуждение

В проведенном исследовании, результаты которого приводятся в данной статье, были определены и описаны взаимосвязи между компонентами психологического благополучия и ценностными ориентациями. Рассмотрим полученные результаты взаимосвязи между общим показателем благополучия (по методике К. Рифф) и терминальными ценностями (по М. Рокичу).

Интегральный показатель психологического благополучия положительно коррелирует с ценностями активной жизни ($r = 0,39, p \leq 0,01$), жизненной мудрости ($r = 0,21, p \leq 0,01$), здоровья ($r = 0,27, p \leq 0,01$), любви ($r = 0,30, p \leq 0,01$), познания ($r = 0,29, p \leq 0,01$), продуктивной жизни ($r = 0,30, p \leq 0,01$), развития ($r = 0,27, p \leq 0,01$), свободы ($r = 0,25, p \leq 0,01$) и счастья семейной жизни ($r = 0,28, p \leq 0,01$). Высокое психологическое благополучие современного человека связано с тем, что им высоко ценится наличие в жизни активности, в противовес пассивности и инфантильности. Также благополучие сопряжено с тем, что большое значение приобретает мудрость, как качество, проявляющееся с опытом, и стремление к познанию нового. Высока ценность собственного здоровья. Среди ценностей отношений фигурируют счастье в семье, отношения с друзьями и переживание чувства любви. При этом психологически благополучный человек высоко ценит свободу в своей жизни.

Рассмотрим полученные взаимосвязи с инструментальными ценностями. Были обнаружены взаимосвязи между показателем психологического благополучия и инструментальными ценностями, такими как жизнерадостность ($r = 0,28, p \leq 0,01$), образованность ($r = 0,30, p \leq 0,01$), а также отрицательная корреляция с непримиримостью к недостаткам других ($r = -0,26, p \leq 0,01$). Психологически благополучная личность придает значение жизненному оптимизму и жизнерадостности, также важным представляется образованность. При этом высокое психологическое благополучие предполагает низкую ценность непримиримости к недостаткам других людей. Можно предположить, что человек, ощущающий себя счастливым и удовлетворенным жизнью, не склонен критиковать других, а акцентирован на позитивном восприятии мира.

Перейдем к оценке взаимосвязей между отдельными компонентами психологического благополучия и терминальными ценностными ориентациями личности.

Компонент психологического благополучия «Позитивные отношения» оказался положительно связан с ценностями активной жизни ($r = 0,34, p \leq 0,01$), мудрости ($r = 0,23, p \leq 0,01$), здоровья ($r = 0,28, p \leq 0,01$) и интересной работы ($r = 0,27, p \leq 0,01$). Также позитивные отношения с другими коррелирует с ценностью любви ($r = 0,27, p \leq 0,01$), друзей ($r = 0,29, p \leq 0,01$), продуктивности ($r = 0,22, p \leq 0,01$), свободы ($r = 0,22, p \leq 0,01$) и семейной жизни ($r = 0,32, p \leq 0,01$). Умение выстраивать положительные отношения с другими людьми, выражать эмпатию и поддержку связано с традиционными ценностями. Для человека важно быть продуктивным, испытывать интерес к своей деятельности и ощущать себя эффективным.

Компонент благополучия «Автономия» положительно связан с ценностями продуктивности ($r = 0,23, p \leq 0,01$) и семейной жизни ($r = 0,27, p \leq 0,01$). Для психологически благополучной личности важна личная автономия и независимость, при этом ценными признаются самоэффективность и счастье семейной жизни.

Показатель «Управление средой» связан с ценностью активности ($r = 0,32, p \leq 0,01$) и здоровья ($r = 0,27, p \leq 0,01$). Высокая активность и забота о здоровье значимы для людей, умеющих управлять окружающей средой и самостоятельно принимать решения.

Показатель «Личностный рост» коррелирует с активностью ($r = 0,48, p \leq 0,01$), продуктивной жизнью ($r = 0,36, p \leq 0,01$), развитием ($r = 0,36, p \leq 0,01$), а также со свободой ($r = 0,26, p \leq 0,01$). Стремление к саморазвитию сопряжено с активностью личности и ее продуктивностью. Это во многом отражает картину мира современного человека, для которого особое значение приобретает свобода, при общем следовании традиционным ценностям.

Показатель «Цели в жизни» связан с активной жизнью ($r = 0,44, p \leq 0,01$), продуктивностью ($r = 0,35, p \leq 0,01$), свободой ($r = 0,26, p \leq 0,01$), развитием ($r = 0,20, p \leq 0,01$) и здоровьем ($r = 0,28, p \leq 0,01$). Для людей, ориентированных на целеполагание в жизни, важными представляются активность, продуктивная деятельность, развитие, забота о здоровье, а также свобода.

Показатель «Самопринятие» связан с ценностью активной жизнью ($r = 0,29, p \leq 0,01$), любви ($r = 0,20, p \leq 0,01$) и свободы ($r = 0,28, p \leq 0,01$). Принятие себя, как компонент благополучия личности, сопряжено с активностью личности, направленностью на любовные переживания и свободу. Принимающий себя человек способен к любви, деятелен, при этом способен выстраивать и сохранять личностные границы.

Рассмотрим корреляции между отдельными компонентами психологического благополучия и инструментальными ценностными ориентациями личности.

Показатель «Позитивные отношения», как компонент психологического благополучия, связан положительно с ценностью жизнерадостности ($r = 0,25, p \leq 0,01$) и отрицательно – с непримиримостью к недостаткам других ($r = -0,32, p \leq 0,01$). Люди, умеющие выстраивать позитивные отношения с окружающими, высоко ценят оптимизм, а также не стремятся критиковать других за их недостатки.

Показатель «Автономия» отрицательно связан с непримиримостью к недостаткам других ($r = -0,26, p \leq 0,01$) и положительно с образованностью ($r = 0,28, p \leq 0,01$). Наличие внутренней свободы позволяет человеку не акцентироваться на недостатках в своем окружении. При этом большое значение имеет образованность, ценится обретение новых знаний.

Показатель «Управление средой» положительно связан с ценностью жизнерадостности ($r = 0,32, p \leq 0,01$). Умение держать контроль над ситуацией и управлять своими ресурсами в жизни связано с высокой ценностью позитивного жизненного настроения.

Показатель «Личностный рост» положительно связан с жизнерадостностью ($r = 0,30, p \leq 0,01$) и отрицательно – с непримиримостью к недостаткам других ($r = -0,29, p \leq 0,01$). Стремление к личностному росту коррелирует с отсутствием критичности к окружающим и жизнерадостностью.

Показатель «Цели в жизни» согласован с ценностью образованности ($r = 0,25, p \leq 0,01$), ответственности ($r = 0,22, p \leq 0,01$) и чуткости ($r = 0,28, p \leq 0,01$). Направленность на достижение целей связано с тем, что для человека важным представляется такое качество, как ответственность, ценятся образованность и чуткость.

Показатель «Самопринятие» положительно коррелирует с жизнерадостностью ($r = 0,28, p \leq 0,01$). Принятие себя связано с позитивным жизненным настроением.

Выводы

На основании проведенного анализа результатов эмпирического исследования были определены ценностные особенности психологического благополучия личности. Определено, что для личности с высоким уровнем психологического благополучия большое значение имеет ценность свободы, мудрости, тяги к новым знаниям. Также большое значение имеют ценности любви и счастливой семейной жизни. Среди терминальных ценностей выделяются жизнерадостность, образованность, при этом отсутствует критика в отношении недостатков других людей. Психологическое благополучие основывается на базовых этических ценностях. Можно предположить, что психологически благополучная личность характеризуется, в первую очередь, наличием внутренней свободы, отсутствием критики в отношении недостатков других и позитивным мироощущением, при общем следовании традиционным этическим ценностям.

Информация об авторе

Марина Владимировна Лифшиц, старший преподаватель Восточно-Европейского института психоанализа (г. Санкт-Петербург, Россия).

Information about the author

Marina V. Lifshits, a senior lecturer, the Eastern European Institute of Psychoanalysis, Saint Petersburg, Russia.

Список литературы

1. Воронина А. В. Проблема психологического здоровья и благополучия человека: обзор концепций и опыт структурно-уровневого анализа // Сибирский психологический журнал. 2005. № 3. С. 142–145.
2. Куликов Л. В. Субъективное благополучие личности // Ананьевские чтения – 2007. СПб. : Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 2007. С. 162–164.
3. Леонтьев Д. А. Психология свободы: к постановке проблемы самодетерминации личности // Психологический журнал. 2000. Т. 21, № 1. С. 15–25.
4. Рубинштейн С. Л. Бытие и сознание. Человек и мир. СПб. : Питер, 2003. 513 с.
5. Селигман М. В поисках счастья. Как получать удовольствие от жизни каждый день. М. : Манн, Иванов и Фербер, 2010. 320 с.
6. Фесенко П. П. Что такое психологическое благополучие? Краткий обзор основных концепций // Научные труды аспирантов и докторантов. М. : Изд-во Московского гуманитарного университета, 2005. Вып. 46. С. 35–48.
7. Шамионов Р. М. Психология субъективного благополучия личности. Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 2004. 180 с.
8. Шевеленкова Т. Д., Фесенко П. П. Психологическое благополучие личности (обзор концепций и методика исследования) // Психологическая диагностика. 2005. № 3. С. 95–129.
9. Яницкий М. С. Ценностные ориентации личности как динамическая система. Кемерово : Кузбассвуиздат, 2000. 204 с.
10. Ryff C. D. Psychological Well-Being // Encyclopedia of Gerontology. 1996. Vol. 2. P. 365–369.

Статья поступила в редакцию: 28.10.2019
Принята к публикации: 30.11.2019

References

1. Voronina AV. Problema psikhologicheskogo zdorov'ya i blagopoluchiya che-loveka: obzor kontseptsii i opyt strukturno-urovnevogo analiza [The problem of psychological health and human wellbeing: a review of concepts and the incidence of a structure-layer analysis]. *Sibirskii psikhologicheskii zhurnal = The Siberian Psychological Journal*. 2005;3: 142–145. (In Russ.).
2. Kulikov LV. Sub"ektivnoe blagopoluchie lichnosti [Subjective wellbeing]. In: *Anan'evskie chteniya – 2007 [The Anaiev's Readings – 2007]*. Saint Petersburg: The Saint Petersburg State University Publishing House; 2007. p. 162–164. (In Russ.).
3. Leontiev DA. Psikhologiya svobody: k postanovke problemy samodetermi-natsii lichnosti [The psychology of freedom: to the problem statement of personality self-determination]. *Psikhologicheskii zhurnal = Psychological journal*. 2000;21(1): 15–25. (In Russ.).
4. Rubinshtein SL. *Bytie i soznanie. Chelovek i mir [The being and consciousness. Man and the world]*. Saint Petersburg: Piter; 2003. 513 p. (In Russ.).
5. Seligman M. *V poiskakh schast'ya. Kak poluchat' udovol'stvie ot zhizni kazhdyi den' [The pursuit of happiness. How to enjoy life every day]*. Moscow: "Mann, Ivanov, and Ferber" Publ. House; 2010. 320 p. (In Russ.).
6. Fesenko PP. Chto takoe psikhologicheskoe blagopoluchie? Kratkii obzor osnovnykh kontseptsii [What is psychological wellbeing? A brief review of basic concepts]. In: *Nauchnye trudy aspirantov i doktorantov [Scientific works of post-graduate and doctoral students]*. Moscow: Moscow University for Humanities Publ. House; 2005. Vol. 46. p. 35–48. (In Russ.).
7. Shamionov RM. *Psikhologiya sub"ektivnogo blagopoluchiya lichnosti [Psychology of personality subjective wellbeing]*. Saratov: Saratov University Publ. House; 2004. 180 p. (In Russ.).

8. Shevelenkova TD, Fesenko PP. Psikhologicheskoe blagopoluchie lichnosti (obzor kontseptsii i metodika issledovaniya) [Psychological wellbeing of personality (a review of concepts and the research methods)]. *Psikhologicheskaya diagnostika = Psychological diagnostics*. 2005;3: 95–129. (In Russ.).

9. Yanitsky MS. *Tsennostnye orientatsii lichnosti kak dinamicheskaya sistema [Value orientations of personality as a dynamic system]*. Kemerovo: Kuzbasizdat; 2000. 204 p. (In Russ.).

10. Ryff CD. Psychological Well-Being. *Encyclopedia of Gerontology*. 1996;2: 365–369.

Submitted 28.10.2019

Accepted 30.11.2019

DOI: 10.35853/LAU.WS.2019.SP06
УДК 17.022.1:7

Реализация потребности в искусстве как фактор психологического благополучия личности

Елена А. Колыхалова,
ФГБУК «Центр культурных стратегий и проектного управления»
РОСКУЛЬТПРОЕКТ, г. Москва, Россия
ORCID: 0000-0003-0856-4583, e-mail: kolihalova.lena@yandex.ru

Аннотация. В научном поле психологии отсутствует единая классификация дефицитных состояний, предшествующих возникновению эстетической потребности, не разработан метод идентификации типа эстетической потребности, описание механизмов взаимодействия индивида с искусством носит обобщенный характер, не дана оценка такого взаимодействия с позиции благополучия личности. Данное исследование ставило перед собой цель изучить эти ключевые вопросы с помощью авторского метода театрального тьюторства, примененного в работе с фокус-группами театральных зрителей. Фокус-группы формировались по типам дефицитных состояний на основе разработанной автором «Классификации типов эстетической потребности театрального зрителя». В ходе исследования 1) подтвердилось: мотивы посещения театров расположены на широком континууме потребностей человека, данную эстетическую потребность провоцируют различные дефицитные состояния, возникающие во всех описанных в классической социологии видах потребностей человека; 2) выяснилось: в процессе регулярного взаимодействия индивида с искусством формируется комплекс эмоционально-когнитивных навыков, охватывающий широкий спектр способностей человека. Формирование комплекса эмоционально-когнитивных навыков, необходимых для потребления таких благ, как искусство, в случае системного опыта способствует психологическому благополучию личности. Основными аспектами, работающими на возникновение и удержание психологического благополучия, являются: расширение возможностей личности, наращивание ресурсов для самореализации и, как следствие, улучшение качества жизни; расширение навыков по преодолению кризиса. Данный комплекс применим в иных сферах жизни, так как, по сути, он является набором инструментов по обработке информации, осуществлению выбора, получению безопасного эмоционального опыта, регуляции настроения, самопознанию.

Ключевые слова: самопознание, эмоционально-когнитивные навыки, эстетическая потребность, эмоциональный опыт, системность, психологическая безопасность.

Для цитирования: Колыхалова Е. А. Реализация потребности в искусстве как фактор психологического благополучия личности // Благополучие и безопасность в условиях социальных трансформаций : сб. науч. тр. X Междунар. симпозиума (г. Екатеринбург, 9–10 июля 2019 г.) / ред. Е. Б. Перельгина, О. Ю. Зотова, А. В. Дроздова, Л. В. Тарасова. – Екатеринбург : Гуманитарный университет, 2019. – С. 62–71. – ISBN 978-5-7741-0376-8. – DOI: 10.35853/LAU.WS.2019.SP06.

© Е. А. Колыхалова, 2019

Satisfying the Need for the Art as a Factor of Personality Psychological Wellbeing

Elena A. Kolykhalova,

Centre for Cultural Strategies and Project Management ROSKULTPROEKT,
Moscow, Russia

ORCID: 0000-0003-0856-4583, e-mail: kolihalova.lena@yandex.ru

Abstract. A common classification for deficit states prior to the emergence of the aesthetic need and a technique to identify the type of this need are missing in the field of today's psychology. The description of an individual/the art interaction is of general nature. Nobody has evaluated this interaction in terms of personality wellbeing. This paper aimed to examine these key issues using the authorial technique of theatrical tutoring tested in the focus-groups consisting of theater-goers. The classification Types of Playgoer Aesthetic Necessity developed by the author acted as a basis for shaping focus groups along the deficit states' lines. The following findings were of interest. First, the hypothesis that the motives of visiting theaters are located in a broader continuum of human needs was confirmed. Different deficit states emerging in all ever-described in classical sociology types of human needs provoke the given aesthetic necessity. Second, a complex of emotional and cognitive skills embracing a wide range of human capabilities is shaped due to the regular interaction of an individual and the art. The formation of a set of emotional and cognitive skills necessary for consuming such benefits as the art contributes to personality psychological wellbeing in case of a systemic experience. In this case, key aspects allowing for the emergence and retention of psychological wellbeing are the enrichment of individual capabilities; accumulation of resources for self-realization, and, as a consequence, the improvement of the quality of life, and various skills for overcoming crises. The aesthetic needs' satisfaction results in the whole range of constructive experiences and meditations which contribute to reducing frustration.

Keywords: self-cognition, emotional and cognitive skills, aesthetic needs, emotional experience, psychological security.

For citation: Kolykhalova EA. Satisfying the Need for the Art as a Factor of Personality Psychological Wellbeing. In: Perelygina EB, Zotova OYu, Drozdova AV, Tarasova LV. (eds.) *Wellbeing and Security in the Face of Social Transformations: Collection of academic papers from the 10th International Symposium (Yekaterinburg, July 9–10, 2019)*. Yekaterinburg: Liberal Arts University – University for Humanities; 2019. p. 62–71. Available from: doi:10.35853/LAU.WS.2019.SP06.

Введение

Для возникновения интереса к искусству достаточно одного удачного опыта. Его удачность измеряется разными составляющими, в зависимости от того, какого рода дефицитные состояния были восполнены в процессе взаимоотношений с объектом искусства: переживание экстатических состояний, катарсиса; встреча с «чем-то большим, чем я, великим»; ритуальный опыт; мистическое переживание; удовлетворение потребности в познании как акт самоактуализации. Мы описали дефицитные состояния, лежащие в основе эстетической потребности, но возникающие из спектра духовных потребностей. В эмоциональных потребностях это: переживание ярких эмоций, изумления; снижение фрустрации с помощью эмоциональной разрядки (смех/слезы); погружение в дружественную эстетику, способствующее снижению тревожности. Удовлетворение эстетической потребности, чьи истоки про-

слеживаются в социальных потребностях, вызывает следующие конструктивные переживания: ощущение себя частью группы, чувство единения; подтверждение правильности своего мировоззрения; подтверждение общественного положения; приобщение к мировому опыту; удовлетворение потребности в познании в силу требований культурной среды. Получая успешный опыт удовлетворения какой-либо из перечисленных потребностей, индивид получает доступ к бескрайнему потенциалу своих возможностей мировому контенту. И от успешности решения его следующей задачи – формирования эмоционально-когнитивных навыков для взаимодействия с искусством – зависит, останется ли он «активным пользователем» этого блага.

Отталкиваясь от первого успешного опыта и имея намерение продвигаться дальше, индивид формирует комплекс эмоционально-когнитивных навыков, включающий в себя: навык познания и самопознания (потребность понять качества своей личности), навык ориентирования в разнообразии форм искусства и выявления тех эстетических форм, которые вызывают у него отклик, формирование своего уникального алгоритма выбора объекта искусства, пробы форм общения с объектами искусства, навыков декодирования и интерпретации информации, рефлексии отклика (процессы интеграции и дифференциации).

На сегодняшний день ни одна научная дисциплина не решила комплексно задачу описания такого цикла, как возникновение и удовлетворение эстетической потребности. Для реализации этого необходимо: классифицировать типы эстетических потребностей в контексте принадлежности к разным дефицитным состояниям, описанным выше; описать возникновение эстетической потребности от активизирующего ее дефицитного состояния; выработать механизм идентификации типа эстетической потребности; подробно описать механизм взаимодействия с объектом искусства; оценить степень воздействия данного опыта на жизнь индивида.

В попытках современных социологов проанализировать выбор театрального зрителя и регулярность посещения театров присутствует стойкая тенденция выводить закономерность из поверхностных социальных характеристик. Например, в авторском исследовании аудитории московских театров, проведенном в 2010 г., А. Л. Круковская, выясняя «мотивы посещения театров», дает респондентам такие варианты ответа: «возможность посмотреть интересный спектакль», «место проведения досуга», «выход в свет», «праздник», «удовольствие, наслаждение» [6, с. 176]. Подобно составленный опросник не дает возможности проследить истоки возникновения эстетической потребности, т. е. определить ее характер как духовный, социальный либо эмоциональный, не позволяет выявить дефицитные состояния респондентов. Исследователь театра В. Н. Дмитриевский в своей монографии «Театр и зрители. Отечественный театр в системе отношений сцены и публики», которая посвящена взаимоотношениям театра и зрителя, в главе «Типология зрителей и структура театральной аудитории», описывая зрительскую аудиторию, классифицирует типы зрителя как потребителей «массовых» форм и «традиционных», структурируя их по принципу потребления массовой культуры и элитарной [5]. Такой научный подход советской, а затем и российской социологии не позволяет ответить ни на один существенный вопрос о природе потребности, ме-

ханизмах ее удовлетворения. Акцент на поверхностных социальных характеристиках (пол, возраст, образование, семейное положение и т. д.) и его корреляция с выбором театрального предложения бессмысленны для понимания как типа потребности, так и процессов, запускающих ее возникновение. Наиболее фундаментальное исследование психологии зрелищного общения содержится в трудах Н. А. Хренова и отвечает на вопросы структуры зрелища и его функций в жизни человечества, т. е. акцент в раскрытии темы делается на природе зрелища и его институциональной нагрузке [8]. Попытки исследовать индивидуальную психологию зрительской вовлеченности предпринимаются американским исследователем Мэтью Ризоном, но лишь в формах participatory theater и performative art [10].

Таким образом, задача данного исследования состоит в том, чтобы, учитывая накопленный объем знаний социальной психологии, сосредоточиться на изучении данной проблематики в контексте индивидуальной психологии, психологии личности, поэтому основной аспект, рассматриваемый в данной работе, – формирование комплекса эмоционально-когнитивных навыков в процессе взаимодействия индивида с искусством и его широкая функциональность.

Драматический спектакль как конечный продукт деятельности театра является синтезом многих искусств и представляется наиболее оптимальным выбором для подобного исследования, так как предоставляет широкий диапазон объектов для оценки зрителем (автор, актеры, режиссура, художественное оформление, сам театр и т. д.), т. е. выявления оценочных суждений, помогающих в определении типа эстетической потребности. Кроме того, насыщенность спектакля данными составными частями (драматургия, актерская игра, режиссура, художественное оформление, театр – как место) дает возможность детально проанализировать формирование комплекса эмоционально-когнитивных навыков, так как предоставляет зрителю большое количество «опций» для анализа и для тренинга каждого навыка.

Методы исследования

Основная проблематика, встающая перед потенциальным зрителем: как осуществить выбор в пользу того, что работает на удовлетворение эстетических потребностей, и благодаря каким успешным действиям и умениям придать системность своему общению с искусством и найти для этого опыта место в повседневной жизни? Для полноценного ответа на этот вопрос автором была разработана методология исследования типов эстетической потребности и механизмов взаимодействия индивида с искусством, которая включила в себя комплекс теоретических изысканий, методов эмпирического исследования и практических методик, таких как «Классификация типов эстетической потребности театрального зрителя» (разработана на основе изучения дефицитных состояний по данным, полученным в результате опросов и интервью, и содержит следующие параметры: описание дефицитного состояния, определение ядра потребности, описание «зрительского кредо», фразы-тэги, характерные для каждого типа, ритуальные привычки, стимулы); метод определения типа эстетической потребности на основании интервью, собеседования и прохождения тестовых заданий; метод театрального тьюторства, направленный на формиро-

вание комплекса эмоционально-когнитивных навыков для взаимодействия с искусством.

В рамках исследования были сформированы 7 фокус-групп, собранных по семи выявленным типам дефицитных состояний и состоящих каждая из равного количества ранее активных зрителей (4) и не имевших такого опыта до исследования (4). Таким образом в исследовании приняли участие 56 человек, из которых 28 являлись театральными зрителями до исследования и 28 не имели этого опыта системно. При формировании фокус-групп не учитывался пол, возраст и образование, выбор делался в пользу участников с явно идентифицируемыми дефицитными состояниями (которые в рамках исследования приравнивались к типу потребности). В работе с фокус-группами применялся авторский метод театрального тьюторства, содержащий комплекс методик и реализованный в пять этапов: первый этап – определение типа эстетической потребности в соответствии с «Классификацией типов эстетической потребности театрального зрителя» в процессе собеседования и интервью; второй этап – обучение навигации в современном театральном предложении исходя из определенных целей участника; третий этап – поиск и пробы оптимальных форматов общения с искусством, включая формирование привычек и ритуалов; четвертый этап – обучение компетенциям декодирования и интерпретации художественного произведения; пятый этап – рефлексия увиденного, осознание процессов интеграции опыта или дифференциации. В процессе применения метода театрального тьюторства с целью фиксации качественных показателей исследования проводился ряд мероприятий: 1) интервьюирование и тестирование участников с целью определения типа эстетической потребности, 2) интервьюирования, направленные на выявление всего спектра индивидуальных оценок, данных объектам искусства (спектаклям), от крайне положительных до крайне отрицательных, 3) индивидуальные собеседования для максимального понимания их участниками целей и задач исследования, 4) эксперименты по освоению и закреплению навыков, 5) мониторинг всех этапов освоения комплекса эмоционально-когнитивных навыков.

За 9 месяцев исследования 7 фокус-групп, сформированных по типу эстетической потребности и состоящих из равного числа как активных зрителей, так и не имевших такого опыта до участия в исследовании, с помощью метода театрального тьюторства выбрали, посмотрели и обсудили 12 спектаклей (единая подборка спектаклей просмотрена каждым участником). В анализе результатов исследования применен индуктивный метод.

Результаты и обсуждение

Комплекс эмоционально-когнитивных навыков развивается идентично у всех групп участников, вне зависимости от типа дефицитного состояния и характера потребности. Процесс формирования комплекса не зависит существенно от наличия опыта у участника исследования: и опытные зрители, и не имевшие системного опыта проходят идентичные этапы в освоении комплекса, но в случае если опытный театральный зритель имеет представление об истинных мотивах, задающих поиск, мы наблюдаем данный комплекс большей частью сформированным до момента исследования (отмечался у 18 участников).

Комплекс развивается в период всего цикла от осознания потребности до ее реализации, таким образом можно утверждать, что процесс взаимоотношения индивида с искусством не приравнивается только к длительности непосредственного контакта с объектом искусства (здесь – спектакль), а охватывает более широкий диапазон психической активности, предшествующей моменту взаимодействия с объектом искусства и завершающей его.

Этапы комплекса развиваются как последовательно, так и параллельно, образуя сложную партитуру эмоциональных и когнитивных процессов, описывать которые я буду поэтапно, так как цель – раскрыть назначение каждого этапа, а не описать механизм действия данной партитуры.

1. *Навык познания и самопознания.* Говоря об этом навыке и ставя его первым в этом списке, мы подразумеваем не рефлексию опыта, которая будет рассмотрена позже, мы говорим о попытке осознать характер потребности в искусстве, понять направление поиска и определить желаемую цель. По мнению когнитивных психологов, когниция (мысль, допущение) определяет эмоцию (чувство) [2], «в действительности ваша мысль создает эмоции» [4, с. 36]. В ходе исследования было выявлено, что такая линейная логика утрачивает свою безапелляционную закономерность, так как при переходе на язык символов происходит разрыв между этими двумя методами познания. Получение информации через язык символов посредством уникальной семантики произведения искусства в ряде случаев приводит к дискредитации изначальных культурных установок индивида в пользу непосредственного, личностного. Чтобы устранить культурные влияния, присутствующие в когнитивных процессах, и выявить направление поиска, исходящее от личности участника исследования, с помощью тестов определялось, за какого рода восторгом стремится индивид. Это позволило определить выраженный акцент на одном из механизмов познания у каждого участника и наблюдать развитие навыка познания и самопознания как через аналитические способности индивида, так и через его чувственное восприятие. Ценностью в этом процессе является не только то, *что* получает индивид, но и то, *как* он способен получать и структурировать информацию. Таким образом, ценность познания и самопознания заключается не только в объеме полученной информации, но и в методе ее получения и обработки. Осуществляя общение с объектом искусства, индивид нарабатывает метод познания, следуя своей природной заданности и реализуя заложенный потенциал. Когнитивное и эмоциональное восприятие соотносятся, иногда дополняя друг друга, иногда вступая в противоречие, – на этой границе соотношения когнитивного и эмоционального восприятия происходит самый ценный опыт самопознания.

2. *Навык ориентирования и отбора эстетических форм в искусстве.* Навык ориентирования выполняет роль навигатора, формирует механизмы поиска и отбора необходимого на территории искусства. В процессе исследования отрабатывалась его аналитическая функция: умение сформулировать запрос, научиться определять направление поиска, оценить компетентность информации, авторитетность источников, соотнести полученную информацию со своими запросами и выстроить прогноз. На этом, казалось бы таком простом, этапе происходило наи-

большее число «ошибок», связанных с неумением прогнозировать свои ощущения. Зафиксировано, что «ошибка прогноза» происходила у участников в момент конвертации полученной фактической информации в предполагаемое «удовольствие»: те проекции, которые накладывались на объект искусства, оказывались несостоятельны и не подкреплены объективной реальностью.

3. *Алгоритм выбора объекта искусства.* Данный навык отличается от предыдущего навыка тем, что основывается не на анализе буквальной информации, а на ассоциативном ряде и эмоциональном опыте индивида, образно говоря – это выбор нашего подсознания, выбор, заданный обстоятельствами нашей биографии. На самом деле, алгоритм выбора объекта искусства неотделим от предыдущего навыка и является его составной частью. Участники, полагающиеся, в большей степени, на аналитическую обработку информации, допускали те же «ошибки прогноза», что и участники, полагающиеся на спонтанный выбор, и у тех и у других возникали вышеописанные проекции.

4. *Формы общения с объектом искусства.* Это те формы, в которых наиболее комфортно и полно реализуется потребность, а также своеобразные привычки и ритуалы, складывающиеся со временем. Вот наиболее характерные из выявленных особенностей, которые отмечались участниками как «необходимые» по завершении исследования: предварительный сбор максимума информации о спектакле (42); привычка получать впечатление только от увиденного, получая минимум сопроводительной информации (14); наличие «специальной» одежды для театра (25) / отсутствие «специальной» одежды (31); привычка ходить одному (7) / привычка ходить с кем-то (49); фотофиксация и/или публикация в соцсетях (32); фиксация на бумаге своих впечатлений от увиденного (5); обсуждение впечатлений с кем-либо (30); интерес к театру/актерам/спектаклю в дальнейшем (отслеживание информации) (28); коллекционирование артефактов посещения (15). Формирование ритуала возводит привычку ходить в театр на особое место, ставит в ряд жизненно важных действий, наделяя статусом сверхценности. Наиболее важные направления формирования ритуала (привычки) – это предварительная подготовка похода в театр, фиксация впечатления, подбор компании. Характер ритуала зависит от типа дефицитного состояния и характера потребности. Отмечено, что на участников благотворно влияло уже само ожидание ритуала, цикличность данного опыта. Несомненно, это благотворное влияние связано с потребностью структурировать время конструктивным образом или «упорядочивать время» с помощью ритуалов [3].

5. *Навык декодирования и интерпретации художественного произведения (спектакля).* В процессе просмотра спектаклей участниками происходило обучение компетенциям декодирования и интерпретации художественного произведения. Обычно спонтанно происходящий процесс декодирования информации, поступающей от объекта искусства, в условиях исследования подвергался анализу для понимания того, как соотношение уже известной нам информации с принципиально новой запускает механизм интерпретации увиденного. Здесь важно уметь определить критичное значение новой информации, делающей невозможным процесс интерпретации без получения дополнительных знаний. Процесс интерпретации воспринимался как со-

творчество в ситуациях, когда участники обладали максимумом информации, облегчающей декодирование. В таких ситуациях становилось возможным привнесение «личного» индивида, что подтверждает описанное ранее: «интерпретационный этап восприятия непосредственно продолжает декодирование художественного послания и представляет собой включение воспринимаемого произведения в контекст жизни и личности реципиента» [7, с. 258].

6. *Рефлексия: процессы интеграции и дифференциации.* Соприкосновение с любой эстетической формой вызывает две реакции, которые, вне зависимости от их интенсивности, можно назвать дифференциацией и интеграцией. Все участники исследования прошли через эти два процесса. Процесс интеграции (единение) вызывал такие конструктивные переживания, как отождествление себя с частью человечества (37), понимание себя как части большого целого (15), подтверждение своих моральных установок как жизнеспособных (4). Подобный отклик на ментально близкое искусство воспринимался всеми участниками как успешный опыт. Процесс дифференциации (отделение) помогал определить свои границы (14), почувствовать свою индивидуальность (19), выстроить взаимоотношения с чем-то отличным от себя (7), укрепить свое «Я» неприятием чуждых идей и форм (27). Можно утверждать, что не важно, разделяет ли индивид предлагаемую ему эстетику или нет, важен процесс отвержения или принятия, ценность которого в том, что в момент любого отклика происходит акт самопознания, расширения «Я» добавлением новых оценочных суждений. Процесс дифференциации способствует усложнению личности не меньше, чем процесс интеграции, и, по мнению М. Чиксентмихайи, нельзя недооценивать «важность этого диалектического напряжения, балансирования между дифференциацией и интеграцией». И он же утверждает, что «сложной мы называем ту личность, которой удастся сочетать в себе два этих процесса» [9, с. 78].

Пожалуй, следует отметить, что условия, при которых успешно формировался данный комплекс, – наличие таких качеств личности у участников, как любопытство (32) и последовательность (21). У обладателей обоих качеств отмечался существенный отрыв в освоении навыков по сравнению с остальными (15).

Заключение

Подводя итог, скажем, что возникновение эстетических потребностей и их последующая реализация являются безусловным фактором психологического благополучия личности и, как следствие, фактором психологической безопасности. Вот три основных аспекта, работающих на возникновение и удержание этого состояния.

Во-первых, результатом удовлетворения данных потребностей является целый спектр конструктивных переживаний и размышлений: чувство сопричастности художественному явлению, переживание слияния «с чем-то большим, чем я»; подтверждение мировоззрения; переживание катарсиса или иных экстатических эмоций; удовлетворение потребности в познании; расширение своего «Я» за счет новых оценочных суждений, интеграция нового опыта. Итогом перечисленных переживаний является снижение фрустрации.

Во-вторых, описанный навык является дополнительным механизмом преодоления кризиса. В состоянии переживания кризиса люди часто обращаются к успокаивающей их эстетике, испытывая потребность «спрятаться», совершая своеобразный эскапизм. Если речь не идет об эскапизме как способе регулярного существования, то люди, имеющие отработанные навыки общения с искусством, получают дополнительный механизм преодоления кризиса. В ситуации жизненной неопределенности опытный в удовлетворении своих эстетических потребностей индивид «синхронизируется» с опытом остального человечества посредством искусства, что способствует снижению чувства одиночества и безысходности и удержанию субъективного ощущения безопасности.

В-третьих, происходит расширение возможностей личности, наращивание ресурсов для самореализации и, как следствие, улучшение качества жизни. Сложившийся комплекс эмоционально-когнитивных навыков далее эксплуатируется в иных сферах жизни, так как, по сути, он является набором инструментов по обработке информации, осуществлению выбора, получению безопасного эмоционального опыта, регуляции настроения, самопознанию: способом исследовать свои способности и понять качества своей личности.

Систематическое присутствие такого опыта в жизни индивида не только работает на благополучие его личности, но и в ряде случаев – на благополучие его микросоциума, так как снижает невротический антагонизм по отношению к обществу, определенный Альфредом Адлером как «автоматическое противодействие проявлению чувства общности» у индивида [1, с. 38]. Но также оно ставит глобальные вопросы:

Являются ли успешным итогом общения с искусством реальные изменения личности? Возможно ли это назвать целью искусства, или переживания от контакта с ним являются самостоятельной ценностью и не призваны менять человека? Каковы взаимосвязи эстетики и этики? Вот те вопросы, которые решает для себя каждый в индивидуальном порядке.

Информация об авторе

Елена Анатольевна Кольхалова, ведущий специалист отдела мониторинга ФГБУК «Центр культурных стратегий и проектного управления» РОСКУЛЬТПРОЕКТ (Проектный офис Минкультуры РФ) (г. Москва, Россия).

Information about the author

Elena A. Kolykhalova, leading specialist in Monitoring department of Centre for Cultural Strategies and Project Management ROSKULTPROEKT (Project Office of the Ministry of Culture of the Russian Federation), Moscow, Russia.

Список литературы

1. Адлер А. Индивидуальная психология. СПб. : Питер, 2017. 256 с.
2. Бек А., Фримен А. Когнитивная психотерапия расстройств личности. СПб. : Питер, 2018. 448 с.
3. Берн Э. Игры, в которые играют люди. Люди, которые играют в игры. М. : Эксмо, 2013. 598 с.
4. Бернс Д. Терапия настроения: Клинически доказанный способ победить депрессию без таблеток. М. : Альпина Паблишер, 2019. 550 с.
5. Дмитриевский В. Н. Театр и зрители. Отечественный театр в системе отношений сцены и публики. Ч. 2 : Советский театр 1917–1991 гг. М. : Государственный институт искусствознания, 2013. 696 с.

6. Круковская А. В. Аудитория современных московских театров: социокультурные характеристики // Вестник РГГУ. 2012. № 2. С. 174–181.
7. Кулка И. Психология искусства. Харьков : Гуманитарный центр, 2019. 556 с.
8. Хренов Н. А. Социальная психология зрелищного общения: теория и история. М. : Юрайт, 2019. 688 с.
9. Чиксентмихайи М. Поток. Психология оптимального переживания. М. : Смысл, 2018. 460 с.
10. Reason M. Participations on Participation : Researching the ‘Active’ theatre Audience // Participations: Journal of Audience and Reception Studies. 2015. Vol. 12, № 1. P. 271–280.

Статья поступила в редакцию: 18.10.2019
Принята к публикации: 25.11.2019

References

1. Adler A. *Individual'naya psikhologiya [Individual psychology]*. Saint Petersburg: Piter; 2017. 256 p. (In Russ.).
2. Beck A, Freeman A. *Kognitivnaya psixhoterapiya rasstroistv lichnosti [The cognitive therapy of personality disorders]*. Saint Petersburg: Piter; 2018. 448 p. (In Russ.).
3. Berne E. *Igry, v kotorye igrayut lyudi. Lyudi, kotorye igrayut v igry [Games people play. People play games]*. Moscow: Eksmo; 2013. 598 p. (In Russ.).
4. Burns D. *Terapiya nastroyeniya: Klinicheski dokazannyi sposob pobedit' depressiyu bez tabletok [The new mood therapy: a clinically tested way to conquer depression without pills]*. Moscow: Alpina Publisher; 2019. 550 p. (In Russ.).
5. Dmitrievskiy VN. *Teatr i zritel'i. Otechestvennyi teatr v sisteme otnoshenii stseny i publiki. Ch. 2 : Sovetskii teatr 1917–1991 gg. [The theater and the spectators. The domestic theater in the system of the relationships stage/public. P. 2: The Soviet theater 1917–1991]*. Moscow: State Institute of Art Criticism; 2013. 696 p. (In Russ.).
6. Krukovskaya AV. *Auditoriya sovremennykh moskovskikh teatrov: sotsio-kul'turnye kharakteristiki [The audience of contemporary Moscow theaters: socio-cultural characteristics]*. *Vestnik RGGU = The Russian State University for the Humanities Bulletin*. 2012;2: 174–181. (In Russ.).
7. Kulka I. *Psikhologiya iskusstva [Psychology of the art]*. Kharkov: Center for Humanities; 2019. 556 p. (In Russ.).
8. Khrenov NA. *Sotsial'naya psikhologiya zrelischnogo obshcheniya: teoriya i istoriya [Social psychology of the spectacle communication: theory and history]*. Moscow: Urait; 2019. 688 p. (In Russ.).
9. Csikszentmihalyi M. *Potok. Psikhologiya optimal'nogo perezhivaniya [The flow. The psychology of optimal experience]*. Moscow: Smysl; 2018. 460 p. (In Russ.).
10. Reason M. Participations on Participation: Researching the ‘Active’ theatre Audience. *Participations: Journal of Audience and Reception Studies*. 2015;12(1): 271–280.

Submitted 18.10.2019
Accepted 25.11.2019

DOI: 10.35853/LAU.WS.2019.SP07
УДК 159.9

Особенности психологического благополучия личности в ситуации неопределенности

Татьяна С. Мороз¹,

ORCID: 0000-0003-1930-6942, e-mail: tania.Tania.moroz@mail.ru

Валерий С. Агапов²,

²НОУ ВО «Российский новый университет», г. Москва, Россия
ORCID: 0000-0002-1999-7408, e-mail: agapov.vs@mail.ru

Татьяна И. Кучина³,

ORCID: 0000-0003-3538-1707, e-mail: kuchinati@yandex.ru

^{1,3}Национальный институт повышения квалификации
и профессиональной переподготовки, г. Тула, Россия

Аннотация. В изменяющемся многонациональном мире неопределенности люди будут воспринимать ситуацию по-разному: адаптация к ситуации, стремление к безопасности и уходу от неопределенности, согласие на упрощенные жизненные перспективы, и наоборот, изучение и освоение неопределенности и сложности изменяющегося мира. Работа заключается в выявлении особенностей содержания психологического благополучия человека в ситуации неопределенности. Осуществлен комплексный анализ структуры содержания психологического благополучия личности в период средней зрелости, в состав которой входит высокая социально-психологическая адаптация, высокая осмысленность жизни, жизненных целей, высокая жизнестойкость. Получены данные, свидетельствующие, что удовлетворенность браком способствует психологическому благополучию личности в периоде средней зрелости. В рамках работы исследовались особенности самосознания респондентов, находящихся в браке. Были получены данные о взаимосвязи между особенностями образа Я, пониманием действий и поведения супруга или супруги, удовлетворенности браком и характеристиками семьи, которые определяют семейное благополучие. В результате исследования было установлено, что состоящие в браке респонденты более довольны своим внутренним миром, своей семьей и своими межличностными отношениями. Испытуемые показали высокую степень жизнестойкости. Выраженность всех трех компонентов контроля, вовлеченности и принятия рисков дает возможность поддерживать здоровье, оптимальный уровень производительности труда и активности в стрессовых условиях в ситуации неопределенности. Было выявлено, что наличие устойчивого и дифференцированного образа Я обеспечивает возрастную основу для создания благополучной семьи.

Ключевые слова: неопределенность, адаптация, Я-концепция, жизнестойкость, удовлетворенность браком, психологическое благополучие, психологическая готовность к браку.

Благодарности: работа осуществлялась при поддержке Университета города Тулы (ТИЭИ), Института дополнительного профессионального образования АНО ДПО «НИПКПП» города Тулы.

Для цитирования: Мороз Т. С., Агапов В. С., Кучина Т. И. Особенности психологического благополучия личности в ситуации неопределенности // Благополучие и безопасность в условиях социальных трансформаций : сб. науч. тр. X Междунар. симпозиума (г. Екатеринбург, 9–10 июля 2019 г.) / ред. Е. Б. Перельгина, О. Ю. Зотова, А. В. Дроздова, Л. В. Тарасова. – Екатеринбург : Гуманитарный университет, 2019. – С. 72–80. – ISBN 978-5-7741-0376-8. – DOI: 10.35853/LAU.WS.2019.SP07.

© Т. С. Мороз, В. С. Агапов, Т. И. Кучина, 2019

Specific Features of Personality Psychological Wellbeing in Situations of Uncertainty

Tatyana S. Moroz¹,

ORCID: 0000-0003-1930-6942, e-mail: tania.Tania.moroz@mail.ru

Valery S. Agapov²,

²Russian New University, Moscow, Russia
ORCID: 0000-0002-1999-7408, e-mail: agapov.vs@mail.ru

Tatyana I. Kuchina³,

ORCID: 0000-0003-3538-1707, e-mail: kuchinati@yandex.ru

^{1,3}National Institute of Advanced Training and Professional Retraining,
Tula, Russia

Abstract. The aim of the paper resides in identifying characteristics of psychological wellbeing substance in situations of uncertainties. The authors carried out a comprehensive analysis of the content structure of personality psychological wellbeing during the midlife period. This structure embraces high social adjustment, high meaningfulness of life, life purposes, and high resilience. The data obtained testify to the fact that marriage satisfaction contributes to the psychological wellbeing of the individual in the midlife period.

In a changing multinational world of uncertainty, people will perceive a situation in a different way: an adaptation to it; a strive for security and a departure from the indefiniteness; consent to simplified life prospects; and, on the contrary, insights into and explorations of uncertainty and the changing world's complexities. The aim of the paper resided in identifying characteristics of psychological wellbeing substance in situations of uncertainties. The authors carried out a comprehensive analysis of the content structure of personality psychological wellbeing during the midlife period. This structure embraces high social adjustment, high meaningfulness of life, life purposes, and high resilience. The data obtained testified to the fact that marriage satisfaction contributes to the psychological wellbeing of the individual in the midlife period. The examination of married respondent's self-awareness resulted in revealing a link between the self-image characteristics, an understanding of spouse's actions and behavior, marriage satisfaction and family's features that define family wellbeing. These data showed that married respondents were happier with their inner world, family and interpersonal relations. It is these aspects that contribute to the meaning of life. The respondents exhibited high resilience. The three well-pronounced components of control, involvement in risk-taking provide the opportunity to maintain health, optimal productivity, and activity under stress and uncertainty. One more finding was that the stable and differentiated self-image provides an age basis for creating a well-to-do family.

Keywords: uncertainty, adjustment, the self-conception, resilience, marriage satisfaction, psychological wellbeing, psychological readiness for the responsibilities of marriage.

Acknowledgements: the paper was supported by Tula University (TIEI) and Institute for Further Vocational Training (Tula).

For citation: Moroz TS, Agapov VS, Kuchina TI. Specific Features of Personality Psychological Wellbeing in Situations of Uncertainty. In: Perelygina EB, Zotova OYu, Drozdova AV, Tarasova LV. (eds.) *Wellbeing and Security in the Face of Social Transformations: Collection of academic papers from the 10th International Symposium (Yekaterinburg, July 9–10, 2019)*. Yekaterinburg: Liberal Arts University – University for Humanities; 2019. p. 72–80. Available from: doi:10.35853/LAU.WS.2019.SP07.

Введение

Термином «неопределенность» изначально пользовались физики в теореме Геделя о соотношении неопределенностей. Достаточно глубоко вопросы неопределенности раскрыты в работах философа И. Р. Пригожина. К первым его работам относят философию нестабильности, порядок из хаоса [6]. Исследования данной проблемы представлены в исследованиях британского социолога Э. Гидденса (последствия современности), американского исследователя Н. Н. Талеба (антихрупкость: как извлечь выгоду из хаоса). Кроме того, проблема неопределенности, изменяющегося мира в настоящее время имеет синергетический подход в работах М. С. Гусельцевой.

Психология использует данное понятие с точки зрения трактования различных школ и направлений. В концепции Э. Эриксона неопределенность рассматривается как кризис идентичности, смещение ролей. В теории К. Роджерса неопределенность используется как ситуация, необходимая для творчества [7]. Неопределенность исследуется как недостаточность информации в теории принятия решений Т. В. Корниловой.

Глубокое изучение проблемы неопределенности в психологии предлагается А. Г. Асмоловым в работе «Психология современности: вызовы неопределенности, сложности и разнообразия», в которой рассматриваются проблемы изменяющейся личности в изменяющемся мире [1].

В изменяющемся многонациональном мире неопределенности люди будут воспринимать ситуацию по-разному: адаптация к ситуации, стремление к безопасности и уходу от неопределенности, согласие на упрощенные жизненные перспективы, и наоборот, изучение и освоение неопределенности и сложности изменяющегося мира.

Тем не менее исследований, посвященных психологическому благополучию личности в ситуации неопределенности, в настоящий момент недостаточно. Данная проблематика представлена К. Рифф в статье «Психологическое благополучие во взрослой жизни» [8]. Данная проблема рассматривается в работе О. А. Идобаевой как психолого-педагогическая модель формирования психологического благополучия личности. В исследованиях В. С. Агапова рассматриваются вопросы личностного и акмеологического развития.

С другой стороны, представлено огромное количество теоретических, эмпирических исследований в области изучения психологического благополучия. Тем не менее в научной литературе данное понятие часто истолковывают как удовлетворенность жизнью, психическое здоровье, позитивное функционирование или субъективное благополучие. Однако в настоящее время нет единого мнения в среде специалистов касательно структурных компонентов категории «психологическое благополучие». В современном многонациональном мире неопределенности современному человеку непросто быть психологически благополучным. Постоянно меняющаяся социально-экономическая ситуация предъявляет новые требования к адаптации, гибкости в поведении и регуляции эмоциональных состояний. Человек начинает осознавать свою бесполезность и неспособность распознавать свои индивидуальные способности. Он не может реализовать полученные в ходе обучения ЗУНы в связи с изменением содержания

компетентностных требований к специалистам, а также устареванием, отмиранием, сменой профессий. Также в связи с условиями жизни в многонациональном обществе перед человеком встает проблема преодоления дополнительных психологических трудностей, связанных с решением профессиональных и личностных задач в этнокультурных коллективах. На социальном уровне это стагнация, кризис на человеческом уровне, крах высших ценностей и социальная изоляция. В современном обществе одиночество вызвано потерей смысла человеческого существования. Для того чтобы человек оставался психологически благополучным, ему важно иметь хотя бы одну значительную привязанность. Важность привязанности в жизни личности для его психологического здоровья подтверждается в работе Дж. Боулби [5]. Уилкинсон и Мармо считают, что социальная поддержка и хорошие социальные отношения являются важным фактором психологического благополучия [9]. Т. Вайт полагает, что брак или привязанность могут быть защитным фактором против суицида [10].

Методы исследования

Целью эмпирического исследования было выявление особенности психологического благополучия личности в ситуации неопределенности. Работа осуществлялась в несколько этапов. Один из этапов был выполнен в институте психологии им. Л. С. Выготского РГГУ. В эмпирическом исследовании приняли участие студенты заочного отделения Университета города Тулы (ТИЭИ).

Цель достигалась решением исследовательских задач. На первом этапе работы следовало выявить содержание психологических характеристик семейного благополучия; изучить особенности самосознания супругов в благополучных и неблагополучных семьях; определить условия, которые способствуют формированию возрастных основ психологической готовности к браку. На втором этапе работы следовало выявить психологические особенности мужчин и женщин, находящихся в браке и одиноких, разведенных или не вступавших в брачные отношения, а также выявить содержание психологического благополучия личности в ситуации неопределенности.

Теоретико-методологической основой работы стали культурно-историческая теория Л. С. Выготского, проблема личностного развития и акмеологического развития в трудах Д. Б. Эльконина, А. Н. Леонтьева, Д. Н. Леонтьева, Е. Е. Кравцовой, Г. Г. Кравцова, А. А. Бодалева, К. А. Абульхановой-Славской, А. А. Деркача, В. С. Агапова, проблема психологического благополучия личности в работах Н. Бредберна, К. Рифф, Э. Деси и др.

В исследовании использовались теоретические и эмпирические методы. Для теоретического изучения проблемы применялся анализ информационных источников по вопросам возрастных закономерностей развития личности, формирования самосознания, проблемам семьи и супружеских взаимоотношений, проблеме одиночества и проблеме психологического благополучия личности. В эмпирической части работы использовались методики: шкала семейной адаптации и сплоченности Д. Олсона в адаптации А. Г. Лидерса, Е. Н. Спиревой; методика «Ролевые ожидания и притязания в браке» А. Н. Волковой; опросник удовлетворенности браком В. В. Столина, Т. Л. Романовой,

Г. П. Бугенко; методика Ю. Е. Алешинной, Л. Я. Гозман, Е. М. Дубовской для определения способов взаимодействия супругов в конфликтных ситуациях; тест реактивной и личностной тревожности Ч. Д. Спилбергера в адаптации Ю. Л. Ханина; методика «На кого похож» И. В. Сысоевой; опросник субъективного отчуждения С. Мадди в адаптации Е. Н. Осина; шкала диагностики социально-психологической адаптации К. Роджерса в адаптации А. К. Осницкого; методика жизнестойкости С. Мадди в адаптации Д. А. Леонтьева; опросник субъективного счастья С. Любомирски и Х. Леппер в адаптации Д. А. Леонтьева; шкала психологического благополучия К. Рифф в адаптации Н. Н. Лепешинского.

С точки зрения психологической готовности для построения здоровой семейной жизни необходимо наличие возрастных закономерностей, которые способствуют пониманию себя и супруга(и). То есть особенности самосознания, выражающиеся в наличии устойчивого внутренне направленного образа Я, являются критерием семейного благополучия. Чтобы проверить данное предположение, было организовано эмпирическое исследование. Данное исследование было представлено 132 респондентами, находящимися в браке со стажем семейной жизни до 5 лет, студенты университета города Тулы (ТИЭИ). Следующий этап исследований проводился в Национальном институте повышения квалификации и профессиональной переподготовки в городе Туле. Выборку исследования составили 66 человек. В эксперименте приняли участие мужчины и женщины в периоде средней зрелости, в количестве 20 супружеских пар со стажем семейной жизни до 5 лет. Возраст испытуемых составил 35–40 лет. Были опрошены также 26 одиноких женщин, не состоящих в браке, в возрасте 35–40 лет. Испытуемые с высшим образованием, имеют разные направления специальностей подготовки.

Результаты и обсуждение

Результаты работы были представлены в октябре 2016 года на Международной научно-практической конференции по случаю празднования 120-летия Л. С. Выготского в Париже [3].

В рамках работы исследовались особенности самосознания респондентов, находящихся в браке. Это предположение проверялось нами с помощью методики «на кого похож», разработанной И. В. Сысоевой [4]. Мы получили взаимосвязь между особенностями образа Я, пониманием действий и поведения супруга или супруги, удовлетворенности браком и характеристиками семьи, которые определяют семейное благополучие. Обнаружилось, что у супругов из семей, удовлетворенных браком и имеющих соответствующие характеристики, образ Я отличается устойчивостью и дифференцированностью. Далее анализировали полученные параметры семьи: адекватное взаимодействие в конфликтах, семейную адаптацию, семейную сплоченность, соответствие ролевых установок супругов. С целью формирования устойчивого образа Я для респондентов из неблагополучных семей была организована игра с образом Я [4]. Испытуемые должны были во время эксперимента удерживать ситуацию в двух планах: как участники внутри, и как экспериментаторы снаружи. Всякий раз возникала новая придуманная игровая ситуация. Основными элементами игры со своим образом стали представления о себе, о своем я, о своих чувствах. Результатом этой

игры стало не только управление своим поведением, но и личностное самоконструирование, позволяющее видеть себя с разных точек зрения, т. е. оценивать свои личностные особенности, данные внешности, роли, социальный статус. Одним из важнейших понятий современной психологии развития является понятие психологической готовности. Анализ его содержания связан с наличием оснований для формирования определенного качества или определенной способности [2]. По окончании эксперимента мы предложили нашим респондентам методики. Полученные результаты и сравнение их с результатами этих же респондентов до формирующего эксперимента, обработка результатов с помощью статистических методов позволяют нам сделать вывод о том, что психологической готовностью к супружеству является наличие устойчивого и дифференцированного образа Я.

Выявлены особенности людей, состоящих в супружестве, и одиноких, не состоящих в браке. Определены уровень тревожности и уровень жизнестойкости у лиц одиноких и семейных. В результате работы была выявлена структура психологического благополучия личности в ситуации неопределенности. В качестве компонентов психологического благополучия можно выделить субъективные факторы восприятия окружающей среды. Данными факторами является наличие работы, семьи (супругов, детей). В качестве второго компонента психологического благополучия можно выделить высокую социально-психологическую адаптацию. В качестве третьего компонента психологического благополучия выявлен высокий уровень жизненной осмысленности. В качестве следующего компонента психологического благополучия отметим позитивные стороны функционирования человека. Данными факторами являются автономия, цели в жизни, управление окружающей средой, позитивные отношения с окружающими, личностный рост, принятие себя. Далее было установлено, что особенностью психологического благополучия личности в ситуации неопределенности является самоощущение своей жизни, не удовлетворяющее или удовлетворяющее человека. В структуру компонентов адаптации включают коммуникативные навыки, эмоциональную стабильность и гибкость мышления. Исследованием было установлено, что состоящие в браке респонденты, учитывая собственные потребности и мотивы, имели высокую степень адаптации к существованию в обществе. Субъекты оценивают свой брак как благополучный. Далее были выявлены следующие особенности: высокая потребность во взаимодействии и общении, адекватность самооценки. Женатые респонденты более довольны своим внутренним миром, своей семьей и своими межличностными отношениями. Респонденты, состоящие в супружестве, самостоятельно регулируют свое поведение, стремятся к автономии и имеют средний уровень ситуативной и личностной тревожности. Испытуемые показали высокую степень жизнестойкости. Выраженность всех трех компонентов контроля, вовлеченности и принятия рисков дает возможность поддерживать здоровье, оптимальный уровень производительности труда и активности в стрессовых условиях в ситуации неопределенности.

Заключение

В своем исследовании мы были детерминированы решением двух проблем. На первом этапе работы выявили содержание психологических характеристик семейного благополучия. Исследования семьи в большей степени исследуются в русле общей психологии и психологии личности, социальной психологии. В рамках психологии развития, как правило, исследуются только детско-родительские отношения. Мы представили особенности отношения супругов в контексте психологии развития. Выявили, что особенности самосознания, выражающиеся в устойчивом, дифференцированном образе Я, способствуют формированию возрастных основ психологической готовности к браку. Выявлено психологическое содержание понятий «семейное психологическое благополучие» и «психологическое благополучие личности». В связи с этими новыми обстоятельствами, для психологического благополучия личности в ситуации неопределенности, на наш взгляд, необходимо быть высоко социально-психологически адаптированным, иметь высокую осмысленность жизни, жизненных целей, обладать высокой жизнестойкостью, быть благополучным в семейной жизни. Для семейного благополучия необходимо иметь высокую эмоциональную связь с партнером, гибко адаптироваться к происходящим изменениям, иметь согласованные ценности семейной жизни, адекватно взаимодействовать в ситуациях конфликтов. Особенности самосознания, выражающиеся в устойчивом, дифференцированном образе Я, позволяют устанавливать оптимальные границы для долгосрочных отношений, в которых будут из двух Я-индивидуальных сформированы Я-отношения. При этом личность будет комфортно себя чувствовать как в Я-отношениях, так и в Я-индивидуальном, сохраняя эмоциональную связь с партнером. Устойчивый образ Я дает адекватное представление о самом себе, ценностях, семейной жизни, реальных ожиданиях в отношении партнера и собственных притязаниях в различных сферах межличностного взаимодействия. Удовлетворенность браком способствует психологическому благополучию человека в период средней зрелости. Для создания благополучной семейной жизни необходим устойчивый, внутренне направленный образ Я. Особый вид рефлексии – игра с образом Я – является условием, которое способствует формированию возрастных основ психологической готовности к браку.

Информация об авторах

Татьяна Сергеевна Мороз, кандидат психологических наук, доцент, доцент Национального института повышения квалификации и профессиональной переподготовки (г. Тула, Россия).

Валерий Сергеевич Агапов, доктор психологических наук, профессор, профессор кафедры общей психологии и психологии труда Российского нового университета (г. Москва, Россия).

Татьяна Ивановна Кучина, кандидат педагогических наук, доцент, доцент Национального института повышения квалификации и профессиональной переподготовки (г. Тула, Россия).

Information about the authors

Tatyana S. Moroz, Cand. Sci. (Psychology), Associate professor, Associate professor at National Institute of Advanced Training and Professional Retraining, Tula, Russia.

Valery S. Agapov, Dr. Sci. (Psychology), Professor, Professor at General Psychology and Labour Psychology chair, Russian New University, Moscow, Russia.

Tatyana I. Kuchina, Cand. Sci. (Psychology), Associate professor, Associate professor at National Institute of Advanced Training and Professional Retraining, Tula, Russia.

Список литературы

1. Асмолов А. Г. Психология современности: вызовы неопределенности, сложности и разнообразия // Психологические исследования. 2015. № 8 (40). С. 1.
2. Кравцова Е. Е. Психологические проблемы готовности детей к обучению в школе. М. : Педагогика, 1991. 150 с.
3. Мороз Т. С., Карпов Е. Б. Устойчивый образ «Я» – залог социально-психологической адаптации в мире неопределенности // Человек в мире неопределенности. Методология культурно-исторического познания : сборник докладов науч.-практ. конф., приуроченной к 120-летию со дня рождения Л. С. Выготского. М. : Федеральный институт развития образования, 2017. С. 234–240.
4. Сысоева И. В. Психологические особенности формирования личности в юношеском возрасте : дис. ... канд. психол. наук. М. : Б.и., 2003. 189 с.
5. Bowlby J. Attachment. Harmondsworth : Pelican, 1971. 478 p.
6. Prigogine I., Stengers I. Order out of chaos: Man's new dialogue with nature. London : Heinemann, 1984. 349 p.
7. Rogers C. On Becoming a Person: A Therapists View of Psychotherapy. Boston : Mariner Books, 1995. 420 p.
8. Ryff C. D. Psychological well-being in adult life // Current Directions in Psychological Science. 1995. Vol. 4. P. 99–104.
9. Wilkinson R., Marmot M. Social Determinants of Health : The Solid Facts. Geneva : World Health Organization, 1998. 33 p.
10. White T. Working with suicidal individuals: A guide to providing understanding, assessment and support. London : Jessica Kingsley Publishers, 2011. 272 p.

Статья поступила в редакцию: 23.10.2019
Принята к публикации: 27.11.2019

References

1. Asmolov AG. Psikhologiya sovremennosti: vyzovy neopredelennosti, slozhnosti i raznoobraziya [Psychology of modernity: challenges of uncertainty, complexities and diversities]. *Psikhologicheskie issledovaniya = Psychological Studies*. 2015;8 (40): 1. (In Russ.).
2. Kravtsova EE. *Psikhologicheskie problemy gotovnosti detei k obucheniyu v shkole [Psychological problems of kids' preparedness for school education]*. Moscow: Pedagogika; 1991. 150 p. (In Russ.).
3. Moroz TS, Karpov EB. Ustoichivyi obraz «Ya» – zalog sotsial'no-psikhologicheskoi adaptatsii v mire neopredelennosti [The sustainable self-image – a prerequisite of socio-psychological in the world of uncertainty]. In: *Chelovek v mire neopredelennosti. Metodologiya kul'turno-istoricheskogo poznaniya [Man in the world of uncertainty. Methodology of cultural-historical cognition]: A collection of reports to the 120-th anniversary of L. S. Vygotsky International scientific and practical conference*. Moscow: Federal Institute of Education Development; 2017. p. 234–240. (In Russ.).
4. Sysoeva IV. *Psikhologicheskie osobennosti formirovaniya lichnosti v yunosheskom vozraste [Psychological specific features of the personality formation during youthful age]*. Moscow: no Publ. House; 2003. 189 p. (In Russ.).
5. Bowlby J. Attachment. Harmondsworth: Pelican; 1971. 478 p.
6. Prigogine I, Stengers I. *Order out of chaos: Man's new dialogue with nature*. London: Heinemann; 1984. 349 p.
7. Rogers C. *On Becoming a Person: A Therapists View of Psychotherapy*. Boston: Mariner Books; 1995. 420 p.
8. Ryff CD. Psychological well-being in adult life. *Current Directions in Psychological Science*. 1995;4: 99–104.

9. Wilkinson R, Marmot M. *Social Determinants of Health : The Solid Facts*. Geneva: World Health Organization; 1998. 33 p.

10. White T. *Working with suicidal individuals: A guide to providing understanding, assessment and support*. London: Jessica Kingsley Publishers; 2011. 272 p.

Submitted 23.10.2019

Accepted 27.11.2019

DOI: 10.35853/LAU.WS.2019.SP08
УДК 159.922.4:316.628

Особенности преодоления конфликтных ситуаций молодыми людьми с разными типами этнической идентичности

Юлия И. Фомина,
Тульский государственный университет,
г. Тула, Россия
ORCID: 0000-0002-9271-0602, e-mail: yulia0514@yandex.ru

Аннотация. Представленные материалы посвящены анализу особенностей поведения личности в конфликтной ситуации в связи с типом этнической идентичности. Открытые границы между государствами приводят к тому, что на территории практически каждой страны проживают не только представители титульного этноса, но также и члены самых различных национальных групп. Несмотря на то что современная культура межэтнического взаимодействия исходит из приоритета толерантности, тем не менее повсеместно можно столкнуться с многочисленными и разнообразными проявлениями этнической нетерпимости, следствием которой становятся межэтнические конфликты в различных их формах. В связи с этим основной целью нашего исследования стало изучение поведения в конфликтной ситуации у молодых людей с разными типами этнической идентичности. Респондентами выступили 60 человек в возрасте от 18 до 27 лет, принадлежащие к русскому этносу. Испытуемым были предложены следующие методики: 1. Методика «Типы этнической идентичности» (Г. У. Солдатова, С. В. Рыжова); 2. «Диагностика предрасположенности личности к конфликтному поведению» К. Томаса (адаптация Н. В. Гришиной). Полученные результаты показали, что преобладающими в рассматриваемой группе являются проявления гиперидентичности. Также было обнаружено, что испытуемые с позитивной этнической идентичностью ориентированы на компромисс и сотрудничество; с гипопозитивной идентичностью – на соперничество; с гиперпозитивной этнической идентичностью – на избегание и компромисс. Таким образом, если рассматривать сферу именно межнациональных конфликтов, то важным фактором их развития и, особенно, разрешения будет являться национальная принадлежность индивидов, вовлекаемых в них.

Ключевые слова: этническая идентичность, типы этнической идентичности, этнический конфликт, стратегии поведения в конфликте, молодежь, русские.

Для цитирования: Фомина Ю. И. Особенности преодоления конфликтных ситуаций молодыми людьми с разными типами этнической идентичности // Благополучие и безопасность в условиях социальных трансформаций : сб. науч. тр. X Междунар. симпозиума (г. Екатеринбург, 9–10 июля 2019 г.) / ред. Е. Б. Перельгина, О. Ю. Зотова, А. В. Дроздова, Л. В. Тарасова. – Екатеринбург : Гуманитарный университет, 2019. – С. 81–87. – ISBN 978-5-7741-0376-8. – DOI: 10.35853/LAU.WS.2019.SP08.

Specificities of Handling Conflict Situations by Young People with Different Types of Ethnic Identity

Yuliya I. Fomina,

Tula State University, Tula, Russia

ORCID: 0000-0002-9271-0602, e-mail: yulia0514@yandex.ru

Abstract. The paper analyzed the behavioral characteristics of the individual in conflicts relating to a type of ethnic identity. Inter-state open boundaries lead to the coexistence of the titular ethnic group and representatives of other ethnicities. Despite the priority of interethnic tolerance in the modern culture of cross-ethnic interaction, examples of ethnic intolerance provoking inter-ethnic clashes are large in number. This defined the aim of our study, namely, the conflict behavior of young people with different types of ethnic identity. The respondents (n = 60) represented young people aged 18–27 belonging to the Russian ethnos. The following techniques were administered to the subjects: the Ethnic Identity Type Scale by G. U. Soldatova and S. V. Ryzhova, and The Thomas Kilmann Conflict Mode Instrument for accessing personality predisposition to conflict behavior (adapted by N. V. Grishina). The results indicated the prevalence of the hyper identity in this group. One more finding was that the testees with the positive ethnic identity prefer the Compromising and the Cooperating styles of handling conflicts; the respondents with the hypo positive identity follow Avoiding and Compromising styles of handling conflicts. Thus, if one considers a sphere of interethnic conflict, an essential factor of their acceleration and, in particular, the resolution will be the national belonging of individuals involved.

Keywords: ethnic identity, types of ethnic identity, ethnic conflict, strategies of conflict behavior, youth, the Russian.

For citation: Fomina YuI. Specificities of Handling Conflict Situations by Young People with Different Types of Ethnic Identity. In: Perelygina EB, Zotova OYu, Drozdova AV, Tarasova LV. (eds.) *Wellbeing and Security in the Face of Social Transformations: Collection of academic papers from the 10th International Symposium (Yekaterinburg, July 9–10, 2019)*. Yekaterinburg: Liberal Arts University – University for Humanities; 2019. p. 81–87. Available from: doi:10.35853/LAU.WS.2019.SP08.

Введение

В современном мире границы между государствами становятся всё более открытыми, вследствие чего на территории практически каждой страны проживают не только представители титульного этноса, но также и члены самых различных национальных групп. Отношения между ними могут складываться по-разному, что во многом определяется их статусом в обществе. В силу этого социальная ситуация развития современного человека является, прежде всего, мультиэтнической. Современная культура межэтнического взаимодействия исходит из приоритета уважительного и терпимого отношения к взглядам, обычаям, привычкам, социальному статусу, поступкам и действиям людей другой национальности, при условии, что это не приносит вреда психическому и/или физическому здоровью – именно в таком аспекте этническая толерантность рассмотрена в работах большинства авторов [2; 6; 9].

Однако при этом повсеместно можно столкнуться с многочисленными и разнообразными проявлениями этнической нетерпимости, ксенофобии, экстремизма и др. Во многом такая реакция обусловлена современными тенденциями развития общества: большинство стран сегодня являются этнически смешанными, в силу чего на одной территории про-

живают народы, которые чрезвычайно сильно отличаются друг от друга; активные миграционные процессы способствуют образованию и развитию многочисленных этнических диаспор. При этом если некоторое время назад этническую нетолерантность проявляли представители титульных этносов, то сегодня именно мигранты в большей степени демонстрируют тенденции подобного поведения. Если титульный этнос проявляет нетерпимость, поскольку боится своего разрушения и уничтожения, то этнические меньшинства – потому, что часто не готовы подчиняться правилам новой территории проживания, или потому, что это защищает их от нападков представителей коренных народов. Чрезвычайно остро проблема этнической нетерпимости стоит в многонациональных государствах: здесь нет мигрантов как таковых, все являются гражданами одной страны, но этнически различаются довольно сильно, а контактировать друг с другом приходится практически постоянно [7; 8; 13; 15].

Поскольку этническая нетерпимость связана с непониманием, недоверием, страхом, то ее следствием становятся межэтнические конфликты в различных их формах. Анализ специфики межэтнических конфликтов представлен в работах целого ряда авторов [1; 9; 14].

Если рассматривать сферу именно межнациональных конфликтов, то важным фактором их развития и разрешения будет являться национальная принадлежность индивидов, вовлекаемых в них: можно выделить этнические группы, представители которых стремятся во что бы то ни стало добиваться поставленных целей, даже если это приобретает характер открытого противоборства; а есть этнические группы, представители которых склонны избегать конфликтных ситуаций или даже уходить от них, пусть и в ущерб своим интересам. Однако зачастую стратегии преодоления конфликтных ситуаций рассматриваются в связи с общим уровнем этнической толерантности, содержанием этнических стереотипов, этапом формирования этнического самосознания и другими аспектами этнического статуса личности [11; 12].

Методы исследования

Исходя из вышесказанного, основная цель исследования – анализ поведения молодежи в конфликтной ситуации в связи с различными проявлениями этнической идентичности.

В группу испытуемых вошли 60 человек в возрасте от 18 до 27 лет; выборку составили представители русского этноса (такowymi респонденты позиционировали себя сами); все они имеют опыт межнационального взаимодействия [5; 10]. Группа респондентов была отобрана в соответствии с возрастными-психологическими особенностями и спецификой развития этнического самосознания.

Испытуемым были предложены следующие методики:

1. Методика «Типы этнической идентичности» (Г. У. Солдатова, С. В. Рыжова) [3].

2. «Диагностика предрасположенности личности к конфликтному поведению» К. Томаса (адаптация Н. В. Гришиной) [4].

Анализ данных осуществлялся с помощью интерпретационно-описательного метода; для количественной оценки данных использовался критерий ранговой корреляции Спирмена.

Результаты и обсуждение

Полученные результаты могут быть представлены следующим образом.

Распределение типов этнической идентичности приняло следующий вид: 1) этнонигилизм (11,4 %); 2) этническая индифферентность (11,4 %); 3) позитивная этническая идентичность (28,6 %); 4) этноэгоизм (25,7 %); 5) этноизоляционизм (14,3 %); 6) этнофанатизм (8,6 %). Исходя из этого, можно обнаружить следующие позиции в восприятии людей иной национальной принадлежности:

- этнические толерантные молодые люди (позитивная этническая идентичность) ориентированы на образ жизни своего этноса, но активно интересуются и образом жизни других народов. Они никогда не скрывают собственной национальной принадлежности – она полностью принимается и выступает основанием для гордости. Испытуемые данной подгруппы легко обсуждают национальные темы, не рассматривая национальность как признак, существенно влияющий на взаимодействия между людьми. Молодые люди будут одинаково комфортно чувствовать себя как в группах с представителями своего этноса, так и в группах людей иной национальности, а также и в группах смешанного этнического состава. В данной группе присутствует особое уважение к культуре и обрядам других национальностей – респонденты готовы позитивно воспринимать и принимать любые национальные особенности, какими бы отличными от своих собственных они ни были и какими бы странными ни казались окружающим. Именно молодые люди данной подгруппы готовы пойти на любой уровень взаимоотношений с иностранцами – это может быть дружба, любовь, брак, соседство, работа и др.;

- этнически нейтральные молодые люди (этнонигилизм, этническая индифферентность) отличаются некоторой неактуальностью этничности, однако при этом у них не обнаруживается неопределенности этнического происхождения. Для данной подгруппы национальность не имеет существенного значения в процессе общения; оно будет строиться на любых других основаниях, кроме национальных признаков, часто респонденты не знают или не задумываются относительно этнической принадлежности тех, с кем общаются. Отсюда вытекает и отсутствие предпочтений какой-либо национальной культуры; сама культура рассматривается молодыми людьми как наднациональное понятие, которое охватывает всех людей, независимо от их этнической принадлежности. Вследствие этого связь со своим этносом довольно зыбкая и осознается достаточно поверхностно. Вместе с тем респонденты отмечают, что часто ощущают превосходство людей другой национальности; они отмечают, что им жаль свой этнос, поскольку другие национальные группы живут гораздо лучше него. Кроме того, многие отмечают, что русских не уважают сегодня в мире, что они занимают совсем не то положение, какое должны. Однако нужно отметить, что испытуемые данной подгруппы все же уважают свой народ. Они уверены, что их точка зрения всего лишь отражает существующее положение дел, а не является стремлением унижить свой этнос;

- этнически нетерпимые молодые люди (этноэгоизм, этноизоляционизм, этнофанатизм) предпочитают только образ жизни своего народа. Они уверены, что необходимо жить именно так, как это при-

нято в своей культуре и у своего народа. Для данной подгруппы также типично испытывать чувство гордости за свой народ, которое достаточно легко переходит в ощущение превосходства над другими этносами. Компоненты национальной культуры должны активно развиваться только на территории проживания конкретной этнической группы. Это не означает, что респонденты не проявляют интереса к культуре других этносов, но они против их распространения в своей национальной и культурной среде. Поэтому все приезжие, живущие на территории РФ, не должны использовать или распространять элементы своей культуры. Однако, поскольку полностью избавиться от мигрантов на сегодняшний день не представляется возможным, испытуемые данной подгруппы выступают за строгое разделение правил для своих и чужих. Общение с представителями других этносов вызывает дискомфорт и даже раздражение. Чаще всего оно возможно, но только в исключительных случаях и только по необходимости; при этом отношения с другими национальными группами построены на значительной социальной дистанции.

Стратегии поведения в конфликте в соответствии с типами этнической идентичности распределились следующим образом:

- респонденты с позитивной этнической идентичностью ориентированы на такие стратегии, как компромисс (35 %), сотрудничество (29 %) – участники ситуации стремятся к удовлетворению интересов обеих сторон; при этом сам факт существования именно межнациональных споров и/или конфликтов ставится под сомнение. В случае конфликта молодые люди считают необходимым, прежде всего, разобраться в ситуации; также они уверены, что всегда можно найти такое решение, которое устроит все стороны (связь оценивалась с помощью критерия ранговой корреляции Спирмена – $r_s = 0,806$ и $r_s = 0,729$ соответственно);

- респонденты с гипопозитивной идентичностью (этнонигилизм и этническая индифферентность) ориентированы на соперничество (60 %) – участники ситуации стремятся к удовлетворению своих собственных интересов, принося ущерб интересам оппонента; в данной группе существование межнациональных споров и/или конфликтов также ставится под сомнение; испытуемые уверены, что за межнациональными вопросами стоят другие интересы (связь оценивалась с помощью критерия ранговой корреляции Спирмена – $r_s = 0,836$);

3) респонденты с гиперпозитивной этнической идентичностью (этноэгоизм, этнофанатизм, этноизоляционизм) ориентированы на такие стратегии, как избегание (36 %) и компромисс (22 %) – участники ситуации стремятся отложить конфликт и принятие важных решений на потом или к обязательному удовлетворению интересов обеих сторон. Именно межнациональное взаимодействие, по мнению респондентов, является основным источником непонимания, конфликтов, разногласий и взаимного недовольства: люди разных национальностей с трудом могут договориться, они изначально по-разному мыслят и оценивают многие вещи. В связи с этим межнациональное общение в целом желательно ограничить и использовать его только в исключительных случаях (связь оценивалась с помощью критерия ранговой корреляции Спирмена – $r_s = 0,763$).

Выводы

Таким образом, в рассматриваемой возрастной группе преобладают проявления гиперидентичности, вследствие чего категория «национальность» становится одной из наиболее важных как в оценке себя, так и в оценке своего окружения. Это можно объяснить тем, что анализируемая группа представляет собой национальное большинство региона, где постоянно приходится взаимодействовать с представителями различных национальностей.

Кроме того, было обнаружено, что выбор стратегии поведения в конфликтной ситуации определяется преобладающим типом этнической идентичности, задающим установки на межнациональное взаимодействие.

Информация об авторе

Юлия Игоревна Фомина, кандидат психологических наук, доцент, доцент кафедры психологии Тульского государственного университета (г. Тула, Россия).

Information about the author

Yuliya I. Fomina, Cand. Sci. (Psychology), associate professor, associate professor at Psychology chair of Tula State University, Tula, Russia.

Список литературы

1. Батхина А. А., Лебедева Н. М. Предикторы выбора русскими стратегии поведения в межкультурном конфликте // Социальная психология и общество. 2019. № 1. С. 70–91.
2. Богданов Н. А. К вопросу этнической толерантности // Социальная политика и социология. 2007. № 3. С. 197–202.
3. Практикум по психодиагностике и исследованию толерантности / под ред. Г. У. Солдатовой, Л. А. Шайгеровой. М. : МГУ им. М. В. Ломоносова, 2003. 112 с.
4. Райгородский Д. Я. Практическая психодиагностика. Методики и тесты. Самара : Бахрах-М, 2001. 672 с.
5. Реан А. А. Психология человека от рождения до смерти. СПб. : Прайм-Еврознак, 2001. 656 с.
6. Самохвалова В. И. Идентичность, норма и пределы толерантности // Философские науки. 2008. № 4. С. 26–45.
7. Солдатова Г. У. Психология межэтнической напряженности. М. : Смысл, 1998. 386 с.
8. Стефаненко Т. Г. Этнопсихология. М. : Аспект Пресс, 2004. 368 с.
9. Толстикова С. Н. Межэтнические конфликты и их профилактика в студенческой среде // Вестник Московского государственного гуманитарного университета им. М. А. Шолохова. 2012. № 2. С. 95–102.
10. Хогинец В. Ю. Этническое самосознание. СПб. : Алетейя, 2000. 235 с.
11. Чуваева А. А. Проблема национальной идентичности и межкультурной коммуникации // Вестник образовательного консорциума «Среднерусский университет». Серия : Гуманитарные науки. 2016. № 8. С. 75–77.
12. Hecht M. L., Warren J. R., Jung E., Krieger J. L. The communication theory of identity: Development, theoretical perspective, and future directions // Theorizing about intercultural communication / Ed. W. B. Gudykunst. Thousand Oaks : Sage, 2005. P. 257–278.
13. Kim Y. Y. Becoming intercultural: An integrative theory of communication and cross-cultural adaptation. Thousand Oaks : Sage, 2001. 321 p.
14. Martin J. N., Nakayama T. K. Intercultural communication in contexts. New York : McGraw-Hill, 2012. 504 p.

15. Samovar L. A., Porter R. E. *Communication between cultures*. Belmont : Wadsworth Press, 2009. 496 p.

Статья поступила в редакцию: 26.10.2019
Принята к публикации: 03.12.2019

References

1. Batkhina AA, Lebedeva NM. Prediktory vybora russkimi strategii povedeniya v mezhkul'turnom konflikte [Predictors of behavioral strategy choice among Russians in intercultural conflict]. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo = Social Psychology and Society*. 2019;1: 70–91. (In Russ.).
2. Bogdanov NA. K voprosu etnicheskoi tolerantnosti [To the question of ethnic tolerance]. *Sotsial'naya politika i sotsiologiya = Social policy and Sociology*. 2007;3: 197–202. (In Russ.).
3. Soldatova GU, Shaigerova LA. (eds.) *Praktikum po psikhodiagnostike i issledovaniyu tolerantnosti [The workshop on psycho-diagnostics and studies into tolerance]*. Moscow: Moscow State University after M. V. Lomonosov; 2003. 112 p. (In Russ.).
4. Raigorodsky DYa. *Prakticheskaya psikhodiagnostika. Metodiki i testy [Practical psycho-diagnostic: Methods and tests]*. Samara: Bakhrakh-M; 2001. 672 p. (In Russ.).
5. Rean AA. *Psikhologiya cheloveka ot rozhdeniya do smerti [Psychology of man from birth to death]*. Saint Petersburg: Praim-Evroznak; 2001. 656 p. (In Russ.).
6. Samokhvalova VI. Identichnost', norma i predely tolerantnosti [Identity, norm and limits of tolerance]. *Filosofskie nauki = Philosophical Sciences*. 2008;4: 26–45. (In Russ.).
7. Soldatova GU. *Psikhologiya mezhetnicheskoi napryazhennosti [Psychology of interethnic tension]*. Moscow: Smysl; 1998. 386 p. (In Russ.).
8. Stefanenko TG. *Etnopsikhologiya [Ethno-psychology]*. Moscow: Aspekt Press; 2004. 368 p. (In Russ.).
9. Tolstikova SN. Mezhetnicheskie konflikty i ikh profilaktika v studencheskoi srede [Interethnic conflicts and their prevention in a students' milieu]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta im. M. A. Sholokhova = The Bulletin of Moscow State University for Humanities after M. A. Sholokhov*. 2012;2: 95–102. (In Russ.).
10. Khotinets VYu. *Etnicheskoe samosoznanie [Ethnic self-awareness]*. Saint Petersburg: Aleteiya; 2000. 235 p. (In Russ.).
11. Chouvaeva AA. Problema natsional'noi identichnosti i mezhkul'turnoi kommunikatsii [The problem of national identity and intercultural communication]. *Vestnik obrazovatel'nogo konsortsiума «Srednerusskii universitet». Seriya: Gumanitarnye nauki = Bulletin of the Educational Consortium of the Middle Russian University. Series: Human Sciences*. 2016;8: 75–77. (In Russ.).
12. Hecht ML, Warren JR, Jung E, Krieger JL. The communication theory of identity: Development, theoretical perspective, and future directions. In: Gudykunst WB. (ed.) *Theorizing about intercultural communication*. Thousand Oaks: Sage; 2005. p. 257–278.
13. Kim YY. *Becoming intercultural: An integrative theory of communication and cross-cultural adaptation*. Thousand Oaks: Sage; 2001. 321 p.
14. Martin JN, Nakayama TK. *Intercultural communication in contexts*. New York: McGraw-Hill; 2012. 504 p.
15. Samovar LA, Porter RE. *Communication between cultures*. Belmont: Wadsworth Press; 2009. 496 p.

Submitted 26.10.2019

Accepted 03.12.2019

DOI: 10.35853/LAU.WS.2019.SP09
УДК [159.942+614.8]:37

Эмоциональная безопасность образовательной среды, созданной на базе блог-технологий

Надежда Н. Василюк,

Пермский государственный национальный исследовательский университет,
г. Пермь, Россия

ORCID: 0000-0002-0397-3831, e-mail: prepod.nn@gmail.com

Аннотация. В настоящей статье рассматривается эмоциональная безопасность информационно-коммуникационной образовательной среды, созданной на основе блог-технологий. Распространение и масштабное использование сети Интернет вынуждает преподавателей вовлекать студентов в обучение с помощью образовательных сред, основанных на сервисах этой глобальной сети. При этом эмоциональная безопасность подобной образовательной среды становится необходимым условием, так как выполнение заданий и коммуникация, отличающаяся от обычного аудиторного обучения, могут вызывать тревожность и страх у студентов. В ходе исследования мы пытаемся найти ответ на вопрос: какие эмоции испытывают студенты при обучении в образовательной среде, созданной на основе блог-технологий? В ходе работы мы использовали такие методы, как анализ литературы по вопросам исследования, синтезирование, сопоставление, анкетирование, систематическое наблюдение, беседа, анализ деятельности студентов, графическое представление результатов. Нами выявлены основные проблемы, возникающие при работе в указанной образовательной среде, созданной на основе блог-технологий, и предложены рекомендации для коррекции поведения обучаемых с целью минимизировать отрицательные эмоции. Отметим, что рассматриваемая нами информационно-коммуникационная образовательная среда ранее не исследовалась с точки зрения эмоциональной безопасности. Сделанные нами выводы могут быть использованы для организации комфортного обучения студентов в других образовательных средах, основанных на иных интернет-технологиях.

Ключевые слова: эмоциональная безопасность, информационно-коммуникационная образовательная среда, Интернет, блог-технологии.

Для цитирования: Василюк Н. Н. Эмоциональная безопасность образовательной среды, созданной на базе блог-технологий // Благополучие и безопасность в условиях социальных трансформаций : сб. науч. тр. X Междунар. симпозиума (г. Екатеринбург, 9–10 июля 2019 г.) / ред. Е. Б. Перельгина, О. Ю. Зотова, А. В. Дроздова, Л. В. Тарасова. – Екатеринбург : Гуманитарный университет, 2019. – С. 88–95. – ISBN 978-5-7741-0376-8. – DOI: 10.35853/LAU.WS.2019.SP09.

© Н. Н. Василюк, 2019

Emotional Security of an Education Environment Based on Blog-Technologies

Nadezhda N. Vasilyuk,

Perm State National Research Institute, Perm, Russia
ORCID: 0000-0002-0397-3831, e-mail: prepod.nn@gmail.com

Abstract. The article explores the emotional security of an information-and-communication-oriented educational environment based on blog-technologies. The spread and the massive use of the Internet forces educators to involve students in training activities via educational settings based on services of this global network. Emotional security of such an environment becomes a must as the accomplishment of tasks and communication offered in this environment are different from those in classical in-class education and can contribute to students' anxiety and fear. We attempted to find an answer to the question: What emotions do students experience when being taught in an educational environment based on blog-technologies? The methods of the study included relevant studies overview, synthesis, matching, questionnaire, observation, interviews, students' academic activity analysis, and visual representations of the results. The author singled out basic problems generated in this new setting and offered recommendations for the students' behavior interventions with the purpose of minimizing negative emotions. It is of interest that the education-and-communication environment under study has not been examined from the perspective of emotional security so far. The findings in this study can be applied in organizing comfort conditions for students' training in different educational environments based on other Internet-technologies.

Keywords: emotional security, education-and-communication educational environment, Internet, blog-technologies.

For citation: Vasilyuk NN. Emotional Security of an Education Environment Based on Blog-Technologies. In: Pereygina EB, Zotova OYu, Drozdova AV, Tarasova LV. (eds.) *Well-being and Security in the Face of Social Transformations: Collection of academic papers from the 10th International Symposium (Yekaterinburg, July 9–10, 2019)*. Yekaterinburg: Liberal Arts University – University for Humanities; 2019. p. 88–95. Available from: doi:10.35853/LAU.WS.2019.SP09.

Введение

Распространение сети Интернет, ее внедрение в различные сферы жизнедеятельности привели к необходимости интернетизации обучения как в школе, так и в высших учебных заведениях. Одним из этапов интернетизации обучения следует признать создание преподавателем образовательной среды на базе интернет-технологий – с целью обучения студентов предмету вместе с формированием умений использовать интернет-сервисы. Проблемы, возникающие у студентов в процессе обучения в подобных образовательных средах, остаются малоисследованными и зачастую отклоняются, как несущественные.

Рассмотрим информационно-коммуникационную образовательную среду, созданную на основе блог-технологий. Блог-технологии обладают определенной особенностью: в них есть возможность публиковать комментарии. Это дает возможность построить на их основе сетевую коммуникационную среду, обладающую некоторыми преимуществами. Информационно-коммуникационная образовательная среда (ИКОС) на базе блог-технологий может быть построена следующим образом. Сначала преподавателем создается общий блог группы, который назовем организационным. Этот блог будет доступен как преподавателю, так и всем студентам, но публиковать сообщения будет

иметь возможность только преподаватель. Далее, каждый учащийся должен создать свой личный блог для выполнения там учебных заданий. Публиковать сообщения, модерировать личный блог сможет только сам студент.

Обучение в созданной таким образом среде происходит в дистанционном режиме. Преподаватель публикует теоретический материал, задания и вопросы по изучаемой теме в организационном блоге. Студенты изучают предложенные материалы, отвечают на вопросы и выполняют задания в своих «рабочих тетрадях» – личных блогах. Обучающиеся могут задавать вопросы как преподавателю, так и друг другу, используя средства общения, предоставляемые блог-технологиями: с помощью комментариев, оставляемых под сообщениями блога.

Общение в образовательной среде на основе блог-технологий отличается от привычного многим общения в сети Интернет прежде всего тем, что там нет анонимности. Студенты работают под своими подлинными именами, но при этом им разрешено заменять имя и фамилию никнеймом, т. е. псевдонимом, используемым в Интернете, как правило, в блогах, форумах или чатах. Тем не менее преподаватель с легкостью может определить автора того или иного сообщения.

Выполнение заданий и коммуникация в подобной образовательной среде заметно отличаются от обычного аудиторного обучения, что может вызывать тревожность, страх или иные негативные эмоции у студентов. Отметим, что эмоциональная безопасность образовательной среды, основанной на блог-технологиях, ранее не рассматривалась в научной литературе.

Между тем исследователи уверены, что безопасность играет очень важную роль среди человеческих потребностей. О. Ю. Зотова утверждает, что «базовая человеческая потребность – это потребность в безопасности» [10, с. 1816]. Она же отмечает: «Потребность в безопасности возникает вместе с появлением человека на свет и сопровождает его на протяжении всей его жизни» [6, с. 76]. То же самое утверждает и Т. Н. Березина: «Безопасность – одна из базовых потребностей человека, и она включает в себя множество аспектов» [1].

Эмоциональная безопасность образовательной среды при традиционном аудиторном обучении исследована Т. Н. Березиной, О. Ю. Зотовой и другими авторами. Так, по Т. Н. Березиной, образовательная среда может считаться эмоционально безопасной, если она «помогает субъекту переживать подлинные положительные или нейтральные эмоции, при этом минимизируя действие подлинных отрицательных эмоций» [3, с. 16]. Или, иначе, «эмоциональной безопасностью назовем такое состояние образовательной среды, при котором случается увеличение количества и качества подлинных положительных эмоций и происходит минимизирование отрицательных» [4, с. 133]. Таким образом, в эмоционально безопасной образовательной среде «отрицательные эмоции (страха, гнева и др.) выражены в меньшей степени, а доля положительных эмоций (радости, удовольствия, интереса) растет» [3, с. 21].

Создание безопасной с эмоциональной точки зрения среды важно как для здоровья обучаемых, так и для здоровья преподавателей. Е. В. Ярославкина говорит о необходимости формирования «образовательной среды, где все ее участники ощущали бы защищенность и могли удовле-

творить основные духовные потребности, при этом сохраняя и развивая оптимистическое отношение к себе и окружающему миру» [9, с. 277]. Эмоциональный компонент психологической безопасности образовательной среды имеет большое значение еще и по той причине, что он влияет на развитие физического и психического здоровья студентов. Т. Н. Березина полагает, что эмоциональная безопасность образовательной среды может способствовать укреплению здоровья и снизить риск психосоматических заболеваний у учащихся, и даже обеспечить продление продуктивной жизни [2]. А. Ю. Коджаспиров отмечает, что необходимо «нивелировать негативное влияние среды на психическое и физическое здоровье всех участников образовательного процесса (обучающихся, родителей, педагогов)» [7, с. 38].

Как отмечают С. Рубцов и Т. Н. Березина, понятие «эмоциональная безопасность образовательной среды» относительно новое для педагогики. Эти авторы выделяют два компонента, из которых состоит эмоциональная безопасность образовательной среды. В качестве показателя первого компонента рекомендуется взять радость. А в качестве показателя второго компонента рекомендуется эмоция страха, по тем причинам, что образовательная среда переполнена разнообразными страхами, и потому, что страх (или тревожность) достаточно хорошо изучены [8].

Теперь сформулируем проблему исследования: является ли эмоционально безопасной ИКОС, созданная на основе блог-технологий? Какие эмоции испытывают студенты при работе в подобной среде?

Методы исследования

Цель исследования – выяснить, насколько эмоционально безопасна ИКОС, созданная на основе блог-технологий.

Задачи исследования:

1) определить, какие эмоции испытывают студенты при обучении в ИКОС, созданной на основе блог-технологий (путем выявления уровня тревожности);

2) выяснить, насколько эмоционально безопасна ИКОС, созданная на основе блог-технологий;

3) выявить основные проблемы, с которыми сталкиваются студенты при обучении в подобной среде, и предложить рекомендации для решения этих проблем.

Теоретические методы исследования: анализ литературы по вопросам исследования, синтезирование, сопоставление.

Методы эмпирического исследования: анкетирование, систематическое наблюдение, беседа, изучение деятельности студентов, графическое представление результатов.

Результаты и обсуждение

Для выяснения уровня тревожности студентов при работе в ИКОС на основе блог-технологий был применен опросник Спилбергера–Ханина [5]. Нами было опрошено 50 студентов, обучающихся на первом курсе Пермского государственного национального исследовательского университета, которые в течение целого семестра выполняли задания по информатике в ИКОС, основанной на базе блог-технологий. Вначале им было предложено ответить на вопросы по шкале личной тревожности (табл. 1).

Таблица 1

Бланк ответов по шкале личностной тревожности (фрагмент)

№	Суждение	Нет, совсем не так	Пожалуй, что так	Да, верно	Совершенно верно
1	Иногда у меня приподнятое настроение	1	2	3	4
2	Я часто бываю раздражительным	1	2	3	4
3	Я с легкостью расстраиваюсь	1	2	3	4
4	Я хочу, чтобы мне сопутствовала удача так же, как и другим	1	2	3	4
5	Я не могу забыть о неприятностях и долго переживаю из-за них	1	2	3	4
	...(еще 15 предложений)				

Оценив результаты с помощью ключа к методике [5], мы получили следующие результаты. Из 50 студентов 41 продемонстрировал низкий уровень тревожности, 7 – умеренный, а 2 – высокий. Нормативные показатели использовались следующие:

- до 30 баллов – тревожность низкая (отсутствует);
- от 31 до 44 баллов – умеренная тревожность;
- 45 и более – высокая (выраженная) тревожность.

Так как в цели нашего исследования не входила коррекция обучаемых с высоким уровнем личной тревожности, то для проведения второго этапа опроса мы исключили студентов с ее умеренным и высоким уровнем из экспериментальной группы.

Оставшейся части студентов была предложена видоизменная шкала ситуативной тревожности, дополненная одним условием (табл. 2). Указанный тест выявляет степень тревоги, которую испытывает человек в какой-либо ситуации. В нашем случае ситуация – это работа в ИКОС на базе блог-технологий.

Таблица 2

Видоизменный бланк ответов по шкале ситуативной тревожности (фрагмент)

Суждение	Нет, совсем не так	Пожалуй, что так	Да, верно	Совершенно верно
При выполнении заданий в ИКОС на базе блог-технологий...				
1. Я спокоен (спокойна)	1	2	3	4
2. Мне ничто не угрожает	1	2	3	4
3. Я пребываю в напряжении	1	2	3	4
4. Я испытываю сожаление	1	2	3	4
5. Я себя чувствую свободно	1	2	3	4
...(еще 15 предложений)				

Обработка результатов опросника помогает достичь следующих целей:

1. Выяснить показатели ситуативной тревожности при помощи ключа.
2. Используя показатели уровня тревожности, сформулировать указания для корректировки поведения испытуемых.

При анализе результатов опроса отметим, что общая итоговая оценка по каждой шкале может находиться в промежутке от 20 до 80 баллов. И чем выше итоговая оценка, тем выше уровень тревожности. Для трак-

товки оценок были использованы следующие нормативные показатели: до 30 баллов – низкая, 31–44 балла – умеренная; 45 и более – высокая.

29 из числа опрошенных студентов показали низкий уровень тревожности, у 8 студентов был диагностирован умеренный уровень тревожности, и у 4 был выявлен высокий уровень тревожности при работе в ИКОС (рисунок).

Рис. Распределение уровней тревожности при работе в ИКОС

Отметим, что у большей части (70 %) студентов уровень тревожности при выполнении заданий в обследуемой нами среде оказался низким. Однако при этом существует необходимость преодоления негативных эмоций у тех обучаемых, которые показали умеренный и высокий уровень тревожности (30 %). Для коррекции поведения испытуемых нами были определены наиболее часто встречающиеся проблемы, с которыми сталкиваются студенты при обучении в ИКОС, основанной на базе блог-технологий. По итогам собеседования со студентами были выработаны рекомендации для коррекции поведения обучаемых. Приводим список указанных проблем и рекомендации.

1. Проблема: низкий уровень владения интернет-технологиями и умения работать с блог-технологиями в частности. Рекомендации: дополнительные занятия по обучению работе в сети Интернет и навыкам по ведению блогов, конкретное планирование работы по подзадачам.

2. Проблема: отсутствие мотивации для работы онлайн вместо обучения в аудитории (компьютерном классе). Рекомендации: индивидуальная беседа о преимуществах онлайн-обучения, содержательное осмысление собственной деятельности.

3. Проблема: отсутствие прямой связи с преподавателем во время выполнения заданий, неумение вести диалог с преподавателем через коммуникативные сервисы. Рекомендации: индивидуальные занятия со студентами, испытывающими тревожность при использовании интернет-технологий для общения с преподавателем.

Заключение

В целом рассматриваемую нами ИКОС, созданную на базе блог-технологий, можно признать эмоционально безопасной для большинства обучаемых. Для снижения уровня тревожности при работе в ИКОС

на базе блог-технологий нами предложены рекомендации коррекции поведения студентов, основанные на типичных проблемах, возникающих в процессе обучения. Результаты исследования могут применяться для организации комфортного обучения студентов в образовательных средах, основанных на иных интернет-технологиях.

Информация об авторе

Надежда Николаевна Василюк, кандидат педагогических наук, доцент кафедры информационных технологий механико-математического факультета Пермского государственного национального исследовательского университета (г. Пермь, Россия).

Information about the author

Nadezhda N. Vasilyuk, Cand. Sci. (Pedagogy), associate professor at IT chair of Perm State National Research Institute (Perm, Russia).

Список литературы

1. Березина Т. Н. Объективное измерение положительных эмоций у студентов как составляющая оценки безопасности образовательной среды // Психологическая наука и образование. 2013. № 1. С. 41–50.
2. Березина Т. Н. Формирование эмоциональной безопасности образовательной среды (психолого-педагогические аспекты) // Современное образование. 2015. № 1. С. 53–68.
3. Березина Т. Н. Эмоциональная безопасность образовательной среды и подлинные эмоции // Вестник Московского государственного областного университета. Серия «Психологические науки». 2013. № 3. С. 16–22.
4. Березина Т. Н. Эмоциональная безопасность субъектов образовательной среды как психологическая проблема // Человеческий капитал. 2013. № 9 (57). С. 133–138.
5. Емцова И. В. Шкала реактивной и личностной тревожности Спилбергера // Nportal.ru : социальная сеть работников образования. URL: <https://nportal.ru/shkola/psikhologiya/library/2013/03/09/shkala-reaktivnoy-i-lichnostnoy-trevozhnosti-spilbergera> (дата обращения: 01.09.2019).
6. Зотова О. Ю. Эмоциональная безопасность личности в контексте жизненного пути // Дискуссия. 2015. № 9 (61). С. 76–83.
7. Коджаспиров А. Ю. Безопасность личности в образовательной среде школы как психолого-педагогическая проблема // Безопасность образовательной среды / отв. ред. и сост. Г. М. Коджаспиров. М. : Икон-информ, 2008. С. 38–44.
8. Рубцов С., Березина Т. Н. Роль подлинных эмоций в эмоциональной безопасности образовательной среды // Психологическая наука и образование. 2013. № 6. С. 101–107.
9. Ярославкина Е. В. Психологически комфортная и безопасная образовательная среда как необходимое условие для эффективной профессиональной деятельности преподавателей вуза // Всероссийская весенняя психологическая сессия : сборник материалов Всероссийской науч.-практ. конф. / под ред. Н. Н. Васягина, Е. А. Казаева. Екатеринбург : Уральский государственный педагогический университет, 2017. С. 273–278.
10. Zotova O. Yu. Emotional Security of People // Journal of Siberian Federal University. 2015. № 9 (8). P. 1816–1833.

*Статья поступила в редакцию: 20.10.2019
Принята к публикации: 25.11.2019*

References

1. Berezina TN. Ob'ektivnoe izmerenie polozhitel'nykh emotsii u studentov kak sostavlyayushchaya otsenki bezopasnosti obrazovatel'noi sredy [Objective measurement of positive emotions in students as part of safety assessment of educational environment]. *Psikhologicheskaya nauka i obrazovanie = Psychological Science and Education*. 2013;1: 41–50. (In Russ.).
2. Berezina TN. Formirovanie emotsional'noi bezopasnosti obrazovatel'noi sredy (psikhologo-pedagogicheskie aspekty) [The formation of emotional security of the educational environment (psychological and pedagogical aspects)]. *Sovremennoe obrazovanie = Contemporary education*. 2015;1: 53–68. (In Russ.).
3. Berezina TN. Emotsional'naya bezopasnost' obrazovatel'noi sredy i podlinnye emotsii [Emotional Safety of Educational Environment and Genuine Emotions]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya «Psikhologicheskie nauki» = Bulletin of the MSRU. Series: Psychology*. 2013;3: 16–22. (In Russ.).
4. Berezina TN. Emotsional'naya bezopasnost' sub'ektov obrazovatel'noi sredy kak psikhologicheskaya problema [Emotional Safety of the Subjects of the Educational Environment as a Psychological Problem]. *Chelovecheskii kapital = Human capital*. 2013;9(57): 133–138. (In Russ.).
5. Emtsova IV. Shkala reaktivnoi i lichnostnoi trevozhnosti Spilbergera [The Spielberger State-Trait Anxiety Inventory]. *Nsportal.ru*. Website. 2013. Available from: <https://nsportal.ru/shkola/psikhologiya/library/2013/03/09/shkala-reaktivnoy-i-lichnostnoy-trevozhnosti-spilbergera> [Accessed 01.09.2019]. (In Russ.).
6. Zotova OYu. Emotsional'naya bezopasnost' lichnosti v kontekste zhiznennogo puti [Personality's emotional security in the context of course of life]. *Diskussiya = Discussion*. 2015;9(61): 76–83. (In Russ.).
7. Kodzhaspirov AYu. Bezopasnost' lichnosti v obrazovatel'noi srede shkoly kak psikhologo-pedagogicheskaya problema [Personality security in a school setting as a psychological and pedagogical problem]. In: Kodzhaspirov GM. (ed.) *Bezopasnost' obrazovatel'noi sredy [Security of the educational environment]*. Moscow: Ikon-inform; 2008. p. 38–44. (In Russ.).
8. Rybtsov SA, Berezina TN. Rol' podlinnykh emotsii v emotsional'noi bezopasnosti obrazovatel'noi sredy [The role of genuine emotions in the emotional security of the educational environment]. *Psikhologicheskaya nauka i obrazovanie = Psychological Science and Education*. 2013;6: 101–107. (In Russ.).
9. Yaroslavkina EV. Psikhologicheski komfortnaya i bezopasnaya obrazovatel'naya sreda kak neobkhodimoe uslovie dlya effektivnoi professional'noi deyatel'nosti prepodavatelei vuza [Psychologically Comfortable and Safe Educational Environment as Necessary Condition for Effective Professional Activity of Teachers of Higher Education Institution]. In: Vasyagin NN, Kazaev EA. (eds.) *Vserossiiskaya vesenniyaya psikhologicheskaya sessiya [The nationwide Russian spring psychological session]: collected works of All-Russian scientific and practical conference*. Yekaterinburg: Ural State Pedagogical University; 2017. p. 273–278. (In Russ.).
10. Zotova OYu. Emotional Security of People. *Journal of Siberian Federal University*. 2015;9(8): 1816–1833.

Submitted 20.10.2019

Accepted 25.11.2019

DOI: 10.35853/LAU.WS.2019.SP10
УДК 159.923:355.484

Эмпирическая характеристика когнитивных стилей психологически благополучных курсантов военных вузов

Иван В. Горбачев,

Военный университет Министерства Обороны Российской Федерации,
г. Москва, Россия

ORCID: 0000-0002-4779-2784, e-mail: ivan.gorbachev.090390@inbox.ru

Валерий С. Агапов,

НОУ ВО «Российский новый университет»,
г. Москва, Россия

ORCID: 0000-0002-1999-7408, e-mail: agapov.vs@mail.ru

Наталья Н. Красноштанова,

Московский университет МВД России им. В. Я. Кикотя, г. Москва, Россия
ORCID: 0000-0002-4367-8271, e-mail: krasnoshtanjva_n@bk.ru

Аннотация. Одной из основных задач психологического обеспечения профессиональной деятельности военнослужащих является создание условий психологического благополучия личности. Целью проводимого эмпирического исследования явилась проверка предположения о том, что имеется взаимосвязь между когнитивным компонентом психологического благополучия и когнитивным стилем личности. В качестве экспериментальной выборки рассматривались курсанты одного из российских военных вузов. Когнитивные стили курсантов изучались при помощи опросника «Индивидуальный стиль когнитивного поведения» (О. Н. Манолова, А. Н. Гусев). Основными критериями оценки когнитивного стиля курсантов являются количество и симметричность положительных выборов по каждой дихотомической шкале. Полученные результаты свидетельствуют о достаточно сбалансированных, в целом, когнитивных стилях курсантов, максимальный разброс прослеживается по шкалам «Полизависимость – Полинезависимость» – 26,8 %, свидетельствующий о склонности курсантов в большей степени ориентироваться на собственные знания, опыт и умения при среднем уровне ориентации на внешние социальные признаки. Минимальный разброс значений был показан по шкалам «Импульсивность – Рефлексивность» – 6,2 %, что характеризует курсантов как сдержанных и хладнокровных при принятии решения, высоком темпе принятия решения в условиях неопределенности, склонности к импровизации. При этом высокие значения по шкале «Рефлексивность» говорят о том, что курсанты более склонны к взвешенным и продуманным решениям, чем к импульсивным. Гармоничность развития этих когнитивных стилей свидетельствует о том, что, в зависимости от особенностей профессиональной деятельности, курсанты могут действовать как импульсивно, так и обдуманно.

Ключевые слова: психологическое благополучие, когнитивные стили, курсанты, военная служба.

Для цитирования: Горбачев И. В., Агапов В. С., Красноштанова Н. Н. Эмпирическая характеристика когнитивных стилей психологически благополучных курсантов военных вузов // Благополучие и безопасность в условиях социальных трансформаций : сб. науч. тр. X Междунар. симпозиума (г. Екатеринбург, 9–10 июля 2019 г.) / ред. Е. Б. Перельгина, О. Ю. Зотова, А. В. Дроздова, Л. В. Тарасова. – Екатеринбург : Гуманитарный университет, 2019. – С. 96–105. – ISBN 978-5-7741-0376-8. – DOI: 10.35853/LAU.WS.2019.SP10.

© И. В. Горбачев, В. С. Агапов, Н. Н. Красноштанова, 2019

An Empirical Characteristic of Cognitive Styles of Military Academies Trainees Exhibiting Psychological Wellbeing

Ivan V. Gorbachyov,
Military University of the Ministry of Defense of the Russian Federation,
Moscow, Russia
ORCID: 0000-0002-4779-2784, e-mail: ivan.gorbachev.090390@inbox.ru
Valery S. Agapov,
Russian New University, Moscow, Russia
ORCID: 0000-0002-1999-7408, e-mail: agapov.vs@mail.ru
Nataliya N. Krasnoshatanova,
Kikotya Moscow University of the Ministry of Internal Affairs
of the Russian Federation, Moscow, Russia
ORCID: 0000-0002-4367-8271, e-mail: krasnoshtanjva_n@bk.ru

Abstract. To create conditions necessary for fostering psychological wellbeing is one of the main tasks of psychological support to the military. This empirical study aims to confirm the link between a cognitive component of psychological wellbeing and personality cognitive style. The sample consisted of trainees of one military academy. The authors exploited the questionnaire Individual Style of Cognitive Behavior by O. N. Manolova and A. N. Gusev to investigate the cognitive styles of the military trainees. The key criterion was the number and symmetry of positive selections per each dichotomized scale. The results obtained testified to quite well-balanced cognitive styles of the cadets: the scale Dependence-Independence showed a maximum internal scatter – 26 %, which means that the respondents tend to rely on their knowledge, experience, and skills in terms of average orientation to external social features. Scales Impulsiveness-Reflexivity demonstrated a minimum scatter – 6,2 %, which characterizes the trainees as cold-blooded and self-composed while making decisions, quick in decision making under uncertainty. High Reflexivity values indicate that trainees have a penchant for balanced and thought-out decisions rather than impulsive ones. The harmony of the development of these cognitive styles means that depending on the particularities of professional activities the military cadets can act both impulsively and on a balanced basis.

Keywords: psychological wellbeing, cognitive styles, cadets, military service.

For citation: Gorbachyov IV, Agapov VS, Krasnoshatanova NN. An Empirical Characteristic of Cognitive Styles of Military Academies Trainees Exhibiting Psychological Wellbeing. In: Perelygina EB, Zotova OYu, Drozdova AV, Tarasova LV. (eds.) *Wellbeing and Security in the Face of Social Transformations: Collection of academic papers from the 10th International Symposium (Yekaterinburg, July 9–10, 2019)*. Yekaterinburg: Liberal Arts University – University for Humanities; 2019. p. 96–105. Available from: doi:10.35853/LAU.WS.2019.SP10.

Введение

Обеспечение психологического благополучия военнослужащих становится на сегодняшний день актуальной задачей для специалистов по работе с личным составом всех силовых структур.

Это вполне объяснимо потому, что только удовлетворенный жизнью, счастливый человек, осознающий свою службу как «дело своей жизни» и воспринимающий ее как вершину самоактуализации, может выполнять те сложные, сопряженные с риском, самоограничениями и лишениями задачи военной службы, которые ставит перед ним общество [11].

Понятие психологического благополучия в военной психологии пока практически не разработано. Исследований особенностей структу-

ры психологического благополучия и особенностей его переживания военнослужащими в процессе служебной деятельности на сегодняшний день не известно. Поэтому нашей научной задачей является всестороннее исследование данного феномена у военнослужащих, а конкретной целью данного его этапа, отраженного в статье, стала эмпирическая проверка гипотезы о связи когнитивных стилей военнослужащих с характеристиками психологического благополучия.

Все ученые, изучающие проблему психологического благополучия (душевного комфорта) личности, при всем разнообразии взглядов на данный феномен, едины в том, что он имеет собственную сложную структуру, в которой выделяются когнитивный и эмоциональный компоненты [3; 4; 5].

Мы полагаем, что между когнитивным компонентом психологического благополучия и когнитивным стилем личности существует зависимость, так как когнитивный компонент благополучия отражает целостность и относительную непротиворечивость картины мира личности, понимание реальной жизненной ситуации, а когнитивный стиль личности – это отражение способа мышления, восприятия и запоминания информации [1].

Диссонанс в когнитивной сфере, вносимый противоречивой информацией, сенсорная или информационная депривация влекут за собой восприятие субъектом ситуации как неопределенной и, соответственно, порождают ощущение психологического дискомфорта, дезадаптации, что приводит к утрате чувства психологического благополучия.

Это положение легло в основу нашей гипотезы о связи когнитивных стилей курсантов с их психологическим благополучием. Существует ли особый стиль мышления, характеризующий военного как профессионала? Исследование показало, что это так.

Методы исследования

Экспериментальную выборку составили курсанты разных курсов обучения одного из российских военных вузов в количестве 97 человек. На данном этапе эксперимента были изучены их когнитивные стили по методике «индивидуальный стиль когнитивного поведения» [6].

Традиционно в психологической литературе когнитивные стили оценивались по униполярным методикам [7; 8]. Методика, предложенная О. Н. Маноловой, позволяет исследовать оба полюса когнитивных стилей как самостоятельные психологические образования и, оценивая степень их конгруэнтности, оценить сбалансированность стиля когнитивного поведения личности курсанта [2].

В настоящем исследовании использовались шесть основных когнитивных стилей [9; 10], представленных в виде 12 относительно самостоятельных шкал, таких как полизависимость, полинезависимость, узкий диапазон эквивалентности, широкий диапазон эквивалентности, гибкость познавательного контроля, ригидность познавательного контроля, импульсивность, рефлексивность, конкретная концептуализация, абстрактная концептуализация, толерантность к нереалистическому опыту, нетолерантность к нереалистическому опыту.

Каждая шкала методики измерялась по 7 вопросам, на которые курсант должен был поставить от 1 до 4 баллов в зависимости от степени согласия с утверждением.

Соответственно 3 и 4 балла – это высшие показатели выраженности у личности данного когнитивного стиля.

Результаты и обсуждение

На основании полученных данных, отражающих количество положительных выборов курсантов по каждой шкале, был построен профиль когнитивного стиля каждого курсанта. Пример такого профиля приведен на рисунке 1.

Так, данный курсант показал, что наиболее сбалансированными в познавательном поведении у него являются параметры «Гибкости» – «Ригидности» познавательного контроля (соответственно 6 и 5 положительных выборов из 7 вопросов, характеризующих данные шкалы). Это характеризует курсанта как когнитивно гибкого, способного анализировать сложный и разноплановый материал, легко переходить из одной программы деятельности в другую. Высокие же оценки по прямо противоположной шкале «Ригидность познавательного контроля», отражающие его склонность к жесткому следованию намеченному плану, инструкциям при любых обстоятельствах, не диссонируют с первой шкалой, а, наоборот, свидетельствуют о высоком уровне и гармоничности данного параметра когнитивного поведения личности, о способности к его вариативности в разных ситуациях деятельности.

То есть этот курсант «инициативен в рамках инструкции», может быстро реагировать на изменившиеся приоритеты задач, но в условиях многозадачной деятельности сохранять контроль над ними, выполняя параллельно несколько мыслительных операций.

Высший балл (7 из 7) данный респондент показал по шкале «Полинезависимость». Это говорит о таких особенностях его когнитивного поведения, как склонность ориентироваться на собственные знания, опыт, условия задачи, не принимая во внимание мнение окружающих. По полярной шкале «Полизависимость» при этом он показывает 4 выбора из 7. Это говорит о средней выраженности его ориентации на внешние социальные признаки при решении проблемы. При этом следует отметить, что это характерно для 79,4 % курсантов (рис. 2). Таким образом, это общая тенденция, отражающая особенности когнитивных стилей военнослужащих в целом.

От них требуется высокий уровень самоконтроля и индивидуальная ответственность за свои действия и принятые решения. Поэтому это отражается в их когнитивном стиле, выработанном с годами службы. Принимать решения, основываясь на личном опыте, и нести ответственность за него, а не делать «как все». Близкие по значению биполярных шкал показатели (5 и 4) респондент показал по шкалам «Узкий диапазон эквивалентности» – «Широкий диапазон эквивалентности». Это говорит о гармоничности данного параметра когнитивного стиля курсанта. При высокой чувствительности к деталям, нюансам в деятельности, четком выделении границ, точных стандартов в оценке (следование нормативным документам, уставам, приказам), он способен понимать общую стратегию деятельности, находить сходства, давать общие оценки предметам и на основании этого принимать решения.

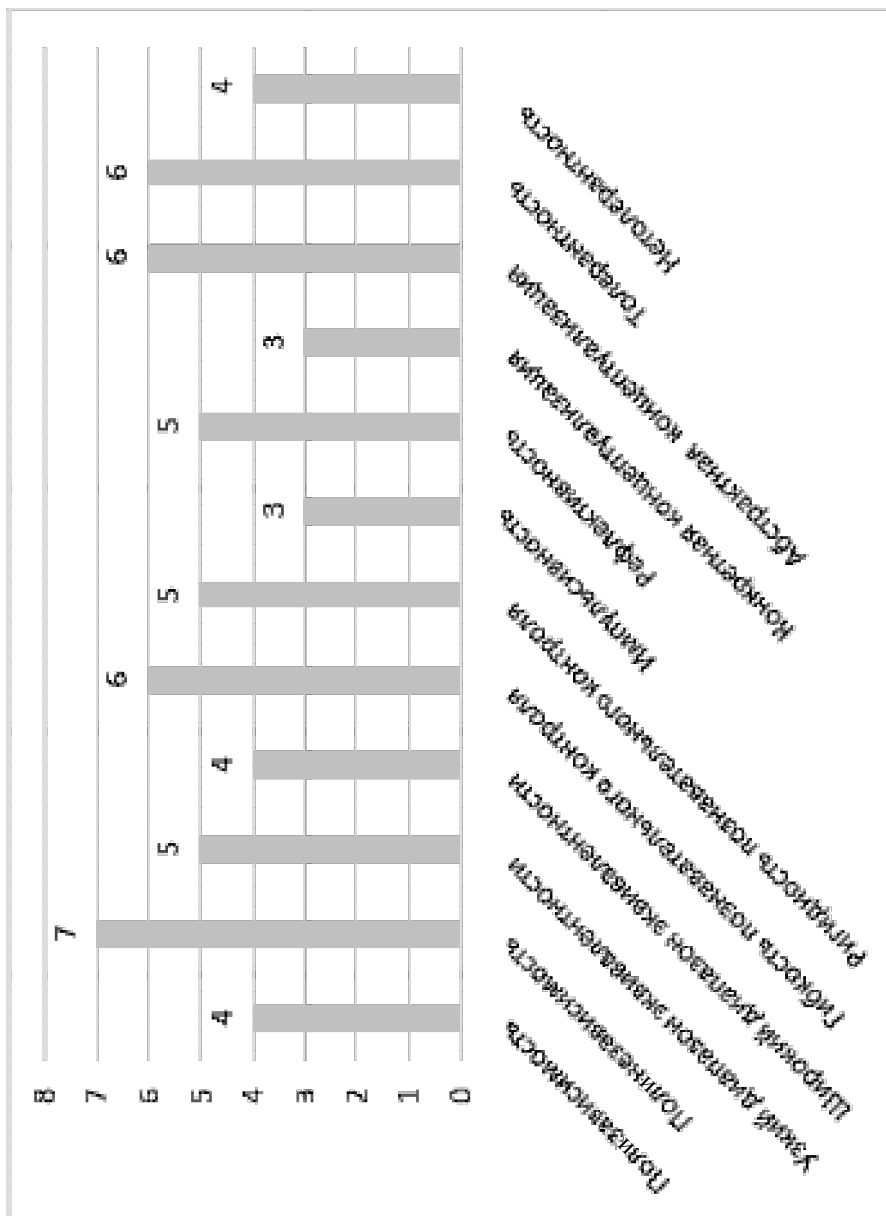

Рис. 1. Профиль индивидуального стиля когнитивного поведения курсанта X

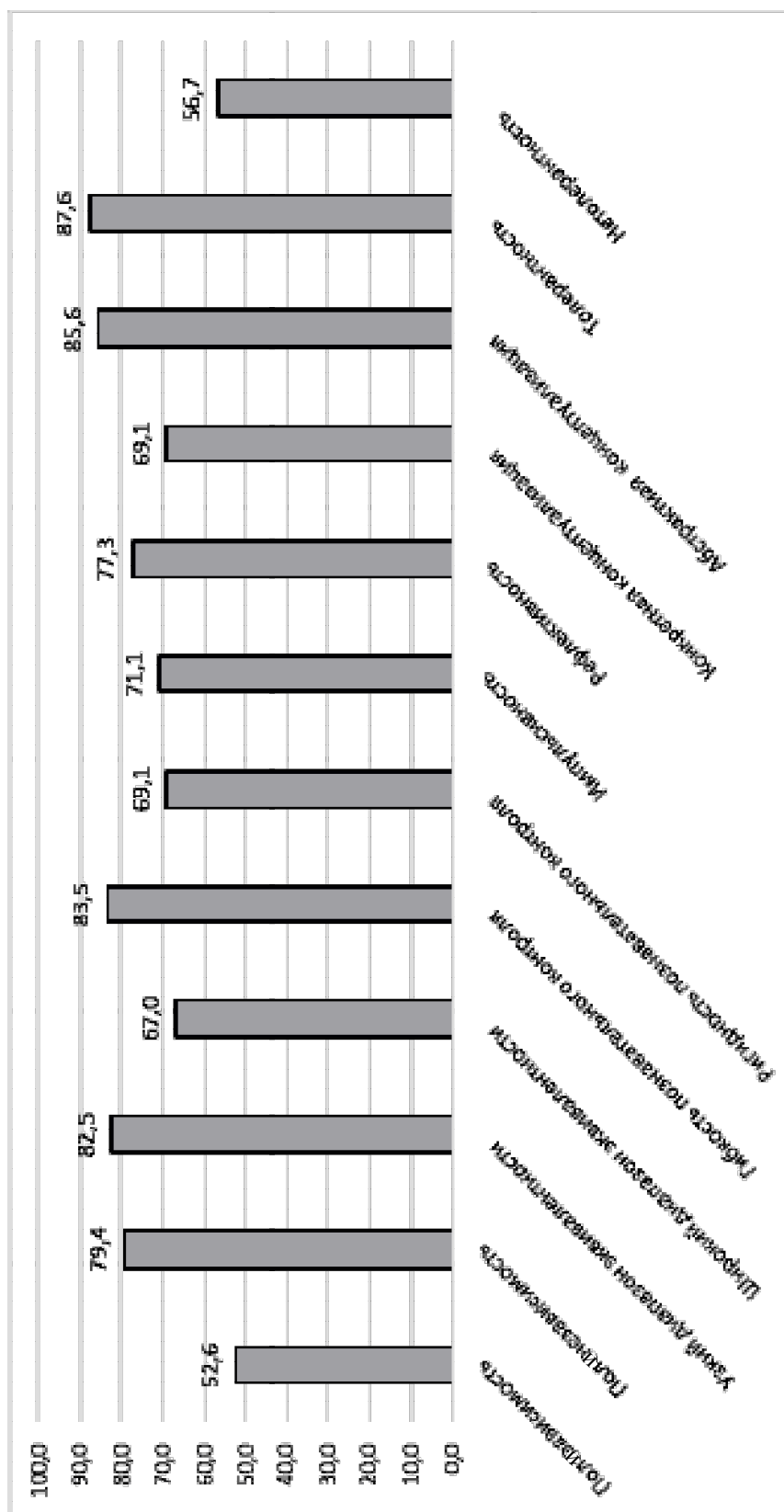

Рис. 2. Обобщенный профиль когнитивных стилей курсантов

Это значит – быть по-военному педантичным в нюансах, следуя общей стратегии в выполнении глобальных задач. Почти наивысшие показатели (6 из 7) курсант продемонстрировал по шкалам «Толерантность к нереалистическому опыту» и «Абстрактная концептуализация». Толерантность к нереалистическому опыту как способность личности принимать оригинальные решения, выбирать позиции, открытость к новому опыту и стремление к компромиссам характеризует 87,6 % опрошенных курсантов, тогда как бинарный параметр «Нетолерантность к нереалистическому опыту» развит у них значительно ниже (рис. 2). То есть способность оказывать сопротивление, бескомпромиссность и блокировка неприемлемой, непроверенной информации менее свойственны военнослужащим. Это качество когнитивного поведения, на наш взгляд, также обусловлено особенностями профессиональной деятельности. Строгая иерархическая подчиненность и необходимость беспрекословного выполнения приказов (какими бы нелогичными они ни казались военнослужащему), требование субординации воспитывают в военнослужащих эту «Толерантность» и готовность к оригинальным решениям и компромиссам. При этом довольно неожиданными оказались данные по шкалам «Конкретная концептуализация» – «Абстрактная концептуализация». Курсант X. (как и 85,6 % его товарищей) показал большую выраженность параметра абстрактной концептуализации, т. е. способности выходить за рамки должностных инструкций, выбирать нестандартные, креативные способы решения проблем. Хотя более ожидаемо, исходя из стереотипов представлений большинства людей о мышлении военных, им должна была быть свойственна склонность к конкретной концептуализации, т. е. способность анализировать ситуацию в конкретных условиях, с позиций регламентирующих документов, должностных полномочий.

Интересными оказались данные по параметру «Импульсивность» – «Рефлексивность». По шкале «Импульсивность» курсант X. сделал 3 выбора из 7. Это самый низкий показатель, что характеризует его как человека сдержанного и хладнокровного при принятии решений. Высокие показатели по этой шкале говорят о высоком (взрывном) темпе принятия решений в сложной, неопределенной ситуации и склонности к импровизации и выбору эмоционально значимого варианта решения. Так же как и курсант X., большинство курсантов продемонстрировали более низкие значения по этой шкале, чем по бинарной ей «Рефлексивности», характеризующейся низким темпом принятия решения, способностью к тщательной перепроверке фактов. То есть курсанты более склонны к взвешенным и продуманным решениям и поступкам, чем к импульсивным. Хотя общий статистический анализ всех респондентов в процентном соотношении показал небольшой в целом разрыв между параметрами «Импульсивность» – «Рефлексивность». Высокие показатели обнаруживаются по обеим шкалам, что свидетельствует о гармоничности этого стилевого параметра когнитивного поведения курсантов и говорит о том, что в разных ситуациях, в зависимости от субъективной значимости, мотивации и других факторов, курсанты могут принимать и мгновенные эмоциональные решения, глубоко продуманные и проверенные.

Выводы

Полученные результаты свидетельствуют о достаточно гармоничном развитии когнитивных стилей курсантов, что позволяет им успешно принимать решения в различных условиях служебной деятельности. В то же время есть курсанты, у которых наблюдаются существенные различия в уровнях выраженности показателей отдельных когнитивных стилей по бинарным шкалам. Например, по шкале «Полизависимость» показатель 1 балл при показателе по шкале «Полинезависимость» 7 баллов. Это свидетельствует о негармоничности, несбалансированности, «односторонности» данного параметра мышления. Вместе с тем это дает исследователю диагностические критерии для измерения динамики развития этого параметра после формирующего воздействия и направления для индивидуальной работы с каждым курсантом по развитию и гармонизации его когнитивных стилей.

Информация об авторах

Иван Вадимович Горбачев, адъюнкт, Федеральное государственное казенное военное образовательное учреждение высшего образования Военный университет Министерства Обороны Российской Федерации (г. Москва, Россия).

Валерий Сергеевич Агапов, доктор психологических наук, профессор, профессор кафедры общей психологии и психологии труда Российского нового университета (г. Москва, Россия).

Наталья Николаевна Красноштанова, кандидат педагогических наук, доцент кафедры юридической психологии Московского университета МВД России им. В. Я. Кикотя (г. Москва, Россия).

Information about the authors

Ivan V. Gorbachyov, adjunct, the Military University of the Ministry of Defense of the Russian Federation, Moscow, Russia.

Valery S. Agapov, Dr. Sci. (Psychology), professor, professor at General Psychology and Labour Psychology chair, Russian New University, Moscow, Russia.

Nataliya N. Krasnoshatanova, Cand. Sci. (Pedagogy), Ass. Prof. at Legal Psychology chair, Kikotya Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Moscow, Russia.

Список литературы

1. Волкова Е. В., Русалов В. М., Дудникова Т. А. Когнитивные стили в структуре индивидуальности в период ранней взрослости // *Фундаментальные и прикладные исследования современной психологии: результаты и перспективы развития* / отв. ред. А. Л. Журавлёв, В. А. Кольцова. М. : Институт психологии РАН, 2017. С. 1137–1144.
2. Горобец Т. Н., Манолова О. Н. Оценка индивидуально-личностных свойств руководителей высшего звена // *Образование личности*. 2018. № 1. С. 41–43.
3. Кузнецова А. А. Влияния когнитивных стилей на академическую успеваемость студентов // *Международный журнал экспериментального образования*. 2015. № 11-1. С. 35–36.
4. Кузнецова А. А. Профиль когнитивных стилей «успевающих» студентов // *Известия Юго-Западного государственного университета*. Серия : Лингвистика и педагогика. 2015. № 4 (17). С. 124–128.
5. Макарова Л. Н., Королева А. В. Когнитивные стили и критическое мышление студентов гуманитарных специальностей: вопрос соотношения // *Вестник Тамбовского университета*. Серия : Филологические науки и культурология. 2016. № 1 (5). С. 65–72.
6. Манолова О. Н., Гусев А. Н. О разработке методики «стили принятия решений» // *Психология, образование: актуальные и приоритетные направления исследований* / ред. Т. А. Жалагина, Л. Ж. Караванова. Тверь : Тверской государственный университет, 2017. С. 96–98.

7. Русалов В. М., Волкова Е. В. Личностно-когнитивные стили и их связь с темпераментом и характером человека в период ранней юности // Психологический журнал. 2015. Т. 36, № 5. С. 32–42.

8. Савко И. В. Взаимосвязь когнитивных стилей «полезависимость/полнезависимость», «адаптор/инноватор» у студентов педагогического профиля // Психология – наука будущего : материалы VII Междунар. конференции молодых ученых / под ред. А. Л. Журавлева, Е. А. Сергиенко. М. : Институт психологии РАН, 2017. С. 697–701.

9. Толочек В. А. Стили деятельности // Разработка понятий современной психологии / отв. ред. А. Л. Журавлев, Е. А. Сергиенко. М. : Институт психологии РАН, 2018. С. 508–529.

10. Холодная М. А. Когнитивные стили. О природе индивидуального ума. СПб. : Питер, 2004. 384 с.

11. Шевеленкова Т. Д., Фесенко П. П. Психологическое благополучие личности (обзор основных концепций и методика исследования) // Психологическая диагностика. 2005. № 3. С. 95–129.

Статья поступила в редакцию: 03.11.2019

Принята к публикации: 05.12.2019

References

1. Volkova EV, Rusalov VM, Dudnikova TA. Kognitivnye stili v strukture individual'nosti v period rannei vzroslosti [Cognitive styles in the structure of individuality at early adulthood]. In: Zhuravlyov AL, Koltsova VA. (eds.) *Fundamental'nye i prikladnye issledovaniya sovremennoi psikhologii: rezul'taty i perspektivy razvitiya [Fundamental and applied research in today's psychology: the results and prospects for the development]*. Moscow: the RAS Institute of Psychology; 2017. p. 1137–1144. (In Russ.).

2. Gorobets TN, Manolova ON. Otsenka individno-lichnostnykh svoystv rukovoditelei vysshego zvena [Evaluation of the individual and personal qualities of senior management]. *Obrazovanie lichnosti = Personality Formation*. 2018;1: 41–43. (In Russ.).

3. Kuznetsova AA. Vliyaniya kognitivnykh stilei na akademicheskuyu uspevaemost' studentov [The influence of cognitive styles on students' academic record]. *Mezhdunarodnyi zhurnal eksperimental'nogo obrazovaniya = The International Journal of Experimental Education*. 2015;11-1: 35–36. (In Russ.).

4. Kuznetsova AA. Profil' kognitivnykh stilei» uspevayushchikh» studentov [The Profile of Cognitive Styles “Successful” Students]. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Lingvistika i pedagogika = Proceedings of the Southwest State University. Series Linguistics and Pedagogical*. 2015;4(17): 124–128. (In Russ.).

5. Makarova LN, Koroleva AV. Kognitivnye stili i kriticheskoe myshlenie studentov gumanitarnykh spetsial'nostei: vopros sootnosheniya [Cognitive Styles and Critical Thinking of Humanitarian Specialties Students: Question of Correlation]. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya filologicheskie nauki i kul'turologiya = Tambov University Review. Series Philology and Culturology*. 2016;1(5): 65–72. (In Russ.).

6. Manolova ON, Gusev AN. O razrabotke metodiki» stili prinyatiya reshenii» [On designing a technique “Styles of Decision Making”]. In: Zhalagina TA, Karavanova LZ. (eds.) *Psikhologiya, obrazovanie: aktual'nye i prioritetnye napravleniya issledovaniya [Psychology, education: the current and priority areas of research]*. Tver: Tver State University; 2017. p. 96–98. (In Russ.).

7. Rusalov VM, Volkova EV. Lichnostno-kognitivnye stili i ikh svyaz' s temperamentom i kharakterom cheloveka v period rannei yunosti [Personal Cognitive Styles and their Correlation with Person's Temperament and Character in Early Youth]. *Psikhologicheskii zhurnal = Psychological journal*. 2015;36(5): 32–42. (In Russ.).

8. Savko IV. Vzaimosvyaz' kognitivnykh stilei «polezavisimost'/polenezavisimost'», «adaptor/innovator» u studentov pedagogicheskogo profilya [The interrelations between the cognitive styles “field dependence/field independence”, “adaptor/innovator” in Pedagogy]. In: Zhuravlyov AL, Sergienko EA. (eds.) *Psikhologiya – nauka budushchego [Psychology – a science of the future]: A collection of reports of 7-th International conference of young scholars*. Moscow: the RAS Institute of Psychology; 2017. p. 697–701. (In Russ.).

9. Tolochek VA. Stili deyatelnosti [Styles of activity]. In: Zhuravlyov AL, Sergienko EA. (eds.) *Razrabotka ponyatii sovremennoi psikhologii [The articulation of today's psychology concepts]*. Moscow: the RAS Institute of Psychology; 2018. p. 508–529. (In Russ.).

10. Kholodnaya MA. *Kognitivnye stili. O prirode individual'nogo uma [Cognitive styles. On the nature of individual intellect]*. Saint Petersburg: Piter; 2004. 384 p. (In Russ.).

11. Shevelenkova TD, Fesenko PP. Psikhologicheskoe blagopoluchie lichnosti (obzor osnovnykh kontseptsii i metodika issledovaniya) [The psychological wellbeing of a personality (a review of basic concepts and the method of study)]. *Psikhologicheskaya diagnostika = Psychological diagnostics*. 2005;3: 95–129. (In Russ.).

Submitted 03.11.2019

Accepted 05.12.2019

DOI: 10.35853/LAU.WS.2019.SP11
УДК 159.9:174

Успешный человек в представлении современных студентов

Людмила П. Каравеева,

АНО ВО «Гуманитарный университет»,
г. Екатеринбург, Россия

ORCID: 0000-0002-5853-3817, e-mail: lyudmila_krv@mail.ru

Татьяна В. Окунева,

Уральский государственный университет путей сообщения,
г. Екатеринбург, Россия

ORCID: 0000-0001-5561-9634, e-mail: tat-okuneva@mail.ru

Аннотация. В статье исследуются представления об успешности и успешном человеке с использованием ряда психологических и социологических методов исследования, что позволяет не просто определить содержание и характеристику успешного человека в представлении современных студентов, но сопоставить особенности реализации этих представлений в реальной жизни через представления о профессии и специальности, а также исходя из непосредственного опыта профессиональной деятельности. Психологические методики исследования позволяют установить структуру и содержание образа успешного человека в представлении современных студентов технического вуза. Методами социологического исследования определяется содержание реального поведения и степень его соответствия представлениям об успешности и успешном человеке. Исследование вскрывает ряд противоречий в сложившемся образе успешного человека и реальных поведенческих практиках в профессиональной деятельности. Наблюдается рассогласованность в отношении поведенческой активности работающих и неработающих студентов с их представлениями об успешном человеке, отношении к использованию социального капитала, а также эмоционально важных качеств в достижении успеха. Выявляется чрезвычайно большая роль материального благополучия, «медийности» и популярности как признаков социальной успешности. В то же время исследование показало, что студенты переоценивают такие качества, как коммуникабельность, способность устанавливать контакты, и недооценивают профессионализм, трудолюбие и целеустремленность.

Ключевые слова: успех, успешный человек, профессиональный успех, профессиональная деятельность.

Для цитирования: Каравеева Л. П., Окунева Т. В. Успешный человек в представлении современных студентов // Благополучие и безопасность в условиях социальных трансформаций : сб. науч. тр. X Междунар. симпозиума (г. Екатеринбург, 9–10 июля 2019 г.) / ред. Е. Б. Перельгина, О. Ю. Зотова, А. В. Дроздова, Л. В. Тарасова. – Екатеринбург : Гуманитарный университет, 2019. – С. 106–116. – ISBN 978-5-7741-0376-8. – DOI: 10.35853/LAU.WS.2019.SP11.

© Л. П. Каравеева, Т. В. Окунева, 2019

A Successful Man as Perceived by Contemporary Students

Lyudmila P. Karavaeva,

Liberal Arts University – University for Humanities, Yekaterinburg, Russia
ORCID: 0000-0002-5853-3817, e-mail: lyudmila_krv@mail.ru

Tatyana V. Okuneva,

Ural State University of Railway Transport, Yekaterinburg, Russia
ORCID: 0000-0001-5561-9634, e-mail: tat-okuneva@mail.ru

Abstract. The paper investigated perceptions of successfulness and a successful man using several psychological and sociological techniques, which allowed the authors not only to define the content and characteristics of a successful man in the eyes of modern students but also to match the specifics of these perceptions' realization through perceptions of an occupation and specialization, and from first-hand professional experience. To reveal the structure and substance of a successful man image as perceived by today's technical students we used psychological methods. Sociological techniques helped us define actual behavior and the degree to which it matches the perceptions of successfulness and a successful man. The study disclosed several controversies in the existing image of a successful man and real behavioral practices. We also found the mismatch between working and non-working students relating to their behavioral activity and their perceptions of a successful man, attitudes towards the use of social capital and emotional qualities important for achieving success. The authors also identified a great role of material prosperity, being in the public eye and popularity as signs of social success. At the same time, the study demonstrated that students overestimate such features as interpersonal skills, ability to establish contacts, and underestimate professionalism, hard work, and ambition.

Keywords: success, successful man, professional success, vocational activities.

For citation: Karavaeva LP, Okuneva TV. A Successful Man as Perceived by Contemporary Students. In: Pereyagina EB, Zotova OYu, Drozdova AV, Tarasova LV. (eds.) *Wellbeing and Security in the Face of Social Transformations: Collection of academic papers from the 10th International Symposium (Yekaterinburg, July 9–10, 2019)*. Yekaterinburg: Liberal Arts University – University for Humanities; 2019. p. 106–116. Available from: doi:10.35853/LAU.WS.2019.SP11.

Введение

Успех является одной из важнейших категорий, так как именно успешное поведение является социально одобряемым. С одной стороны, он является отражением социального бытия, так как содержит в себе социально одобряемые элементы нормативного поведения, культурно-исторические ценности, принятые нормы, правила и образцы поведения. С другой стороны, успех лично ориентирован, так как синтезирует и аккумулирует индивидуальные представления, впечатления, суждения и элементы личного опыта [1; 2; 7; 9]. Представления об успехе и успешном человеке закладывают основу реального поведения, которое впоследствии трансформируется в модели ролевого поведения в различных жизненных ситуациях [6; 8]. Так как эти представления содержат в себе элементы личного опыта, то, закономерно, отражают специфическое восприятие успешности и успешного человека представителями разных возрастных и культурных групп. Поэтому, с одной стороны, успешный человек выступает как нечто «усредненное», общепринятое, а с другой – индивидуальные представления об успешном человеке у разных людей будут отличаться [3; 5].

Особый интерес вызывают представления об успешности и успешном человеке современных студентов, которые, находясь на пути профессионального становления, оценивают как собственные возможности и способности к достижению успеха в выбранной сфере деятельности, так и распространенные модели поведения современных успешных людей и личностные возможности их реализовать в учебной и будущей профессиональной деятельности. Изучение их представлений об успехе позволит спрогнозировать вероятностные подходы к достижению успеха, выбору профессии и самому профессиональному становлению, а также определить мотивацию выбора профессии современными молодыми людьми.

В особенности важно понимать специфику представлений молодых людей об успехе и успешном человеке в условиях меняющейся экономической ситуации. Это позволяет изучить не только мотивационные, но и адаптационные особенности поведения современных молодых людей для достижения ими желаемого уровня благополучия и комфорта.

Методы исследования

Цель исследования состояла в изучении представлений студентов об успешности и успешном человеке, а также в попытке определить наиболее вероятные стратегии достижения успеха, особенностей мотивации успешной деятельности, поведении успешных людей в различных ситуациях. В задачи исследования входило:

- 1) определение стратегий межличностного поведения и способов преодоления жизненных трудностей, выявление качества личности «Успешного человека»;
- 2) исследование отношения к жизни, соотнесение жизненной позиции и ориентации на успех;
- 3) изучение существующих стратегий достижения успеха среди работающих студентов.

На первом этапе исследование представлений студентов об успешном человеке проводилось с использованием ряда психологических тестовых методик, таких как опросник Hardiness Survey С. Мадди в адаптации Д. А. Леонтьева и Е. И. Рассказовой; копинг-тест Р. Лазаруса в адаптации Т. Л. Крюковой, Е. В. Куфтяк, М. С. Замышляевой; тест по изучению ролевых позиций в межличностных отношениях по Э. Берну; опросник межличностных отношений А. А. Рукавишникова; методика «Личностный дифференциал» (в адаптации НИИ им. В. М. Бехтерева). В исследовании приняли участие 102 человека – студенты технических и гуманитарных специальностей. На втором этапе было проведено исследование методом анкетирования среди студентов технического вуза (случайный бесповторный отбор, выборку составил 1 551 человек), а также работающих студентов (студенты заочного отделения всех курсов и специальностей, случайный бесповторный отбор, выборку составили 572 студента).

Результаты и обсуждение

Результаты исследования студентов на первом этапе позволили выявить ряд закономерностей. Так, исследование показало, что, по мнению студентов, «успешный человек» самостоятелен в выборе сферы интересов, определяющих его жизненный путь, готов действовать в ситуации неопределенности и отсутствия гарантий достижения положительного результата. Он избегает внутреннего напряжения в стрессовых ситуациях за счет стойкого совладания (*hardcoping*) со стрессом и восприятия его как менее значимой компоненты жизни, в противовес комфорту и безопасности, которые обедняют жизнь личности.

К качествам успешного человека студенты отнесли умение противостоять стрессу и контролировать эмоциональные реакции на фрустрацию за счет снижения эмоционального напряжения. Для таких людей характерна эмоциональная устойчивость и отсутствие импульсивных поступков, рациональный подход к разрешению проблемных ситуаций с использованием внешних ресурсов, а также понимание личной роли в возникновении трудностей.

Среди ролевых позиций наиболее выражена позиция «Взрослого», т. е. позиция, позволяющая адаптироваться в нестандартных, меняющихся ситуациях с обязательным прогнозированием последствий совершаемых действий и принятием ответственности за них.

Студенты также были единодушны в определении качеств успешного человека и определили его как самостоятельного, решительного, уверенного, деятельного, добросовестного и обаятельного. Несмотря на явное преобладание качеств, позволяющих выстраивать эффективную коммуникацию, студенты охарактеризовали успешного человека как «автократа» – т. е. личность со склонностью к доминантному межличностному поведению.

Важной характеристикой успешности оказалась популярность в средствах массовой информации, известных и знаменитых. Не менее важной составляющей являются богатство и высокий социальный статус. Успех ассоциируется также с важными достижениями в истории, культуре, науке, политике и бизнесе.

На втором этапе исследования проводилось анкетирование студентов всех курсов и направлений обучения (как технических, так и гуманитарных), что позволило сопоставить результаты психологических тестов и анкетирования студенческой молодежи вообще.

В целом студенты склонны брать на себя ответственность за свои поступки (72 %), хотя 21,9 % отметили, что причина их успехов и неудач – в обстоятельствах, и лишь немногим более 9 % опрошенных возлагают ответственность за неудачи на других людей. Можно отметить, что, несмотря на то что в представлениях студентов успешный человек – это человек, который справляется с жизненными трудностями, каждый 5-й из них склонен перекладывать ответственность на «стечение обстоятельств». Тем не менее такая составляющая успеха, как богатство, в целом (62,5 %) является одной из ведущих жизненных ценностей современных студентов, как и профессиональная самореализация (55,7 %), которая замыкает тройку ведущих ценностей современных студентов, уступая место лишь семье (64,9 %). Между тем профессиональные достижения и личностное развитие находятся на 10-м и 11-м месте соот-

ветственно. Можно предположить, что студенты несколько дифференцируют успешную и профессиональную деятельность, хотя, по результатам опроса тех же студентов, более 80 % планируют идти работать по получаемой специальности после окончания университета [4].

Противоречие в этих оценках становится еще более очевидным при анализе сфер жизни, которые в большей степени вызывают тревогу в будущем. Как видно из рисунка 1, в большей степени тревогу вызывает уровень дохода и удовлетворенность профессией. Очевидно, выбирая востребованную профессию, студенты ориентировались на уровень дохода, а не на содержание труда. Соответственно, связь профессиональных достижений, удовлетворенность будущей профессией и уровень дохода студентов тревожат. Успех и профессиональные достижения на этом фоне представляются как некое стечение обстоятельств, когда человек имел возможность заниматься любимым делом, которое при этом высоко оплачивалось. Что подтверждается тем фактом, что среди наиболее успешных людей студенты отмечали основателей бизнеса, успешных предпринимателей и деятелей шоу-бизнеса.

Учитывая собственные возможности, а также оценивая перспективы, студенты, таким образом, дают достаточно удовлетворительные оценки своему настоящему и будущему. Подавляющее большинство опрошенных студентов удовлетворено тем, как складывается их жизнь, хотя социальное положение устраивает их чуть меньше (рис. 2).

Таким образом, сравнивая представления студентов об успешности и успешном человеке с их оценками своих жизненных позиций, можно говорить о том, что в целом, будучи в ситуации несколько вынужденного выбора профессии, студенты склонны чувствовать себя недостаточно успешными и удовлетворенными своим социальным статусом. В целом же им присущи такие черты успешных людей, как умение брать на себя ответственность (роль «Взрослого» при решении проблем), целеустремленность в улучшении своего социального положения путем достижения материального благополучия.

На третьем этапе исследования нами были опрошены студенты заочной формы обучения. Задачей третьего этапа стало соотнесение качеств успешного человека, которые были определены как эталонные, с теми, которые определяют студенты, состоящие в реальных трудовых отношениях и имеющие опыт профессиональной деятельности.

Можно говорить о том, что мнения работающих и неработающих студентов совпали. В целом студенты отдают приоритет таким качествам, как «Целеустремленность», «Уверенность в себе», а также коммуникативным качествам и активной жизненной позиции (рис. 3). Также большое место отведено таким качествам, как добросовестность (трудолюбие), профессионализм. Исключение составляет лишь «обаяние». Студенты-очники считают, что успешные люди в целом обаятельны, тогда как студенты-заочники поставили это качество на последнее место.

Что касается стратегий достижения успеха, то и тут обаяние и личная привлекательность стоят на последнем месте, а на первом – профессионализм, упорство и трудолюбие. Стоит отметить, что полагаться на случай при оценке перспектив достижения успеха студенты не стремятся, этот способ достижения успеха (или одну из составляющих) отметили лишь 12,4 % опрошенных (рис. 4).

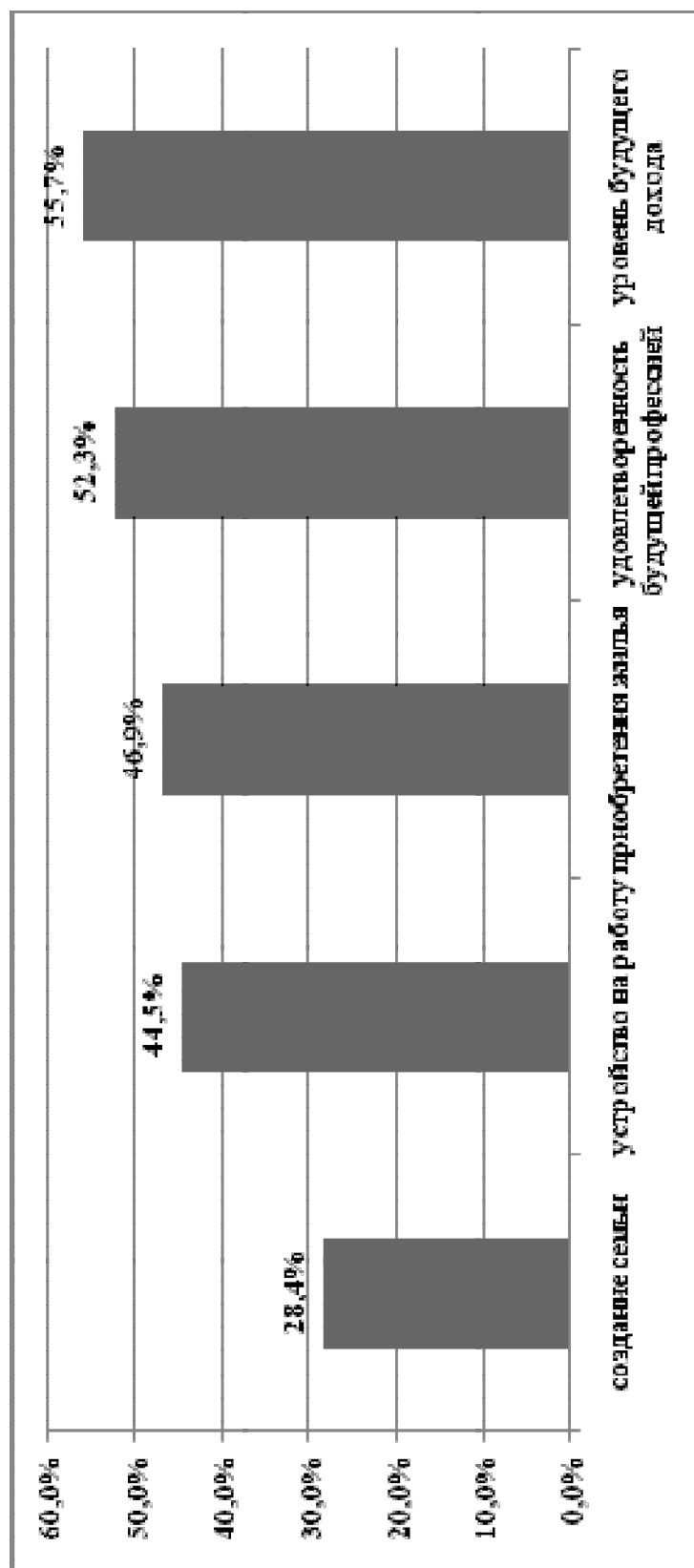

Рис. 1. Распределение ответов на вопрос «Что в большей степени вызывает у вас тревогу в будущем?»
(в % к числу ответивших, N = 1551)

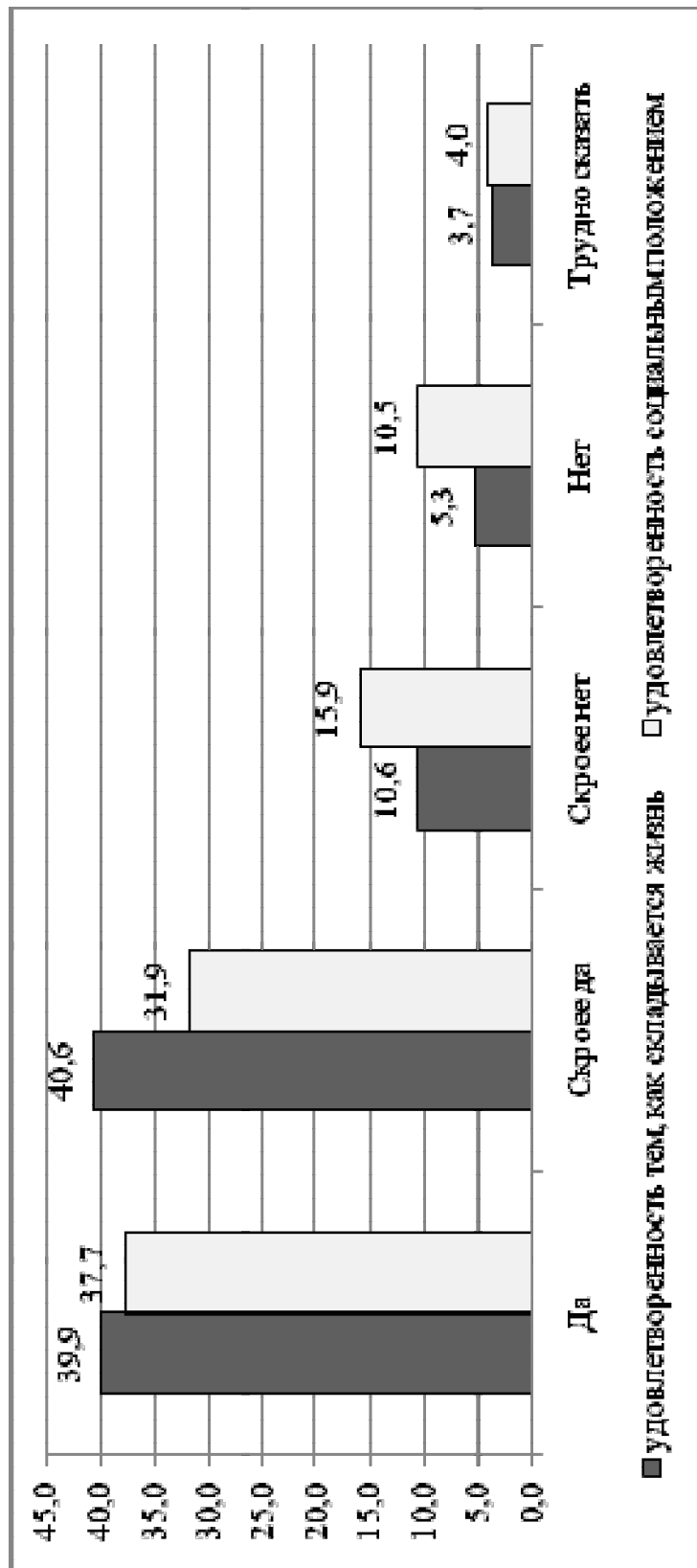

Рис. 2. Оценка жизненной ситуации современными студентами (в % к числу ответивших, N = 1551)

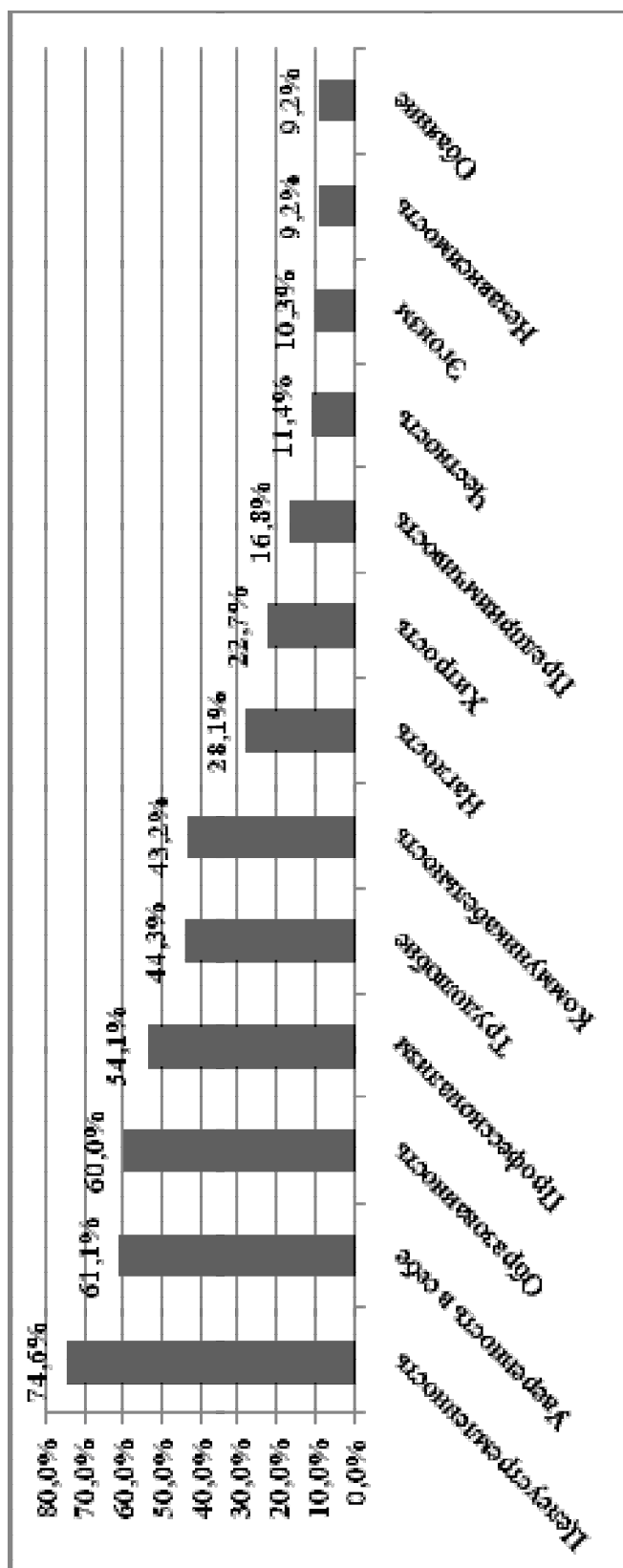

Рис. 3. Качества, необходимые для достижения успеха (в % к числу ответивших, N = 572)

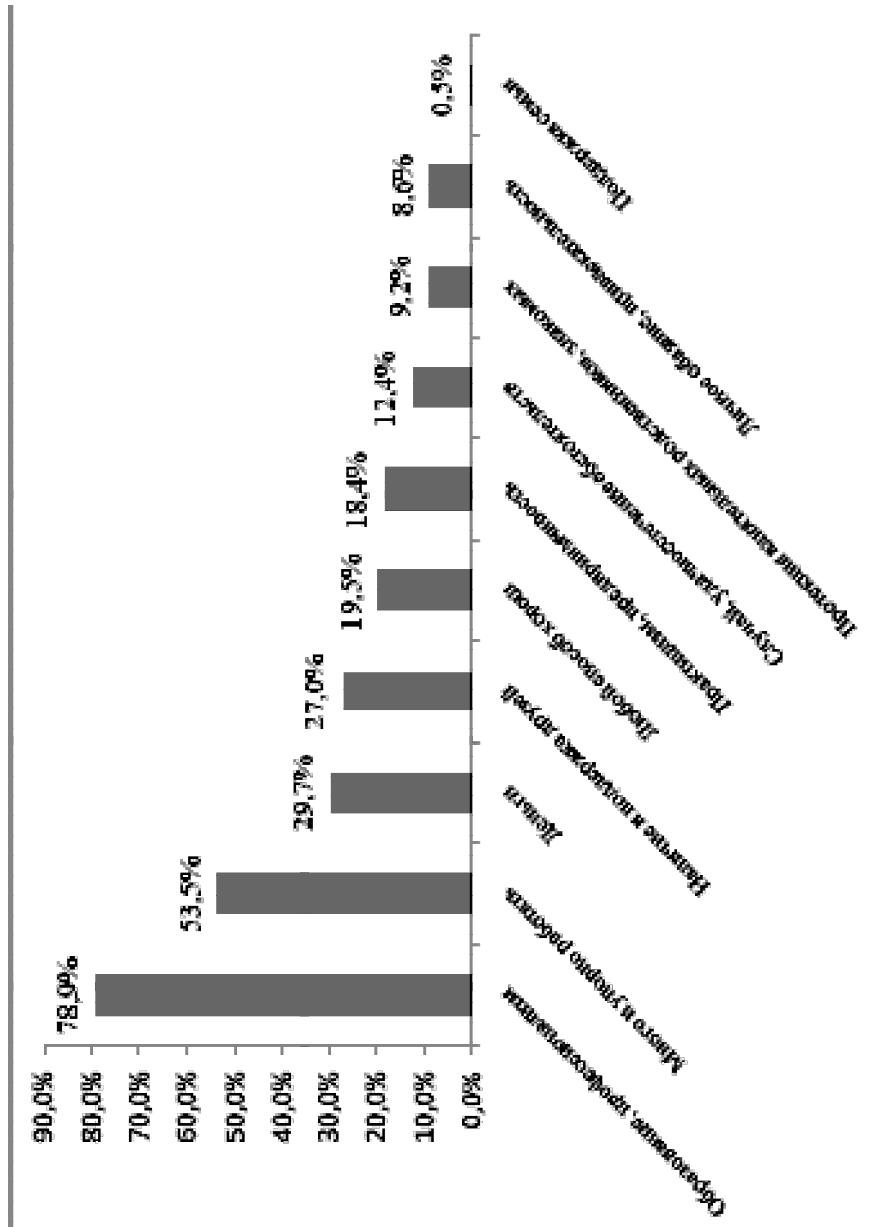

Рис. 4. Наиболее вероятный способ достижения успеха, по мнению работающих студентов
(в % к числу ответивших, N = 572)

Заключение

Представления об успехе и успешном человеке достаточно противоречивы у современных студентов. С одной стороны, успешный человек для них – это эффективный коммуникатор, который берет на себя ответственность за совершаемые поступки, автократ с выраженной мотивацией достижения, обаятельный, энергичный и не пасующий перед трудностями человек, добившийся материального благополучия, медийной известности благодаря своим достижениям. Между тем сами студенты, в отличие от своих представлений, склонны перекладывать ответственность за свои поступки на «стечение обстоятельств», а профессию выбирают, исходя из гарантий трудоустройства и высокого уровня материального вознаграждения.

Работающие студенты в еще большей степени корректируют представления об успешности, ставят на первые места профессиональные знания и навыки, а также трудолюбие, добросовестность и упорство. Личное обаяние, коммуникативные навыки в их представлении менее значимы, а медийная известность вообще отсутствует.

Безусловно, коррекция представлений об успешном человеке «вообще» и оценка реального поведения неидентичны, но настораживает некоторый фатализм в оценке собственных успехов и неудач современными студентами, а также ориентация не на мотивацию достижения при выборе профессии, а на материальное благополучие и стабильный доход. В подобной ситуации возможен выбор профессии, которая не удовлетворяет содержательно, лишает частично или полностью возможности самореализации, а также приводит к профессиональному выгоранию и низкой удовлетворенности жизнью.

Информация об авторах

Людмила Петровна Караваяева, кандидат психологических наук, доцент кафедры общей и прикладной психологии Гуманитарного университета (г. Екатеринбург, Россия).

Татьяна Владимировна Окунева, старший преподаватель кафедры «Управление персоналом и социология» Уральского государственного университета путей сообщения (г. Екатеринбург, Россия).

Information about the authors

Lyudmila P. Karavaeva, Cand. Sci. (Psychology), associate professor at General and applied Psychology chair, Liberal Arts University – University for Humanities, Yekaterinburg, Russia.

Tatyana V. Okuneva, senior lecturer at HR-Management and Sociology chair, Ural State University of Railway Transport, Yekaterinburg, Russia.

Список литературы

1. Вострикова О. А., Дворецкая М. Я. Эталонный образ успеха // Психология и психотехника. 2014. № 5. С. 538–545.
2. Гавлясэк К. В. Образ персональной успешности: определение понятия // Молодой ученый. 2017. № 10. С. 365–368.
3. Левченко В. В. Секреты успеха и успешности современного человека. М.: Флинта, 2014. 259 с.
4. Окунева Т. В., Шестопалова О. Н. Формирование и поддержание профессиональных ожиданий выпускников транспортных вузов в процессе обучения // Вестник УрГУПС. 2019. № 3 (43). С. 79–88.
5. Песков В. П. Метасистемный подход к исследованию структуры представления // Ярославский педагогический вестник. 2010. № 3. С. 192–202.

6. Цыбулевская О. А. Образ успешного человека: гендерный аспект // Экономика и социум. 2012. № 5 (5). С. 886–888.
7. Чеботарева Е. Успех. Философское ревью // Наука и жизнь. 2006. № 9. С. 33–45.
8. Шилова Л. С. Образ успеха и жизненные стратегии молодежи // Вестник Омского университета. 2008. № 1/2. С. 19–24.
9. Шкрябко И. П. Исследование подходов к понятию личностные представления // Ярославский педагогический вестник. 2010. № 3. С. 76–84.

Статья поступила в редакцию: 27.10.2019

Принята к публикации: 03.12.2019

References

1. Vostrikova OA, Dvoretzkaya MYa. Etalonnny obraz uspekha [The benchmark image of success]. *Psikhologiya i psikhotehnika = Psychology and psycho-technique*. 2014;5: 538–545. (In Russ.).
2. Gablyasek KV. Obraz personal'noi uspešnosti: opredelenie ponyatiya [The image of personal successfulness: the articulation of the concept]. *Molodoi uchenyi = Young Scientist*. 2017;10: 365–368. (In Russ.).
3. Levchenko VV. *Sekrety uspekha i uspešnosti sovremennogo cheloveka [The secrets of success and successfulness of modern man]*. Moscow: Flinta; 2014. 259 p. (In Russ.).
4. Okuneva TV, Shestopalova ON. Formirovanie i podderzhanie professional'nykh ozhidaniy vypusknikov transportnykh vuzov v protsesse obucheniya [Formation and maintenance of professional expectations of transport university graduates in the learning process]. *Vestnik UrGUPS = Herald of the Ural State University of Railway Transport*. 2019;3(43): 79–88. (In Russ.).
5. Peskov VP. Metasistemnyi podkhod k issledovaniyu struktury predstavleniya [The Metasystem Approach to Research the Structure of Representation]. *Yaroslavskii pedagogicheskii vestnik = Yaroslavl Pedagogical Bulletin*. 2010;3: 192–202. (In Russ.).
6. Tsybul'skaya OA. Obraz uspeshnogo cheloveka: gendernyi aspekt [The image of a successful person: a gender aspect]. *Ekonomika i sotsium = Economics and society*. 2012;5(5): 886–888. (In Russ.).
7. Chebotaryova E. Uspekhn. Filosofskoe revyu [Success. A philosophic review]. *Nauka i zhizn' = Science and life*. 2006;9: 33–45. (In Russ.).
8. Shilova LS. Obraz uspekha i zhiznennye strategii molodezhi [The image of success and the life strategies of youth]. *Vestnik Omskogo universiteta = The Omsk University Bulletin*. 2008;1/2: 19–24. (In Russ.).
9. Shkryabko IP. Issledovanie podkhodov k ponyatiyu lichnostnye predstavleniya [The study of approaches to the concept of “personal views”]. *Yaroslavskii pedagogicheskii vestnik = Yaroslavl Pedagogical Bulletin*. 2010;3: 76–84. (In Russ.).

Submitted 27.10.2019

Accepted 03.12.2019

DOI: 10.35853/LAU.WS.2019.SP12
УДК 159.947.5:316.64

О роли иррациональных убеждений в продуктивности учебной деятельности студентов

Александр М. Боднар¹,
ORCID: 0000-0003-2131-2698, e-mail: kk001127788@gmail.com
Эльвира Л. Боднар²,

ORCID: 0000-0002-2600-5446, e-mail: abodnar@rambler.ru
^{1,2} Уральский федеральный университет им. первого Президента России
Б. Н. Ельцина, г. Екатеринбург, Россия

Аннотация. В статье рассмотрены понятия рациональности/иррациональности, прежде всего в свете теории А. Эллиса, показавшего влияние рациональных и иррациональных убеждений человека на его поступки. Рассмотрено также соотношение между понятиями «мотивация на достижение успеха» и «мотивация на избегание неудачи», а также связь между этими мотивациями и иррациональностью. Обращение к теме иррациональных убеждений обусловлено фактом возрастания роли иррациональности в жизни современного общества с одновременным снижением потребности в рационально мыслящих людях, поскольку рациональность мешает манипулировать сознанием, что столь успешно делают интернет-СМИ-реклама. Школы и вузы также способствуют этой тенденции: с внедрением Болонской системы и ЕГЭ отмечается снижение рефлексивности учащихся.

Методология. Теоретико-методологическая основа исследования включает основные философско-психологические положения о феноменах рациональности/иррациональности, рефлексии, мотивации достижения, исследования этой проблематики в психологии конца XX – начала XXI в. Применение в эмпирической части работы методик диагностики иррациональных установок А. Эллиса и мотивации достижения успеха / избегания неудачи А. А. Реана обеспечили достижение цели: выявлены особенности взаимосвязи иррациональных убеждений и мотивации достижения успеха или избегания неудач у студентов.

Результаты исследования. Из двадцати одной возможной корреляции между показателями иррациональности и мотивации у студентов статистически значимыми оказались только две. Столь малое их количество обнадеживает: иррациональность, вероятно, не является сколько-нибудь значимым фактором влияния на учебную мотивацию студентов. Показана необходимость специальной работы по повышению фрустрационной толерантности студентов.

Ключевые слова: рациональность, иррациональные поведенческие установки, рефлексия, мотивация достижения, мотивация избегания неудачи.

Для цитирования: Боднар А. М., Боднар Э. Л. О роли иррациональных убеждений в продуктивности учебной деятельности студентов // Благополучие и безопасность в условиях социальных трансформаций: сб. науч. тр. X Междунар. симпозиума (г. Екатеринбург, 9–10 июля 2019 г.) / ред. Е. Б. Перельгина, О. Ю. Зотова, А. В. Дроздова, Л. В. Тарасова. – Екатеринбург: Гуманитарный университет, 2019. – С. 117–125. – ISBN 978-5-7741-0376-8. – DOI: 10.35853/LAU.WS.2019.SP12.

On the Role of Irrational Beliefs in the Efficacy of Students' Learning Activities

Aleksandr M. Bodnar¹,

ORCID: 0000-0003-2131-2698, e-mail: kk001127788@gmail.com

Elvira L. Bodnar²,

ORCID: 0000-0002-2600-5446, e-mail: abodnar@rambler.ru

^{1,2}Ural Federal University, Yekaterinburg, Russia

Abstract. The paper considers the concepts of rationality-irrationality, primarily, in the wake of A. Ellis's theory showing the impact of rational and irrational beliefs on man's actions. The authors also examined the balance between motivation for achievement and motivation towards failure avoidance as well as the linkage between these motivations and irrationality. The turn to the subject of irrational beliefs results from a growing role of irrationality in the life of modern society in parallel with a declining need for people who think rationally. Schools and universities also have contributed to this tendency: with the introduction of the Bologna reform the USE (Unified State Examination) a decrease in the students' ability to reflex can be observed. The theoretical and methodological basis of the study embraced fundamental philosophical-and-psychological propositions for rationality-irrationality, reflection, achievement motivation, explorations of this field in the psychology of the late twentieth and early twenty-first centuries. The application of A. Ellis's Irrational Belief Scale and the A.A. Rean's questionnaire Motivation for Success and Fear of Failure helped to meet the objective of the empirical part of the research: characteristics of the interrelations between irrational beliefs, achievement motivation and failure avoidance among students were revealed. The most interesting finding was that out of 21 possible correlations between the indicators of irrationality and motivation, only two were statistically significant. This very low number is encouraging: irrationality is unlikely to be a driver of students' motivation for an educational activity. The paper also substantiates the necessity to pursue special work to improve frustration tolerance among students. The paper aims to study interrelations between irrational beliefs and motivations to succeed or to avoid failure and the role of this motivation in the efficacy of learning, and irrational beliefs on man's actions,. The authors also revealed the interrelations between irrational beliefs and achievement motivation, or failure avoidance among students.
Keywords: rationality, irrational behavior, achievement motivation, failure avoidance motivation.

For citation: Bodnar AM, Bodnar EL. On the Role of Irrational Beliefs in the Efficacy of Students' Learning Activities. In: Perelygina EB, Zotova OYu, Drozdova AV, Tarasova LV. (eds.) *Wellbeing and Security in the Face of Social Transformations: Collection of academic papers from the 10th International Symposium (Yekaterinburg, July 9–10, 2019)*. Yekaterinburg: Liberal Arts University – University for Humanities; 2019. p. 117–125. Available from: doi:10.35853/LAU.WS.2019.SP12.

Введение

Для достижения высоких результатов в учебной и профессиональной деятельности необходимо обладать рядом характеристик, обеспечивающих процессы целеполагания, реализации задуманного, оценку своих достижений и адекватную реакцию на успехи и неудачи. Эти характеристики человек приобретает в период ученичества, однако школа (в широком смысле) не успевает за скоростью изменений на рынке труда. Отсюда крайне важно, чтобы образовательный процесс обеспечивал развитие рефлексии учащихся, то есть способности мышления к критическому самоанализу, без которого им трудно самостоятельно

определять ориентиры профессионального развития и сохранять конкурентоспособность [2]. Однако в реальности наблюдается обратное: с внедрением Болонской системы и ЕГЭ отмечается снижение рефлексивности учащихся, а значит, осознанности и самостоятельности их решений и поступков. Снижение рефлексивности – это обратная сторона повышения удельного веса иррациональности в решениях и поступках в ущерб рациональному в поведении людей [8].

Говоря об иррационализме, философы подчеркивают такие характерные для него черты, как отрицание роли разума в познании мира и опору на интуицию, веру, откровение и прочую мистику. В пределе речь идет об отрицании роли науки и ненужности формирования научной картины мира. Рационализм же, напротив, опирается на логику и разум, на научный метод и научную картину мира. Глядя на сменяющие друг друга эпохи жизни общества, легко видеть, что, по крайней мере со времен эпохи Просвещения, рациональное мышление преобладает в периоды стабильности и процветания, а иррационалистические настроения порождаются периодами социальных, политических и духовных кризисов. Сегодня у нас – эпоха перемен со всеми вытекающими из этого факта последствиями [9].

Именно факт возрастания роли иррациональности в жизни современного общества с одновременным снижением потребности в рационально мыслящих людях является причиной нашего обращения к теме иррациональных убеждений, воспитываемых такими глобальными манипуляторами сознания, как Интернет, СМИ и реклама.

Установки и убеждения, являясь призмой, через которую человек смотрит на мир, определяют степень успешности его взаимодействия с окружающей средой. В зависимости от того, насколько убеждения рациональны, гибки и соответствуют реальному положению дел, они могут быть как полезными в сложных жизненных ситуациях, так и ведущими к неадекватному поведению. Следование иррациональным убеждениям приводит к дезадаптивным эмоциональным и поведенческим реакциям, вызывает затруднения в достижении психологического благополучия и жизненного успеха [11; 14].

Первым из психологов-прикладников, обративших внимание на негативную роль иррациональности своих пациентов, был А. Эллис, создатель рационально-эмоциональной поведенческой терапии – РЭПТ [4; 12]. Центральным понятием РЭПТ является понятие иррационального убеждения, а его антиподом – убеждение рациональное. Убеждения – это базовые представления человека о мире, о жизни, о других людях и о себе. Убеждения (как рефлекслируемые, так и нерелфлекслируемые) выполняют роль ориентира деятельности и выражаются в суждениях и поступках. Рациональные убеждения – это оценочные суждения, носящие характер предпочтения, выражаемые в виде желаний, симпатий или, наоборот, неприязни, которая, однако, является здоровой реакцией на негативные события. Под иррациональными убеждениями понимаются абсолютные по своей природе, догматические суждения, в которых содержатся такие слова-маркеры, как «должен», «следует», «обязан». Иррациональные убеждения приводят к отрицательным эмоциям, таким как вина, гнев, тревога, которые, как правило, препятствуют постановке цели и ее достижению и ведут к непродуктивным формам поведения.

Параллельно с формированием рациональных/иррациональных убеждений у человека формируются мотивы, помогающие или препятствующие достижению стоящих перед ним целей. В процессе обучения важно формировать у студентов мотивы, способствующие максимальному развитию внутреннего потенциала и самосовершенствованию – мотивы достижения [1; 6]. Актуальность этой проблематики обусловлена ее влиянием на деятельность, поэтому она рассматривается в таких сферах прикладной психологии, как психология труда, организационная, спортивная, военная психология, психология образования.

Выраженность и направленность мотивации может предсказать уровень успешности и в школьном, и в университетском образовании, и в профессиональной деятельности. Так, Р. Стернберг в своих исследованиях предикторов успеха в различных видах деятельности пришел к заключению, что уровень мотивации предвещает успех лучше, чем уровень интеллекта. Получение лучших результатов в продуктивной деятельности зависит не только от интеллектуальных способностей, но и от мотивационных характеристик, таких как интерес к делу, уверенность в возможности достигнуть положительного результата. А люди с одним и тем же уровнем интеллекта достигают разных результатов деятельности в зависимости от их отношения к преодолению стоящих перед ними препятствий. Поэтому простое владение знаниями не может обеспечить успешность их применения в различных жизненных ситуациях [5, с. 47–49].

Мотивация достижения успеха ориентирует студента на улучшение профессиональных навыков и получение высоких результатов в учебной деятельности, в то время как преобладание мотивации избегания неудач может быть связано с негативными эмоциями, сопровождающими учебный процесс, снижением прикладываемых усилий и даже избеганием сложных задач [10].

В современной психологической науке нет однозначного мнения относительно вопроса о том, противоположны ли мотивация достижения успеха и мотивация избегания неудач. Однако некоторые авторы убеждены, что мотивация достижения успеха и мотивация избегания неудач (МУН) – это разные мотивационные полюса одной переменной, которые подчиняются «закону реципрокности»: чем больше выражена мотивация достижения успеха, тем меньше выражена мотивация избегания неудач [3; 7]. В нашей работе мы следуем за этими авторами.

Отношение человека к успехам и неудачам зависит от выраженности иррациональных убеждений [13; 14].

Например, студент имеет иррациональные убеждения типа «катастрофизация», которые Эллис определяет как «неадекватный масштаб переживаний», т. е. чрезмерную драматизацию сложных жизненных ситуаций – как объективных, так и субъективных, воспоминаний, опасений, прогнозов. В таком случае неудачи в учебе могут восприниматься им как нечто мучительное, и он будет стараться не допускать их, выбирая наиболее легкие варианты учебных задач. Логично предположить, что отсутствие иррациональных убеждений, выражающееся в адекватных эмоциональных и поведенческих реакциях на неизбежные трудности учебного процесса, позволит студенту не избегать их, а принимать, ориентируясь на достижение успеха в учебе. Однако иссле-

дования, касающиеся взаимосвязи иррациональных убеждений и мотивации достижения успеха или избегания неудач, на данный момент отсутствуют. Это – проблема, которой продиктована цель нашего исследования: выявить особенности взаимосвязи иррациональных убеждений и МУН у студентов.

Задачи исследования: проанализировать имеющиеся в философско-психологической литературе понятия рациональности/иррациональности, иррациональных убеждений, мотивации достижения и осуществить их операционализацию; выявить, какие именно показатели, в которых выражаются иррациональные убеждения, связаны с показателями мотивации достижения успеха / избегания неудач у студентов.

Гипотеза: существует положительная взаимосвязь между преобладанием мотивации избегания неудач и выраженностью иррациональных убеждений; существует положительная взаимосвязь между мотивацией достижения успеха и отсутствием иррациональных убеждений.

Методы исследования

В исследовании приняли участие 53 студента гуманитарных направлений (24 мужчины, 29 женщин). Использовался метод теоретического анализа и обобщения научной литературы и периодических изданий, освещающих вопросы иррациональных убеждений, мотивации достижений и психологии мотивации студентов. Инструментами, операционализирующими основные понятия нашего исследования и применявшимися в эмпирической его части, являются методика диагностики наличия и выраженности иррациональных установок А. Эллиса и опросник «Мотивация успеха и избегания неудачи» (МУН) А. А. Реана. Для обработки результатов исследования использовались методы первичной и вторичной статистической обработки результатов, пакет SPSS Statistics.

Методика Эллиса состоит из шести шкал. Четыре шкалы соответствуют иррациональным убеждениям, выделенным А. Эллисом: «катастрофизация», «долженствование в отношении себя», «долженствование в отношении других», «оценочная установка» и двух дополнительных шкал: «фрустрационная толерантность личности» и «общая рациональность мышления». Низкий балл по шкалам, относящимся к иррациональным убеждениям, говорит о проявлении данного убеждения у испытуемого. Высокий балл указывает на отсутствие данных иррациональных убеждений. Под низкой фрустрационной толерантностью А. Эллис понимает выраженность у человека такого иррационального убеждения, как обязательная реализация потребностей, которое означает, что человек воспринимает свои желания как то, что должно непременно выполниться, иначе он испытывает чрезмерно сильные негативные эмоции. Шкала «общая рациональность мышления» описывает общее соотношение убеждений человека с внешней реальностью. Низкий балл по общей рациональности мышления свидетельствует о яркой выраженности иррациональности мышления испытуемого, указывает на наличие у человека различного рода ошибок мышления.

Методика А. А. Реана диагностирует положение человека между полюсами позитивной мотивации – на достижение успеха и негативной мотивации – на избегание неудач. Выраженная мотивация на достижение успеха означает, что испытуемый надеется на положительные

результаты, испытывает потребность в успешной реализации своих целей. Она соотносится с уверенностью в своих силах, ответственностью, инициативностью и активностью, а также с настойчивостью в достижении целей.

Испытуемые, проявляющие направленность на избегание неудачи, высказывают чрезмерный страх перед возможностью неудачи, порицания, срыва планов. Таких людей отличают повышенная тревожность, низкая самооценка, избегание ответственности.

Результаты и обсуждение

Сравнение мужской и женской выборок по показателям выраженности иррациональных установок и мотивации достижения успеха / избегания неудач отражено в таблице 1.

Таблица 1

Сравнение показателей методик диагностики иррациональных убеждений и МУН у студентов мужского и женского пола

Шкалы	t	знач.	Сред. арифм.	
			Муж.	Жен.
Катастрофизация	0,09	0,93	31,08	31,31
Долженствование в отношении себя	2,92	0,01**	5,83	8,47
Долженствование в отношении других	1,83	0,07	33,42	36,83
Оценочная установка	0,99	0,33	36,38	38,62
Фрустрационная толерантность	0,41	0,68	36	36,9
Общая рациональность мышления	1,70	0,095	128,88	140,72
Мотивация достижения успеха / избегания неудач	-2,28	0,027*	13,71	11,69

Мы видим, что признак пола сцеплен, значимо коррелирует, во-первых, с мотивацией: у юношей – на успех, у девушек – на избегание неудач; во-вторых, юноши в большей мере, чем девушки, проявляют иррациональные убеждения типа «долженствование в отношении себя» (жесткие требования по отношению к самому себе). В этом наша выборка оказалась типичным случаем, ибо подтверждения именно такого положения вещей мы находим в литературе [3].

В таблице 2 приведены две, оказавшиеся статистически значимыми, корреляции из двадцати одной возможной: 1) положительная связь между иррациональными убеждениями группы «катастрофизация» (чрезмерное преувеличение негативного характера ситуации) и мотивацией избегания неудач и 2) положительная связь между низким уровнем фрустрационной толерантности (мышление по типу «я этого не переживу», установка, которую можно назвать «персонифицированной катастрофизацией») и мотивацией избегания неудач. Но отсюда логически следует, что высокая фрустрационная толерантность связана с мотивацией достижения успеха.

Таблица 2

Значимые корреляции между показателями МУН и иррациональными убеждениями

Корреляции Пирсона	
Иррациональные убеждения	МУН
Катастрофизация	0,28*
Фрустрационная толерантность	0,40**

Заключение

Тенденции МУН в связи с полом, обнаруженные на нашей выборке, не противоречат литературным данным.

Малое количество статистически значимых связей между МУН и иррациональностью мышления обнадеживает в том плане, что иррациональность, вероятно, не является сколько-нибудь значимым фактором влияния на учебную мотивацию студентов. Но обнаруженная существенная положительная связь между МУН и фрустрационной толерантностью заслуживает внимания. Она, во-первых, указывает на необходимость специальной работы по повышению фрустрационной толерантности в течение учебного процесса. Такая работа необходима студентам всех специальностей в качестве своеобразного «общеукрепляющего» средства, но авторам, сотрудникам факультета психологии, хочется подчеркнуть особую ее важность для будущих психологов и педагогов, поскольку для них фрустрационная толерантность есть профессионально важное качество. Во-вторых, связь между МУН и фрустрационной толерантностью требует анализа в аспекте проблемы направленности, чтобы понять, что в этой связке является по преимуществу причиной, а что – следствием, т. е. на какой фактор стоит прежде всего обращать внимание при разработке мер по оптимизации психологической готовности личности к учению, повышению продуктивности учебной деятельности студентов.

Информация об авторах

Александр Михайлович Боднар, кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры общей и социальной психологии Уральского федерального университета им. первого Президента России Б. Н. Ельцина (Екатеринбург, Россия).

Эльвира Львовна Боднар, кандидат психологических наук, доцент, доцент кафедры общей и социальной психологии Уральского федерального университета им. первого Президента России Б. Н. Ельцина (Екатеринбург, Россия).

Information about the authors

Aleksandr M. Bodnar, Cand. Sci. (Pedagogy), Ass. Prof., associate professor at General and Applied psychology chair, Ural Federal University, Yekaterinburg, Russia.

Elvira L. Bodnar, Cand. Sci. (Psychology), Ass. Prof., associate professor at General and Applied psychology chair, Ural Federal University, Yekaterinburg, Russia.

Список литературы

1. Бакшаева Н. А., Вербицкий А. А. Психология мотивации студентов. М. : Юрайт, 2018. 178 с.
2. Батенева Е. В. Рефлексия как предмет исследования: социально-философский и педагогический аспекты // Философия образования. 2019. № 3. С. 31–45.
3. Виндекер О. С. Структура и психологические корреляты мотивации достижения : автореф. дис. ... канд. психол. наук. Екатеринбург : Урал. гос. ун-т им. А. М. Горького, 2010. 26 с.
4. Воеводин И. В., Бохан И. А. Когнитивно-поведенческая копинг-профилактика аддиктивных и аффективных состояний у студентов (новый подход к оценке иррациональных когнитивных установок и копинга) // Обозрение психиатрии и медицинской психологии им. В. М. Бехтерева. 2015. № 2. С. 42–50.
5. Гордеева Т. О. Мотивация достижения: теории, исследования, проблемы // Современная психология мотивации / под ред. Д. А. Леонтьева. М. : Смысл, 2002. С. 47–102.
6. Гордеева Т. О. Психология мотивации достижения. М. : Смысл, 2006. 336 с.

7. Ильин Е. П. Мотивация и мотивы. СПб. : Питер, 2000. 512 с.
8. Комаровская Н. В. Эволюция «homo economicus» // Вестник МГИМО Университета. 2016. № 1 (46). С. 129–142.
9. Кондратьев В. М., Матронина Л. Ф. Образование в эпоху перемен // Философия образования. 2009. № 1. С. 6–11.
10. Семенова Л. Г. Развитие мотивации достижения в профессиональном становлении студентов вуза // Вестник ТГУ. 2008. № 2 (58). С. 354–359.
11. Сердюкова Е. Ф. Иррациональные суждения как причина возникновения у человека эмоциональных проблем // Известия Чеченского государственного университета. 2016. № 3. С. 78–81.
12. Эллис А. Гуманистическая психотерапия: рационально-эмоциональный подход. М. : ЭКСМО, 2002. 272 с.
13. Эллис А., МакЛарен К. Рационально-эмоциональная поведенческая терапия: руководство для психотерапевтов. Ростов н/Д. : Феникс, 2008. 157 с.
14. Ellis A. Reason and Emotion in Psychotherapy. N. Y. : Lyie Stuart, 1962. 444 p.

Статья поступила в редакцию: 18.10.2019
Принята к публикации: 29.11.2019

References

1. Bakshaeva NA, Verbitsky AA. *Psikhologiya motivatsii studentov [Psychology of students' motivation]*. Moscow: Urait; 2018. 178 p. (In Russ.).
2. Bateneva EV. Refleksiya kak predmet issledovaniya: sotsial'no-filosofskii i pedagogicheskii aspekty [Reflection as a Subject of Research: Social-Philosophical and Pedagogical Aspects]. *Filosofiya obrazovaniya = Philosophy of Education*. 2019;3: 31–45. (In Russ.).
3. Vindeker OS. *Struktura i psikhologicheskie korrelyaty motivatsii dostizheniya [The structure and psychological correlates of achievement motivation]*. Yekaterinburg: Ural State University after A. M. Gorky; 2010. 26 p. (In Russ.).
4. Voevodin IV, Bokhan NA. Kognitivno-povedencheskaya koping-profilaktika addiktivnykh i affektivnykh sostoyanii u studentov (novyi podkhod k otsenke irratsional'nykh kognitivnykh ustanovok i kopinga) [Cognitive-behavioural coping-prevention of addictive and affective disorders among the students (new approach to evaluation of irrational cognitions and coping)]. *Obozrenie psikiatrii i meditsinskoi psikhologii im. V. M. Bekhtereva = V. M. Bekhterev Review of Psychiatry and Medical Psychology*. 2015;2: 42–50. (In Russ.).
5. Gordeeva TO. Motivatsiya dostizheniya: teorii, issledovaniya, problemy [Achievement motivation: theories, research, problems]. In: Leontiev DA. (ed.) *Sovremennaya psikhologiya motivatsii [The contemporary psychology of motivation]*. Moscow: Smysl; 2002. p. 47–102. (In Russ.).
6. Gordeeva TO. *Psikhologiya motivatsii dostizheniya [Psychology of achievement motivation]*. Moscow: Smysl; 2006. 336 p. (In Russ.).
7. Il'in EP. *Motivatsiya i motivy [The motivation and motives]*. Saint Petersburg: Piter; 2000. 512 p. (In Russ.).
8. Komarovskaya NV. Evolyutsiya «homo economicus» [The Evolution of Homo Economicus]. *Vestnik MGIMO Universiteta = MGIMO Review of International Relations*. 2016;1(46): 129–142. (In Russ.).
9. Kondratyev VM, Matronina LF. *Obrazovanie v epokhu peremen [Education During the Epoch of Changes]*. *Filosofiya obrazovaniya = Philosophy of Education*. 2009;1: 6–11. (In Russ.).
10. Semenova LG. *Razvitie motivatsii dostizheniya v professional'nom stanovlenii studentov vuza [Development of achievement motivation in professional-personal growth of university students]*. *Vestnik TGU = Tambov University Review*. 2008;2(58): 354–359. (In Russ.).

11. Serdyukova EF. Irratsional'nye suzhdeniya kak prichina vozniknoveniya u cheloveka emotsional'nykh problem [Irrational Judgments are the Cause of Emotional Problems in Humans]. *Izvestiya Chechenskogo gosudarstvennogo universiteta = Chechen State University Bulletin*. 2016;3: 78–81. (In Russ.).

12. Ellis A. *Gumanisticheskaya psikhoterapiya: ratsional'no-emotsional'nyi podkhod [Humanistic psychotherapy: the rational and emotional approach]*. Moscow: Eksmo; 2002. 272 p. (In Russ.).

13. Ellis A, MacLaren K. *Ratsional'no-emotsional'naya povedencheskaya terapiya: rukovodstvo dlya psikhoterapevtov [Rational Emotive Behavior Therapy: A guide for Therapists]*. Rostov-on-Don: Phoenix; 2008. 157 p. (In Russ.).

14. Ellis A. *Reason and Emotion in Psychotherapy*. New York: Lyie Stuart; 1962. 444 p.

Submitted 18.10.2019

Accepted 29.11.2019

DOI: 10.35853/LAU.WS.2019.SP13
УДК 159.98:159.922.8

Психологический анализ лично-профессиональных качеств студентов, обучающихся по специальности «Дизайн» и «Архитектура»

Инесса Л. Фельдман,

ФГБОУ ВО «Тульский государственный университет»,
г. Тула, Россия

ORCID: 0000-0001-6171-4216, e-mail: inessa-feldman@mail.ru

Сергей К. Хаидов,

ФГБОУ «Тульский государственный педагогический университет
им. Л. Н. Толстого», г. Тула, Россия

ORCID: 0000-0002-1969-7376, e-mail: haidov@bk.ru

Аннотация. В работе представлен комплексный психологический анализ основных лично-профессиональных качеств у студентов специальностей «Дизайн», «Архитектура» и «Журналистика». Процесс обучения в высшем учебном заведении направлен на планомерное развитие у студента качеств, необходимых для дальнейшей успешной профессиональной адаптации и осуществления функциональных обязанностей, поэтому особую актуальность приобретают определение и оценка развития базовых лично-профессиональных качеств у студентов, проходящих обучение, связанное с творческой направленностью. Авторами выделены основные лично-профессиональные качества данных специальностей, проанализированы психологические особенности студенческого возраста и творческой профессиональной деятельности. Проведено эмпирическое исследование развития лично-профессиональных качеств у студентов направлений «Дизайн», «Архитектура» и «Журналистика» по 6 стандартизированным методикам, статистический анализ эмпирических данных проводился с использованием U-критерия Манна–Уитни. В результате проведенного сравнительного анализа определено развитие схожих лично-профессиональных качеств у студентов разных специальностей. Авторами выявлены различия в уровне и распределении лично-профессиональных качеств у студентов как по итоговым показателям, так и по отдельным компонентам. На основе полученных результатов даны практические рекомендации по коррекции образовательного процесса на специальностях «Дизайн», «Архитектура» и «Журналистика» по внесению в него большей доли самостоятельности и творческого компонента.

Ключевые слова: лично-профессиональные качества, студенческий возраст, творчество, творческая профессиональная деятельность, дизайн, архитектура, журналистика.

Для цитирования: Фельдман И. Л., Хаидов С. К. Психологический анализ лично-профессиональных качеств студентов, обучающихся по специальности «Дизайн» и «Архитектура» // Благополучие и безопасность в условиях социальных трансформаций : сб. науч. тр. X Междунар. симпозиума (г. Екатеринбург, 9–10 июля 2019 г.) / ред. Е. Б. Перельгина, О. Ю. Зотова, А. В. Дроздова, Л. В. Тарасова. – Екатеринбург : Гуманитарный университет, 2019. – С. 126–134. – ISBN 978-5-7741-0376-8. – DOI: 10.35853/LAU.WS.2019.SP13.

© И. Л. Фельдман, С. К. Хаидов, 2019

The Psychological Analysis of Personal and Professional Qualities of Design and Architecture Students

Inessa L. Feldman,

Tula State University, Tula, Russia

ORCID: 0000-0001-6171-4216, e-mail: inessa-feldman@mail.ru

Sergey K. Khaidov,

Tula State Pedagogical University after L. N. Tolstoy, Tula, Russia

ORCID: 0000-0002-1969-7376, e-mail: haidov@bk.ru

Abstract. The paper presents a comprehensive psychological analysis of basic professional and personal qualities in students specialized in Design and Architecture. The instruction in higher education institutions aims to sustainably develop qualities necessary for further successful professional adjustment and activity. That is why it is relevant to identify and assess the traits of students relating to creative work. The authors revealed basic personal and professional qualities of the majors involved in the study and analyzed the psychological characteristics of college-age and professional creative work. The study into the development of personal and professional qualities in Design, Architecture, and Journalism students exploited 6 standardized techniques and statistical data processing via the Mann–Whitney U-Test. The comparative analysis resulted in revealing similar personal and professional characteristics in students in different fields of study. The authors detected differences in the level and distribution of these qualities both for total and separate indicators. Based on the obtained data, the authors offered recommendations centered on interventions into Design, Architecture, and Journalism training courses to add a larger share of autonomy and creative component in their training.

Keywords: personal and professional qualities, college age, creativity, professional creative activity, design, architecture, journalism.

For citation: Feldman IL, Khaidov SK. The Psychological Analysis of Personal and Professional Qualities of Design and Architecture Students. In: Perelygina EB, Zotova OYu, Drozdova AV, Tarasova LV. (eds.) *Wellbeing and Security in the Face of Social Transformations: Collection of academic papers from the 10th International Symposium (Yekaterinburg, July 9–10, 2019)*. Yekaterinburg: Liberal Arts University – University for Humanities; 2019. p. 126–134. Available from: doi:10.35853/LAU.WS.2019.SP13.

Введение

На сегодняшний день требования к инициативности, креативности, творчеству, разрешению стандартных профессиональных заданий постоянно растут. Это обусловлено быстро изменяющимися социально-экономическими условиями развития России, что актуализирует необходимость подготовки будущих кадров, умеющих нестандартно преодолевать трудности, возникающие в профессиональной деятельности. Все это обуславливает необходимость развивать у студентов личностно-профессиональные качества, способствующие оригинальности мышления.

Обучение в вузе направлено на планомерное развитие у студента свойств, требуемых для успешного вхождения в будущую профессию, реализации функциональных обязанностей. Вместе с тем для части творческих специальностей период вхождения в профессию может занимать более длительный период по завершении обучения, что может быть обусловлено как ригидностью личностных трансформаций и нехваткой знаний, так и недостаточным развитием нужных личностно-профессиональных качеств (далее – ЛПК) у выпускника, что в даль-

нейшем вызывает ряд противоречий, связанных с уровнем развития ЛПК у выпускников вуза и требованиями к ним в профессиональной деятельности [13].

В связи с этим особую актуальность приобретают определение и оценка развития базовых ЛПК у студентов, проходящих обучение, связанное с творческой направленностью. Для этого были выбраны специальности «Дизайн», «Архитектура» и «Журналистика», где ЛПК во многом совпадают. На основе опроса студентов, анализа профессиональных стандартов и научной литературы были выделены базовые ЛПК для данных специальностей.

Для дизайнера наибольшую значимость имеют: креативность, экспрессивность, самоконтроль, образное мышление и воображение, а также творческая профессиональная направленность и аналитический когнитивный стиль [3; 4; 11].

Для студента-архитектора наиболее значимыми качествами выступают: творческие способности, высокий самоконтроль и ответственность, экспрессивность, пространственные способности, невербальное мышление, аналитический когнитивный стиль мышления и творческая профессиональная направленность [2; 8], Именно наличие взаимосвязей между этими качествами, их системное функционирование обуславливают продуктивность результатов труда архитекторов [9].

Для студентов-журналистов можно выделить следующие профессионально важные качества: вербальную креативность и вербальный интеллект, высокую общую эрудицию, творческую и социальную профессиональную направленность, гибкость познавательного контроля, рефлексивность и высокий социальный интеллект [5; 6].

Данные ЛПК обусловлены тем, что творческая профессиональная деятельность предполагает непрерывное и продолжительное профессиональное образование не только в условиях вуза, но и после его окончания, стремление к личностно-профессиональному развитию и росту, ответственность за результаты своего труда, пунктуальность в реализации плана самообучения и самосовершенствования [7].

В свою очередь креативность профессионального труда возможна при наличии следующих условий: направленности личности на созидательную деятельность, отсутствии мотивации избегания неудач, понимания ценностей профессиональной деятельности и своих интеллектуальных возможностях, осознания своих жизненных ценностных ориентаций [10; 12; 15].

Необходимо отметить, что для студентов творческих специальностей помимо этого характерна эгоцентрическая позиция в творчестве, учебно-профессиональной деятельности и межличностном взаимодействии, а также определенная доля эксцентричности и демонстративности [1; 14].

Несмотря на исследование проблем ЛПК, как правило в рамках профессионально важных качеств, в целом они носят либо теоретический, либо частный характер, связаны непосредственно с продуктивностью результатов труда конкретной профессии, и не позволяют обобщить подготовку данных специалистов [13; 16; 17; 18; 19].

Проблема профессионально важных качеств и личностно-профессиональных качеств в различных профессиях изучается наиболее полно

в психологии труда, акмеологии, психологии личности (В. С. Агапов, Н. Л. Захарова, Л. Н. Кулешова, М. И. Плугина, Е. Ю. Пряжникова, Л. Ю. Субботина, Н. Е. Рубцова, Л. В. Темнова, В. А. Толочек, И. Л. Фельдман, О. В. Филатова, С. К. Хаидов, Б. А. Ясько и др.).

Результаты проведенного исследования могут быть использованы в рамках психологии труда, психологии студенческого возраста, а также психологии обучения для оптимизации образовательного процесса для специальностей, имеющих творческую направленность.

Полученные эмпирические данные открывают возможность изучения факторов, средств и путей развития необходимых ЛПК в рамках вузовской подготовки студентов для совершенствования их креативности.

Методы исследования

Методологию исследования составили общие методологические принципы системности, развития, реализуемые в психологии труда и профессионального развития.

Цель исследования: осуществить психологический анализ особенностей сформированности ЛПК у будущих специалистов, связанных с творческой профессиональной деятельностью.

Объект исследования – личностно-профессиональные качества студентов, обуславливающих инновации в профессиональной деятельности в процессе профессионального образования.

Задачи исследования:

- определить уровень развития личностно-профессиональных качеств;
- провести сравнительный анализ полученных результатов.

В исследовании принял участие 71 студент 2–5 курсов ФГБОУ ВО «Тюльский государственный университет», обучающихся по направлениям «Дизайн», «Архитектура» и «Журналистика», в возрасте от 18 до 23 лет, из них: 23 человека по направлению подготовки «Дизайн», 23 студента – «Архитектура», 24 – по направлению «Журналистика». Использовались следующие методики: методика невербальной креативности Торренса (сокращенный вариант), «Круги» Вартегга, «ЛОГО» Якиманской, «Свободная сортировка объектов» Р. Гарднера, пятифакторный личностный опросник Мак Край-Коста, методика профессионального самоопределения Голланда. Статистический анализ эмпирических данных проводился с использованием программы SPSS 21, в частности U-критерия Манна–Уитни.

Результаты и обсуждение

Проведенный количественный и качественный анализ полученных эмпирических данных показал следующее.

На 2-м курсе обучения все исследуемые показатели имеют уровень развития в рамках нижней границы среднестатистической нормы без значимых различий. В свою очередь, на 5-м курсе обучения выявлено развитие до высокого уровня следующих показателей:

у дизайнеров-студентов (далее просто дизайнеры) – невербального творчества, мышления, воображения и самоконтроля, экспрессивности, аналитического мышления;

у архитекторов-студентов (далее просто архитекторы) – аналитического, вербального мышления и невербального творчества, самоконтроля и экспрессивности;

у журналистов-студентов (далее просто журналисты) – вербальных мышления и творчества, рефлексии, гибкости когнитивного контроля, самоконтроля и экспрессивности, аналитического мышления.

Статистический анализ различия по критерию Манна–Уитни между группами на 5-м курсе определил следующие различия между ними.

Невербальное творчество более развито у дизайнеров, чем у архитекторов $U = -2,201, p = 0,028$; вербальное мышление сильнее развито у журналистов, чем у архитекторов $U = 3,181, p = 0,016$; аналитическое мышление больше развито у журналистов, чем у архитекторов $U = 5,374, p = 0,000$, а у архитекторов больше, чем у дизайнеров $U = -1,982, p = 0,041$.

Вместе с тем самоконтроль больше развит у архитекторов, чем у журналистов $U = 2,281, p = 0,026$, а у дизайнеров меньше, чем у журналистов $U = 2,321, p = 0,036$.

В свою очередь, экспрессивность более развита у журналистов, чем у дизайнеров $U = -4,116, p = 0,044$, а у дизайнеров больше, чем у архитекторов $U = 4,271, p = 0,40$.

В то же время отмечаются и количественные позитивные изменения в развитии личностно-профессиональных качеств с нижней границы среднего уровня до его верхней границы.

Так, самоконтроль поведения больше развит у архитекторов, чем у журналистов $U = 3,186, p = 0,012$, а у журналистов больше, чем у дизайнеров $U = -2,168, p = 0,024$; предусмотрительность меньше развита у журналистов $U = -5,376, p = 0,033$, чем у дизайнеров, а у архитекторов больше, чем у дизайнеров $U = 3,218, p = 0,036$.

Одновременно с этим гибкость больше всего развита у дизайнеров, затем у журналистов и у архитекторов $U = 4,582, p = 0,016$, $U = -3,184, p = 0,020$, $U = -2,261, p = 0,010$ соответственно, а ответственность, наоборот, у архитекторов, дизайнеров и журналистов $U = 4,216, p = 0,018$, $U = 4,376, p = 0,022$, $U = 1,482, p = 0,028$ соответственно.

Педантичность сильнее развита у архитекторов, чем у журналистов $U = 2,388, p = 0,026$, а у дизайнеров меньше, чем у журналистов $U = -4,241, p = 0,032$.

Педантичность больше выражена у архитекторов, чем у журналистов и дизайнеров $U = 2,181, p = 0,012$, среди которых значимых различий нет.

Фантазирование развито сильнее у дизайнеров, чем у архитекторов $U = -3,234, p = 0,014$, а у последних больше, чем у журналистов $U = -1,284, p = 0,036$.

Трезвость профессиональных ценностей больше подвержена развитию у журналистов, чем у архитекторов и дизайнеров $U = 3,141, p = 0,014$. У последних статистически значимые различия отсутствуют.

Заключение

Эмпирические результаты исследования свидетельствуют о том, что учебные программы указанных выше направлений обучения развивают больше всего различные виды мышления, самоконтроль и экспрессивность и значительно меньше влияют на развитие самоконтроля

поведения, предусмотрительности, гибкости, педантичности, воображения и трезвости профессиональных ценностей.

Для нарушения пропорциональности развития ЛПК рекомендуется переосмысление содержания семинарско-практических занятий, различных практик, которые должны быть больше направлены на развитие воображения, критичности мышления и оценки своего поведения.

Информация об авторах

Инесса Леонидовна Фельдман, кандидат психологических наук, доцент, заведующая кафедрой психологии ФГБОУ ВО «Тульский государственный университет» (г. Тула, Россия).

Сергей Курбанович Хаидов, кандидат психологических наук, доцент, доцент кафедры специальной психологии ФГБОУ «Тульский государственный педагогический университет им. Л. Н. Толстого» (г. Тула, Россия).

Information about the authors

Inessa L. Feldman, Cand. Sci. (Psychology), Ass. Prof., head of Psychology chair, Tula State University, Tula, Russia.

Sergey K. Khaidov, Cand. Sci. (Psychology), Ass. Prof., Ass. Prof at Psychology for Special Purposes chair, Tula State Pedagogical University after L. N. Tolstoy, Tula, Russia.

Список литературы

1. Алиева М. Б. К проблеме современного студенчества // Психология и педагогика: Методика и проблемы практического применения. 2014. № 39. С. 51–55.
2. Анфимова Е. Б. Экспериментальное исследование формирования профессионально-творческой позиции будущего архитектора и дизайнера в вузе // Вестник ТГПУ. 2012. № 5. С. 32–36.
3. Власова И. М., Чумаченко Г. В. Диагностика психологических качеств как аспекта профессиональной компетентности дизайнера // Вестник ЮУрГУ. Серия «Образование. Педагогические науки». 2015. № 3. С. 102–107.
4. Даськова Ю. В. Профессиональная направленность обучения как средство формирования и развития творческой самостоятельности будущих дизайнеров (на примере изучения дисциплины «Основы производственного мастерства») // Вестник Костромского государственного университета им. Н. А. Некрасова. Серия : Педагогика. Психология. Социальная работа. Ювенология. Социокинетика. 2012. № 2. С. 111–114.
5. Закирзянова Л. А. Психометрическая оценка методики, направленной на изучение профессионализма журналиста // Философия и культура. 2013. № 3. С. 313–316.
6. Залевский В. Г., Козлова С. А., Козлова Н. В. Психическая ригидность-флексibilität в структуре личности будущего журналиста // Сибирский психологический журнал. 2009. № 34. С. 40–44.
7. Ильин Е. П. Психология творчества, креативности, одаренности. СПб. : Питер, 2012. 434 с.
8. Мельникова О. В. Исследование представлений студентов о профессионально-важных качествах архитектора // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. 2014. № 164. С. 221–225.
9. Наумова В. И. Архитектурно-художественное творчество и подготовка специалиста творческой профессии // Известия Алтайского государственного университета. 2011. № 2-1. С. 179–182.
10. Поставнев В. М. Феноменология личности пожилых людей творческих профессий // Развитие личности. 2009. № 2. С. 100–115.
11. Романова Е. С. 99 популярных профессий. Психологический анализ и профессиограммы. СПб. : Питер, 2003. 464 с.
12. Толочек В. А. Профессиональное развитие субъекта: способности,

компетенции, компетентность // Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия : Психология. 2014. № 2. С. 124–131.

13. Фельдман И. Л. Личностное самопознание будущего специалиста: опыт эмпирического исследования. Тула : Изд-во ТулГУ, 2014. 191 с.

14. Фельдман И. Л. Особенности психического здоровья и развития личности у студентов в процессе обучения в вузе // Акмеология. 2015. № 3 (55). С. 168–169.

15. Фельдман И. Л. Особенности формирования Я-концепции и ценностных ориентаций у подростков и студентов // Личность, интеллект, метакогниции: исследовательские подходы и образовательные практики : материалы II Междунар. науч.-практ. конференции. Калуга : Калужский государственный университет им. К. Э. Циолковского, 2017. С. 272–283.

16. Фельдман И. Л. Эмпирический анализ самопознания будущих специалистов // Цивилизация знаний: российские реалии : труды XXIV Междунар. науч. конф. (Москва, 20–21 апреля 2018 г.). М. : РОСНОУ, 2018. С. 1024–1032.

17. Хаидов С. К. Личностно-профессиональное развитие специального психолога в высшем учебном заведении при реализации ФГОС ВПО // Научно-методическое обеспечение реализации ФГОС ВПО: российский и европейский опыт проектирования образовательных программ в рамках компетентностного подхода : материалы XXXIX Международ. учеб.-метод. конф. Тула : Изд-во Тул. гос. пед. ун-та им. Л. Н. Толстого, 2012. С. 233–236.

18. Хаидов С. К. Личностные качества муниципальных служащих закрытых административно-территориальных образований. М. : МОСУ, 2007. 152 с.

19. Хаидов С. К. Структура личностных качеств муниципальных служащих // Вестник университета (Государственный университет управления). 2009. № 26. С. 121–124.

Статья поступила в редакцию: 08.11.2019

Принята к публикации: 10.12.2019

References

1. Alieva MB. K probleme sovremennogo studenchestva [To the problem of the modern student community]. *Psikhologiya i pedagogika: Metodika i problema prakticheskogo primeneniya = Psychology and Pedagogy: Methods and problems of practical use*. 2014;39: 51–55. (In Russ.).

2. Anfimova EB. Eksperimental'noe issledovanie formirovaniya professional'no-tvorcheskoi pozitsii budushchego arkhitekтора i dizainera v vuze [Experimental study of forming a professional-creative position of the future architect and designer in college]. *Vestnik TGPU = TSPU Bulletin*. 2012;5: 32–36. (In Russ.).

3. Vlasova IM, Chumachenko GV. Diagnostika psikhologicheskikh kachestv kak aspekt professional'noi kompetentnosti dizainera [Diagnostics of designer psychological qualities as part of his professional competence]. *Vestnik YuUrGU. Seriya «Obrazovanie. Pedagogicheskie nauki» = Bulletin of the South Ural State University. Series: Education. Educational Sciences*. 2015;3: 102–107. (In Russ.).

4. Das'kova YuV. Professional'naya napravlennost' obucheniya kak sredstvo formirovaniya i razvitiya tvorcheskoi samostoyatel'nosti budushchikh dizainerov (na primere izucheniya distsipliny «Osnovy proizvodstvennogo masterstva») [The professional orientation of education as a means of the formation and development of creative autonomy of future designers (by the example of studying “Basics of vocational excellence”)]. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta im. N. A. Nekrasova. Seriya: Pedagogika. Psikhologiya. Sotsial'naya rabota. Yuvnologiya. Sotsiokinetika = The Bulletin of Kostroma State University after N. A. Nekrasov. Series: Pedagogy. Psychology. Social work. Youth Studies. Socio-kinetics*. 2012;2: 111–114. (In Russ.).

5. Zakirzyanova L.A. Psikhometricheskaya otsenka metodiki, napravlennoi na izuchenie professionalizma zhurnalista [The psychometric assessment of a measure aimed to examine a journalist's professionalism]. *Filosofiya i kul'tura = Philosophy and Culture*. 2013;3: 313–316. (In Russ.).

6. Zalevsky VG, Kozlova SA, Kozlova NV. Psikhicheskaya rigidnost'-fleksibil'nost' v strukture lichnosti budushchego zhurnalista [The mental rigidity/flexibility in the structure of a will-be journalist personality]. *Sibirskii psikhologicheskii zhurnal = The Siberian Psychological journal*. 2009;34: 40–44. (In Russ.).

7. Il'in EP. *Psikhologiya tvorchestva, kreativnosti, odarennosti [Psychology of creativity, aptitude and giftedness]*. Saint Petersburg: Piter; 2012. 434 p. (In Russ.).

8. Melnikova OV. Issledovanie predstavlenii studentov o professional'no-vazhnykh kachestvakh arkhitekтора [Research of students' representations about important professional qualities of the architect]. *Izvestiya Rossiiskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A. I. Gertsena = Izvestia: Herzen University Journal of Humanities & Sciences*. 2014;164: 221–225. (In Russ.).

9. Naumova VI. Arkhitekturno-khudozhestvennoe tvorchestvo i podgotovka spetsialista tvorcheskoi professii [Architectural-artistic creative activity and training artistic professionals]. *Izvestiya Altaiskogo gosudarstvennogo universiteta = Altai State University Bulletin*. 2011;2-1: 179–182. (In Russ.).

10. Postavnev VM. Fenomenologiya lichnosti pozhilykh lyudei tvorcheskikh professii [omenology of personality of the elderly engaged in creative professions]. *Razvitie lichnosti = Personality development*. 2009;2: 100–115. (In Russ.).

11. Romanova ES. *99 populyarnykh professii. Psikhologicheskii analiz i professiogrammy [99 popular professions. The Psychological analysis and job descriptions]*. Saint Petersburg: Piter; 2003. 464 p. (In Russ.).

12. Tolochek VA. Professional'noe razvitie sub'ekta: sposobnosti, kompetentsii, kompetentnost' [Professional development of the subject: the ability, competence, competence]. *Vestnik Samarskoi gumanitarnoi akademii. Seriya: Psikhologiya = The Bulletin of the Samara Humanitarian Academy. A series Psychology*. 2014;2: 124–131. (In Russ.).

13. Fel'dman IL. *Lichnostnoe samopoznanie budushchego spetsialista: opyt empiricheskogo issledovaniya [Personal self-cognition of a future specialist: an attempt of empirical research]*. Tula: Tula State University Publ. House; 2014. 191 p. (In Russ.).

14. Fel'dman IL. Osobennosti psikhicheskogo zdorov'ya i razvitiya lichnosti u studentov v protsesse obucheniya v vuze [Characteristics of mental health and development of students personality in university education]. *Akmeologiya = Acmeology*. 2015;3(55): 168–169. (In Russ.).

15. Fel'dman IL. Osobennosti formirovaniya ya-kontseptsii i tsennostnykh orientatsii u podrostkov i studentov [Specific features of the self-conception and values formation in adolescents and students]. In: *Lichnost', intellekt, metakognitsii: issledovatel'skie podkhody i obrazovatel'nye praktiki [Personality, intellect, meta-cognitions: research approaches and educational practices]: the proceedings of the 2-d International scientific and practical conference*. Kaluga: Kaluga State University after K. E. Tsiolkovsky; 2017. p. 272–283. (In Russ.).

16. Fel'dman IL. Empiricheskii analiz samopoznaniya budushchikh spetsialistov [An empirical analysis of future specialists' self-cognition]. In: *Tsivilizatsiya znanii: rossiiskie realii [The Civilization of knowledge: the Russian realities]: the proceeding of the 24th International scientific conference (Moscow, 20–21 April, 2018)*. Moscow: Russian New University; 2018. p. 1024–1032. (In Russ.).

17. Khaidov SK. Lichnostno-professional'noe razvitie spetsial'nogo psikhologa v vysshem uchebnom zavedenii pri realizatsii FGOS VPO [The personal and professional development of a special needs psychologist when implementing federal state educational standards]. In: *Nauchno-metodicheskoe obespechenie realizatsii FGOS VPO: rossiiskii i evropeiskii opyt proektirovaniya obrazovatel'nykh programm v ramkakh kompetentnostnogo podkhoda [Science and methodology ensuring the realization of federal state educational standards for higher vocational education]: the proceedings of the 39th International Training conference*. Tula: Publ. House of Tula State Pedagogical University after L. N. Tolstoy; 2012. p. 233–236. (In Russ.).

18. Khaidov SK. *Lichnostnye kachestva munitsipal'nykh sluzhashchikh zakrytykh administrativno-territorial'nykh obrazovaniy [Personal qualities of municipal employees of the enclosed administrative and territorial entities]*. Moscow: MOSU; 2007. 152 p. (In Russ.).

19. Khaidov SK. Struktura lichnostnykh kachestv munitsipal'nykh sluzhashchikh [The structure of personal traits of municipal officers]. *Vestnik universiteta (Gosudarstvennyi universitet upravleniya) = The University Bulletin (State Management University)*. 2009;6: 121–124. (In Russ.).

Submitted 08.11.2019

Accepted 10.12.2019

DOI: 10.35853/LAU.WS.2019.SP14
УДК 159.9

Развитие коммуникативной компетентности у старших подростков с нарушением слуха методами танцевальной терапии

Анастасия Р. Зайцева,
Высшая школа экономики,
г. Москва, Россия

ORCID: 0000-0002-4744-3146, e-mail: anza10@mail.ru

Людмила Н. Кулешова,

НОУ ВПО «Российский новый университет»,
г. Москва, Россия

ORCID: 0000-0002-8423-1038, e-mail: kuleshovaln48@mail.ru

Наталья А. Пешкова,

Тульский государственный педагогический университет им. Л. Н. Толстого,
г. Тула, Россия

ORCID: 0000-0002-0339-7897, e-mail: na_peshkova@mail.ru

Аннотация. Изучение коммуникативной компетентности старших подростков с нарушением слуха является актуальной проблемой для исследования. В подростковом возрасте ведущей деятельностью становится межличностное общение со сверстниками, в котором усваиваются нормы взаимодействия с людьми, формируются индивидуальные модели поведения и общения. Вследствие нарушения слухового анализатора страдает развитие коммуникации, искажается ощущение себя в обществе как субъекта общения. Именно поэтому диагностика и последующая коррекция коммуникативной компетентности имеют большое значение для дальнейшей социальной адаптации подростка в обществе. Изучение коммуникативной компетентности подростков с нарушением слуха включает три компонента: эмоционально-мотивационный (потребность в контактах, мотивы, установки, цели и личностные ценности), когнитивный (психологические знания о межличностном общении, образ собеседника как партнера коммуникации) и поведенческий (сформированные индивидуальные модели поведения и контроль). Результаты исследования показывают, что у подростков с нарушением слуха коммуникативная компетентность развита на среднем уровне либо на уровне ниже среднего, при этом снижены уровень эмпатии и уровень коммуникативного контроля, потребность в общении, наблюдается несформированность коммуникативных умений и склонностей, высокий уровень эмоциональных барьеров в межличностном взаимодействии. Разработанная и реализованная коррекционно-развивающая программа на основе упражнений танцевальной терапии позволила качественно улучшить все исследуемые показатели.

Ключевые слова: коммуникативная компетентность, невербальная коммуникация, старшие подростки с нарушением слуха, танцевально-двигательная терапия.

Для цитирования: Зайцева А. Р., Кулешова Л. Н., Пешкова Н. А. Развитие коммуникативной компетентности у старших подростков с нарушением слуха методами танцевальной терапии // Благополучие и безопасность в условиях социальных трансформаций: сб. науч. тр. X Междунар. симпозиума (г. Екатеринбург, 9–10 июля 2019 г.) / ред. Е. Б. Перельгина, О. Ю. Зотова, А. В. Дроздова, Л. В. Тарасова. – Екатеринбург: Гуманитарный университет, 2019. – С. 135–144. – ISBN 978-5-7741-0376-8. – DOI: 10.35853/LAU.WS.2019.SP14.

© А. Р. Зайцева, Л. Н. Кулешова, Н. А. Пешкова, 2019

The Development of Communicative Competence in Adolescents with Hearing Impairments by Dance Therapy

Anastasiya R. Zaitseva,

High School of Economics, Moscow, Russia
ORCID: 0000-0002-4744-3146, e-mail: anza10@mail.ru

Lyudmila N. Kuleshova,

Russian New University, Moscow, Russia
ORCID: 0000-0002-8423-1038, e-mail: kuleshovaln48@mail.ru

Nataliya A. Peshkova,

Tyla State Pedagogical University after L. N. Tolstoy, Tula, Russia
ORCID: 0000-0002-0339-7897, e-mail: na_peshkova@mail.ru

Abstract. The study of the communicative competence of older teenagers with hearing difficulties is a painful problem. During the period of adolescence interpersonal communication becomes a flagship activity in which young people learn standards of interaction, shape individual models of behavior and communication. Due to hearing disorders, the development of communication and a feeling of being a subject of communication in society become compromised. It is diagnostics and subsequent correction of communicative competence that greatly contribute to further social adjustment within the society. The examination of communicative competence of adolescents encompasses three components: emotional-motivational – the need for contacts, motives, attitudes, goals and personal values; cognitive – psychological knowledge of interpersonal communication, the image of an interlocutor as communication partner; behavioral – individual patterns of behavior and control. The results of the study showed that the communicative competence of teenagers with hearing difficulties is at a medium level of development or lower. One can also observe the decreased levels of empathy, communicative control, the need for communication. These adolescents exhibit poor communicative skills and aptitudes, a high level of emotional barriers in the course of interpersonal interaction. The correction-and-development program designed and implemented by the authors made it possible to improve all indicators under study.

Keywords: communicative competence, non-verbal communication, older teenagers with hearing disorders, dance movement therapy.

For citation: Zaitseva AR, Kuleshova LN, Peshkova NA. The Development of Communicative Competence in Adolescents with Hearing Impairments by Dance Therapy. In: PereLygina EB, Zotova OYu, Drozdova AV, Tarasova LV. (eds.) *Wellbeing and Security in the Face of Social Transformations: Collection of academic papers from the 10th International Symposium (Yekaterinburg, July 9–10, 2019)*. Yekaterinburg: Liberal Arts University – University for Humanities; 2019. p. 135–144. Available from: doi:10.35853/LAU.WS.2019.SP14.

Введение

Развитие коммуникативной компетентности – значимый аспект работы со старшими подростками с нарушением слуха по ряду причин. В подростковом возрасте, с одной стороны, на первый план выходит межличностное общение как ведущий вид деятельности. В нем формируется представление о себе как субъекте взаимодействия, усваиваются нормы и модели поведения. С другой стороны, эти закономерные процессы самопознания и социализации подвергаются искажению из-за нарушения слухового анализатора, что влияет на всё дальнейшее развитие.

Изучением коммуникативной компетентности занимались Л. С. Выготский, И. Н. Зотова, В. А. Лабунская, А. Н. Леонтьев, А. А. Леонтьев, которые рассматривали данный феномен, начиная с определения тер-

мина «коммуникация» и заканчивая особенностями, критериями и компонентами. Коммуникативную компетентность детей с нарушением слуха изучали Р. Е. Барабанов, Т. Г. Богданова, Э. А. Вийтар, В. И. Лубовский, которые подготовили научную базу изучения коммуникации в специальной психологии.

Исследователи отмечали определенные особенности развития коммуникативной компетентности у старших подростков с нарушением слуха, которые обуславливаются отклонениями в работе слухового анализатора, а также сравнительной изолированностью от общества и, в определенной мере, социальной депривацией. У глухих и слабослышащих детей для формирования межличностных отношений и навыков коммуникации необходимо воздействие со стороны взрослых, так как опыт и круг общения таких детей не велик и не разнообразен. В работе с ними необходимо целенаправленное развитие мотивов общения как с неслышащими собеседниками, так и со слышащими, работа над личностными характеристиками как основой коммуникативного потенциала, обучение правилам поведения при взаимодействии с другими людьми.

В основе нашей работы – определение Ю. М. Жукова [5], обозначившего коммуникативную компетентность как психологическую характеристику личности, проявляющуюся в общении с другими людьми, а также способность к установлению и поддержанию необходимых контактов.

Коммуникативная компетентность включает три компонента [6]: эмоционально-мотивационный (потребность в контактах, мотивы, установки, цели и личностные ценности), когнитивный (психологические знания о межличностном общении, образ собеседника как партнера коммуникации) и поведенческий (сформированные индивидуальные модели поведения и контроль).

Методы исследования

Цель исследования: изучить коммуникативную компетентность у старших подростков с нарушением слуха, разработать и апробировать коррекционно-развивающую программу, направленную на развитие коммуникативной компетентности у детей данной категории, провести контрольную диагностику и оценить эффективность проведенной коррекционной работы.

Исследование проходило на базе ГОУ ТО «Тульский областной центр образования», отделение № 3. В исследовании приняли участие 25 подростков с нарушением слуха в возрасте 15–16 лет.

В рамках исследования предстояло проверить предположение, что использование средств танцевальной терапии позволит в рамках коммуникативной компетентности у старших подростков с нарушением слуха повысить потребность в общении, уровень эмпатии и коммуникативного контроля, сформированность коммуникативных умений и склонностей.

Методы исследования: теоретические (теоретический анализ психолого-педагогической литературы по проблеме изучения коммуникативной компетентности у старших подростков с нарушением слуха); формирующий эксперимент, состоящий из трех этапов (констатирующего, формирующего и контрольного); методы обработки данных (коли-

чественный и качественный анализ полученных результатов), статистический анализ по t-критерию Стьюдента.

В диагностический инструментарий вошли следующие методики (табл. 1).

Таблица 1

**Программа изучения коммуникативной компетентности
у старших подростков с нарушением слуха**

Компонент	Параметр	Название методики	Цель
Эмоционально-мотивационный	Мотивы развития компетентности	Методика изучения потребности в общении (Модификация А. Г. Грецова) [7]	Определение уровня потребности в общении
	Потребность в позитивных контактах	Методика «Диагностика эмоциональных барьеров в межличностном общении» С. Л. Братченко) [10]	Выявление типа эмоциональных помех в общении оценка уровень эмоциональной эффективности в общении
Когнитивный	Личностные характеристики как основа коммуникативного потенциала	«Тест коммуникативных умений» (Л. Михельсон в адаптации Ю. З. Гильбуха) [2]	Определение уровня коммуникативной компетентности и качества сформированности коммуникативных умений
	Образ другого человека как партнера коммуникации	Методика «Диагностика уровня эмпатии» (И. М. Юсупова) [4]	Выявление уровня эмпатийных тенденций
Поведенческий	Субъективный контроль поведения	Диагностика коммуникативного контроля» (М. Шнайдер) [10]	Изучение уровня коммуникативного контроля
	Оптимальные модели взаимодействия	«Выявление коммуникативных склонностей учащихся» (Р. В. Овчарова) [9]	Выявление коммуникативных склонностей учащихся

Результаты и обсуждение

Результаты оценки эмоционально-мотивационного критерия: потребность в общении у 80 % испытуемых имеет средний уровень выраженности, т. е. стремления к продолжительному пребыванию в компании у детей нет, они комфортнее ощущают себя в кругу близких, 20 % – предпочитают одиночество. Влияние эмоциональных барьеров на общение значительно выражено: у 60 % подростков – максимальный, пятый уровень (эмоции сильно мешают устанавливать новые контакты с окружающими), у 40 % – четвертый уровень (эмоции не являются веским препятствием в общении, но по-прежнему мешают).

Исследование когнитивного критерия показало, что в процессе общения выделяются несколько типов реагирования: компетентный (оптимальный), агрессивный (позиция «сверху»), зависимый (позиция «снизу»). Значительное количество «зависимых» ответов продемонстрировали все дети, у 60 % испытуемых они доминировали. У 40 % детей превалировало агрессивное реагирование, хотя и зависимые ответы встречались очень часто. У 60 % подростков проявляется средний уровень развития эмпатии, выражающийся в склонности судить об

окружающих по конкретным поступкам, а не по собственным впечатлениям (эмоциональные проявления кажутся непонятными), у остальных 40 % – высокий уровень развития эмпатии, что говорит об интересе к людям, желании понимать, что происходит у них на душе, внимании к чувствам. В зависимости от объектов самый высокий уровень эмпатии – к родителям, самый низкий – к старикам.

Диагностика поведенческого критерия показала, что коммуникативный контроль у 60 % подростков выражается в осторожности и эмоциональной сдержанности при общении. Низкий коммуникативный контроль преобладает у 40 % детей и выражается в раскованном поведении, мало зависящем от ситуации. Коммуникативные склонности у 40 % подростков проявляются в достаточно хорошей организованности и самостоятельности. Остальные 60 % исследуемых продемонстрировали нарушение внутренней организованности и неумение дисциплинировать себя.

Таким образом, у старших подростков с нарушением слуха снижена потребность в общении, сильно развиты эмоциональные барьеры в межличностном общении, уровни эмпатии и коммуникативного контроля также снижены; кроме того, наблюдается несформированность коммуникативных умений и склонностей. В целом уровень развитости коммуникативной компетентности может быть оценен как находящийся ниже среднего.

На основе полученных результатов диагностики были разработаны следующие коррекционно-развивающие задачи:

1. Развитие эмоционально-мотивационного компонента коммуникативной компетентности (потребности в позитивных контактах, мотивов общения, установок быть успешным участником взаимодействия).

2. Формирование когнитивного компонента в коммуникации (образа другого человека, личностных характеристик как основы коммуникативного потенциала).

3. Оптимизация поведенческого компонента коммуникативной компетентности (системы субъективного контроля и оптимальных моделей поведения в процессе общения).

В качестве средства коррекции были выбраны техники танцевально-двигательной терапии, что обусловлено многими факторами. Танец – исторически первая форма коммуникации, возникшая еще в доречевую эпоху. Это специфическое средство общения, инструмент глубинной коммуникации, предполагающий, по своей сути, взаимную вовлеченность и чуткость людей друг к другу. Согласно В. Е. Баглаю, танец есть форма коммуникации, связи между людьми разных категорий общества [1]. Именно поэтому коррекция коммуникативной компетентности при помощи танца помогает проводить работу в условиях максимально доброжелательной и сопричастной атмосферы, что повышает эффективность занятий.

Кроме того, использование танцевально-двигательной терапии соотносится с особенностями возраста: подростничество – время стремительных перемен в теле ребенка, которые несут в себе ряд трудностей. Именно работа с телом помогает подростку снять мышечные зажимы, понять и принять изменения, происходящие в организме. Воздействие на тело через танец позволяет расширить разнообразие

форм и вариантов поведения подростков, выплеснуть переживания и подавленные эмоции, сформировать новые паттерны взаимодействия с окружающими.

Использование танца целесообразно также в соотношении с особенностями нарушения слуха: в движении снижаются психологические барьеры и чувство неловкости, обусловленные трудностями с вербализацией и восприятием речи на слух. Наоборот, в телесных упражнениях подростки исследуют себя, свои пределы и возможности, тренируются распознавать и выражать эмоции и чувства.

Коррекционно-развивающая программа направлена на работу с неберальной стороной коммуникации: упражнения проводятся на телесном уровне без значительного словесного контакта. Эта траектория была выбрана нами осознанно в соответствии со спецификой нарушения, а также особенностями построения учебного процесса в специализированных школах, где с детьми проводят работу логопеды, сурдопедагоги, уделяя на каждом занятии значительное время развитию вербальной коммуникации. Программа нацелена преимущественно на развитие психологической составляющей общения, в том числе формирование мотивов общения, образов собственного Я и другого человека, личностных характеристик, субъективного контроля поведения и моделей взаимодействия подростков.

Коррекционно-развивающая программа включает 12 занятий по 60 минут с периодичностью два раза в неделю. Форма работы: индивидуальная, деление на пары, групповая.

Для каждого из параметров и компонентов коммуникации, с учетом особенностей возраста, дефекта и результатов диагностики, был подобран комплекс танцевально-двигательных упражнений, который строился по принципу от простого к сложному и помогал сформировать конкретный феномен взаимодействия. Пример соотношения упражнений и параметров представлен в таблице 2.

В результате проведенной коррекционно-развивающей программы в группе наблюдается положительная динамика по всем исследуемым параметрам компонентам коммуникативной компетентности.

Показатели эмоционально-мотивационного компонента коммуникативной компетентности увеличились как с точки зрения потребности в общении (у 40 % подростков увеличилась на один уровень, у 40 % испытуемых – на два уровня, у 20 % уровень остался прежним, однако результаты в баллах приблизились к верхней границе), так и со стороны влияния эмоциональных барьеров в общении (у 60 % препятствие барьеров снизилось на один уровень, у 40 % уровень остался неизменным, однако положительная динамика прослеживается у всех в среднем на 3,6 балла). Подросткам проще общаться в компании, заводить новые знакомства. Они стали более заинтересованы в совместной организации деятельности, времяпрепровождении. Эмоции уже не так сильно влияют на коммуникацию: волнение, растерянность перестали быть решающими факторами при взаимодействии с людьми.

Таблица 2

Соотнесение упражнений и параметров

Компонент	Параметр	Пример упражнений (в порядке усложнения)
Эмоционально-мотивационный	Мотивы развития компетентности	1. В кругу. Один ребенок показывает движения, другие повторяют. 2. В кругу. Один задает незаметно движения, водящий ребенок, стоя в центре, угадывает, кто показывает. 3. Структурированные танцы. 4. Групповая скульптура [3]
	Потребность в позитивных контактах	1. Парно ходят по помещению: один с закрытыми глазами, второй его ведет. 2. Парно танцуют: один с закрытыми глазами, другой с открытыми. 3. Оба танцуют с закрытыми глазами
Когнитивный	Образ другого человека как партнера коммуникации	1. Базовые эмоции представляются на карточках. Задача: узнать, повторить. 2. Базовые эмоции представляются в виде пантомимы. Задача: узнать, повторить. 3. Социальные эмоции представляются на карточках. Задача: узнать, повторить. 4. Социальные эмоции в виде пантомимы. Задача: узнать, повторить
	Личностные характеристики как основа коммуникативного потенциала	1. «Научи прикосновению». 2. «Улитка». 3. «Музыкальный инструмент». 4. Танец частей тела. 5. «Шкаф с передеваниями образов» [8]. 6. Свободный танец
Поведенческий	Субъективный контроль поведения	1. Следование за ведущим в цепочке. 2. Танец ведущий/ведомый в паре, стоя друг за другом («Тень») 3. Танец ведущий/ведомый, стоя напротив. 4. Танец ведущий/ведомый без четкого указания, кто ведет в данный момент («Гармония») 5. Импровизация в парах
	Оптимальные модели взаимодействия	1. Показать пантомимой ситуацию, которая загадана на карточке. 2. Придумать самому ситуацию и показать ее, остальные отгадывают. 3. Один показывает придуманную им ситуацию, остальные играют второстепенных персонажей. 4. Протанцовывание ситуаций в групповых и парных танцах

В когнитивном компоненте также прослеживается положительная динамика. При диагностике коммуникативных умений компетентный тип реагирования на различные ситуации повысился в среднем на 2–3 %, при этом у каждого ребенка сохранилось преобладание характерного для них типа реагирования при уменьшении числа неправильных ответов. Уровень эмпатии только у 20 % испытуемых повысился со среднего на высокий, у 80 % подростков динамика не приводит к повышению уровня, и она не однородна. В целом можно сказать, что наблюдается более четкая сформированность представлений о другом

человеке как партнере коммуникации. Подростки начали лучше понимать чувства, которые испытывают они сами и окружающие их люди, стали эффективнее выражать свои эмоции, доносить то, что важно для них в настоящий момент.

Поведенческий критерий также показал положительные результаты. Динамика коммуникативного контроля выражается в переходе на следующий диагностический уровень у 40 %; у 60 % подростков показатели увеличиваются в пределах прежнего уровня. Сформированность коммуникативных склонностей показала, что у 40 % детей улучшились уровневые показатели. У остальных 60 % тоже отмечаются улучшения, однако они не выходят за рамки установившегося уровня. В целом подростки стали более организованны, собраны, с большей легкостью могут организовать свою деятельность и деятельность товарищей через коммуникацию. Для статистического анализа полученных данных был выбран t-критерий Стьюдента. Полученные эмпирические значения $t_{\text{эмп}}$ во всех расчетах по всем методикам оказались больше имеющегося $t_{\text{крит}}$. Таким образом, полученные $t_{\text{эмп}} > t_{\text{крит}}$, что указывает на нахождение полученных результатов в зоне значимости. Это подтверждает их статистическую значимость.

Заключение

Таким образом, в ходе проведенного исследования была проанализирована теоретическая литература по развитию коммуникативной компетентности старших подростков с нарушением слуха, разработана методологическая база исследования, выделены критерии и параметры центрального понятия, на базе которых была создана и реализована диагностическая программа, описаны результаты. С учетом полученных данных была предложена коррекционно-развивающая программа с использованием средств танцевально-двигательной терапии, которые коррелируют с возрастными особенностями подростков, спецификой дефекта, а также компонентами коммуникативной компетентности. По результатам коррекционной работы можно сказать, что она была эффективна. Постепенно качественно улучшились все исследуемые показатели. Динамика в целом положительная, хотя и достаточно медленная, что можно объяснить наличием органических поражений и вторичных нарушений у респондентов.

Информация об авторах

Анастасия Романовна Зайцева, магистрант 1-го года обучения направления «Консультативная психология. Персоналогия» факультета социальных наук НИУ «Высшей школы экономики» (г. Москва, Россия).

Людмила Николаевна Кулешова, доктор психологических наук, профессор, профессор кафедры психолого-педагогического образования НОУ ВПО «Российский новый университет» (г. Москва, Россия).

Наталья Александровна Пешкова, кандидат психологических наук, доцент кафедры специальной психологии Тульского государственного педагогического университета им. Л. Н. Толстого (г. Тула, Россия).

Information about the authors

Anastasiya R. Zaitseva, first-year Master's student in Counseling Psychology, the Faculty of Social Sciences, High School of Economics, Moscow, Russia.

Lyudmila N. Kuleshova, Dr. Sci. (Psychology), Prof., Prof. at Psychological and Pedagogical Education chair, Russian New University, Moscow, Russia.

Nataliya A. Peshkova, Cand. Sci. (Psychology), Assoc. Prof. at Psychology for Special Needs chair, Tula State Pedagogical University after L. N. Tolstoy, Tula, Russia.

Список литературы

1. Баглай В. Е. Этническая этнография народов мира. Ростов н/Д : Феникс, 2007. 384 с.
2. Гильбух Ю. З. Тест-опросник коммуникативных умений. Киев : НПЦ Перспектива, 1995. 9 с.
3. Гренлюнд Э., Оганесян Н. Ю. Танцевальная терапия: теория, методика, практика. СПб. : Речь, 2004. 284 с.
4. Елисеев О. П. Конструктивная психология и психодиагностика личности. Псков : ПОИУУ, 1994. 165 с.
5. Жуков Ю. М., Петровская Л. А., Растянников П. В. Диагностика и развитие компетентности в общении : спецпрактикум по социальной психологии. М. : МГУ, 1990. 256 с.
6. Зотова И. Н. Коммуникативная компетентность как аспект социализации личности студента в условиях информатизации общества // Актуальные социально-психологические проблемы развития личности в образовательном пространстве XXI века. Ставрополь : Северо-Кавказский государственный технический университет, 2006. С. 109.
7. Ильин Е. П. Мотивы человека: теории и методы изучения. Киев : Вища школа, 1998. 512 с.
8. Козлов В. В., Гиршон А. Е., Веремеенко Н. И. Интегративная танцевально-двигательная терапия. СПб. : Речь, 2006. 286 с.
9. Овчарова Р. В. Практическая психология образования. М. : Академия, 2003. 448 с.
10. Фетискин Н. П., Козлов В. В., Мануйлов Г. М. Социально-психологическая диагностика развития личности и малых групп. М. : Изд-во Института Психотерапии, 2002. 339 с.

Статья поступила в редакцию: 27.10.2019

Принята к публикации: 30.11.2019

References

1. Baglai VE. *Etnicheskaya etnografiya narodov mira [Ethnic ethnography of peoples of the world]*. Rostov-on-Don: Phoenix; 2007. 384 p. (In Russ.).
2. Gilbukh YuZ. *Test-oprosnik kommunikativnykh umenii [The test-questionnaire of communicative skills]*. Kiev: NPT Perspektiva; 1995. 9 p. (In Russ.).
3. Grenlyund E, Oganesyana NYu. *Tantseval'naya terapiya: teoriya, metodika, praktika [The dance therapy: theory, method, practice]*. Saint Petersburg: Rech; 2004. 284 p. (In Russ.).
4. Eliseev OP. *Konstruktivnaya psikhologiya i psikhodiagnostika lichnosti [The constructive psychology and personality diagnosis]*. Pskov: Pskov Regional Institute of Advanced Pedagogical education; 1994. 165 p. (In Russ.).
5. Zhukov YuM, Petrovskaya LA, Rastyannikov PV. *Diagnostika i razvitie kompetentnosti v obshchenii: Spetspraktikum po sotsial'noi psikhologii [The diagnose and development of communicative competence: Special hands-on training on social psychology]*. Moscow: MSU; 1990. 256 p. (In Russ.).
6. Zotova IN. Kommunikativnaya kompetentnost' kak aspekt sotsializatsii lichnosti studenta v usloviyakh informatizatsii obshchestva [Communicative competence as an aspect of student's personality socialization in conditions of society's informatization]. In: *Aktual'nye sotsial'no-psikhologicheskie problemy razvitiya lichnosti v obrazovatel'nom prostranstve XXI veka [Relevant socio-psychological problems of personality development in the educational space of the 21-st century]*. Stavropol: North-Caucasian State Technical University; 2006. p. 109. (In Russ.).
7. Il'in EP. *Motivy cheloveka: teorii i metody izucheniya [Man's motives: theories and research methods]*. Kiev: Higher School; 1998. 512 p. (In Russ.).

8. Kozlov VV, Girshon AE, Veremeenko NI. *Integrativnaya tantseval'no-dvigatel'naya terapiya [The integrative dance and movement therapy]*. Saint Petersburg: Rech; 2006. 286 p. (In Russ.).

9. Ovcharova RV. *Prakticheskaya psikhologiya obrazovaniya [The practical psychology of education]*. Moscow: Akademiya; 2003. 448 p. (In Russ.).

10. Fetiskin NP, Kozlov VV, Manuilov GM. *Sotsial'no-psikhologicheskaya diagnostika razvitiya lichnosti i malykh grupp [A socio-psychological diagnostic of personality development in small groups]*. Moscow: Institute of Psychotherapy Publ. House; 2002. 339 p. (In Russ.).

Submitted 27.10.2019

Accepted 30.11.2019

DOI: 10.35853/LAU.WS.2019.SP15
УДК 159.9:159.922.8

Образовательная среда как фактор риска формирования девиантного поведения современных подростков

Марина М. Мишина¹,

ORCID: 0000-0001-9348-7804, e-mail: mishinamm@yandex.ru

Ксения А. Воробьева²,

ORCID: 0000-0002-9244-9336, e-mail: kseniaprimavera@mail.ru

^{1, 2} Российский государственный гуманитарный университет,
Институт психологии им. Л. С. Выготского,
г. Москва, Россия

Аннотация. Авторы статьи рассматривают феномен девиантного поведения через призму специфических особенностей подросткового возраста как одного из наиболее сложных этапов развития ребенка, в процессе которого проявляются основные детерминанты поведенческих девиаций личности. В статье приведены результаты пилотажного исследования различных девиантных форм поведения подростков из полных и неполных семей, а также проанализировано наличие интолерантных установок личности в зависимости от степени «проблемности» подростков. Современная образовательная среда часто является зоной риска для такого рода проявлений, особенно если подростки воспитываются в неполных семьях, где социально-культурные влияния на них минимизированы. Авторы статьи подробно останавливаются на актуальных проблемах образовательной среды, связанных с недостаточным уровнем компетентности школьных специалистов в вопросах понимания причин подростковой агрессивности и навыков разработки комплексной психокоррекционной и профилактической работы с подростками на базе школы. В статье анализируются основные причины возникновения девиантного поведения у современных подростков и рассматриваются основные направления коррекционной, а также профилактической работы в соответствии с особенностями образовательной среды. Авторами рассматриваются «проблемные» моменты, в частности связанные с буллингом в коллективе подростков, и формулируются психолого-педагогические рекомендации для педагогических работников с целью создания благоприятной психолого-педагогической атмосферы в учебном заведении, гармоничного формирования личности подростков, их психологического благополучия и безопасности. Авторы делают акцент на необходимости руководствоваться такими основными психологическими принципами, как научность, комплексность и системность в психокоррекционной педагогической деятельности.

Ключевые слова: девиантное поведение, детерминация, буллинг, профилактика, коррекция, современные подростки.

Для цитирования: Мишина М. М. Воробьева К. А. Образовательная среда как фактор риска формирования девиантного поведения современных подростков // Благополучие и безопасность в условиях социальных трансформаций : сб. науч. тр. X Междунар. симпозиума (г. Екатеринбург, 9–10 июля 2019 г.) / ред. Е. Б. Перельгина, О. Ю. Зотова, А. В. Дроздова, Л. В. Тарасова. – Екатеринбург : Гуманитарный университет, 2019. – С. 145–151. – ISBN 978-5-7741-0376-8. – DOI: 10.35853/LAU.WS.2019.SP15.

Educational Environment as a Risk Factor in the Formation of Deviant Behavior of Today's Teenagers

Marina M. Mishina¹,

ORCID: 0000-0001-9348-7804, e-mail: mishinamm@yandex.ru

Kseniya A. Vorob'eva²,

ORCID: 0000-0002-9244-9336, e-mail: kseniaprimavera@mail.ru

^{1,2}Russian State University for the Humanities,

Institute of Psychology after L. S. Vygotsky, Moscow, Russia

Abstract. The authors observed the phenomenon of deviant behavior through the prism of specific features of adolescence, a period when basic determinants of behavior deviations manifest themselves. The paper reported the results of the pilot study on deviant behaviors of teenagers from nuclear and single-parent families. The authors also analyzed adolescents' intolerant attitudes depending on the degree to their being problematic. A contemporary educational environment often becomes a risk zone of such behaviors, especially if teenagers come from families with minimal socio-cultural influences. The authors also scrutinized the challenges of modern education associated with an insufficient insight into the reasons for teenagers' aggressiveness and inadequate skills in designing complex programs of correction and prevention for dealing with troubled adolescents at school. Besides, the paper described major reasons for deviant behavior in today's teenagers and highlighted key directions of interventions and preventive activities in line with the specifics of an educational setting. One more issue of concern under consideration was bullying in the collective of adolescents. Finally, the authors formulated recommendations for pedagogical staff aimed at creating a favorable psycho-pedagogical climate in an educational establishment, a balanced shaping of teenagers' development, their psychological wellbeing and security. They also emphasized that such basic psychological principles as being scientific, comprehensive, and systemic should guide intervention and education activities.

Keywords: deviant behavior, determination, prevention, intervention, today's adolescents, bullying.

For citation: Mishina MM, Vorob'eva KA. Educational Environment as a Risk Factor in the Formation of Deviant Behavior of Today's Teenagers. In: Perelygina EB, Zotova OYu, Drozdova AV, Tarasova LV. (eds.) *Wellbeing and Security in the Face of Social Transformations: Collection of academic papers from the 10th International Symposium (Yekaterinburg, July 9–10, 2019)*. Yekaterinburg: Liberal Arts University – University for Humanities; 2019. p. 145–151. Available from: doi: 10.35853/LAU.WS.2019.SP15.

Введение

Девиантные проявления подростков не являются уникальными и новыми, однако их психолого-педагогическое исследование становится особенно актуальным в соответствии с качественными преобразованиями современных общественных отношений и особенностями экономической, политической, духовной жизни. Подростки восприимчивы к негативным внешним средовым воздействиям, по сравнению с другими возрастными группами они более уязвимы, а также интеллектуально и нравственно напряжены [5; 7; 8].

Учет особенностей влияния образовательной среды при формировании личности подростков, ее углубленный и детальный анализ позволят изучить причины девиантного поведения, проанализировать его природу и найти способы коррекции и профилактики.

По мнению И. С. Кона, отклонения в подростковом возрасте связаны с внутренними трудностями переходного возраста, статусно-ро-

левой неопределенностью, границами социального положения и перестройкой механизма социального контроля [6]. Данные причины могут находить отражение во взаимоотношениях подростков со своим окружением. В отношениях с одноклассниками могут возникнуть конфликты на фоне соперничества или буллинга. Очень часто люди, пережившие насилие, сами становятся агрессорами по отношению к более слабым и уязвимым [10].

Анализ агрессивного поведения подростков позволил выделить наиболее типичные психологические детерминанты агрессивного поведения: бессознательную потребность перенести на другого унижение, которому ранее сам агрессор подвергался (реванш за боль, пережитую в прошлом); самозащиту; потребность компенсировать подавленные чувства; стремление манипулирования объектом и лидерство любой ценой [9].

Общим для случаев применения физического насилия со стороны подростков является неспособность справиться с трудной жизненной ситуацией, а также отсутствие социально приемлемых моделей поведения и нескритичность к собственным поступкам [2].

Цель исследования: определить условия реализации коррекционных и профилактических возможностей влияния образовательной среды на специфику формирования подростковых поведенческих девиаций (на примере подростков из полных и неполных семей).

Объект: девиантное поведение подростков как социально-культурное явление и сфера компетенции педагогической пропедевтики.

Предмет: условия применения психолого-педагогических технологий для коррекции и профилактики девиантного поведения подростков из полных и неполных семей в образовательных учреждениях.

Нами была подготовлена специальная программа эмпирического исследования девиантного поведения подростков из полных и неполных семей, обучающихся в образовательных учреждениях г. Москвы.

Методы исследования

Использовались опросник уровня агрессивности Басса–Дарки, опросник «Склонности к отклоняющемуся поведению» для исследования форм агрессивного и отклоняющегося поведения подростков; экспресс-опросник «Индекс толерантности», определяющий уровень толерантности подростков.

Статистическая обработка результатов определялась непараметрическим U-критерием Манна–Уитни.

В исследовании образовательной среды как фактора риска формирования девиантного поведения подростков из полных и неполных семей приняли участие 120 человек в возрасте 13–16 лет: 60 подростков из полных семей – 28 мальчиков, 32 девочки; и 60 подростков из неполных семей – 38 мальчиков, 22 девочки¹.

¹ Данное исследование проводилось в 2010–2012 гг. в г. Москве в качестве пилотажного с целью уточнения эмпирической программы для более детального изучения специфики девиантного поведения в подростковом возрасте, необходимого для разработки эффективной психокоррекционной и профилактической работы со школьниками.

Результаты и обсуждение

Приведем результаты пилотажного исследования, подтверждающие рост поведенческих девиаций в подростковом возрасте. У подростков из неполных семей выявлены повышенные показатели агрессивных и враждебных реакций по видам агрессии: физическая ($U = 101, p = 0,0$), вербальная ($U = 196, p = 0,0$), косвенная ($U = 269, p = 0,006$); негативизм ($U = 176, p = 0,0$), подозрительность ($U = 268, p = 0,006$); раздражение ($U = 175,5, p = 0,0$). Между подростками из полных и неполных семей по интегральным индексам враждебности и агрессивности установлены статистически значимые различия. Кроме того, у подростков из неполных семей чаще, чем у подростков из полных семей, проявлялась склонность к нарушению норм и правил поведения ($U = 176, p = 0,0$), у них значимо выражена склонность к насилию и агрессии ($U = 197,5, p = 0,0$), а также склонность к аддиктивному поведению ($U = 217, p = 0,001$) [4, с. 101].

Проведенное исследование показало, что подростки из неполных семей более склонны к агрессивному и отклоняющемуся поведению по сравнению с подростками из полных семей. При этом не было обнаружено, что состав семьи в полной мере влияет на наличие поведенческих девиаций у подростков. Семья, как и другие общественные институты (образовательное учреждение, референтная группа, СМИ, Интернет), также оказывает влияние на социализацию подростков [11; 12].

Отметим наличие у подростков интолерантных установок: у «средне-проблемных» подростков в зависимости от ситуации сочетаются толерантные и интолерантные черты. «Малопроблемные подростки» более толерантны по отношению к окружающему миру. «Проблемные подростки» из полных и неполных семей испытывают чувство незащищенности, ориентируясь на принятое в группе поведение [3]. Наличие низкого уровня эмпатии ведет к сужению зоны различий с другими людьми за счет нарушения идентичности. Следует отметить, что гетеро-интолерантность может проявляться в агрессии и соперничестве [1].

Таким образом, можно говорить о том, что сочетание психологических особенностей личности подростков, склонных к девиантному поведению, с преобладанием недооценки педагогами профилактической работы с ними в образовательном учреждении может способствовать росту поведенческих девиаций у подростков.

Проведя пилотажное исследование, подтверждающее рост поведенческих девиаций в подростковом возрасте у подростков из неполных семей, мы наметили программу эмпирического исследования, включающую комплексную диагностику феномена девиантного поведения и его коррекцию.

Заключение

На основе пилотажного исследования девиантных форм поведения подростков, растущих в полных и неполных семьях, можно говорить о выявленных наиболее актуальных проблемах образовательной среды (недостаточная информированность школьных работников о наличии психологических проблем подростков «группы риска»; условное понимание педагогами причин девиантного поведения у подростков; психологические трудности в преодолении педагогами мифов об аг-

рессивных реакциях у подростков; отсутствие необходимых психологических знаний у педагогов о способах построения психокоррекционных и профилактических программ девиантного поведения подростков; отсутствие систематической работы педагогов с родителями подростков с подключением различных специалистов), понимая которые можно осуществлять своевременную профилактическую работу с подростками. В современных образовательных учреждениях необходимо усилить эффективное психолого-педагогическое взаимодействие всех участников образовательного процесса.

Далее хотелось бы остановиться на некоторых психолого-педагогических рекомендациях по повышению эффективности профилактической и психокоррекционной работы в школе.

Во-первых, следует включить в область особого внимания детей и подростков, потенциально входящих в «группу риска» школьной дезадаптации: отсутствуют возрастные специальные нормы детской и подростковой агрессии, поэтому каждый случай требует индивидуального подхода.

Во-вторых, возможные нарушения поведения подростков в школе предупреждаются с помощью мониторингов развития школьников в социальных условиях, например учащихся ранжируют по «группам риска», исходя из специфики их поведения. В рамках школы педагогов необходимо обучать приемам обратной связи и адекватным способам реагирования и купирования подростковых агрессивных реакций. В свою очередь, они должны предложить подростку несколько стратегий изменения стиля поведения и мирного разрешения конфликтных ситуаций, неагрессивного выражения своего мнения и своих чувств.

В-третьих, психологическая служба в школе должна создать для подростка с девиантным поведением индивидуальную программу поддержки, при этом необходимо использовать индивидуальную траекторию психосоциального развития и те стороны личности, которые оказались более развитыми, опираясь на ресурсы личности подростка. Поэтому школьным специалистам необходимы знания возрастной психологии и навыки разработки программ коррекции и профилактики девиантного поведения подростков. Важно акцентировать внимание не только на возрастных, но и на межкультурных особенностях проявления агрессии в образовательном процессе, учитывая многонациональную аудиторию современных школ.

В-четвертых, эффективность профилактической работы подрывает агрессия самих педагогов по отношению к «трудным» подросткам или подросткам из семей мигрантов, что провоцирует повышение ксенофобических и интолерантных установок, а также психологической напряженности в классе. Непонимание культурных различий и особенностей адаптации часто мешает педагогам эффективно справляться с проявлениями подростковой агрессии, что приводит к проблемам стигматизации этих учеников в школе.

В-пятых, основной задачей педагогов и психолога в школе является обучение подростков навыкам межличностного общения, приобретению навыков группового, но в то же время ассертивного поведения, адекватного выражения своих чувств и эмоций. Для подростков очень важна принадлежность к определенной группе, поэтому изоляция и

непринятие их одноклассниками, буллинг причиняют подростку психологическую травму, нарушая его безопасность.

Важным акцентом в профилактике и коррекции девиантного поведения подростков является утверждение ценности индивидуальности, отличности от других и ценности разнообразия мира.

В заключение хотелось бы отметить, что образовательная среда обладает наибольшим психолого-педагогическим потенциалом в области коррекции и профилактики агрессивного поведения подростков, а научность, комплексность и системность являются основными психологическими принципами в психокоррекционной педагогической деятельности.

Информация об авторах

Марина Михайловна Мишина, доктор психологических наук, профессор кафедры психологии и методологии образования Российского государственного гуманитарного университета, Института психологии им. Л. С. Выготского (г. Москва, Россия).

Ксения Андреевна Воробьева, кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии личности Российского государственного гуманитарного университета, Института психологии им. Л. С. Выготского (г. Москва, Россия).

Information about the authors

Marina M. Mishina, Dr. Sci. (Psychology), Professor at Psychology of Educational Methodology chair, Russian State University for the Humanities, Institute of Psychology after L. S. Vygotsky, Moscow, Russia.

Kseniya A. Vorob'eva, Cand. Sci. (Psychology), Associate professor at Personality Psychology chair, Russian State University for the Humanities, Institute of Psychology after L. S. Vygotsky, Moscow, Russia.

Список литературы

1. Бардиер Г. Л. Научные основы социальной психологии толерантности. СПб. : Осипов, 2007. 96 с.
2. Бэрон Р., Ричардсон Д. Агрессия. СПб. : Питер, 2014. 314 с.
3. Воробьева К. А. Профилактика конфликтов в образовательной среде как средство повышения эффективности работы классного руководителя // Воспитание школьника. 2012. № 4. С. 28–32.
4. Воробьева К. А. Генезис агрессивных установок личности подростков из полных и неполных семей : дис. ... канд. психол. наук. М. : Моск. гос. гуманитар. ун-т им. М. А. Шолохова, 2012. 220 с.
5. Змановская Е. В. Девиантология: психология отклоняющегося поведения. М. : Академия, 2004. 288 с.
6. Кон И. С. Психология юношеского возраста: проблемы формирования личности. М. : Просвещение, 1979. 115 с.
7. Мишина М. М., Мурсалыева Г. М. Сравнительный анализ формирования типов этнической идентичности подростков разных культурных сред // Вестник МГОУ. 2018. № 1. С. 84–94.
8. Налчаджян А. Агрессивность человека. СПб. : Питер, 2007. 734 с.
9. Сирота Н. А., Ялтонский В. М., Хажилина И. И., Зидерман Н. С. Профилактика наркомании у подростков: от теории к практике. М. : Генезис, 2001. 51 с.
10. Солдатова Г. У., Рассказова Е. И., Нестик Т. А. Цифровое поколение России: компетентность и безопасность. М. : Смысл, 2018. 58 с.
11. Anderson C. A., Bushman B. J. Human Aggression // Annual Review of Psychology. 2002. Vol. 53. P. 27–51.

12. Huesmann L. R., Moise J. Media violence: A demonstrated public threat to children // *Harvard Mental Health Letter*. 1996. Vol. 12 (12). P. 5–7.

Статья поступила в редакцию: 20.10.2019

Принята к публикации: 28.11.2019

References

1. Bardier GL. *Nauchnye osnovy sotsial'noi psikhologii tolerantnosti [The scientific foundations of social psychology of tolerance]*. Saint Petersburg: Osipov; 2007. 96 p. (In Russ.).
2. Baron R, Richardson D. *Agressiya [Aggression]*. Saint Petersburg: Piter; 2014. 314 p. (In Russ.).
3. Vorobieva KA. Profilaktika konfliktov v obrazovatel'noi srede kak sredstvo povysheniya effektivnosti raboty klassnogo rukovoditelya [Conflict prevention in the educational environment as a means of improving the efficacy of a class teacher]. *Vospitanie shkol'nika = Schoolers education*. 2012;4: 28–32. (In Russ.).
4. Vorobieva KA. *Genezis agressivnykh ustanovok lichnosti podrostkov iz polnykh i nepolnykh semei [Genesis of aggressive personality attitudes of teenagers from traditional and single-parent families]*. Moscow: Moscow State University for Humanities after M. Sholokhov; 2012. 220 p. (In Russ.).
5. Zmanovskaya EV. *Deviantologiya: psikhologiya otklonyayushchegosya povedeniya [Deviation Studies: psychology of deviant behavior]*. Moscow: Akademiya; 2004. 288 p. (In Russ.).
6. Kon IS. *Psikhologiya yunosheskogo vozrasta: problemy formirovaniya lichnosti [Psychology of youthful age: the Problems of personality formation]*. Moscow: Prosvetshenie; 1979. 115 p. (In Russ.).
7. Mishina MM, Mursaliyeva GM. Sravnitel'nyi analiz formirovaniya tipov etnicheskoi identichnosti podrostkov raznykh kul'turnykh sred [Comparative analysis of the formation of ethnic identity types of adolescents from different cultural environment]. *Vestnik MGOU = Bulletin of the Moscow Region State University*. 2018;1: 84–94. (In Russ.).
8. Nalchandzhan A. *Agressivnost' cheloveka [Man's aggressiveness]*. Saint Petersburg: Piter; 2007. 734 p. (In Russ.).
9. Sirota NA, Yaltonsky VM, Khazhilina II, Ziderman NS. *Profilaktika narkomanii u podrostkov: ot teorii k praktike [Drug prevention in teenagers: from theory to practice]*. Moscow: Genezis; 2001. 51 p. (In Russ.).
10. Soldatova GU, Rasskazova EI, Nestik TA. *Tsifrovoe pokolenie Rossii: kompetentnost' i bezopasnost' [The digital generation of Russia: competence and security]*. Moscow: Smysl; 2018. 58 p. (In Russ.).
11. Anderson CA, Bushman BJ. Human Aggression. *Annual Review of Psychology*. 2002;53: 27–51.
12. Huesmann LR, Moise J. Media violence: A demonstrated public threat to children. *Harvard Mental Health Letter*. 1996;12(12): 5–7.

Submitted 20.10.2019

Accepted 28.11.2019

DOI: 10.35853/LAU.WS.2019.SP16
УДК 159.922.8:17.023.34

Особенности субъективного благополучия у подростков

Оксана А. Донская,
Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова,
г. Москва, Россия
ORCID: 0000-0002-4363-6776, e-mail: aad@inbox.ru

Аннотация. Концепции счастья тесно связаны с уровнем благополучия, который отражает различные аспекты жизни человека. Субъективное благополучие относится к оценке человека своей жизни, которая включает в себя баланс положительных и отрицательных эмоций. При этом плохие события имеют более сильный и более длительный эффект на функционирование благополучия, чем сопоставимые хорошие события. Так, испытывая гнев или страх, можно существенно снизить уровень субъективного благополучия. Изучение субъективного благополучия является весьма информативным подходом к оценке благополучия детей, центрированном на ребенке, и будет способствовать реальному повышению благополучия данной социальной группы. В статье рассматриваются особенности субъективного благополучия у подростков из полных семей и подростков-сирот, воспитываемых в Детском доме-школе. Целью исследования было изучение особенностей субъективного благополучия у подростков из полных семей и подростков-сирот, воспитываемых в Детском доме-школе. При отсутствии различий в степени выраженности субъективного благополучия в исследуемых группах подростков, было выявлено различие внутренней структуры – компонентов благополучия и особенностей их взаимосвязи. У подростков-сирот оказываются тесно связанными между собой благополучие в учебе и благополучие в дружеских отношениях, тогда как подростки из полных семей данные компоненты не связывают. Полученные результаты могут быть использованы в диагностической и коррекционной работе психологической службы детских домов и школ-интернатов, при разработке моделей социально-психолого-педагогического сопровождения детей сирот в интернатных учреждениях.

Ключевые слова: счастье, субъективное благополучие, подростки, депривация, компоненты благополучия.

Для цитирования: Донская О. А. Особенности субъективного благополучия у подростков // Благополучие и безопасность в условиях социальных трансформаций : сб. науч. тр. X Междунар. симпозиума (г. Екатеринбург, 9–10 июля 2019 г.) / ред. Е. Б. Перельгина, О. Ю. Зотова, А. В. Дроздова, Л. В. Тарасова. – Екатеринбург : Гуманитарный университет, 2019. – С. 152–161. – ISBN 978-5-7741-0376-8. – DOI: 10.35853/LAU.WS.2019.SP16.

© О. А. Донская, 2019

Characteristics of Teenagers Subjective Wellbeing

Oksana A. Donskaya,

Moscow State University after M. V. Lomonosov, Moscow, Russia
ORCID: 0000-0002-4363-6776, e-mail: aad@inbox.ru

Abstract. The concept of happiness closely relates to the level of wellbeing that reflects various aspects of human life. Subjective wellbeing (SWB) refers to the person's assessment of his life involving a balance of positive and negative emotions. Negative events have a greater and more prolonged effect on wellbeing than comparable positive ones. Thus, anger or fear can considerably decrease the level of subjective wellbeing. The research on subjective wellbeing can be a very informative approach to evaluations centered on child welfare and can improve the actual wellbeing of this social group. The article explored specific features of SWB in children from two-parent families and orphans living in residential care. The study aimed to examine the characteristics of adolescents' SWB. With no differences in the intensity of SWB in the groups of teenagers in question, the distinction in the internal structure – components of wellbeing and their linkage, – was identified. Teenage orphans exhibited close ties between wellbeing in training and wellbeing in friendship, while adolescents from complete families do not tie up these components. The received results can help improve the remedial work of psychological centers in children's houses and develop a model of social, psychological, and pedagogical support for the orphaned.

Keywords: happiness, subjective wellbeing, teenagers, deprivation, components of wellbeing.

For citation: Donskaya OA. Characteristics of Teenagers Subjective Wellbeing. In: Pelygina EB, Zotova OYu, Drozdova AV, Tarasova LV. (eds.) *Wellbeing and Security in the Face of Social Transformations: Collection of academic papers from the 10th International Symposium (Yekaterinburg, July 9–10, 2019)*. Yekaterinburg: Liberal Arts University – University for Humanities; 2019. p. 152–161. Available from: doi: 10.35853/LAU.WS.2019.SP16.

Введение

Тема счастья и благополучия рассматривалась учеными, философами и теологами на протяжении всей истории человечества [14] и в каждой культуре [19]. Человек всегда искал ключ к максимальному счастью через философскую мысль, поиск удовольствия, материальное благополучие, власть, любовь и признание.

Прежде всего, этот предмет интересует не только ученых, но и общество в целом. Качество жизни с каждым годом улучшается, в результате чего трансформации подвергается и само представление о счастье и благополучии, смещая акценты с материальных аспектов жизни к удовольствию и наслаждению.

Счастью только относительно недавно стало объектом изучения психологии, и очень быстро поиск счастья стал одним из основных направлений исследований психологической науки. С. Любомирски, К. Шелдон и Д. Шкаде называют это чувство субъективным благополучием, которое характеризуется большим количеством положительных чувств, небольшим количеством отрицательных чувств и повышенным уровнем удовлетворенности жизнью [20].

Одно из самых интересных направлений исследований в рамках изучения счастья – это изучение того, как сделать людей счастливее [10; 19; 23]. С. Любомирски, К. Шелдон и Д. Шкаде разработали теорети-

ческую модель, в которой они утверждают, что хронический уровень счастья человека в основном определяется по трем компонентам. Первый относится к генетически детерминированным аспектам, которые фиксированы, стабильны во времени и невосприимчивы к влиянию или контролю. Второй имеет отношение к стабильным (гражданское состояние, работа, доход, здоровье и т. д.) и временным факторам (увеличение доходов, болезнь, получение награды и т. д.), которые постоянно влияют на человека. Последний компонент относится к широкому разнообразию видов деятельности, между которыми человек имеет право свободно выбирать. Эти мероприятия требуют приложения определенных усилий [20]. То есть, по сути, можно увеличить индивидуальный уровень счастья, так как изменение этих видов деятельности приводит к более высокому уровню счастья.

Существует значительный объем исследований, связанных с выявлением объективных переменных, связанных со счастьем [7; 24]. Учеными были найдены такие переменные, связанные со счастьем, как социальные отношения, работа и досуг, хотя их влияние не так однозначно, как считалось ранее. Также современные исследователи утверждают, что счастье зависит от того, как жизнь воспринимается и понимается человеком. Были определены стратегии, описывающие, как люди могут взаимодействовать с ситуациями, в которых они оказываются. Например, самооценка счастливых людей имеет минимальное значение для социального сравнения, тогда как несчастные люди более чувствительны к достижениям и разочарованиям своих сверстников [18].

Многие исследования показывают, что концепции счастья тесно связаны с уровнем благополучия [15; 16; 17]. Понятие благополучия является многогранным и отражает различные аспекты жизни человека. В своей статье Э. Динер определяет три фактора, из которых складывается наше благополучие: LS – удовлетворение жизнью; PA – положительное влияние; HC – негативное влияние [11].

Н. Бредбурн в своих трудах показал, что важным для преодоления невзгод является психологическое благополучие человека. Он считал, что человек будет психологически благополучен только в том случае, если положительные эмоции будут преобладать над негативными [9].

«Субъективное» – это то, что люди чувствуют и ощущают. Субъективное благополучие включает в себя как когнитивные, так и эмоциональные аспекты. Взаимосвязь когнитивного и эмоционального компонентов субъективного благополучия личности свидетельствует о том, что удовлетворенность на когнитивном уровне сопровождается переживанием эмоционального благополучия.

М. Макгиллвейрей и М. Кларк писали, что субъективное благополучие предполагает многомерную оценку жизни, в том числе когнитивные суждения, удовлетворенность жизнью и аффективные оценки эмоций и настроений [21]. Субъективное благополучие связано не только с положительными эмоциями. Отсутствие негативных ситуаций и эмоций также важно для благополучия. Например, чувствуя гнев или страх, можно существенно снизить уровень субъективного благополучия. Субъективное благополучие относится к оценке человеком своей жизни. Такие оценки отражают некий баланс положительных и отрицательных эмоций. Плохие события (например, травмы, депривации, стрессы и т. д.) имеют более сильный и более длительный эф-

фект на функционирование благополучия, чем сопоставимые хорошие события [13].

На сегодня в психологии имеется много исследований, проведенных на детях, проживающих в детских домах. Доказано, что дети, которые подвергаются воздействию каких-либо стрессовых событий, находятся в условиях более высокого риска, испытывают эмоциональную и психологическую депривацию [8]. С. Прованс и Р. Липтон отмечали, что дети, воспитываемые в детском учреждении, отличаются задержкой поведения привязанности [22]. В результате проведенных исследований выпускников сиротских учреждений Н. К. Радина и Т. Н. Павлычева выявили деформацию двух важнейших сфер существования человека – эмоциональной и социальной: избегание привязанностей и ожидание опасностей и угроз. Было выявлено, что чем младше ребенок и чем дольше продолжается депривация, тем меньше надежды на устранивание последствий без остатка [5]. М. Эйнсворт указывала, что даже короткий депривационный опыт, который проходит без видимых последствий, оставляет хотя бы одно скрытое последствие, а именно повышенную «уязвимость» в случае повторного возникновения подобного опыта или другой неблагоприятной жизненной ситуации [6]. По мнению Й. Лангмейера и З. Матейчика, в случае если депривационные моменты были интенсивными и воздействовали длительное время, у детей наблюдаются регрессивные признаки: они самостоятельно не едят, не говорят, не играют; у них проявляется некое «упрощенное» отношение к людям: или ни с кем не разговаривают, отворачиваются, либо ведут себя назойливо по отношению к другим, беспокойно, поверхностно вступают в контакт с окружающими людьми [2]. В. Н. Ослон показала, что отсутствие опыта детско-родительских отношений у детей-сирот затрудняет формирование позитивной репрезентации родителей, способствует развитию виктимной идентичности у ребенка, репрезентации себя как заслуживающего агрессии и наказания [3].

Согласно российским психологическим исследованиям, дети, воспитываемые в сиротских учреждениях, обладают определенной спецификой, в частности: несформированностью внутреннего, идеального, субъективного плана психики; в связанности мышления; в мотивированности поведенческих реакций внешней ситуацией [4]. Выросшие в детских домах сироты характеризуются крайне высокими рисками социальной дезадаптации и противоправного поведения, они в целом плохо адаптированы к самостоятельной жизни и воспроизводят модели такого поведения в последующих поколениях [1].

Следует отметить, что многие психологические исследования сосредоточены на вопросах содержания или проблемах детей, с которыми они сталкиваются в детских домах и сиротских интернатах, однако не хватает информации о переживаниях и чувствах самих детей. В связи с чем изучение субъективного благополучия является весьма информативным подходом к оценке благополучия детей, центрированным на ребенке, и, мы надеемся, он будет способствовать реальному повышению благополучия этой уязвимой социальной группы детей.

Можно утверждать, что исследователями и специалистами-практиками зачастую не учитывается тот факт, что помимо объективно представленной неблагоприятной жизненной ситуации существует и ее субъективная составляющая – внутренняя позиция детей, отражаю-

щая их отношение к сложившейся ситуации. Оказание любой помощи – психологической, коррекционной, психолого-педагогической – невозможно без понимания особенностей внутреннего опыта ребенка. Этот опыт содержит множество бессознательных элементов, сформировавшихся под влиянием большого количества факторов среды и их субъективного преломления во внутреннем мире ребенка.

Методы исследования

Целью исследования было изучение особенностей субъективного благополучия у подростков из полных семей и подростков-сирот, воспитываемых в Детском доме-школе.

Реализация цели предполагала решение следующих задач:

1) сопоставить характеристики субъективного благополучия в исследуемых группах подростков;

2) выявить факторную структуру субъективного благополучия в исследуемых группах.

Исследовательская выборка состояла из 204 подростков г. Екатеринбурга и Свердловской области в возрасте 14–16 лет (средний возраст 15,42). Выборка состояла из подростков, воспитываемых в полных семьях и обучающихся в общеобразовательных школах (1 группа – 104 человека), а также подростков-сирот – воспитанников Детских домов-школ (2 группа – 100 человек). В первую группу детей входили 64 девочки и 50 мальчиков, соотношение по полу во второй группе – 52 девочки и 48 мальчиков.

Для выявления особенностей субъективного благополучия были использованы следующие методики:

- Brief Multidimensional Students' Life Satisfaction Scale (J. Seligson, E. S. Huebner, R. F. Valois);

- шкала субъективного благополучия (A. Perrudet-Badoux, G. Mendelsohn, J. Chiche, адаптация М. В. Соколовой);

- Oxford Happiness Questionnaire (M. Argyle).

В ходе обработки полученных результатов применялся непараметрический критерий U Манна–Уитни, эксплораторный факторный анализ, кластерный анализ по методу К-средних. Обработка данных и их анализ были выполнены с использованием SPSS 20.0.

Результаты и обсуждение

Применение статистического критерия Манна–Уитни позволило выявить отсутствие достоверных различий в интегральном уровне субъективного благополучия в двух группах подростков. Кроме того, не было обнаружено достоверных различий и в выраженности частных критериев субъективного благополучия подростков данных групп.

Дальнейший факторный анализ позволил выявить факторную структуру субъективного благополучия изучаемых групп. В результате факторно-аналитической обработки данных группы подростков, воспитываемых в полных семьях и обучающихся в общеобразовательных школах, было выделено 4 значимых фактора.

Первый фактор (объясняемая дисперсия 26,553 %) отражает «Интегральное благополучие», на его положительном полюсе находятся такие переменные, как «счастье», «благополучие в жизни в целом», в то время как отрицательный полюс представлен такой неустойчивой

характеристикой, как «настроение». Второй фактор (объясняемая дисперсия 17,05 %) – «Благополучие в дружеских отношениях», третий (объясняемая дисперсия 16,641 %) – «Нервно-психическое благополучие», четвертый фактор (объясняемая дисперсия 13,010 %) получил условное название «Благополучие окружающей обстановки».

В результате факторно-аналитической обработки данных группы подростков-сирот было выделено также 4 значимых фактора. Первый (объясняемая дисперсия 21,609 %) – «Интегральное благополучие», второй (объясняемая дисперсия 19,136 %) – «Нервно-психическое благополучие», третий (объясняемая дисперсия 18,266 %) фактор получил название «Субъективное самочувствие», четвертый (объясняемая дисперсия 14,365 %) – «Благополучие ближайшего окружения».

Тип 1, выделенный на изученной выборке, отличается наиболее низким показателем интегрального субъективного благополучия. Для него характерны низкие уровни благополучия в семейных отношениях, значимости социального окружения, благополучия места проживания, а также низкие показатели благополучия здоровья и наличие признаков, сопровождающих основную психиатрическую симптоматику. В то же время это единственный тип, имеющий высокую степень благополучия в учебной деятельности.

Тип 2 у подростков отличается наиболее высоким показателем интегрального субъективного благополучия. Данный тип имеет самые высокие показатели значимости социального окружения, при этом характеризуется высоким уровнем нервно-психического благополучия, т. е. отсутствием напряжения и признаков, сопровождающих основную психиатрическую симптоматику. Зоной же неблагополучия является у данного типа зона деятельности, т. е. выражено переживание скуки в повседневной деятельности, низкая удовлетворенность ею. Таким образом, данный тип характеризуется отсутствием мотивации к деятельности при высоком общем благополучии.

Тип 3 субъективного благополучия представляет собой антипод типа 1. Интегральное благополучие в данной выборке выражено на среднем уровне. Показатели субъективного благополучия в области семейных отношений и места проживания имеют самые высокие значения. Кроме того, данный тип характеризуют высокие показатели субъективного самочувствия – самооценка здоровья и настроение. При этом данный тип отличается самым низким уровнем благополучия в учебной деятельности и высоким уровнем нервного напряжения.

Тип 4 характеризуется пониженным уровнем интегрального субъективного благополучия. Данный тип характеризуется низким уровнем удовлетворенности подростков своей жизнью в целом, дружескими отношениями, а также наличием сниженного настроения. В то же время данному типу свойственен низкий уровень нервного напряжения.

Тип 5 субъективного благополучия подростка отличается средним показателем интегрального субъективного благополучия. Показатели удовлетворенности собственным Я, своей жизнью в целом, а также оценки собственного здоровья у данного типа имеют наиболее высокие значения. Примечательно, что у данного типа отсутствуют низкие значения по каким бы то ни было показателям.

Заключение

Полученный результат, свидетельствующий об отсутствии различий в степени выраженности субъективного благополучия у подростков из полных семей и подростков-сирот, соотносится с выводами Л. Эдвардс и Ш. Лопес о том, что не состав или наличие семьи является фактором, определяющим удовлетворенность учащихся своей жизнью, а система отношений ребенка с ближайшим окружением [12]. Это подтверждается обнаруженной в ходе данного исследования взаимосвязью значимости социального окружения и «Нервно-психического благополучия» подростков-сирот, тогда как у подростков из полных семей данная взаимосвязь отсутствует.

Таким образом, при отсутствии различий в степени выраженности субъективного благополучия в исследуемых группах подростков, имеет место различие внутренней структуры – компонентов благополучия и особенностей их взаимосвязи. Так, «Интегральное благополучие» у подростков из полных семей связано, главным образом, с благополучием в учебе. В то же время у подростков-сирот «Интегральное благополучие» наполнено в первую очередь дружескими взаимоотношениями, и лишь потом – учебной деятельностью. Кроме того, у подростков-сирот оказываются тесно связанными между собой благополучие в учебе и благополучие в дружеских отношениях, тогда как подростки из полных семей данные компоненты не связывают. Возможно, это объясняется особенностями условий жизни подростков-сирот, когда все сферы жизни оказываются ограниченными одной средой – средой Детского дома-школы.

Необходимо отметить и наличие в структуре субъективного благополучия подростков-сирот такого компонента, как «Субъективное самочувствие», включающего в себя самооценку здоровья и настроение. Данный компонент отсутствует в структуре благополучия подростков из полных семей. Вероятно, это объясняется тем, что в условиях Детского дома подросток сам должен осуществлять рефлекссию своего функционального состояния, тогда как подростки из полных семей данную деятельность выводят вовне, в область внешнего контроля (заботы) родителей.

Выделенная эмпирическая типология субъективного благополучия подростков может быть использована в диагностической и коррекционной работе психологической службы детских домов и школ-интернатов, при разработке моделей социально-психолого-педагогического сопровождения детей-сирот в интернатных учреждениях.

Информация об авторе

Оксана Александровна Донская, аспирант 2-го курса кафедры социальной психологии Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова (г. Москва, Россия).

Information about the author

Oksana A. Donskaya, second-year post-graduate, Social Psychology chair, Moscow State University after M. V. Lomonosov, Moscow, Russia.

Список литературы

1. Бирюкова С. С., Варламова М. А., Синявская О. В. Сиротство в России // Демоскоп Weekly. 2014. № 609-610. С. 1–24.
2. Лангмейер Й., Матейчек З. Психическая депривация в детском возрасте. Прага : Авиценум, 1984. 335 с.
3. Ослон В. Н. Репрезентации родителей и себя в картине мира ребенка-сироты // Психологическая наука и образование. 2012. № 4. С. 70–80.
4. Прихожан А. М., Толстых Н. Н. Особенности психического развития младших школьников, воспитывающихся вне семьи // Вопросы психологии. 1982. № 2. С. 80–86.
5. Радина Н. К., Павлычева Т. Н. Рассказы о своей жизни как отражение психологических проблем выпускников сиротских учреждений // Вопросы психологии. 2010. № 5. С. 41–50.
6. Ainsworth M. D. The Effects of Maternal Deprivation // Deprivation of Maternal Care. Geneva : WHO, 1962. P. 97–165.
7. Argyle M. The psychology of happiness. London : Methuen, 1987. 256 p.
8. Boyden J., Mann G. Children's Risk, Resilience, and Coping in Extreme Situations // Handbook for Working with Children and Youth: Pathways to Resilience Across Cultures and Contexts / ed. M. Ungar. Thousand Oaks : Sage Publications, 2005. P. 3–26.
9. Bradburn N. M. The structure of psychological well-being. Chicago : Aldine, 1969. 319 p.
10. Bryce J., Haworth J. Wellbeing and flow in sample of male and female office workers // Leisure Studies. 2002. Vol. 21. P. 249–263.
11. Diener E. Subjective well-being // Psychological Bulletin. 1984. Vol. 95 (3). P. 542–575.
12. Edwards L. N., Lopez S. J. Perceived family support, acculturation, and life satisfaction in Mexican-American youth: A mixed-methods exploration // Journal of Counseling Psychology. 2006. Vol. 53. P. 279–287.
13. Feldman B. L., Russell J. A. Independence and bipolarity in the structure of affect // Journal of Personality and Social Psychology. 1998. Vol. 74. P. 967–984.
14. Fierro A. Sobre la vida feliz [About happy life]. Malaga : Aljibe, 2000. 538 p.
15. Joshanloo M. Mediators of the relationship between externality of happiness and subjective well-being // Personality and Individual Differences. 2017. Vol. 119. P. 147–151.
16. Joshanloo M. Fear and fragility of happiness as mediators of the relationship between insecure attachment and subjective well-being // Personality and Individual Differences. 2018. Vol. 123. P. 115–118.
17. Joshanloo M., Park Y. O., Park S. H. Optimism as the moderator of the relationship between fragility of happiness beliefs and experienced happiness // Personality and Individual Differences. 2017. Vol. 106. P. 61–63.
18. Lyubomirsky S., Ross L. Hedonic Consequences of Social Comparison: A Contrast of Happy and Unhappy People // Journal of Personality and Social Psychology. 1997. Vol. 73, No. 6. P. 1141–1157.
19. Lyubomirsky S. The how of happiness. New York : The Penguin Press, 2008. 384 p.
20. Lyubomirsky S., Sheldon K., Schkade D. Pursuing happiness: The architecture of sustainable change // Review of General Psychology. 2005. Vol. 9. P. 111–131.
21. McGillivray M., Clarke M. Human well-being: Concepts and measures // Understanding human well-being. New York : United Nations University Press, 2006. P. 3–15.
22. Provence S., Lipton R. E. Infants in Institutions: A Comparison of Their Development with Family-Reared Infants During the First Year of Life. New York : International Universities Press, 1963. 191 p.

23. Seligman M. Authentic happiness. New York : Free Press, 2002. 336 p.
24. Veenhoven R. Hedonism and happiness // Journal of Happiness Studies. 2003. Vol. 4. P. 437–457.

Статья поступила в редакцию: 25.10.2019

Принята к публикации: 28.11.2019

References

1. Biryukova SS, Varlamova MA, Sinyavskaya OV. Sirotstvo v Rossii [Orphanhood in Russia]. *Demoskop Weekly = Demoskope Weekly*. 2014;609-610: 1–24. (In Russ.).
2. Langmeier J, Matejcek Z. *Psikhicheskaya deprivatsiya v detskom vozraste [Psychological Deprivation in Childhood]*. Prague: Avitsenum; 1984. 335 p. (In Russ.).
3. Oslon VN. Rerezentatsii roditel'ei i sebya v kartine mira rebenka-sirot [Representations of parents and self in the worldview of a child in care]. *Psikhologicheskaya nauka i obrazovanie = Psychological Science and Education*. 2012;4: 70–80. (In Russ.).
4. Prichozhan AM, Tolstykh NN. Osobennosti psikhicheskogo razvitiya mladshikh shkol'nikov, vospityvayushchikhsya vne sem'i [Characteristics of psychological development of younger schoolers being raised outside the family]. *Voprosy psikhologii = Voprosy Psychologii*. 1982;2: 80–86. (In Russ.).
5. Radina NK, Pavlycheva TN. Rasskazy o svoei zhizni kak otrazhenie psikhologicheskikh problem vypusknikov sirotskikh uchrezhdenii [Life stories as reflection of psychological problems of graduates of orphanage schools]. *Voprosy psikhologii = Voprosy Psychologii*. 2010;5: 41–50. (In Russ.).
6. Ainsworth MD. The Effects of Maternal Deprivation. In: *Deprivation of Maternal Care*. Geneve: WHO; 1962. p. 97–165.
7. Argyle M. *The psychology of happiness*. London: Methuen; 1987. 256 p.
8. Boyden J, Mann G. Children's Risk, Resilience, and Coping in Extreme Situations. In: Ungar M. (ed.) *Handbook for Working with Children and Youth: Pathways to Resilience Across Cultures and Contexts*. Thousand Oaks: Sage Publications; 2005. p. 3–26.
9. Bradburn NM. *The structure of psychological well-being*. Chicago: Aldine; 1969. 319 p.
10. Bryce J, Haworth J. Wellbeing and flow in sample of male and female office workers. *Leisure Studies*. 2002;21: 249–263.
11. Diener E. Subjective well-being. *Psychological Bulletin*. 1984;95(3): 542–575.
12. Edwards LN, Lopez SJ. Perceived family support, acculturation, and life satisfaction in Mexican-American youth: A mixed-methods exploration. *Journal of Counseling Psychology*. 2006;53: 279–287.
13. Feldman BL, Russell JA. Independence and bipolarity in the structure of affect. *Journal of Personality and Social Psychology*. 1998;74: 967–984.
14. Fierro A. *Sobre la vida feliz [About happy life]*. Malaga: Aljibe; 2000. 538 p.
15. Joshanloo M. Mediators of the relationship between externality of happiness and subjective well-being. *Personality and Individual Differences*. 2017;119: 147–151.
16. Joshanloo M. Fear and fragility of happiness as mediators of the relationship between insecure attachment and subjective well-being. *Personality and Individual Differences*. 2018;123: 115–118.
17. Joshanloo M, Park YO, Park SH. Optimism as the moderator of the relationship between fragility of happiness beliefs and experienced happiness. *Personality and Individual Differences*. 2017;106: 61–63.
18. Lyubomirsky S, Ross L. Hedonic Consequences of Social Comparison: A Contrast of Happy and Unhappy People. *Journal of Personality and Social Psychology*. 1997;73(6): 1141–1157.

19. Lyubomirsky S. *The how of happiness*. New York: The Penguin Press; 2008. 384 p.
20. Lyubomirsky S, Sheldon K, Schkade D. Pursuing happiness: The architecture of sustainable change. *Review of General Psychology*. 2005;9: 111–131.
21. McGillivray M, Clarke M. Human well-being: Concepts and measures. In: *Understanding human well-being*. New York: United Nations University Press; 2006. p. 3–15.
22. Provence S, Lipton RE. *Infants in Institutions: A Comparison of Their Development with Family-Reared Infants During the First Year of Life*. New York: International Universities Press; 1963. 191 p.
23. Seligman M. *Authentic happiness*. New York: Free Press; 2002. 336 p.
24. Veenhoven R. Hedonism and happiness. *Journal of Happiness Studies*. 2003;4: 437–457.

Submitted 25.10.2019

Accepted 28.11.2019

DOI: 10.35853/LAU.WS.2019.SP17
УДК 316.6:17.023.34

Особенности эмоционально-личностного благополучия заключенных

Лариса В. Карапетян,

Уральский федеральный университет им. первого
Президента России Б. Н. Ельцина;
Уральский филиал Центра экстренной психологической помощи
МЧС России, г. Екатеринбург, Россия
ORCID: 0000-0002-3209-2750, e-mail: karapetyanl@mail.ru

Аннотация. Рост преступности, изменение ее качественных характеристик ставят под угрозу безопасность граждан нашей страны. Это, безусловно, свидетельствует о необходимости разработки новых подходов к изучению особенностей (в том числе типологических) личности преступников. В статье приводятся данные исследования эмоционально-личностного благополучия заключенных. Были обследованы респонденты, находящиеся в местах лишения свободы (351 человек, из них 178 женщин и 173 мужчины). В качестве группы сравнения выступили законопослушные граждане в количестве 1 878 человек. Исследование проводилось при помощи методики «Самооценка эмоционально-личностного благополучия» (СЭЛБ). На основании полученных данных делается вывод, что эмоционально-личностное благополучие в целом и его компоненты у заключенных выражены ниже, чем у респондентов группы сравнения. Кластеризация общей выборки на группы с разными типами эмоционально-личностного благополучия показала, что большинство заключенных относится к группе с выраженной негативной самооценкой эмоционально-личностного благополучия. Однако около трети заключенных относится к другим группам, с более высокими оценками по методике СЭЛБ. Методика МВТИ, проведенная как на выборке заключенных ($n = 351$), так и на группе сравнения ($n = 506$), позволила выявить типологическую наполняемость выделенных групп. Выявленные типологические характеристики заключенных могут быть использованы психологами пенитенциарной системы с целью расширения возможностей изучения личности осужденного для выработки индивидуального подхода к его исправлению, а также для определения мер и характера профилактической работы с ним.

Ключевые слова: эмоционально-личностное благополучие, методика СЭЛБ, типологические особенности, заключенные.

Для цитирования: Карапетян Л. В. Особенности эмоционально-личностного благополучия заключенных // Благополучие и безопасность в условиях социальных трансформаций : сб. науч. тр. X Междунар. симпозиума (г. Екатеринбург, 9–10 июля 2019 г.) / ред. Е. Б. Перельгина, О. Ю. Зотова, А. В. Дроздова, Л. В. Тарасова. – Екатеринбург : Гуманитарный университет, 2019. – С. 162–172. – ISBN 978-5-7741-0376-8. – DOI: 10.35853/LAU.WS.2019.SP17.

© Л. В. Карапетян, 2019

Characteristics of Emotional and Personal Wellbeing of Prisoners

Larisa V. Karapetyan,

Ural Federal University after the First Russian President B. N. Eltsin;
Ural branch of Emergency Psychological Assistance Centre, EMERCOM of Russia,
Yekaterinburg, Russia
ORCID: 0000-0002-3209-2750, e-mail: karapetyanl@mail.ru

Abstract. A rise in crime, the change in its qualitative characteristics jeopardizes the security of civilians in Russia. This fact testifies to the need for designing new approaches to study features, including typological ones, of culprits. The paper reported findings of the survey on emotional and personal wellbeing (EPW) of inmates. The sample consisted of 351 prisoners, 178 of whom were women, and 173 – men. A group of law-abiding citizens (n = 1878) acted as a comparison group. The author used her Self-Assessment of Emotional and Personal Wellbeing (SEPW) scale. The results allowed the author to conclude that inmates exhibit a lower emotional and personal wellbeing and its components than the respondents of the comparison group. The clustering of the overall sample population into groups with different types of EPW showed that the majority of detainees fall in the intense negative EPW self-assessment group. However, about the third of the inmates are concentrated in groups with higher SEPW estimates. The MBTI scale administered to the sample of inmates (n = 351) and the comparison group (n = 506) made it possible to identify the typology of the groups under scrutiny. Psychologists of the penitentiary system can make use of the revealed typological characteristics to tackle a detainee's personality on a wider basis and to develop an individual approach to reforming offenders as well as define measures and the nature of preventive activities.

Keywords: emotional and personal wellbeing, the SEPW scale, typological characteristics, detainees.

For citation: Karapetyan LV. Characteristics of Emotional and Personal Wellbeing of Prisoners. In: Perelygina EB, Zotova OYu, Drozdova AV, Tarasova LV. (eds.) *Wellbeing and Security in the Face of Social Transformations: Collection of academic papers from the 10th International Symposium (Yekaterinburg, July 9–10, 2019)*. Yekaterinburg: Liberal Arts University – University for Humanities; 2019. p. 162–172. Available from: doi:10.35853/LAU.WS.2019.SP17.

Введение

Проблема переживания человеком своего благополучия в последние десятилетия приобретает особую остроту не только в связи с социальными трансформациями, политическими и экономическими переменами, происходящими в стране, но и вследствие неблагоприятной криминальной обстановки. За период с января по апрель 2019 года на территории РФ зарегистрировано 667,0 тыс. преступлений [4]. Безусловно, это ставит под угрозу безопасность граждан.

Как отмечается в Краткой характеристике состояния преступности в Российской Федерации за январь–сентябрь 2018 года, современную структуру криминального поведения граждан отличают увеличение количества совершенных тяжких и особо тяжких преступлений, повышение уровня рецидивной преступности, снижение возраста (омоложение) преступников [4]. Специалисты связывают эти устойчивые негативные тенденции со многими факторами, в том числе с изменениями в психологическом портрете граждан, пренебрегших нормами

и законами социума. Поэтому профилактика преступности и борьба с ней должны вестись с учетом психологических особенностей людей, склонных к совершению преступлений. На это направлена Концепция развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 года, которая предполагает изменение подхода к исправлению осужденных в местах лишения свободы на основе усиления психолого-педагогической работы с личностью и подготовки ее к жизни в обществе, поиска и внедрения новых индивидуальных форм работы с учетом личностных характеристик осужденных [5].

В нашей стране изучение особенностей личности преступников началось еще в конце XIX века и продолжается до настоящего времени (Ю. М. Антонян, А. Д. Глоточкин, М. Г. Дебольский, В. Г. Деев и др.). Однако, несмотря на богатый опыт исследования преступности как социального явления, широкий круг практических вопросов, изучаемых и решаемых психологами исправительной системы, проблема внутреннего благополучия заключенных рассматривается крайне редко. Исследование особенностей эмоционально-личностного благополучия данной категории граждан направлено на дифференциацию и индивидуализацию подхода к заключенным, а также на изучение возможности повышения эффективности исправительного воздействия на осужденных, оказание им психологической помощи, оптимизацию отношений между клиентами исправительной системы, поддержание их психологического здоровья и формирование адаптационного потенциала к новым условиям жизни после освобождения. Прикладным аспектом данной проблемы выступает необходимость профилактики острого и хронического эмоционально-личностного неблагополучия в среде заключенных, что требует раскрытия психологических особенностей лиц, склонных к преступлениям, а также сущности самого понятия благополучия и механизмов его формирования.

Изучение благополучия имеет глубокие философские корни, а в психологии, возникнув на зарубежной научной арене во второй половине XX века, освещается относительно двух точек зрения: гедонистической и эвдемонистической [2, с. 11]. Первая точка зрения, опирающаяся на гедонистическую философскую традицию, относится к теории «субъективного благополучия», предложенной Е. Diener [9; 10; 11] и получившей развитие в трудах его последователей [7; 13; 14]. Данная теория подразумевает зависимость «субъективного благополучия», прежде всего, от эмоционального состояния человека [2, с. 12–13]. Вторая точка зрения, восходящая корнями к эвдемонистической философской традиции, связывает благополучие с личностными характеристиками и рассматривает его как цель человеческого существования и функционирования [17], оперируя при этом термином «психологическое благополучие» [6; 8; 12; 15; 16; 18]. Большинство зарубежных авторов придерживается либо одного, либо другого подхода [2, с. 31]. В отечественной же психологии наблюдается терминологическая диверсификация, исследователями используются такие термины, как «личностное благополучие», «профессиональное благополучие», «эмоциональное благополучие», «психоэмоциональное благополучие», «гедонистическое и эвдемонистическое благополучие», «духовное благополучие», «социальное благополучие» и др. При этом, в связи с отсутствием соответствующего исследуемому феномену инструментария, прослежива-

ется его заимствование у зарубежных коллег и тяготение к опоре на основные подходы (гедонистический либо эвдемонистический) и соответствующие им конструкты («субъективное благополучие» и «психологическое благополучие»). Учитывая это, мы решили интегрировать существующие подходы и для обозначения нового конструкта предложили использовать термин «эмоционально-личностное благополучие». Эмоционально-личностное благополучие – это целостное экзистенциальное переживание состояния гармонии между внутренним и внешним миром, возникающее в процессе жизни, деятельности и общения человека. Результатом снижения уровня такой гармонии является переживание состояния эмоционально-личностного неблагополучия [2, с. 102].

Гипотеза исследования основана на предположении о том, что заключенные находятся в состоянии эмоционально-личностного неблагополучия, однако часть респондентов, отбывающих наказание, переживает состояние эмоционально-личностного благополучия. Мы предположили, что это может быть связано с наличием внутреннего ресурса, обусловленного типологическими особенностями испытуемых.

Для проверки гипотез нами была поставлена цель: выявление типологических особенностей заключенных с разным уровнем эмоционально-личностного благополучия.

Методы исследования

Исследовательская методика СЭЛБ. Эмоционально-личностное благополучие в данной работе изучается с помощью авторской методики «Самооценка эмоционально-личностного благополучия (СЭЛБ)» [2, с. 106]. Методика СЭЛБ состоит из девяти моношкал («счастливый», «успешный», «пессимист», «везучий», «компетентный», «несчастливый», «оптимист», «надежный», «завистливый»), выделенных в ходе пилотного исследования представлений респондентов (117 человек) о психологических феноменах, связанных с благополучием/неблагополучием [2, с. 58–102]. При конструировании методики СЭЛБ нами была выбрана форма слов-дескрипторов, сходная с тем, как это осуществляется при использовании техники семантического дифференциала Дембо–Рубинштейна. Респондентам предлагалось оценить себя в настоящем времени по каждой из девяти моношкал по семибалльной шкале от 1 («совершенно точно, нет») до 7 («совершенно точно, да»). Далее вычислялись суммарные показатели: А – «позитивный эмоциональный компонент благополучия» (моношкалы «счастливый», «везучий», «оптимист»), В – «позитивный личностный компонент благополучия» (моношкалы «успешный», «компетентный», «надежный») и С – «компонент неблагополучия» (моношкалы «пессимист», «несчастливый», «завистливый»). Кроме этого, вычислялись интегральные показатели: (А + В) – показатель «эмоционального и личностного благополучия», (А – В) – разность между эмоциональным и личностным компонентами благополучия (позволяет увидеть баланс, соотношение между выраженностью эмоционального и личностного благополучия). Также вычислялся общий индекс эмоционально-личностного благополучия (по формуле $A + B - C$) [2, с. 106]. В ходе эмпирической проверки методики СЭЛБ была подтверждена ее надежность, а также факторная, конвергентная и прагматическая валидность [2, с. 119–121].

Психодиагностическая методика. Индикатор типов Майерс–Бриггс (МВТИ, F). Для выявления типологических особенностей респондентов использовался опросник Индикатор типов Майерс–Бриггс (МВТИ, F) в переводе Е. Ф. Абельской [1].

Выборка исследования. Общее количество респондентов составило 2 229 человек: 351 заключенный (178 женщин и 173 мужчины) и группы сравнения. Сравнение по методике СЭЛБ проводилось на выборке 1 878 человек, разного пола, возраста, образования, вида деятельности, находящихся в привычных для них условиях жизнедеятельности. В качестве группы сравнения по методике МВТИ выступила выборка, состоящая из 506 человек, находящихся в условно благоприятной обстановке.

Данные обрабатывались с применением программы статистической обработки информации SPSS 13.0: выполнялся сравнительный анализ (критерий Колмогорова–Смирнова, j^* – угловое преобразование Фишера), двухшаговый кластерный анализ.

Результаты и обсуждение

Данные, полученные по методике СЭЛБ, показали, что по средним значениям всех ее параметров между группой заключенных и выборкой в целом обнаружены достоверные различия, свидетельствующие о том, что эмоционально-личностное благополучие группы заключенных достоверно ниже, чем в группе сравнения. Обращает на себя внимание достоверная разница по показателю «А – В»: в группе заключенных модуль среднего значения данного показателя достоверно больше ($M = -1,61$ против $M = -0,57$ соответственно), что свидетельствует о дисбалансе между личностным и эмоциональным компонентами благополучия в выборке заключенных.

Гипотезу о том, что заключенные в условиях несвободы склонны скорее к переживанию состояния эмоционального личностного неблагополучия, чем благополучия, подтвердили и результаты кластерного анализа, который был проведен на основании оценок по отдельным моношкалам методики СЭЛБ на всей выборке ($n = 2229$). Кластерный анализ разделил выборку на четыре подгруппы: две основные (с выраженной позитивной и выраженной негативной самооценками эмоционально-личностного благополучия) и две промежуточные (со слабой позитивной и слабой негативной самооценками эмоционально-личностного благополучия). Приведем результаты распределения по группам с разной выраженностью эмоционально-личностного благополучия (таблица) сегмента заключенных ($n = 351$) и группы сравнения ($n = 1 878$).

Таблица

Распределение выборки заключенных и группы сравнения на подгруппы с разными типами СЭЛБ (%)

	Выраженная позитивная СЭЛБ	Слабая позитивная СЭЛБ	Слабая негативная СЭЛБ	Выраженная негативная СЭЛБ
Заключенные	4,3	14,0	14,5	67,2
Группа сравнения	18,90	45,57	20,77	14,86
ϕ^*	-8,04	-11,93	-2,76	18,87

Примечание: $\phi^*_{крит} = 1,64, p \leq 0,05$; $|\phi^*_{крит}| = 2,31, p \leq 0,01$.

Очевидно, что заключенные испытывают явный дефицит эмоционально-личностного благополучия, поскольку лишь единицы имеют выраженную позитивную СЭЛБ, а большая часть исследуемого сегмента относится к выраженному негативному типу СЭЛБ.

Перейдем к обсуждению типологических особенностей заключенных с разной выраженностью эмоционально-личностного благополучия.

Распределение выборки заключенных ($n = 351$) и группы сравнения ($n = 506$) по 16 личностным типам методики MBTI показало, что между ними есть определенные различия (рисунок).

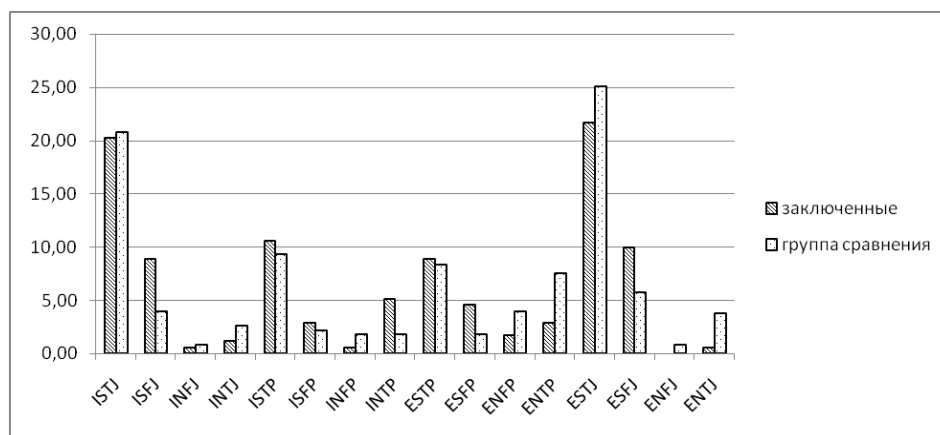

Рис. Соотношение типов MBTI в выборке заключенных и в группе сравнения

Получены достоверные различия в наполненности 4 типами из 16, с преобладанием в них заключенных. Описывая психологические особенности типов, мы опирались на работы Е. Ф. Абельской [1], Л. В. Карапетян [3].

Так, в группе заключенных достоверно больше, чем в группе сравнения, респондентов с типом ISFJ ($\varphi^*_{эмп.} = 2,67$; $\varphi^*_{крит.} = 2,31$, $p < 0,01$). Отметим, что представителей данного типа отличает готовность пойти на любые меры (в том числе и противозаконные) ради того, чтобы помочь другим. В индивидуальной работе необходимо учитывать, что люди с типом ISFJ толерантны к монотонии, любят вникать в детали и склонны к однообразной работе. Представители типологической группы ISFJ готовы следовать традициям и установленным правилам, причем не обязательно легитимным. Легко воспринимая необходимость подчинения в жесткой иерархической пенитенциарной системе, твердо требуют этого от других. Они достаточно эмоциональны, но обладают самоконтролем, позволяющим им сдерживать свои эмоции и не демонстрировать их в течение определенного времени. Эти люди скрытны, редко идут на откровенность, не нуждаются в тесном общении даже с близкими знакомыми, предпочитая уединение. Уверенно могут принять на себя руководящую роль, взять бразды правления в свои руки, но позиция «серого кардинала» им более близка.

Типу INTP в выборке заключенных также отдано достоверное преимущество ($\varphi^*_{эмп.} = 2,73$; $\varphi^*_{крит.} = 2,31$, $p < 0,01$). Для этого типа характерна обращенность на себя, наличие собственной позиции, независимость мышления. Они спокойны, сдержанны, беспристрастны, не склонны

к бессмысленному времяпрепровождению. Они уверенно выбирают ролевую и социальную позицию, в которой будут учтены их личные интересы. Их можно охарактеризовать как людей логичных, скептически настроенных, автономных и осторожных. Представители типа INTP способны генерировать много идей по значимым, близким для них проблемам. Скорее стратеги, чем тактики, так как заинтересованы в поиске решений, а не в претворении их на практике. Плохо переносят организационные ограничения и рутинную работу. Они избегают обсуждения эмоционально заряженных тем. Этому типу не свойственно выражать благодарность другим и демонстрировать свои чувства.

Достоверно преобладает среди заключенных ($\varphi_{\text{эм.}}^* = 1,93$; $\varphi_{\text{крит.}}^* = 1,78$, $p < 0,05$) тип ESFP. Представители этого типа обладают выраженными потребностями в коммуникации, им нравится общаться с другими людьми. Они обладают даром убеждения, умеют влиять на окружающих. Живут настоящим, интересуясь только тем, что происходит в данный момент времени. Не склонны к планированию и организации своей работы и жизни. Люди этого типа оптимистично настроены, склонны к риску, спонтанны и импульсивны.

Значимо больше среди заключенных ($\varphi_{\text{эм.}}^* = 2,29$; $\varphi_{\text{крит.}}^* = 1,78$, $p < 0,05$) представителей типа ESFJ. Люди этого типа общительны и коммуникабельны. Испытывают потребность в поддержке и одобрении. Получают удовольствие от помощи другим, хороши в роли наставников. Они организованны и склонны к тому, чтобы планировать всё заранее. Это дает им ощущение контроля за ситуацией и позволяет чувствовать себя более уверенными. Легко ранимы, злоба или равнодушие со стороны окружающих представляют для них реальную угрозу.

Интерес для психолога пенитенциарного учреждения могут представлять психологические типы ISTJ и ESTJ, поскольку объем этих типологических групп в выборке заключенных достаточно велик. Представители этих типов реалистичны, практичны, придерживаются объективного и логического подхода к переработке получаемой информации, опираясь при этом на собственный опыт и знания. Уклоняются от деятельности, которую считают бессмысленной.

Выявлены также определенные различия между представленностью типов MBTI в группах с разным уровнем СЭЛБ. В группе с выраженной позитивной СЭЛБ в выборке заключенных достоверно преобладает тип ISFJ ($\varphi_{\text{эм.}}^* = 2,28$; $\varphi_{\text{крит.}}^* = 1,64$, $p < 0,05$). Психологические характеристики данного типа, описанные выше, позволяют представителям типа ISFJ сохранять высокий уровень эмоционально-личностного благополучия. Интересно отметить, что тип ISFJ, преобладающий в группе заключенных с выраженной позитивной СЭЛБ, не представлен в группах заключенных со слабыми типами СЭЛБ (позитивным и негативным).

В группе со слабой позитивной СЭЛБ среди заключенных достоверно больше представителей типа ISFP ($\varphi_{\text{эм.}}^* = 1,93$; $\varphi_{\text{крит.}}^* = 1,64$, $p < 0,05$), которых характеризует склонность вести себя сдержанно, скрытно. Люди этого типа испытывают сильную потребность в личном пространстве, предпочитают проводить время с узкой группой референтных лиц, при этом избегают ссор и конфликтов. Принимая важные решения, полагаются скорее на свои ощущения, чем на четкую, логично изложенную информацию, при этом часто откладывают принятие решения.

Эти люди уделяют большое внимание эстетике, поэтому нахождение в неблагоприятных условиях для них особо тягостно. Кроме того, ISFP – перфекционисты, для самих себя они самые суровые критики, могут тяготиться чувством вины. Всегда остаются верными своим ценностям и убеждениям, что, с одной стороны, позволяет им сохранять собственную целостность, с другой – может служить барьером в социально-психологической адаптации.

В группе со слабой негативной СЭЛБ заключенные достоверно превосходят по численности тип INTP, психологические особенности представителей которого описаны выше.

В группе с выраженной негативной СЭЛБ сегмент заключенных по типологическим характеристикам не отличается от общей выборки, что позволяет предположить наличие мощного синхронизирующего фактора, свойственного респондентам с выраженной негативной СЭЛБ, независимого от условий жизнедеятельности.

Выводы

Результаты проведенного исследования позволили сделать следующие выводы:

1. В местах лишения свободы у осужденных снижаются возможности удовлетворения разнообразных потребностей, в том числе витальных; кроме того, они попадают в условия асоциальной субкультуры, зачастую представляющей угрозу как в физическом, так и в психологическом отношении. Это обуславливает ощущение эмоционально-личностного неблагополучия значительной части заключенных. Вместе с тем часть заключенных находит внешние и внутренние ресурсы для актуализации имеющегося потенциала, поддержания внутренней гармонии и позитивных отношений с окружающей действительностью и другими людьми, т. е. для сохранения оптимального уровня эмоционально-личностного благополучия. Различия в переживании эмоционально-личностного благополучия/неблагополучия могут быть связаны с разными факторами, в том числе с типологическими особенностями.

2. Изучение типологических особенностей личности преступника может стать одним из перспективных направлений пенитенциарной психологии, поскольку позволяет определить не только дефицитные свойства личности, но и те качества, которые могут помочь человеку адаптироваться в условиях несвободы и стать активом, резервом для возвращения в антикриминальную среду и интеграции с ней.

3. Типологический склад личности заключенного имеет ряд отличий от типологического склада личности законопослушного члена общества.

4. Выявлены особенности типологических предпочтений выборки заключенных, связанные с уровнем самооценки эмоционально-личностного благополучия. Отсутствуют типологические различия между заключенными и общей выборкой в группе с выраженной негативной СЭЛБ, что является свидетельством устойчивости данной группы, ее независимости от вида деятельности и рода занятий.

Обобщая результаты исследования, можно отметить, что изучение эмоционально-личностного благополучия и типологических особенностей личности, находящейся в условиях лишения свободы, позволяет

раскрыть содержательную сторону психологии заключенных и открывает возможности для реализации дифференцированного и индивидуального подхода в работе психолога пенитенциарного учреждения.

Информация об авторе

Лариса Владимировна Карапетян, доктор психологических наук, доцент, доцент кафедры общей и социальной психологии Института социальных и политических наук Уральского федерального университета имени первого Президента России Б. Н. Ельцина, начальник Уральского филиала Центра экстренной психологической помощи МЧС России (г. Екатеринбург, Россия).

Information about the author

Larisa V. Karapetyan, Dr. Sci. (Psychology), Associate professor, Associate professor at General and Personal Psychology chair of Psychology Department of Institute of Social and Political sciences of the Ural Federal University after the First Russian President B. N. Eltsin, Head of the Ural branch of Emergency Psychological Assistance Centre, EMERCOM of Russia, Yekaterinburg, Russia.

Список литературы

1. Абельская Е. Ф. Типоведческое исследование психического склада личности : дис. ... канд. психол. наук. Екатеринбург : УрГУ, 2006. 202 с.
2. Карапетян Л. В., Глотова Г. А. Эмоционально-личностное благополучие. Екатеринбург : Уральский институт ГПС МЧС России, 2017. 211 с.
3. Карапетян Л. В. Типологическое исследование эмоционально-личностного благополучия // Психологические исследования. 2018. Т. 11, № 57. С. 11.
4. Краткая характеристика состояния преступности за январь – апрель 2019 года // Официальный сайт МВД РФ. 2019. URL: <https://мвд.рф/reports/item/14696015> (дата обращения: 26.07.2019).
5. Узлов Н. Д., Арасланов С. Ш. Жизнестойкость и психологическое благополучие заключенных в соответствии с их тюремной иерархией // Психология и право. 2012. № 2. С. 77–87.
6. Brunstein J. C., Schultheiss O. C., Grassman R. Personal goals and emotional well-being: The moderating role of motive dispositions // Journal of Personality and Social Psychology. 1998. Vol. 75. P. 494–508.
7. Busseri M. A. Toward a Resolution of the Tripartite Structure of Subjective Well-Being // Journal of Personality. 2015. Vol. 83 (4). P. 413–428.
8. Deci E. L., Ryan R. M. The general causality orientations scale: self-determination in personality // Journal of research in personality. 1985. Vol. 19 (2). P. 109–134.
9. Diener E. Subjective well-being // Psychological Bulletin. 1984. No. 95. P. 542–575.
10. Diener E., Suh E. M., Lucas R. L., Smith H. L. Subjective Well-Being: Three Decades of Progress // Psychological Bulletin. 1999. Vol. 125 (2). P. 276–302.
11. Diener E. Subjective Well-Being: the Science of Happiness and Proposal for a National Index // American Psychologist. 2000. Vol. 55 (1). P. 34–43.
12. Gallagher M. W., Lopez S. J., Preacher K. J. The hierarchical structure of well-being // Journal Pers. 2009. Vol. 77. P. 1025–1050.
13. Kahneman D., Schkade D. A., Fischle C., Krueger A. B., Krilla A. The Structure of Well-Being in Two Cities: Life Satisfaction and Experienced Happiness in Columbus, Ohio; and Rennes, France // International Differences in Well-Being. 2010. Vol. 1 (9). P. 16–33.
14. King L. A., Richards J. H., Stemmerich E. Daily Goals, Life Goals, and Worst Fears: Means, Ends, and Subjective Well-Being // Journal of Personality. 1998. Vol. 66 (5). P. 713–744.
15. Ryan R. M., Huta V., Deci E. L. Living well: A self-determination theory of eudaimonia // Journal of Happiness Studies. 2006. Vol. 9. P. 139–170.

16. Ryff C. D. Happiness is everything, or is it? Explorations on the meaning of psychological well-being // *Journal of personality and social psychology*. 1989. Vol. 57 (6). P. 1069–1081.

17. Ryff C. D. Psychological well-being in adult life // *Current directions in psychological science*. 1995. Vol. 4 (4). P. 99–104.

18. Ryff C. D., Keyes C. L. M. The structure of psychological well-being revisited // *Journal of Personality and Social Psychology*. 1995. Vol. 69 (4). P. 719–727.

Статья поступила в редакцию: 20.10.2019

Принята к публикации: 25.11.2019

References

1. Abel'skaya EF. *Tipovedcheskoe issledovanie psikhicheskogo sklada lichnosti [The type-based research on mental dispositions of personality]*. Yekaterinburg: Ural State University; 2006. 202 p. (In Russ.).

2. Karapetyan LV, Glotova GA. *Emotsional'no-lichnostnoe blagopoluchie [Emotional and personal wellbeing]*. Yekaterinburg: Ural Institute of the Russian EMERCOM; 2017. 211 p. (In Russ.).

3. Karapetyan LV. Tipologicheskoe issledovanie emotsional'no-lichnostnogo blagopoluchiya [Typological features of respondents with different levels of the emotional-personal well-being]. *Psikhologicheskie issledovaniya = Psychological Studies*. 2018;11(57): 11. (In Russ.).

4. Kratkaya kharakteristika sostoyaniya prestupnosti za yanvar' – aprel' 2019 goda [A brief characteristic of a crime profile for January-April 2019]. *The official site of the Ministry of internal Affairs of the RF*. 2019. Available from: <https://мвд.рф/reports/item/14696015> [Accessed 26.07.2019]. (In Russ.).

5. Uzlov ND, Araslanov SS. Zhiznestoikost' i psikhologicheskoe blagopoluchie zaklyuchennykh v sootvetstvi s ikh tyuremnoi ierarkhiey [Resilience and psychological wellbeing of convicts in accordance with their prison hierarchy]. *Psikhologiya i pravo = Psychology and Law*. 2012;2: 77–87. (In Russ.).

6. Brunstein JC, Schultheiss OC, Grassman R. Personal goals and emotional well-being: The moderating role of motive dispositions. *Journal of Personality and Social Psychology*. 1998;75: 494–508.

7. Busseri MA. Toward a Resolution of the Tripartite Structure of Subjective Well-Being. *Journal of Personality*. 2015;83(4): 413–428.

8. Deci EL, Ryan RM. The general causality orientations scale: self-determination in personality. *Journal of research in personality*. 1985;19(2): 109–134.

9. Diener E. Subjective well-being. *Psychological Bulletin*. 1984;95: 542–575.

10. Diener E, Suh EM, Lucas RL, Smith HL. Subjective Well-Being: Three Decades of Progress. *Psychological Bulletin*. 1999;125(2): 276–302.

11. Diener E. Subjective Well-Being: the Science of Happiness and Proposal for a National Index. *American Psychologist*. 2000;55(1): 34–43.

12. Gallagher MW, Lopez SJ, Preacher KJ. The hierarchical structure of well-being. *Journal Pers*. 2009;77: 1025–1050.

13. Kahneman D, Schkade DA, Fischle C, Krueger AB, Krilla A. The Structure of Well-Being in Two Cities: Life Satisfaction and Experienced Happiness in Columbus, Ohio; and Rennes, France. *International Differences in Well-Being*. 2010;1(9): 16–33.

14. King LA, Richards JH, Stemmerich E. Daily Goals, Life Goals, and Worst Fears: Means, Ends, and Subjective Well-Being. *Journal of Personality*. 1998;66(5): 713–744.

15. Ryan RM, Huta V, Deci EL. Living well: A self-determination theory of eudaimonia. *Journal of Happiness Studies*. 2006;9: 139–170.

16. Ryff CD. Happiness is everything, or is it? Explorations on the meaning of psychological well-being. *Journal of personality and social psychology*. 1989;57(6): 1069–1081.

17. Ryff CD. Psychological well-being in adult life. *Current directions in psychological science*. 1995;4(4): 99–104.

18. Ryff CD, Keyes CLM. The structure of psychological well-being revisited. *Journal of Personality and Social Psychology*. 1995;69(4): 719–727.

Submitted 20.10.2019

Accepted 25.11.2019

DOI: 10.35853/LAU.WS.2019.SP18
УДК 316.6

Небинарный подход к гендеру в контексте психологической безопасности личности в транзитивном обществе

Ольга Ю. Зотова¹,

ORCID: 0000-0002-5607-6317, e-mail: oiambusheva@mail.ru

Ольга Ю. Флейтлих²,

ORCID: 0000-0002-4993-2648, e-mail: flaute@mail.ru

^{1,2} АНО ВО «Гуманитарный университет»,
г. Екатеринбург, Россия

Аннотация. Современная социальная реальность характеризуется таким качеством, как транзитивность, в контексте которой формируется новая квинтеория как проявление небинарной системы. В статье обсуждается концепция гендера, основанная на деконструкции категорий маскулинности и феминности, как составляющей идентичности личности. Актуальность изучения гендерной идентичности очевидна в условиях изменяющегося транзитивного общества, поскольку кризисы социума детерминируют кризис личностный. Именно эти тенденции стали предпосылкой для изучения особенностей идентичности трансгендерных людей, что, собственно, и стало целью нашего исследования. В исследовательской работе использовались опросные методы – анкетирование, личностные опросники. Для обработки данных использовался частотный анализ, анализ семантической близости, а также методы математической статистики: сравнения через t-критерий Стьюдента, критерий Манна–Уитни. Результаты: идентичность трансгендерных людей отличается по следующим параметрам от цисгендерных людей: категории пола и гендера более значимы в структуре идентичности; превалирует самосознание через мировоззрение; ярко выражено представление о себе в будущем. Специфичная черта самосознания трансгендерных людей – высокая рефлексия. Структурный элемент телесного Я ими практически игнорируется. Самоотношение негативное. Таким образом, выдвинутая гипотеза о наличии статистически значимых различий в структуре идентичности у трансгендерных и цисгендерных людей была подтверждена.

Ключевые слова: транзитивность, психология безопасности, гендерная идентичность, бинарная/небинарная гендерная система.

Для цитирования: Зотова О. Ю., Флейтлих О. Ю. Небинарный подход к гендеру в контексте психологической безопасности личности в транзитивном обществе // Благополучие и безопасность в условиях социальных трансформаций : сб. науч. тр. X Междунар. симпозиума (г. Екатеринбург, 9–10 июля 2019 г.) / ред. Е. Б. Перельгина, О. Ю. Зотова, А. В. Дроздова, Л. В. Тарасова. – Екатеринбург : Гуманитарный университет, 2019. – С. 173–181. – ISBN 978-5-7741-0376-8. – DOI: 10.35853/LAU.WS.2019.SP18.

A Non-Binary Approach to Gender in the Context of Personality Psychological Security in a Transitive Society

Olga Yu. Zotova¹,

ORCID: 0000-0002-5607-6317, e-mail: oiambusheva@mail.ru

Olga Yu. Fleitlikh²,

ORCID: 0000-0002-4993-2648, e-mail: flaute@mail.ru

^{1,2}Liberal Arts University – University for Humanities, Yekaterinburg, Russia

Abstract. Transitivity is a characteristic of today's social reality, and in the context of transitivity, a new queer theory as a manifestation of the non-binary system is being developed. The authors reflected on a new concept of gender. Transitivity is a characteristic of today's social reality, and in the context of transitivity, a new queer theory as a manifestation of the non-binary system is being developed. The authors reflected on a new concept of gender based on the deconstruction of such categories as masculinity and femininity as elements of the individual's identity. The relevance of this topic is evident in the conditions of a changing transitive society as social crises provoke personal ones. It is these tendencies that paved the way for studying the identity of transgenders and this paper. We exploited both questionnaires and interviews in the study. Frequency analysis, semantic similarity, the Student's T-criterion, and the Mann-Whitney T-test were of help in the data processing. The results revealed that the transgenders' identity differs from the cis-genders identity in the following parameters: categories of sex and gender are more intense in the structure of their identity; self-awareness through world outlook prevails; a clearer future self –image. A specific feature of transgenders is high reflexivity, and they almost ignore a structural element of the bodily self. They also exhibit negative self-attitude. Thus, our findings confirmed the hypothesis of significant differences in the structure of the transgenders and cis-genders identity.

Keywords: transitivity, security psychology, gender identity, binary/non-binary gender system.

For citation: Zotova OYu, Fleitlikh OYu. A Non-Binary Approach to Gender in the Context of Personality Psychological Security in a Transitive Society. In: Perelygina EB, Zotova OYu, Drozdova AV, Tarasova LV. (eds.) *Wellbeing and Security in the Face of Social Transformations: Collection of academic papers from the 10th International Symposium (Yekaterinburg, July 9–10, 2019)*. Yekaterinburg: Liberal Arts University – University for Humanities; 2019. p. 173–181. Available from: doi:10.35853/LAU.WS.2019.SP18.

Введение

В последние десятилетия идея о транзитивности социальной реальности все чаще становится предметом научного интереса. Эта особенность проявляется в ускорении жизненной динамики в целом и многослойности временного континуума, в ценностной неоднородности и прозрачности границ.

«Любая изоляция от новой реальности, попытка отгородиться от нее чревата личным и общественным поражением. Рождающаяся универсальная цивилизация диктует индивиду новые правила жизни и поведения, ставит перед ним задачу и универсализации им своего сознания, своего способа общения с другими людьми» [4, с. 44]. Именно социокультурный контекст в его реальном бытии, а не то, как мы его описываем, является основой формирования идентичности личности в изменяющемся обществе.

По мнению ряда исследователей, в современном мире выходит на авансцену новая модель становления идентичности. Она основывается

на ведущей роли творческой уникальности и «гармоничном вхождении в социокультурную среду с имеющимся багажом своеобразия» [2, с. 5].

Несмотря на огромное количество работ и проведенных эмпирических исследований, многие вопросы относительно идентичности остаются дискуссионными. Среди них – наличие взаимовлияния одного аспекта идентичности на содержание других аспектов; вопрос иерархии структурных компонентов в системе идентичности личности. И, наконец, вопрос, который, собственно, и стал отправной точкой нашего исследования – о субъективной ценности тех или иных составляющих идентичности и их зависимости от конкретной социальной ситуации. «В центре внимания все более оказывается “текущая” идентичность человека “текучей” современности, лишенная структурной определенности и завершенности» [1, с. 12].

В философских размышлениях звучит тема соотнесения чего-либо внешнего, постоянно изменяющегося и непрерывного с собой. Один из словарей предлагает рассматривать осознание своей идентичности как непрерывность существования: «... чувство непрерывности своего бытия как сущности, отличной от всех других...» [6, с. 260]. Философская традиция размышления об идентичности формируется вокруг положения о том, что «Я» существует только в тесном взаимодействии с «Ты», с «Другим». «Я» есть только в присутствии «Другого».

В этом контексте формируется новая теория – квир-теория как проявление небинарной системы. Мы являемся свидетелями деконструкции бинарной гендерной системы, которая долгое время была основой когнитивных схем индивида как необходимая особенность для нахождения своего места в социуме, обеспечивающего безопасность личности. Небинарная система не дает нам понятной границы между гендерными группами, потому что их бесконечное множество. Понимание идентичности в небинарной системе опирается на идею: любая идентичность в основе имеет стереотипы, но существует альтернативный способ самоосмысления как «вариант самодостаточности, предполагающий возможность существования любых других идентичностей» [3, с. 295].

В данном контексте исследование психологических особенностей трансгендерных людей видится нам актуальным. Трансгендерные люди, находящиеся в перманентной ситуации стигматизации, вероятно, сталкиваются с тяжелыми переживаниями, которые, в свою очередь, могут определять особую структуру идентичности. Говоря об актуальности изучения формирования самосознания человека в связи с ситуацией стигматизацией, мы опираемся на концепцию Э. Эриксона, который задал определенное направление в рассмотрении природы идентичности, утверждая, что «субъективное значение различных социальных реакций человека тем больше, чем сильнее они включены в общую модель развития, характерную для данной культуры» [9, с. 57].

Переживание своей инаковости и неприятие этой инаковости обществом противоречит одной из базовых потребностей человека – потребности в безопасности. В современной психологии все чаще звучит тема психологической безопасности: «безопасность в системе социальных отношений становится неделимой, и она приобретает макросоциальный характер. Все актуальнее становится принцип равенства безопасности в отношении всех членов общества и мирового сообщества» [5, с. 4].

Опираясь на вышеизложенные размышления, мы определили целью нашего исследования следующее: выявление особенностей идентичности у представителей стигматизируемой социальной группы – трансгендерных людей, по сравнению с идентичностью цисгендерных людей. Гипотезой нашего исследования является предположение о наличии статистически значимых различий в структуре идентичности у трансгендерных и цисгендерных людей.

Методы исследования

В нашем исследовании под идентичностью понимается уникальная для каждого человека система конструктов, аспекты которой становятся более значимыми в актуальных ситуациях. Структурные компоненты мы рассматриваем под непосредственным влиянием идей Г. Брейкуэлл. А именно: биологический конструкт (гендерное самосознание, телесное и пр.); содержательный конструкт (характеристики, которыми индивид пользуется, чтобы описать себя); ценностный конструкт (самоотношение и самооценка); временной конструкт (динамический аспект развития и трансформации идентичности) [10].

Задачи исследования: выявить ключевые, ценностно значимые конструкты в самосознании испытуемых, характеристики восприятия самого себя и уровень рефлексии; выявить многоаспектность природы идентичности испытуемых; определить этап в становлении самосознания через выявление статуса идентичности испытуемых на момент исследования; изучить особенности самоотношения испытуемых; сопоставить идентификационные системы и выраженность конструктивных элементов идентичности в группе трансгендеров с контрольной группой цисгендеров. В качестве материала для проведения опроса была разработана авторская анкета, предназначенная для формирования выборки и описания ее основных характеристик, а также выбран комплекс методик, для изучения следующих параметров соответственно: методика «Кто я?» – для изучения идентификационных характеристик через самоописание, установок на себя, изучения уровня рефлексивности, самооценки, для изучения содержательных характеристик идентичности личности, уровня коммуникативных компетенций, особенностей гендерно-половой идентичности и непосредственного отношения к ней, специфики временного аспекта идентичности, степени дифференциации идентичности; опросник «Аспекты идентичности» – для выявления многоаспектности и степени интегрированности идентификационного конструкта, способности осознанного конструирования идентичности; методика изучения личностной идентичности (МИЛИ, Л. Б. Шнейдер) – для изучения статуса достигнутой идентичности, ее гибкости и пластичности (т. е. динамический аспект); многомерный опросник исследования самоотношения (МИС, С. Р. Пантеев) – для изучения интериоризированного субъект-объектного конструкта.

Были сформированы две выборки – трансгендеров и цисгендеров, 33 и 25 человек соответственно. Отбор испытуемых проводился среди мужчин и женщин, в возрасте от 18 до 45 лет. Выборку трансгендерных людей представили респонденты в возрасте от 18 до 40 лет: от 18 до 25 лет – 50 %; от 25 до 35 лет – 40 %; от 35 до 40 лет – 6 %. Цисгендерная выборка представлена теми же возрастными группами, от 18 до 40 лет,

с несколько иной ротацией: от 18 до 25 лет – 28 %; от 25 до 35 лет – 24 %; от 35 до 40 лет – 24 % и старше 40 – также 24 %. Среди трансгендеров проживают в крупных городах 72 %, среди цисгендеров – 73 %. Что касается параметра гендера, то здесь цисгендерная группа представлена следующим соотношением мужчин и женщин: 28 и 72 % соответственно, в то время как в трансгендерной группе мужчины составляют 87 % и 13 % – женщины. По параметру сексуальной ориентации обе выборки в большинстве своем представлены гетеросексуальной ориентацией – 64 % цисгендеры и 57 % трансгендеры.

Результаты и обсуждение

При обработке результатов методики «Кто я?» использовался частотный анализ, а также метод вычисления семантической близости.

Таблица 1

Данные частотного анализа

	Трансгендерные люди	Цисгендерные люди
Социальное Я, сравнение средних		
Прямое обозначение пола/гендера	0,7	0,9
Пол/гендер косвенный	10,6	9
Сексуальная роль	0,21	0,16
Этническо-региональная идентичность	0,09	0
Мировоззренческая идентичность	1,12	0,52
Групповая принадлежность	1	1,4
Коммуникативное Я, сравнение средних		
Дружба	0,48	0,64
Общение	0,81	0,72
Материальное Я	0,15	0,28
Физическое Я	0,15	1,48
Деятельное Я	2,63	2,18
Перспективное Я	0,42	0,12
Рефлексивное Я		
Персональная идентичность	6,3	5,8
Глобальное, экзистенциальное «Я»	1,42	0,52
Психолингвистический аспект, %		
Существительные	42	80
Прилагательные	46	16

В соответствии с данными, представленными в таблице 1, особенности структурных элементов проявляются в следующем. Прямое обозначение пола чаще демонстрируют цисгендерные люди (0,9), а косвенное – трансгендерные (0,7). Однако в обеих группах в соотношении прямого и косвенного обозначения превалирует косвенное. И в том и в другом случае речь идет как о вполне явном соотношении себя с определенным социокультурным гендерным конструктом, так и о понимании специфики полоролевого репертуара. Категории пола и гендера в списке ответов трансгендерных людей преимущественно находятся на первых позициях списка ассоциаций, что свидетельствует о значимости для самосознания этой категории в идентичности.

У трансгендеров превалирует самосознание себя в мировоззренческих категориях (1,12 и 0,52), что мы расцениваем как некий вариант копинг-стратегии, представляющий собой базовое философское осно-

вание для «выживания» в сложных социальных условиях перманентной стигматизации.

Вполне логичными в связи с показателем мировоззренческого компонента нам видятся высокие показатели рефлексивного Я, которое включает 2 показателя: персональное Я и глобальное (экзистенциальное) Я. Оба показателя у трансгендерных людей выше, чем у цисгендерных. Персональное Я – 6,3 и 5,8; глобальное Я – 1,42 и 0,52 соответственно. На наш взгляд, показатель рефлексии напрямую связан с мировоззренческим компонентом в части адаптивного механизма.

Показатели перспективной идентичности более выражены у трансгендерных людей, чем у цисгендерных (0,42 и 1,12 соответственно), что отражает устойчивое самосознание себя в будущем («экзистенциальная и целевая функции», по Т. В. Румянцевой [7]) без игнорирования настоящего существования.

У трансгендерных людей, по сравнению с цисгендерами, обозначение своей физической идентичности выражено слабо (0,15 и 1,48 соответственно). Учитывая тот факт, что витальный уровень, к которому мы относим физическое самоосознание, является одним из базовых в структуре идентичности, данную особенность мы считаем одной из специфических черт идентичности трансгендерных людей. А также связываем с особым переживанием своей телесности, отличающейся неконгруэнтностью. Именно в этом месте теряется тождественность самому себе.

Помимо частотного анализа самоописания в двух группах был проведен анализ семантической близости. Согласно В. П. Серкину, «если в группе из 20–40 человек ассоциация при описании какого-либо стимула использована тремя или большим количеством испытуемых, то она использована неслучайно» [8, с. 78], а значит, должна быть включена в семантическую универсалию для исследуемой группы. Эта универсалия показывает условную «меру» проявления среди испытуемых такого параметра самоописания, который сложно измерить обычными способами. Расчет по формуле выявил очень маленькую семантическую близость (0,06), следовательно, идентификационные описания в группах трансгендеров и цисгендеров воспринимаются, переживаются и воспроизводятся как очень разные, несмотря на ряд общих слов-ассоциаций, которые, на наш взгляд, служат как раз обобщающими понятиями для целостного и конгруэнтного осознания себя.

Что касается данных, полученных по МИС, С. Р. Пантिलеев, то все шкалы, входящие в структуру самоотношения, анализировались с помощью t-критерия. В результате были обнаружены статистически значимые различия по шкалам: закрытость, самоуверенность, отраженное самоотношение и самообвинение. При сравнении факторов «самоуважение», «аутосимпатия» и «внутренняя неустроенность» были использованы параметрические методы сравнения (через t-критерий Стьюдента). Трансгендеры и цисгендеры статистически значимо различаются по всем трем факторам.

Анализ содержательной стороны идентичности трансгендеров и цисгендеров (опросник «Аспекты идентичности») показал, что самосознание испытуемых в обеих группах в равной степени многоаспектно. Статистическая значимость критерия Манна–Уитни больше, чем 0,05, и различий между исследуемыми группами по аспектам идентичности

нет. Таким образом, мы делаем вывод об интегрированной, объемной и вместе с тем гармоничной структуре идентичности как у трансгендеров, так и у цисгендеров.

Частотный анализ данных, полученных в ходе исследования достигнутых статусов идентичности (МИЛИ, Л. Б. Шнейдер), показал следующие результаты.

Таблица 2
Распределение статусов идентичности в группах, %

Статус идентичности	Трансгендеры	Цисгендеры
Преждевременная идентичность	10	4
Диффузная идентичность	27	16
Мораторий	27	20
Достигнутая позитивная идентичность	27	28
Псевдопозитивная идентичность	9	32

В группе трансгендеров в равной степени представлены такие статусы, как диффузная идентичность (это, скорее, переход от одного типа к другому), мораторий (период активного поиска ответа на вопрос «Кто я?») и достигнутая позитивная идентичность. В меньшинстве представлены преждевременная идентичность и псевдопозитивная идентичность. У цисгендеров преобладает псевдопозитивная идентичность, что соответствует устойчивому игнорированию уникальности вплоть до стереотипизации и ригидности Я-концепции в комплексе с низкой рефлексией.

Заключение

Идентичность трансгендерных людей отличается по следующим параметрам от цисгендеров: категории пола и гендера более значимы в структуре самосознания; превалирует самосознание через мировоззренческие основания, более выражено устойчивое представление о себе в будущем. Специфичная черта – эмоциональность, внимание к внутреннему миру, высокая рефлексия. Структурный элемент телесного Я игнорируется. Самоотношение негативное (но определяется реальным опытом социальных взаимодействий).

В структуре идентичности трансгендеров и цисгендеров не было выявлено значимых различий по следующим параметрам: самооценке, типу уравновешенности; уровню интернальности; чувству самоценности личности, самодостаточности. Структура идентичности как у трансгендеров, так и у цисгендеров представляет собой интегрированное и гармоничное образование. Трансгендеры способны осознанно конструировать свою идентичность, опираясь на значимые для себя факторы. Выдвинутая гипотеза о наличии статистически значимых различий в структуре идентичности у трансгендерных и цисгендерных людей была подтверждена.

Небинарный подход к гендеру на сегодняшний день имеет негативную коннотацию в обществе. Встречаясь с небинарной гендерной системой, мы испытываем страх. Но гендерное многообразие возможно принять, только перестраивая мышление. Ведь богатство «Я» образуется только во взаимодействии с чем-то таким, что этим «Я» не является.

Информация об авторах

Ольга Юрьевна Зотова, член-корреспондент РАО, доктор психологических наук, доцент, профессор кафедры общей и прикладной психологии Гуманитарного университета (г. Екатеринбург, Россия).

Ольга Юрьевна Флейтлих, магистрант 2-го года обучения направления «Психология» факультета социальной психологии Гуманитарного университета (г. Екатеринбург, Россия).

Information about the authors

Olga Yu. Zotova, corresponding Member of the Russian Academy of Education, Dr. Sci. (Psychology), associate professor, professor at General and Applied Psychology chair, Liberal Arts University – University for Humanities, Yekaterinburg, Russia.

Olga Y. Fleitlikh, second-year Master's student in Psychology, Liberal Arts University – University for Humanities, Yekaterinburg, Russia.

Список литературы

1. Белинская Е. П. Изменчивость Я: кризис идентичности или кризис знания о ней? // Психологические исследования. 2015. Т. 8, № 40. С. 12–17.
2. Гусельцева М. С. Идентичность в транзитивном обществе: трансформация ценностей // Психологические исследования. 2017. Т. 10, № 54. С. 5–12.
3. Исаев Д. Д. Квир-концепция как позитивный вектор развития социума // На перепутье: методология, теория и практика ЛГБТ и квир-исследований / ред.-сост. А. А. Кондаков. СПб. : Центр независимых социологических исслед., 2014. С. 293–309.
4. Межуев В. М. Уроки свободы еще не выучены // Знание – сила. 2009. № 11. С. 43–51.
5. Перелыгина Е. Б., Зотова О. Ю. Теоретико-методологические основания социально-психологической безопасности. М. : Альтекс, 2009. 206 с.
6. Райкрофт Ч. Критический словарь психоанализа. СПб. : Вост.-евр. Ин-т психоанализа, 1995. 288 с.
7. Румянцева Т. В. Психологическое консультирование: диагностика отношений в паре. СПб. : Речь, 2006. 103 с.
8. Серкин В. П. Методы психологии субъективной семантики и психосемантики. М. : Пчела, 2008. 382 с.
9. Эриксон Э. Детство и общество. СПб. : Речь, 2000. 415 с.
10. Breakwell G. M. Coping with threatened identities. London : Mithuen, 1986. 176 p.

Статья поступила в редакцию: 22.10.2019
Принята к публикации: 26.11.2019

References

1. Belinskaya EP. *Izmenchivost' Ya: krizis identichnosti ili krizis znaniya o nei?* [The variability of self: an identity crisis or a crisis of knowledge about it?]. *Psikhologicheskie issledovaniya = Psychological Studies*. 2015;8(40): 12–17. (In Russ.).
2. Guseltseva MS. *Identichnost' v tranzitivnom obshchestve: transformatsiya tsennostei* [Identity in a transitive society: the transformation of values]. *Psikhologicheskie issledovaniya = Psychological Studies*. 2017;10(54): 5–12. (In Russ.).
3. Isaev DD. *Kvir-kontseptsiya kak pozitivnyi vektor razvitiya sotsiuma* [The queer conception as a positive vector of social development]. In: Kondakov AA. (ed.) *Na pereput'e: metodologiya, teoriya i praktika LGBT i kvir-issledovaniy* [At a crossroads: methodology, theory, practice of GLBT and queer studies]. Saint Petersburg: Center for Independent Social Research; 2014. p. 293–309. (In Russ.).
4. Mezhuев VM. *Uroki svobody eshche ne vyucheny* [Lessons of freedom have not been learnt yet]. *Znanie – sila = Knowledge – power*. 2009;11: 43–51. (In Russ.).

5. Perelygina EB, Zotova OYu. *Teoretiko-metodologicheskie osnovaniya sotsial'no-psikhologicheskoi bezopasnosti [Theoretical and methodological foundations of socio-psychological security]*. Moscow: Al'teks; 2009. 206 p. (In Russ.).

6. Rycroft C. *Kriticheskii slovar' psikhoanaliza [A Critical Dictionary of Psychoanalysis]*. Saint Petersburg: Eastern European Institute of Psychoanalysis; 1995. 288 p. (In Russ.).

7. Rummyantseva TV. *Psikhologicheskoe konsul'tirovanie: diagnostika ot-noshenii v pare [Psychological counseling: diagnostic of a couple relationships]*. Saint Petersburg: Rech; 2006. 103 p. (In Russ.).

8. Serkin VP. *Metody psikhologii sub'ektivnoi semantiki i psikhosemantiki [The methods of subjective semantics and psychosemantics]*. Moscow: Pchela Publ. House; 2008. 382 p. (In Russ.).

9. Erikson E. *Detstvo i obshchestvo [Childhood and society]*. Saint Petersburg: Rech; 2000. 415 p. (In Russ.).

10. Breakwell GM. *Coping with threatened identities*. London: Mithuen; 1986. 176 p.

Submitted 22.10.2019

Accepted 26.11.2019

DOI: 10.35853/LAU.WS.2019.SP19
УДК 159.98:316.6

Становление профессиональной идентичности психолога в условиях транзитивного общества

Людмила Е. Солянкина,
НАНО ВО «Институт мировых цивилизаций»,
г. Москва, Россия
ORCID: 0000-0002-0313-6355, e-mail: 190655s@mail.ru

Татьяна С. Тимофеева,
ФГАОУ ВО «Волгоградский государственный университет»,
г. Волгоград, Россия
ORCID: 0000-0003-2096-1450, e-mail: timofeeva@volsu.ru

Аннотация. Становление профессионала происходит в условиях транзитивного общества, что особенно быстро отражается в отношении ценностей социально ориентированных профессий, среди которых можно отметить профессию психолога. Цель исследования: рассмотреть особенности профессиональной идентичности психолога и ее компонентов на разных этапах карьерного роста. Исследование проходило в несколько этапов. Применялись следующие методики: тест на профессиональную идентичность Л. Б. Шнейдер, методика «Кто Я?» М. Куна, «Оценка доверия к себе» Т. П. Скрипкиной, авторский опросник профессиональной идентичности психолога. Выборка исследования состояла из практикующих психологов (в том числе в центрах социального обслуживания населения, в образовательных учреждениях и организациях) г. Волгограда и других регионов России, а также из обучающихся по направлению подготовки «Психология». Общий объем выборки составил 326 респондентов. Результаты показали, что более половины респондентов не имеют четких представлений о своей профессиональной роли и не могут устойчиво идентифицировать себя с профессией психолога, с профессиональным сообществом. Становление профессиональной идентичности психолога происходит постепенно как формирование ее компонентов: когнитивно-смыслового, эмоционально-волевого и поведенческого. Кризис профессиональной идентичности отмечается после первого года профессиональной деятельности. Большинство обучающихся по направлению подготовки «Психология», а также молодые специалисты испытывают ряд трудностей в формировании собственной профессиональной идентичности, что требует сопровождения этого процесса.

Ключевые слова: профессиональная идентичность, психолог, становление профессиональной идентичности, карьерный рост.

Для цитирования: Солянкина Л. Е., Тимофеева Т. С. Становление профессиональной идентичности психолога в условиях транзитивного общества // Благополучие и безопасность в условиях социальных трансформаций : сб. науч. тр. X Междунар. симпозиума (г. Екатеринбург, 9–10 июля 2019 г.) / ред. Е. Б. Перелыгина, О. Ю. Зотова, А. В. Дроздова, Л. В. Тарасова. – Екатеринбург : Гуманитарный университет, 2019. – С. 182–191. – ISBN 978-5-7741-0376-8. – DOI: 10.35853/LAU.WS.2019.SP19.

© Л. Е. Солянкина, Т. С. Тимофеева, 2019

A Becoming of the Psychologist Professional Identity in a Transitive Society

Lyudmila E. Solyankina,

Institute of World Civilizations, Moscow, Russia
ORCID: 0000-0002-0313-6355, e-mail: 190655s@mail.ru

Tatyana S. Timofeeva,

Volgograd State University, Volgograd, Russia
ORCID: 0000-0003-2096-1450, e-mail: timofeeva@volsu.ru

Abstract. The development of a professional occurs in the conditions of a transitive society, which rapidly affects values of socially-oriented occupations including the profession of a psychologist. The authors attempted to consider the specifics of the psychologist's professional identity and its components at different stages of career growth. It took several phases to complete the study. The research techniques included the Professional Identity Test by L. B. Shnaider, the M. Kun questionnaire Who Am I, the Self-Trust Scale by T. P. Skripkina, and the authorial questionnaire on the psychologist professional identity. The sample (n = 326) consisted of psychology practitioners including specialists from psychological support centers and educational organizations from Volgograd and other regions of Russia, and psychology students. The results showed that more than half of the respondents do not have a clear idea of their professional role and cannot sustainably identify themselves with this profession and the psychological community. The becoming of the professional identity takes place gradually as the formation of its components: cognitive-meaningful, emotional-volitional, and behavioral. We observed the professional identity crisis a year after the start of professional activities. The majority of psychology students and young specialists face difficulties in shaping their professional identity.

Keywords: professional identity, psychologist, becoming of the professional identity, career growth.

For citation: Solyankina LE, Timofeeva TS. A Becoming of the Psychologist Professional Identity in a Transitive Society. In: Perelygina EB, Zotova OYu, Drozdova AV, Tarasova LV. (eds.) *Wellbeing and Security in the Face of Social Transformations: Collection of academic papers from the 10th International Symposium (Yekaterinburg, July 9–10, 2019)*. Yekaterinburg: Liberal Arts University – University for Humanities; 2019. p. 182–191. Available from: doi:10.35853/LAU.WS.2019.SP19.

Введение

Становление современного профессионала происходит в период «транзитивного общества» [14], когда происходят изменения в привычных ценностях и смыслах, допускается существование множества выборов. Такая динамика социальных и экономических изменений увеличивает значение коммуникации, информации, межличностного взаимодействия для развития личности.

Достижение профессиональной идентичности становится очень сложной задачей в связи с изменениями на рынке труда, появлением новых профессиональных стандартов, распространением «свободных профессий» и прокарриата. Особенно сильно подобные трансформации отражаются в отношении ценностей социально ориентированных профессий, среди которых можно отметить профессию психолога. Профессиональные нормы и ценности для психолога (гуманность, человеколюбие, альтруистическая направленность, самопознание) противостоят утилитарно-прагматическим ценностям общества. Естественно,

что становление профессиональной идентичности в условиях транзитивности в большей степени затрагивает молодых специалистов, формирование их образа Я профессионала, принятие ими норм профессионального сообщества.

Профессиональная идентичность выступает одним из базовых видов в теории идентичности (наравне с другими ее видами: половой, психосоциальной, личностной, социальной, этнической, религиозной). Однако четкой структуры этих понятий не существует. В настоящее время появляются новые понятия, расширяющие представления о видах идентичности, например «манипулируемая идентичность» [4], «девиантная идентичность», возникающая в периоды неопределенности [2], «ценностная идентичность» [5].

Одной из причин такого разнообразия трактовок идентичности может выступать отсутствие единства среди самих исследователей по вопросу о том, на каком уровне следует рассматривать понятие: на макроуровне (в качестве трансдисциплинарного конструкта) или микроуровне (в качестве социально-социологического конструкта). Мы понимаем под профессиональной идентичностью структурно-личностное новообразование [13.]

В настоящее время можно отметить растущий интерес к профессиональной идентичности психолога в связи с наличием разнообразных требований к результатам обучения, к компетенциям и навыкам в разнообразных стандартах подготовки [17; 22], сложностью решаемых профессиональных задач в межкультурном и поликультурном пространстве [16].

Методология исследований профессиональной идентичности демонстрирует ее динамичный, изменчивый характер. Динамичность и непрерывность процесса формирования идентичности отмечают в своих исследованиях как зарубежные [18; 19; 20], так и отечественные [6; 15] авторы.

Придерживаясь идей авторов о структурном содержании профессиональной идентичности [1; 6; 15], мы выделяем три компонента данного феномена: когнитивно-смысловой компонент (знания о своих личностных и профессиональных качествах, о требованиях профессии; личностные смыслы, принятие ценностей профессионального сообщества), эмоционально-волевой компонент (эмоции, связанные с образом Я как профессионала, способность к эмоционально-волевой саморегуляции), поведенческий компонент (способность реализовать компетенции в деятельности, сформированный стиль профессиональной деятельности и поведения).

На основании теорий профессионального становления зарубежных и отечественных авторов [3; 8; 15; 21] были выделены этапы в построении карьеры психолога: идеалистический (на этапе обучения в вузе), поисковый (до 1 года), компетентностный (от 1 до 5 лет), а далее – творческий [12]. Идентичность психолога носит поэтапный характер – от идеалистической, мало осознаваемой, изменчивой и ориентированной на коллег к содержательной (интериоризированной) и проявляемой (достаточно устойчивой, осознаваемой, принимаемой).

В нашей работе было важно рассмотреть особенности профессиональной идентичности и ее компонентов на разных этапах карьерного роста психолога.

Методы исследования

Исследование проходило в несколько этапов. На первом этапе исследования (2012–2015 гг.) применялись методы интервью и сочинения, на основе которых проходила разработка опросника профессиональной идентичности психолога. На втором этапе (2016–2019 гг.) – валидизация опросника; проведение эмпирического исследования.

Применялись следующие методики: тест на профессиональную идентичность Л. Б. Шнейдер [15], методика «Кто Я?» М. Куна, Т. Макпартленда в модификации Т. В. Румянцевой [10], «Оценка доверия к себе» Т. П. Скрипкиной [11], авторский опросник профессиональной идентичности психолога (валидизация которого проходила с помощью опросника профессиональной идентичности У. С. Родыгиной [9] и опросника Л. Б. Шнейдер).

Выборку исследования составили практикующие психологи (центров социального обслуживания населения и работающие в других учреждениях и организациях) гг. Волгограда, Москвы, Санкт-Петербурга, Ростова-на-Дону и обучающиеся по направлению подготовки «Психология» (старших курсов). Общий объем выборки составил 326 респондентов в возрасте от 19 до 64 лет, находящихся на разных этапах карьеры.

Обработка результатов исследования проходила с применением программы SPSS Statistics 22.0 (описательная статистика, корреляционный и однофакторный дисперсионный анализ).

Результаты и обсуждение

С помощью методики Л. Б. Шнейдер была проведена оценка статуса профессиональной идентичности на выборке психологов. Данные свидетельствуют о кризисных явлениях в профессиональном становлении личности. Более половины (58 %) респондентов находятся на этапе диффузной идентичности, когда нет четких представлений о том, подходит ли человеку профессия, может ли он называть себя психологом, а достигнутую (сформированную) идентичность имеют менее 10 % респондентов. Данная ситуация в профессиональном сообществе подтверждает актуальность исследования.

Методика М. Куна показала, что среди самоописаний такие категории, как «психолог» или «будущий психолог», встречаются у 56 % выборки психологов, находящихся на разных этапах карьеры. Это свидетельствует о том, что определение себя через категорию профессионала не является актуальным практически для половины респондентов. То есть мы можем прогнозировать низкую вероятность сохранения связи с выбранной профессией.

Результаты по шкале «доверие к себе в профессиональной деятельности» показали высокий уровень корреляционной связи с показателем профессиональной идентичности ($r = 0,758, p \leq 0,01$), а также с ее компонентами.

Оценка сформированности профессиональной идентичности психолога и ее компонентов производилась на основании авторской методики и теста Л. Б. Шнейдер. Результаты показали согласованность результатов. Наиболее высокий показатель по методике получен респондентами, которые перешли в статус достигнутой позитивной профессиональной идентичности (рис. 1).

Рис. 1. Динамика показателя профессиональной идентичности у психологов с разным статусом идентичности

Далее мы зафиксировали особенности становления компонентов профессиональной идентичности психолога. Результаты когнитивно-смыслового компонента представлены на рисунке 2.

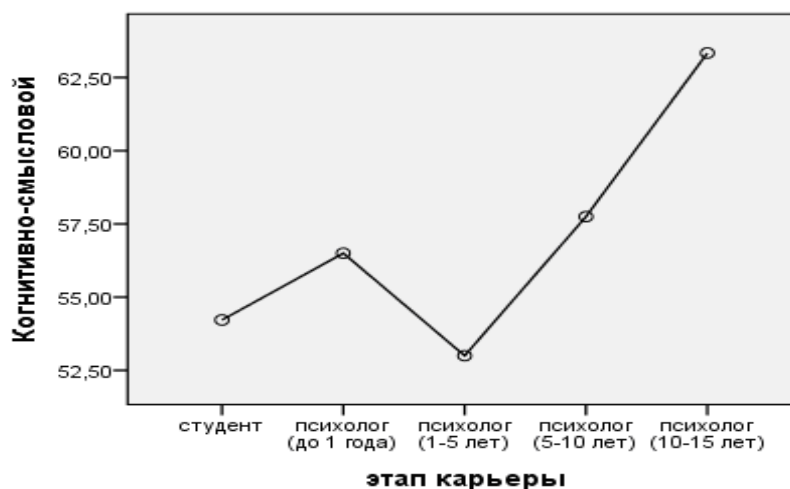

Рис. 2. Динамика показателя когнитивно-смыслового компонента профессиональной идентичности у психологов на разных этапах карьеры

Как видно из рисунка 2, наблюдается положительная динамика в осознании себя как профессионала, понимание своих личностных и профессиональных качеств. При этом можно отметить снижение среднего значения у психологов, отработавших первый год и столкнувшихся с профессиональным кризисом.

Эта тенденция проявляется и в отношении двух других компонентов. Результаты эмоционально-волевого отражены на рисунке 3.

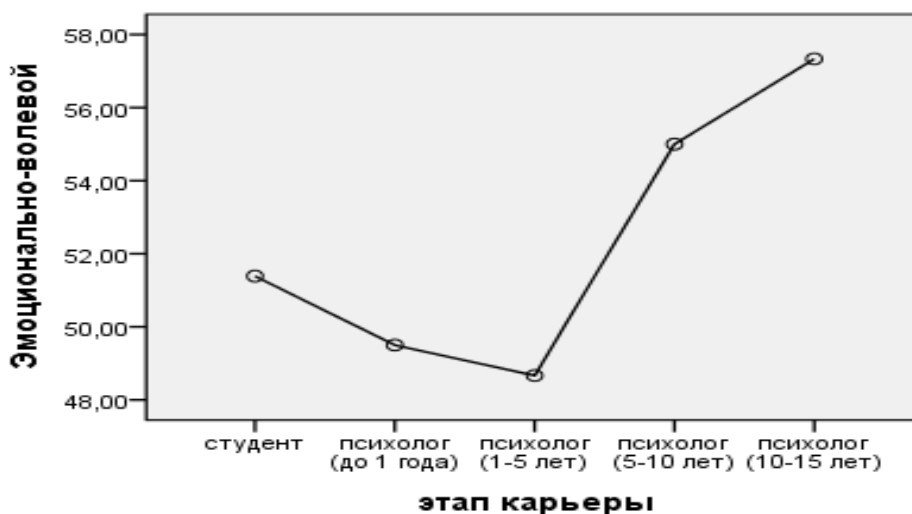

Рис. 3. Динамика показателя эмоционально-волевого компонента профессиональной идентичности у психологов на разных этапах карьеры

Рисунок 3 показывает, что на первых этапах становления профессионала происходит снижение уверенности в том, что выбранная сфера соответствует собственным ожиданиям, что сопровождается чувствами сомнения и разочарования. Психологи отмечают, что им достаточно трудно контролировать свои эмоции, управлять своими психическими состояниями в процессе реальной деятельности.

Рис. 4. Динамика показателя поведенческого компонента профессиональной идентичности у психологов на разных этапах карьеры

На рисунке 4 представлены данные, касающиеся поведенческого компонента профессиональной идентичности. Понимание того, что психолог овладел необходимыми компетенциями, может оказывать эффективную помощь клиенту, имеет собственный стиль деятельности, позволяет ему ощущать себя как профессионала. Однако этот этап наступает только после приобретения достаточно большого опыта в

деятельности. Трудности при работе с запросами клиентов, а также часто отсутствие обратной связи о результатах деятельности и их субъективность позволяют психологу усомниться в своей компетентности, а следовательно, и в том, может ли он называть себя психологом, принимает ли его профессиональное сообщество.

Выводы

1. Профессиональная деятельность психологов имеет ряд специфических особенностей, обусловленных как институциональными (существование различных критериев оценки и аттестации компетентности психологов, разнообразие психологических ассоциаций), так и собственно профессиональными (трудности в отслеживании эффективности деятельности, высокие гуманистические ценности профессии, требования к уровню эмоционально-волевой саморегуляции) факторами. Динамичные изменения в обществе, миграция населения, необходимость кросскультурной компетентности предъявляют высокие требования к подготовке психологов

2. Становление профессиональной идентичности психолога происходит путем формирования ее компонентов: когнитивно-смыслового, эмоционально-волевого и поведенческого. Однако большинство обучающихся по направлению подготовки «Психология», а также молодые специалисты испытывают ряд трудностей в формировании собственной профессиональной идентичности. Это согласуется с последними исследованиями [7].

3. Полученные данные отражают необходимость целенаправленного сопровождения начинающих психологов для продолжения их карьеры в выбранной профессиональной сфере.

Информация об авторах

Людмила Егоровна Солянкина, доктор психологических наук, кафедра экономической психологии и психологии труда НАНО ВО «Институт мировых цивилизаций» (г. Москва, Россия).

Татьяна Сергеевна Тимофеева, старший преподаватель, кафедра психологии и педагогики ФГАОУ ВО «Волгоградский государственный университет» (г. Волгоград, Россия).

Information about the authors

Lyudmila E. Solyankina, Dr. Sci. (Psychology), chair of Economy and Labor Psychology, Institute of World Civilizations, Moscow, Russia.

Tatyana S. Timofeeva, senior lecturer, Psychology and Pedagogy chair, Volgograd State University, Volgograd, Russia.

Список литературы

1. Евтешина Н. В. Теоретико-методологические аспекты феномена профессиональной идентичности психологов в социальной психологии: структура и методы исследования // Психолого-педагогический поиск. 2014. № 1. С. 66–75.

2. Клейберг Ю. А. Неопределенность самоидентичности: девиантологический конструкт // Пензенский психологический вестник. 2015. № 1. С. 166–180.

3. Климов Е. А. Психология профессионального самоопределения. М. : Академия, 2004. 304 с.

4. Мамедов А. К., Якушина О. И. Теоретические подходы к пониманию идентичности в современной социологической науке // Вестник Московского университета. Сер. 18 : Социология и политология. 2015. № 1. С. 43–58.

5. Морозин В. Г. Психологическая концепция идентичности // Сибирский педагогический журнал. 2011. № 11. С. 233–253.
6. Озерина А. А. Исследование содержания профессиональной идентичности студентов бакалавриата // Известия ВГПУ. 2012. № 1. С. 115–119.
7. Павлова О. Н., Казин Ф. А., Бутаков Н. А. Профильность трудоустройства выпускников вузов: анализ данных социальных сетей // Университетское управление: практика и анализ. 2017. № 3 (109). С. 38–56.
8. Пряжников Н. С., Пряжникова Е. Ю. Психология труда. М. : Академия, 2009. 480 с.
9. Ролдыгина У. С. Психологические особенности профессиональной идентичности студентов // Психологическая наука и образование. 2007. Т. 12, № 4. С. 39–51.
10. Румянцева Т. В. Психологическое консультирование: диагностика отношений в паре. СПб. : Речь, 2006. 176 с.
11. Скрипкина Т. П. Доверие в социально-психологическом взаимодействии. Ростов н/Д. : ЮФУ, 2006. 326 с.
12. Солянкина Л. Е., Тимофеева Т. С. Формирование профессиональной идентичности психолога в условии неопределенности // Россия и мир: развитие цивилизаций. Трансформация политических ландшафтов за период 1999–2019 годы : материалы IX международной научно-практической конференции (Москва, 3–4 апреля 2019 г.) : в 2 ч. М. : Институт мировых цивилизаций, 2019. Ч. 2. С. 154–159.
13. Тимофеева Т. С. Профессиональная идентичность психолога как структурно-личностное новообразование // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия : Педагогика, психология. 2019. № 2 (37). С. 88–94.
14. Федотова М. Г. К содержанию понятия «транзитивное общество» // Вестник Вятского государственного университета. 2010. Т. 1, № 4. С. 28–31.
15. Шнейдер Л. В. Профессиональная идентичность. М. : МОСУ, 2001. 256 с.
16. Benuto L. T., Casas J., O'Donohue W. T. Training culturally competent psychologists: A systematic review of the training outcome literature // Training and Education in Professional Psychology. 2018. Vol. 12 (3). P. 125–134.
17. Frost J. C., Molinari V., Dobbs D., Edgar V. B., Jones K. S., Pietz C., Badana A. N. S. Who gets certified by the American Board of Professional Psychology and why: A diversity survey // Journal of clinical psychology. 2019. Vol. 75 (10). P. 1820–1837.
18. Hamilton N. Professional-Identity/Professional-Formation/Professionalism Learning Outcomes: What Can We Learn About Assessment from Medical Education // University of St. Thomas Law Journal. 2018. Vol. 14 (2). P. 357–411.
19. Olsen B., Buchanan R. Everyone wants you to do everything: investigating the professional identity development of teacher educators // Teacher Education Quarterly. 2017. Vol. 44 (1). P. 9–34.
20. Pratt M. G., Rockmann K. W., Kaufmann J. B. Constructing professional identity: The role of work and identity learning cycles in the customization of identity among medical residents // Academy of Management Journal. 2006. Vol. 49 (2). P. 235–262.
21. Super D. E. A life-span, life-space approach to career development // Journal of vocational behavior. 1980. Vol. 16 (3). P. 282–298.
22. Washburn J. J., Lilienfeld S. O., Rosen G. M., Gaudiano B. A., Davison G. C., Hollon S. D., et al. Reaffirming the scientific foundations of psychological practice: Recommendations of the Emory meeting on continuing education // Professional Psychology: Research and Practice. 2019. Vol. 50 (2). P. 77–86.

*Статья поступила в редакцию: 23.10.2019
Принята к публикации: 29.11.2019*

References

1. Evteshina NV. Teoretiko-metodologicheskie aspekty fenomena professional'noi identichnosti psikhologov v sotsial'noi psikhologii: struktura i metody issledovaniya [Theoretical and methodological aspects of the phenomenon of the professional identity of psychologists in social psychology: the structure and research methods]. *Psikhologo-pedagogicheskii poisk = Psycho-pedagogical bulletin*. 2014;1: 66–75. (In Russ.).
2. Kleiberg YuA. Neopredelennost' samoidentichnosti: deviantologicheskii konstrukt [The uncertainty of self-identification: a deviance-based construct]. *Penzenskii psikhologicheskii vestnik = Penza Psychological Bulletin*. 2015;1: 166–180. (In Russ.).
3. Klimov EA. *Psikhologiya professional'nogo samoopredeleniya [Psychology of professional self-determination]*. Moscow: Akademiya; 2004. 304 p. (In Russ.).
4. Mamedov AK, Yakushina OI. Teoreticheskie podkhody k ponimaniyu identichnosti v sovremennoi sotsiologicheskoi nauke [Theoretical approaches to identity in contemporary social science (review)]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 18 : Sotsiologiya i politologiya = Moscow State University Bulletin. Series 18: Sociology and political science*. 2015;1: 43–58. (In Russ.).
5. Morogin VG. Psikhologicheskaya kontseptsiya identichnosti [The psychological concept of the identity]. *Sibirskii pedagogicheskii zhurnal = The Siberian Pedagogical Journal*. 2011;11: 233–253. (In Russ.).
6. Ozerina AA. Issledovanie soderzhaniya professional'noi identichnosti studentov bakalavriata [The study into the substance of the professional identity of Bachelor's students]. *Izvestiya VGPU = Voronezh State Pedagogical University Bulletin*. 2012;1: 115–119. (In Russ.).
7. Pavlova ON, Kazin FA, Butakov NA. Profil'nost' trudoustroistva vypusknikov vuzov: analiz dannykh sotsial'nykh setei [Profile-relevant employability of university graduates: social network data analysis]. *Universitetskoe upravlenie: praktika i analiz = University Management: Practice and Analysis*. 2017;3(109): 38–56. (In Russ.).
8. Pryazhnikov NS, Pryazhnikova EYu. *Psikhologiya truda [Labor psychology]*. Moscow: Akademiya; 2009. 480 p. (In Russ.).
9. Roldygina US. Psikhologicheskie osobennosti professional'noi identichnosti studentov [The psychological characteristics of the students' professional identity]. *Psikhologicheskaya nauka i obrazovanie = Psychological Science and Education*. 2007;12(4): 39–51. (In Russ.).
10. Rumyantseva TV. *Psikhologicheskoe konsul'tirovanie: diagnostika ot-noshenii v pare [Psychological counseling: diagnostics of couple-relationships]*. Saint Petersburg: Rech; 2006. 176 p. (In Russ.).
11. Skripkina TP. *Doverie v sotsial'no-psikhologicheskom vzaimodeistvii [Trust in socio-psychological interaction]*. Rostov-on-Don: SFU; 2006. 326 p. (In Russ.).
12. Solyankina LE, Timofeeva TS. Formirovanie professional'noi identichnosti psikhologa v uslovii neopredelennosti [The formation of the professional identity of a psychologist under uncertainty]. In: *Rossiia i mir: razvitie tsivilizatsii. Transformatsiya politicheskikh landshaftov za period 1999–2019 gody [Russia and the world: the evolution of civilizations: the Transformation of political landscapes over the period of 1999–2019]: collected papers of 9-th International scientific and practical conference: in 2 vol.* Moscow: Institute of World Civilizations; 2019. Vol. 2. p. 154–159. (In Russ.).
13. Timofeeva TS. Professional'naya identichnost' psikhologa kak strukturno-lichnostnoe novoobrazovanie [The professional identity of a psychologist as a structural-personal neoformation]. *Vektor nauki Tol'yatinskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya : Pedagogika, psikhologiya = Science Vector of Togliatti state university Series: Pedagogy, psychology*. 2019;2(37): 88–94. (In Russ.).

14. Fedotova MG. K sodержaniyu ponyatiya «tranzitivnoe obshchestvo» [To the substance of the concept “transitive society”]. *Vestnik Vyatskogo gosudarstvennogo universiteta = The Bulletin of Vятka State University*. 2010;1(4): 28–31. (In Russ.).
15. Shneider LV. *Professional'naya identichnost' [The professional identity]*. Moscow: MOSU; 2001. 256 p. (In Russ.).
16. Benuto LT, Casas J, O'Donohue WT. Training culturally competent psychologists: A systematic review of the training outcome literature. *Training and Education in Professional Psychology*. 2018;12(3): 125–134.
17. Frost JC, Molinari V, Dobbs D, Edgar VB, Jones KS, Pietz C, et al. Who gets certified by the American Board of Professional Psychology and why: A diversity survey. *Journal of clinical psychology*. 2019;75(10): 1820–1837.
18. Hamilton N. Professional-Identity/Professional-Formation/Professionalism Learning Outcomes: What Can We Learn About Assessment from Medical Education. *University of St. Thomas Law Journal*. 2018;14(2): 357–411.
19. Olsen B, Buchanan R. Everyone wants you to do everything: investigating the professional identity development of teacher educators. *Teacher Education Quarterly*. 2017;44(1): 9–34.
20. Pratt MG, Rockmann KW, Kaufmann JB. Constructing professional identity: The role of work and identity learning cycles in the customization of identity among medical residents. *Academy of Management Journal*. 2006;49(2): 235–262.
21. Super DE. A life-span, life-space approach to career development. *Journal of vocational behavior*. 1980;16(3): 282–298.
22. Washburn JJ, Lilienfeld SO, Rosen GM, Gaudio BA, Davison GC, Hollon SD, et al. Reaffirming the scientific foundations of psychological practice: Recommendations of the Emory meeting on continuing education. *Professional Psychology: Research and Practice*. 2019;50(2): 77–86.

Submitted 23.10.2019

Accepted 29.11.2019

DOI: 10.35853/LAU.WS.2019.SP20
УДК 17:355.211

Типологические особенности нравственных отношений курсантов военных вузов

Денис В. Харченко,

Военный университет Министерства Обороны Российской Федерации,
г. Москва, Россия
ORCID: 0000-0003-1254-8877, e-mail: d_xarchenko@mail.ru

Валерий С. Агапов,

НОУ ВО «Российский новый университет»,
г. Москва, Россия
ORCID: 0000-0002-1999-7408, e-mail: agapov.vs@mail.ru

Наталья Н. Красноштанова,

Московский университет МВД России им. В. Я. Кикотя,
г. Москва, Россия
ORCID: 0000-0002-4367-8271, e-mail: krasnoshtanja_n@bk.ru

Аннотация. Нравственные отношения личности курсанта являются тем фундаментом, на котором зиждется готовность к выполнению служебно-боевых задач в любой обстановке, его высокая моральная и психологическая стойкость, а знание особенностей нравственных отношений личности курсанта будет способствовать выработке адекватных психолого-педагогических методов их формирования. В ходе эмпирического исследования использовались анкетирование, количественный и качественный методы обработки данных. Были выявлены особенности проявления нравственных отношений у курсантов 1-го курса, определены ведущие факторы: «Отношение к Родине и государству», «Воинская честь и нравственные убеждения», «Эмоциональные отношения», «Отношение к себе», «Отношения, характеризующие свободолобие» и «Коллективизм и войсковое товарищество». Установлено, что курсанты 1-го курса, в основном большинстве, патриотичны, преданы Родине, сознательно принимают на себя и следуют моральным обязательствам, связанным с прохождением военной службы, и верны им. В то же время при усложнении ситуации служебной деятельности курсанты могут проявить такие качества, как недисциплинированность, агрессивность, неисполнительность, импульсивность и жестокость. На основе полученных эмпирических данных выявлены типы нравственных отношений курсантов: «нравственно-деятельностный», «высоконравственный коллективист», «интеллектуально-деятельностный» и «бескорыстный дружелюбно-трудолюбивый», раскрыто их содержание и характерные черты, позволяющие определить основные направления социально-педагогического сопровождения на данном этапе.

Ключевые слова: нравственные отношения, курсанты, психологическая модель нравственных отношений, типология нравственных отношений личности курсантов.

Для цитирования: Харченко Д. В., Агапов В. С., Красноштанова Н. Н. Типологические особенности нравственных отношений курсантов военных вузов // Благополучие и безопасность в условиях социальных трансформаций : сб. науч. тр. X Междунар. симпозиума (г. Екатеринбург, 9–10 июля 2019 г.) / ред. Е. Б. Перельгина, О. Ю. Зотова, А. В. Дроздова, Л. В. Тарасова. – Екатеринбург : Гуманитарный университет, 2019. – С. 192–202. – ISBN 978-5-7741-0376-8. – DOI: 10.35853/LAU.WS.2019.SP20.

© Д. В. Харченко, В. С. Агапов,
Н. Н. Красноштанова, 2019

The Typological Characteristics of Moral Attitudes among the Trainees of Military Academies

Denis V. Kharchenko,

Military University of the Ministry of Defense of the Russian Federation,
Moscow, Russia

ORCID: 0000-0003-1254-8877, e-mail: d_xarchenko@mail.ru

Valery S. Agapov,

Russian New University, Moscow, Russia

ORCID: 0000-0002-1999-7408, e-mail: agapov.vs@mail.ru

Nataliya N. Krasnoshatanova,

Kikotya Moscow University of the Ministry of Internal Affairs
of the Russian Federation, Moscow, Russia

ORCID: 0000-0002-4367-8271, e-mail: krasnoshtanjva_n@bk.ru

Abstract. Moral attitudes of a cadet's personality are the very foundation on which a ready capacity to operate in any circumstances and moral and psychological resilience depend. Insights into the moral attitudes of the trainee's personality will contribute to designing adequate psychological and pedagogical methods of their formation. Among the research methods available, we chose a questionnaire, quantitative and qualitative methods of data processing. The authors revealed characteristics of moral attitudes in first-year cadets and these key factors: Attitudes to the motherland and the state; the Military's honor and Moral beliefs; Emotional attitudes; Attitudes towards the Self; Attitudes Characterizing Love of Freedom; Collectivism and Esprit de corps. The findings showed that most first-year trainees are patriotic, devoted to their native land, knowingly assume and follow moral responsibilities concerning their duty, and faithful to them. At the same time, in increasingly complex situations of the trainees' duty, they can exhibit aggression, indiscipline, impulsiveness, and cruelty. Based on the data, the authors indicated the following types of moral attitudes: the moral – activity-oriented, the highly moral collectivist, the intellectual-activity-oriented, and the unselfish-amicably-industrious types. The authors also disclosed the content and characteristics of these types, which allowed for establishing prospects for socio-pedagogical support.
Keywords: moral attitudes, cadets, psychological model of moral attitudes, typology of a cadet's personality moral attitudes.

For citation: Kharchenko DV, Agapov VS, Krasnoshatanova NN. The Typological Characteristics of Moral Attitudes among the Trainees of Military Academies. In: Pereyagina EB, Zotova OYu, Drozdova AV, Tarasova LV. (eds.) *Wellbeing and Security in the Face of Social Transformations: Collection of academic papers from the 10th International Symposium (Yekaterinburg, July 9–10, 2019)*. Yekaterinburg: Liberal Arts University – University for Humanities; 2019. p. 192–202. Available from: doi:10.35853/LAU.WS.2019.SP20.

Введение

Изучение психологических особенностей нравственных отношений курсантов военных вузов предполагает определение их сущности и структуры, выделение эмпирических критериев и показателей.

Анализ сущности исследуемого феномена проводился с позиций основных положений российской психологической науки, в которой понятие «нравственные отношения» и было впервые введено в научный тезаурус. Теоретической основой разработки психологической модели нравственных отношений курсантов являются концептуальные положения, сформулированные российскими учеными [12; 13] а также фундаментальные идеи концепций личности [8] и отношений [9], где отношение рассматривается как системообразующий компонент личности.

Кроме того, в основу данного исследования легли положения психологической теории о духовно-нравственном развитии личности [2; 6; 11; 14; 15].

Мы считаем, что нравственные отношения – это сложная система разноуровневых представлений личности о себе, других людях и об окружающем мире, основанная на оценочных суждениях, в основе которых лежат принятые личностью моральные ценности как «свои» (ценности семьи, любви, здоровья, дружбы и товарищества, веры в Бога, здорового образа жизни).

Разработанная на основе анализа трудов российских ученых [1; 4; 5; 7] психологическая модель нравственных отношений курсантов представляет собой систему, объединяющую когнитивный, эмоциональный, мотивационный, волевой и деятельностный компоненты.

На основе данной модели проведено эмпирическое исследование 70 курсантов одного из российских военных вузов.

Изучению подлежали источники внутренней активности курсанта, направленной на поиск средств самораскрытия, на выработку собственной стратегии жизни и взаимодействия с новой окружающей реальностью, на самоактуализацию и развитие своего Я в различных жизненных ситуациях служебной деятельности.

Методы исследования

В качестве исследовательского инструментария применялись методики многомерного исследования нравственности воина [10] и изучения отношений личности [3]. Данные методики позволили изучить следующие нравственные отношения курсантов: к воинским нравственным нормам, к воинскому коллективу, к начальникам и старшим, к подчиненным, к женщине, к семье и браку, к здоровому образу жизни, к культуре поведения в общественных местах, к Богу, к другим людям, к добру и злу, к труду, к препятствиям, к богатству (собственности), к Родине и государству, к себе, к свободоллюбию, а также интеллектуальные, волевые, эмоциональные отношения.

Эмпирическое исследование позволило выявить специфику нравственных отношений курсантов. Путем проведения факторного анализа данных, полученных в ходе эксперимента, были выделены типы нравственных отношений личности курсантов.

Результаты и обсуждение

Рассмотрим наиболее информативные результаты эмпирического исследования, характерные для изучаемой генеральной совокупности.

По фактору «Отношение к Родине и государству» (рисунок 1) были получены следующие данные (методика Е. В. Башкировой [3]). Высокий уровень нравственных отношений показали 37,3 % курсантов, средний – 51,0 %, а низкий уровень – 11,7 %.

Рассматривая данный фактор по составляющим его индикатам, отметим, что на 1-м курсе (начальный этап профессионализации) 63,6 % курсантов характеризуются высоким стремлением приносить пользу Отечеству. В своем большинстве (52,3 %) они патриотичны и способны при первой необходимости встать на защиту своей Родины и государства – 37,7 %. Низкие данные при этом были выявлены по вопросу любви и высокой оценки отечественной культуры – 15,6 %.

Курсанты показали, что уже на 1-м курсе им свойственны высокий самоконтроль и стремление к реализации общечеловеческих ценностей.

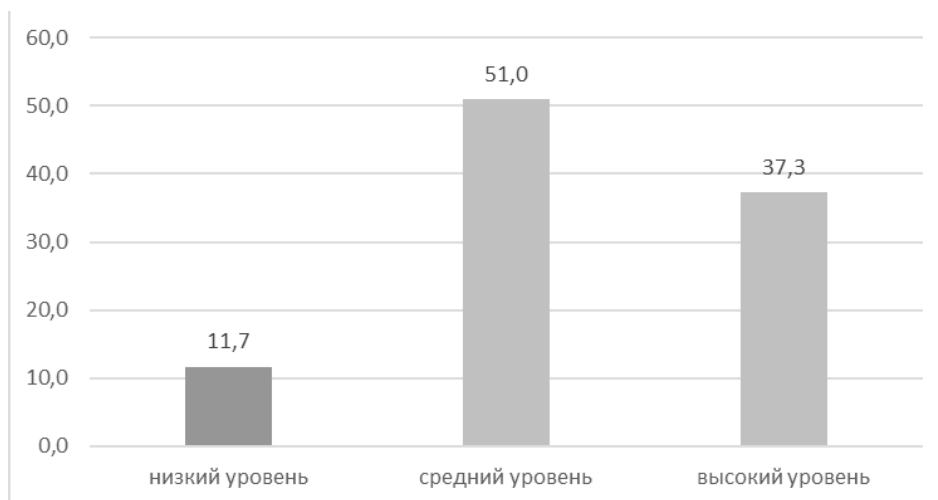

Рис. 1. Выраженность нравственных отношений курсантов по фактору «Отношение к Родине и государству» (в %)

Важным аспектом является то, что курсанты готовы сохранять верность принятой присяге до конца и при любых обстоятельствах.

Подтверждение этому выводу было получено по фактору «Воинская честь и нравственные убеждения» и по результатам анализа ответов курсантов (методика Я. В. Подоляка [10]).

Подавляющему большинству (65 %) курсантов свойственны следующие нравственные качества: честность, стремление к высоконравственному поведению, поступкам, соответствующим моральным убеждениям, стремление к повышению своей нравственной культуры, бережное отношение к своей репутации и сохранению честного имени, желание приносить пользу обществу, быть достойными уважения, совершать поступки в соответствии с принятыми обязательствами на благо Родины, соблюдать верность присяге (рис. 2).

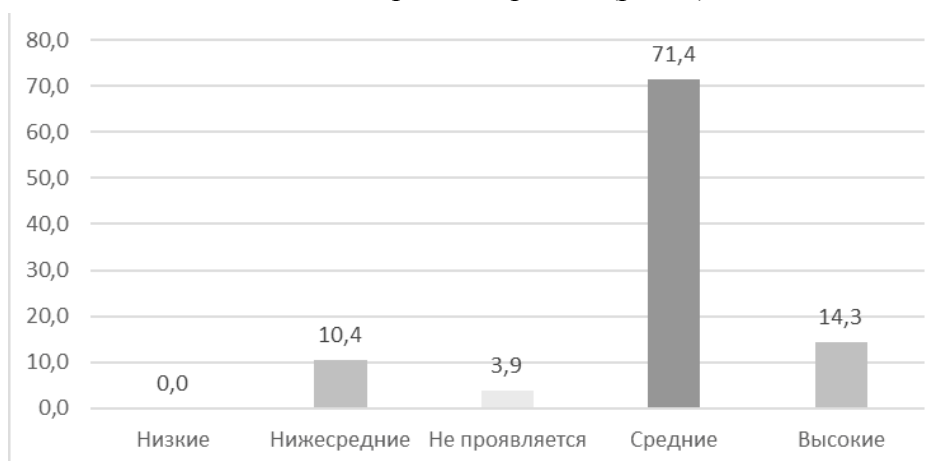

Рис. 2. Выраженность нравственных отношений курсантов по фактору «Воинская честь и нравственные убеждения» (в %)

Приведенные данные показывают, что курсанты, в основном большинство, патриотичны, преданы Родине, сознательно принимают на себя и следуют моральным обязательствам, связанным с прохождением военной службы, и верны им.

Волевые отношения курсантов отражены в таких их профессионально-важных качествах личности, как выдержанность, самоконтроль, дисциплинированность.

Важнейшим качеством, присущим военнослужащим, является дисциплинированность (58,1 %). Курсанты показали, что они надежные добросовестные, обязательные люди. Кроме того, они воздержанные – 42,9 % и хорошо владеющие собой. Высокие показатели самоконтроля у 49,4 % респондентов.

Показатели волевых отношений курсантов на 1-м курсе обучения свидетельствуют о том, что большей части курсантов необходимо повышать волю и самоконтроль.

Курсанты при усложнении ситуации служебной деятельности могут проявить такие качества, как недисциплинированность, агрессивность, неисполнительность, импульсивность и жестокость. Мы относим это к тому, что курсанты 1-го курса находятся еще на этапе адаптации, пока не приняли как норму требования и правила военной службы и знакомы с ними поверхностно. Поэтому первокурсники характеризуются часто как непредсказуемые, склонные к выполнению только того, что им на данный момент приятно и интересно. Они часто нетерпеливы и несдержанны, им сложно подчиняться требованиям военной службы, при этом склонны считать, что «цель оправдывает средства».

Исследования по фактору «Эмоциональные отношения» показали, что курсанты на 1-м курсе азартны (40,3 %) и невоздержанны (45,5 %). В то же время они оптимистично настроены на будущее (41,6 %) проявляют увлеченность (рис. 3).

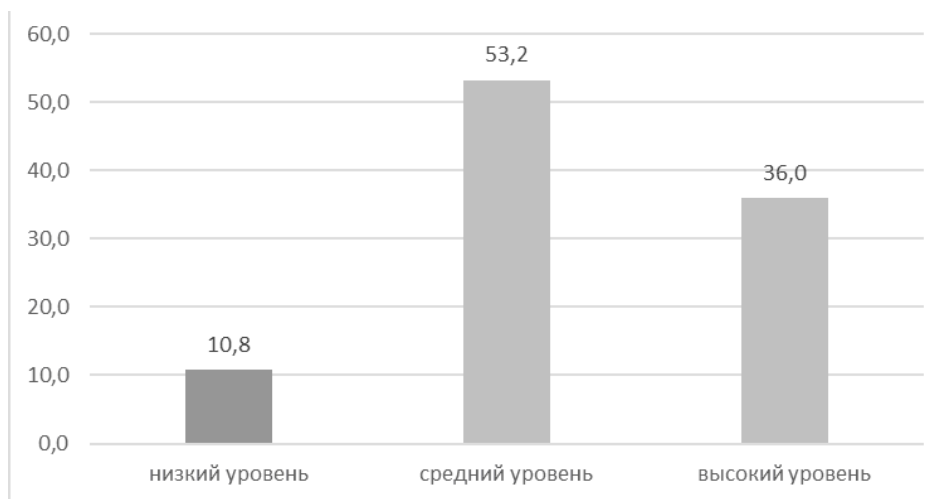

Рис. 3. Выраженность нравственных отношений курсантов по фактору «Эмоциональные отношения» (в %)

Курсанты постоянно ищут новых и острых ощущений и ожидают их от военной службы, особенно связанных с риском. Они достаточно впечатлительны – 33,8 %, в разговоре нередко возбуждаются и начинают активно жестикулировать, сопровождая свою речь. Для таких

людей характерно снижение эмоционального контроля и чувства ответственности.

По отношению к себе курсанты 1-го курса самобытны – 29,9 % (рис. 4). Они не похожи на большинство других и идут своим путем. Они исполнены собственного достоинства, самоуверенны, но при этом не высокомерны – 13,0 %.

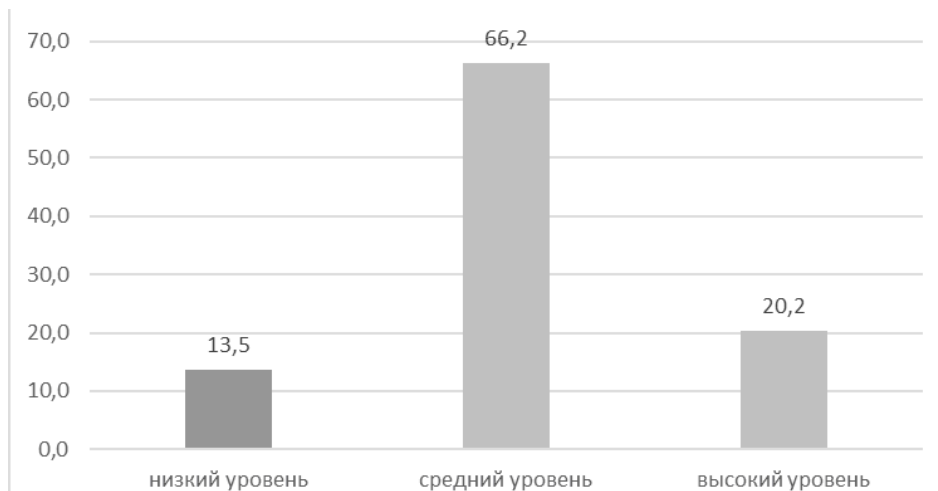

Рис. 4. Выраженность нравственных отношений курсантов по фактору «Отношение к себе» (в %)

Важной характеристикой первокурсников является гордость – 27,3 %, они считают себя лидерами и хотят быть в центре внимания в обществе и в семье. Ожидают только хорошего отношения к себе и считают себя достаточно значительными – 22,1 %. У них развито чувство самоуважения и самосознания, они считают себя уникальными и гениальными. В условиях военной службы формируется особое мировоззрение, поэтому молодым людям приходится переживать ломку своего самоотношения, разочарование в самих себе, и на фоне овладения новыми военно-профессиональными знаниями и умениями им приходится выработать и новую самооценку.

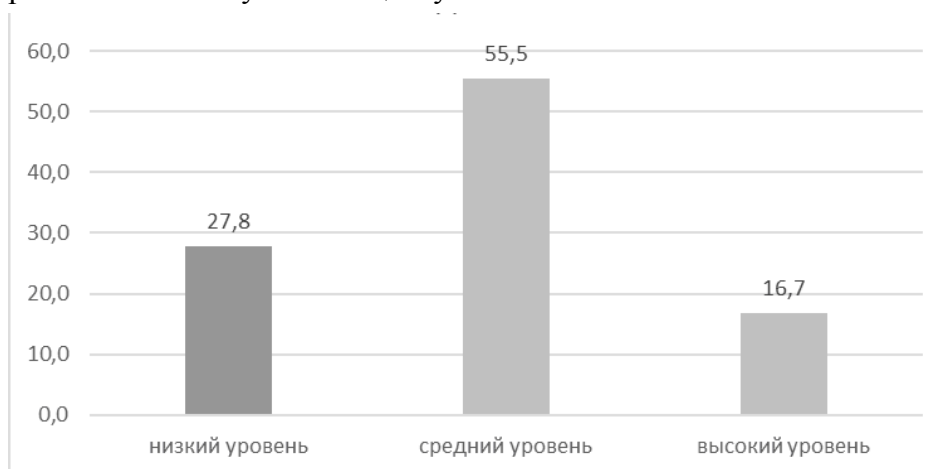

Рис. 5. Выраженность нравственных отношений курсантов по фактору «Отношения, характеризующие свободолобие» (в %)

Но, вместе с тем, 40,3 % курсантов готовы спокойно реагировать на вмешательство в их жизнь со стороны государства, готовы принимать опеку и наставления – 36,4 %. Как ни странно, курсанты-суеверные люди: 39,0 %, многие из них имеют при себе различные талисманы (рис. 5).

Кроме курсантов, стремящихся жить по-своему, в коллективе 22,1 % военнослужащих предпочитают жить как все, они зависимы в действиях и мыслях от других людей. У 19,5 % курсантов твердые убеждения еще не сформированы. Из этого следует, что курсанты готовы к тому, что их дальнейшая жизнь будет проходить под влиянием других людей, офицеров, которым государство делегировало соответствующие полномочия. Они стремятся не выделяться из общей массы и готовы поступиться личной свободой.

Кроме рассмотренных нравственных отношений курсантов, методика многомерного исследования нравственности воина Я. В. Подолька позволяет выявить нравственные отношения курсантов, которые проявляются только в военной среде [10].

Фактор «Коллективизм и войсковое товарищество» позволяет оценить коллективистскую мораль и верность товарищескому долгу курсантов (рис. 6).

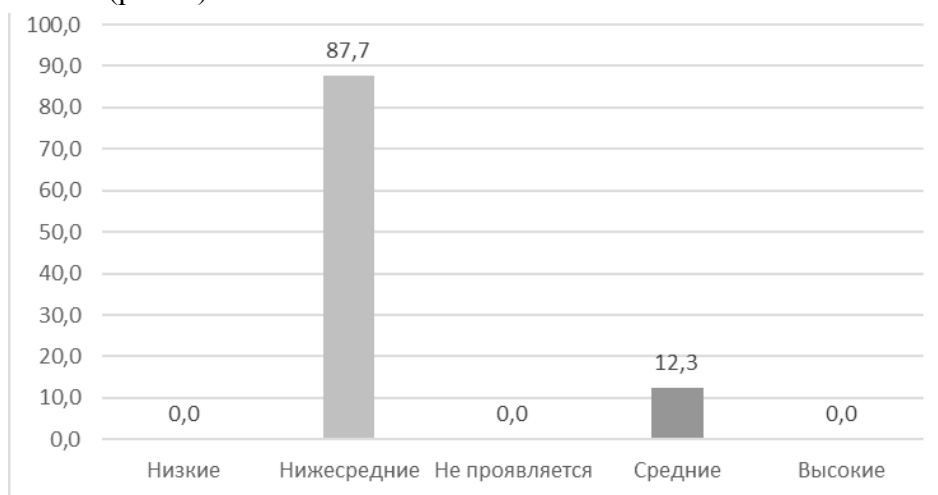

Рис. 6. Выраженность нравственных отношений курсантов по фактору «Коллективизм и войсковое товарищество» (в %)

Результаты, показанные курсантами 1-го курса, свидетельствуют о том, что воинский коллектив еще не сложился. Всего 12,3 % курсантов готовы ставить коллективные интересы выше личных и подчинять себя общественным требованиям, при этом 87,7 % курсантов показывают, что еще не готовы считаться с групповыми нормами

При этом требования к курсантам предъявляет курсовой офицер и начальник курса, которые организуют служебную деятельность по реализации этих требований на основе увлечения курсантов ближней, средней и дальней перспективами-целями. В это время в курсантском коллективе только еще начинают складываться традиции, которые помогают вырабатывать общие нормы поведения, развивают, улучшают коллективную жизнь. Поэтому курсанты 1-го курса могут проявлять эгоизм, нежелание считаться с групповым мнением, замкнутость. Кро-

ме того, в этот период происходит проверка курсантов на групповую совместимость, складываются определенные микрогруппы по интересам.

Типология нравственных отношений личности курсантов осуществлялась следующим образом.

Применение критерия осыпи Кэттеля и метода главных компонент при помощи варимакс-вращения с нормализацией Кайзера, которое сошло за 6 итераций, позволило выделить четыре действующих фактора, положенных в основу типологии нравственных отношений курсантов военных вузов.

В первый, самый выраженный, фактор вошли следующие переменные: отсутствие интереса к наркотикам и токсическим веществам (0,939), антиалкогольная устойчивость и трезвый образ жизни (0,933), любовь к семье и знание родительских функций (0,907), сексуальная чистота и целомудрие (0,889), доброжелательность и близость к подчиненным (0,880), добросовестность и трудолюбие (0,869), воинская честь и нравственные убеждения (0,823), культура поведения в общественных местах (0,762), благородство и уважение к женщине (0,729), гуманизм и человечность (0,662), уважение к начальникам и старшим (0,635), чувство интернационализма (0,578), отношение к добру и злу (-0,337).

В этом факторе сочетаются высокие нравственные черты с деятельностными в лучших их проявлениях с выраженными гуманистическими установками. Его можно охарактеризовать как **нравственно-деятельностный тип** нравственных отношений личности – высоко-нравственный гуманист, избегающий зла, благородный, способный отвечать добром на зло, миролюбец и интернационалист, не приемлющий наркотики и алкоголь, с положительными деятельностными установками.

Второй фактор включил в себя следующие переменные: культуру поведения в общественных местах (0,303), благородство и уважение к женщине (0,471), гуманизм и человечность (0,549), уважение к начальникам и старшим (0,527), коллективизм и войсковое товарищество (0,896), атеизм и научно-материалистическое миропонимание (0,850), самоконтроль и самодисциплину (0,814), чувство интернационализма (0,653), отношения, характеризующие свободолюбие (-0,325).

Этот тип нравственных отношений личности характеризуется ориентацией на воинский коллектив, атеизм, высокую нравственность, и при этом их носитель готов поступиться собственной свободой ради высших идеалов. Ему характерны твердые убеждения и высокий самоконтроль. Такой тип нравственных отношений личности можно обозначить как **высоконравственный коллективист**.

Третий тип вообрал в себя следующие переменные: отношение к Родине и государству (-0,555), волевые отношения (0,539), отношение к добру и злу (0,491), отношения к препятствиям (0,474), интеллектуальные отношения (0,471), эмоциональные отношения (-0,341), отношение к труду (-0,320), отношение к другим людям (-0,311).

Этот тип нравственных отношений личности можно охарактеризовать как **интеллектуально-деятельностный** с выраженными волевыми установками. Для него характерны: трудолюбие, старательность, расторопность в действиях, обязательность, дисциплинированность, воздержанность, ответственность и выраженная сила воли.

Четвертый фактор включает: отношение к богатству (собственности) (0,694), отношение к труду (0,642), отношение к себе (0,515), отношение к другим людям (0,435), отношения, характеризующие свободолюбие (-0,431).

Этот тип нравственных отношений личности можно обозначить как **бескорыстный дружелюбно-трудолюбивый**.

Для данного типа нравственных отношений личности курсантов применимы следующие характеристики: бескорыстный, не видящий цели жизни в наживе, в приобретении, зависимый в действиях и мыслях, стремящийся жить как все, не придающий значение личной свободе и спокойно реагирующий на вмешательство в его жизнь со стороны государства, при этом гордый, исполненный чувства собственного достоинства, достаточно значительный сам по себе, умелый, настойчивый в выборе способа действия, трудолюбивый, и в то же время альтруистичный, готовый бескорыстно действовать на пользу другим, не считаясь со своим личным интересом, стремящийся к совместной деятельности, гостеприимный.

Выводы

Таким образом, в ходе эмпирического исследования выявлены типы нравственных отношений курсантов: «нравственно-деятельностный», «высоконравственный коллективист», «интеллектуально-деятельностный» и «бескорыстный дружелюбно-трудолюбивый», раскрыто их содержание и характерные черты, позволяющие определить основные направления социально-педагогического сопровождения на данном этапе.

Информация об авторах

Денис Владимирович Харченко, адъюнкт, Федеральное государственное казенное военное образовательное учреждение высшего образования Военный университет Министерства Обороны Российской Федерации (г. Москва, Россия).

Валерий Сергеевич Агапов, доктор психологических наук, профессор, профессор кафедры общей психологии и психологии труда Российского нового университета (г. Москва, Россия).

Наталья Николаевна Красноштанова, кандидат педагогических наук, доцент кафедры юридической психологии Московского университета МВД России им. В. Я. Кикотя (г. Москва, Россия).

Information about the authors

Denis V. Kharchenko, adjunct, the Military University of the Ministry of Defense of the Russian Federation, Moscow, Russia.

Valery S. Agapov, Dr. Sci. (Psychology), professor, professor at General Psychology and Labour Psychology chair, Russian New University, Moscow, Russia.

Nataliya N. Krasnoshatanova, Cand. Sci. (Pedagogy), Ass. Prof. at Legal Psychology chair, Kikotya Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Moscow, Russia.

Список литературы

1. Абрамова Л. А. Психолого-педагогический аспект нравственных отношений // Право и практика. 2015. № 2. С. 122–129.
2. Выготский Л. С. Собрание сочинений : в 6 т. М. : Просвещение, 1982. Т. 1. 487 с.
3. Башкирова Е. Н. Диагностика отношений личности : дис. ... канд. психол. наук. М. : Моск. пед. гос. ун-т, 2003. 310 с.

4. Гончаров В. Н., Попова Н. А. Духовно-нравственные ценности в системе общественных отношений // *Фундаментальные исследования*. 2015. № 2-7. С. 1566–1569.
5. Иванова Г. П. Формирование нравственной культуры личности у обучающихся различных возрастных групп // *Акмеология*. 2015. № 4 (56). С. 243–248.
6. Зинченко В. П., Мещеряков Б. Г. Совокупная деятельность как генетически исходная единица развития // *Психологическая наука и образование*. 2000. № 2. С. 86–95.
7. Каташев И. А., Линьков В. В. Критерии нравственного развития // *Наука и школа*. 2016. № 2. С. 196–206.
8. Лазурский А. Ф., Франк С. Л. Программа исследования личности в ее отношениях к среде // *Избранные труды по общей психологии. К учению о психической активности. Программа исследования личности и другие работы*. СПб. : Алетей, 2001. 191 с.
9. Мясищев В. Н. Психология отношений. М. : Институт практической психологии, 1995. 356 с.
10. Подоляк Я. В. Личность и коллектив: психология военного управления. М. : Воениздат, 1989. 350 с.
11. Попов Л. М., Голубева О. Ю., Устин П. Н. Добро и зло в этической психологии личности. М. : Институт психологии РАН, 2008. 238 с.
12. Рубинштейн С. Л. Человек и мир. М. : Наука, 1997. 191 с.
13. Слободчиков В. И., Исаев Е. И. Психология человека: Введение в психологию субъективности. М. : Школа-Пресс, 1995. 384 с.
14. Фельдштейн Д. И. Проблемы возрастной и педагогической психологии : избранные психологические труды. М. : Институт практической психологии, 1996. 368 с.
15. Шакуров Р. Х. Социально-психологические основы управления: руководитель и педагогический коллектив. М. : Просвещение, 1990. 206 с.

Статья поступила в редакцию: 03.11.2019

Принята к публикации: 03.12.2019

References

1. Abramova LA. Psikhologo-pedagogicheskii aspekt npravstvennykh otnoshenii [Psycho-pedagogical aspect of the moral relations]. *Pravo i praktika = Law and Practice*. 2015;2: 122–129. (In Russ.).
2. Vygotsky LS. *Sobranie sochinenii: v 6 t. [The collected works: in 6 vol.]*. Moscow: Prosvetshenie; 1982. Vol. 1. 487 p. (In Russ.).
3. Bashkirova EN. *Diagnostika otnoshenii lichnosti [The diagnostics of personality relations]*. Moscow: Publ. House of Moscow State Pedagogical University; 2003. 310 p. (In Russ.).
4. Goncharov VN, Popova NA. Dukhovno-npravstvennye tsennosti v sisteme obshchestvennykh otnoshenii [Spiritual and moral values in system of the public relations]. *Fundamental'nye issledovaniya = Fundamental Research*. 2015;2-7: 1566–1569. (In Russ.).
5. Ivanova GP. Formirovanie npravstvennoi kul'tury lichnosti u obuchayushchikhsya razlichnykh vozrastnykh grupp [The formation of moral culture in students of different age groups]. *Akmeologiya = Acmeology*. 2015;4(56): 243–248. (In Russ.).
6. Zinchenko VP, Mescheryakov BG. Sovokupnaya deyatel'nost' kak geneticheski iskhodnaya edinitsa razvitiya [The cumulative activity as an original genetic development unit]. *Psikhologicheskaya nauka i obrazovanie = Psychological Science and Education*. 2000;2: 86–95. (In Russ.).
7. Katashev IA, Lin'kov VV. Kriterii npravstvennogo razvitiya [Criteria of moral development]. *Nauka i shkola = Science and school*. 2016;2: 196–206. (In Russ.).

8. Lazursky AF, Frank SL. Programma issledovaniya lichnosti v ee otnosheniyakh k srede [The program of research on personality in its attitudes to the environment]. In: *Izbrannye trudy po obshchei psikhologii. K ucheniyu o psikhicheskoi aktivnosti. Programma issledovaniya lichnosti i drugie raboty* [Selected works on General Psychology. To the teaching about mental activity. The program of personality research and other works]. Saint Petersburg: Ale-teiya; 2001. 191 p. (In Russ.).

9. Myasishev VN. *Psikhologiya otnoshenii* [Psychology of relationships]. Moscow: Publ. House of Institute of Practical Psychology; 1995. 356 p. (In Russ.).

10. Podolyak YaV. *Lichnost' i kollektiv: psikhologiya voennogo upravleniya* [Personality and the collective: psychology of military management]. Moscow: Voenizdat; 1989. 350 p. (In Russ.).

11. Popov LM, Golubeva OYu, Ustin PN. *Dobro i zlo v eticheskoi psikhologii lichnosti* [Good and evil in ethic psychology of personality]. Moscow: The RAS Institute of Psychology; 2008. 238 p. (In Russ.).

12. Rubinshtein SL. *Chelovek i mir* [Man and the world]. Moscow: Nauka; 1997. 191 p. (In Russ.).

13. Slobodchikov VI, Isaev EI. *Psikhologiya cheloveka: Vvedenie v psikhologiyu sub"ektivnosti* [Human psychology: an introduction to psychology of subjectivity]. Moscow: Shkola-Press; 1995. 384 p. (In Russ.).

14. Fel'dshtein DI. *Problemy vozrastnoi i pedagogicheskoi psikhologii: izbrannye psikhologicheskie trudy* [The problems of developmental and pedagogical psychology: selected psychological works]. Moscow: Publ. House of Institute of Practical Psychology; 1996. 368 p. (In Russ.).

15. Shakurov RKh. *Sotsial'no-psikhologicheskie osnovy upravleniya: rukovoditel' i pedagogicheskii kollektiv* [Socio-psychological basics of management: a leader and the teaching staff]. Moscow: Prosveschenie; 1990. 206 p. (In Russ.).

Submitted 03.11.2019

Accepted 03.12.2019

DOI: 10.35853/LAU.WS.2019.SP21
УДК 159.9

Личностные особенности людей, склонных к интернет-аддикции

Карина В. Шакура¹,

ORCID: 0000-0003-3904-9277, e-mail: miss.bataeva@bk.ru

Анна В. Гизуллина²,

ORCID: 0000-0001-9731-9613, e-mail: gizullina@yandex.ru

^{1,2} Уральский федеральный университет им. первого Президента России
Б. Н. Ельцина, г. Екатеринбург, Россия

Аннотация. В связи с быстрым развитием интернет-технологий и ростом тенденции интернет-аддикции среди молодежи актуальным является вопрос исследования личностных конструктов, которые могут являться детерминантой формирования данного вида аддикции. Данная проблема и определила цель исследования – изучение характера связи склонности к интернет-аддикции у молодых людей с разными типами акцентуации характера и копинг-стратегиями. Исследование было проведено на выборке из 102 человек в возрасте от 20 до 27 лет с помощью психодиагностических методик: «Методика изучения акцентуаций личности К. Леонгарда», Опросник «Способы совладающего поведения Лазаруса», «Шкала интернет-зависимости». Для статистической обработки данных использовался коэффициент корреляции Спирмена, ранговый критерий Краскала–Уоллиса. Описаны результаты пилотного исследования, согласно которым наиболее ярко выражена склонность к интернет-аддикции у людей с такими типами акцентуаций, как демонстративный, экзальтированный, эмотивный, циклотимный и педантичный. В ходе исследования были обнаружены наиболее предпочитаемые стратегии копинг-поведения среди молодых людей, склонных к интернет-зависимости: дистанцирование, поиск социальной поддержки, бегство-избегание, положительная переоценка. Также были диагностированы специфические симптомы зависимости, среди которых: толерантность, симптом отмены, компульсивность, способность управлять собственным временем и наличие внутриличностных проблем. Полученные результаты могут быть использованы при оказании профилактической помощи людям, имеющим склонность к данному виду аддикции в целях снижения риска ее развития.

Ключевые слова: интернет-аддикция, акцентуация характера, копинг-стратегия, молодые люди, профилактика.

Для цитирования: Шакура К. В., Гизуллина А. В. Личностные особенности людей, склонных к интернет-аддикции // Благополучие и безопасность в условиях социальных трансформаций : сб. науч. тр. X Междунар. симпозиума (г. Екатеринбург, 9–10 июля 2019 г.) / ред. Е. Б. Перельгина, О. Ю. Зотова, А. В. Дроздова, Л. В. Тарасова. – Екатеринбург : Гуманитарный университет, 2019. – С. 203–210. – ISBN 978-5-7741-0376-8. – DOI: 10.35853/LAU.WS.2019.SP21.

Personal Features of People Prone to Internet Addiction

Karina V. Shakura¹,

ORCID: 0000-0003-3904-9277, e-mail: miss.bataeva@bk.ru

Anna V. Gizullina²,

ORCID: 0000-0001-9731-9613, e-mail: gizullina@yandex.ru

^{1,2}Ural Federal University after the First Russian President B. N. Eltsin,
Yekaterinburg, Russia

Abstract. With the rapid spread of Internet technologies and growing Internet addiction among youth, it is relevant to study personality constructs that can be a determinant of this disorder. This problem set the objective of our study – to examine the linkage between proneness to Internet addiction in young people with different types of character accentuation and coping strategies. The sample of 102 respondents aged 20–27 responded to the following psychological measures: the K. Leonhard's Accentuation of Character Classification, the Folkman & Lazarus Ways of Coping Questionnaire, Internet Addiction scale. The Spearman rank correlation coefficient and the Kruskal & Wallis produced the data processing. According to the results of the pilot study, people with such types of accentuations as demonstrative, affective-exalted, emotive, cyclothymic, and pedantic types, are more prone to Internet-addiction. Among coping strategies preferred by young people were distancing, seeking social support, escape-avoidance, a positive reappraisal. The authors also diagnosed specific symptoms of addiction; tolerance, compulsiveness, poor time management ability, intrapersonal problems. The results obtained can be used for providing preventive assistance to people who are at risk of Internet addiction.

Keywords: internet addiction, accentuation of character, coping strategies, youth, preventive activities.

For citation: Shakura KV, Gizullina AV. Personal Features of People Prone to Internet Addiction. In: Perelygina EB, Zotova OYu, Drozdova AV, Tarasova LV. (eds.) *Wellbeing and Security in the Face of Social Transformations: Collection of academic papers from the 10th International Symposium (Yekaterinburg, July 9–10, 2019)*. Yekaterinburg: Liberal Arts University – University for Humanities; 2019. p. 203–210. Available from: doi:10.35853/LAU.WS.2019.SP21.

Введение

Интернет-технологии представляют собой одну из наиболее динамично развивающихся сфер человеческой деятельности и широко используются в современном обществе непосредственно как в профессиональной, производственной, учебной деятельности, так и в сфере досуга и развлечений. Сетевые ресурсы также предоставляют человеку неограниченное количество возможностей по-новому реализовать имеющиеся потребности и получить нужную информацию. Широкое использование интернет-технологий и их непрерывное развитие обуславливают устойчивую популярность информационных технологий в молодежной среде, которые, в свою очередь, имеют как позитивные, так и негативные последствия. Так, чрезмерное увлечение Интернетом часто приводит к различного рода социальным или психологическим проблемам, в частности к интернет-аддикции [11]. Данный вид зависимости влечет за собой разрушительные и негативные последствия для личности [7; 12]. В связи с этим большой интерес представляют личностные конструкты, которые при особом проявлении могут выступать детерминантой формирования интернет-аддикции. К таким личностным конструктам можно отнести акцентуации характера и копинг-стратегии, которые определяют устойчивое поведение человека [3; 10].

Большинство авторов солидарны во мнении относительно того, что существует зависимый тип личности и, соответственно, люди, относящиеся к этому типу, попадают в зону риска. Иными словами, человек, склонный к зависимости, находит деятельность, которая и становится объектом зависимости. К такой зоне риска могут быть отнесены акцентуированные личности [11].

Несмотря на то что интернет-аддикция до сих пор не признана самостоятельным заболеванием, проблема такого рода зависимости является актуальной, на что указывает то обстоятельство, что в последние годы интернет-аддикция стала предметом серьезных исследований. Так, проблема интернет зависимости в том или ином аспекте разрабатывалась многими отечественными (А. В. Петровский, Р. Л. Кричевский, М. Ю. Кондратьева, Т. С. Спиркина, А. Жичкина и многие другие) и зарубежными (К. Янг, И. Голдберга, М. Гриффит и другие) учеными, однако некоторые аспекты проблематики данного феномена до сих пор не до конца изучены, в том числе и связь типа акцентуации характера, а также предпочитаемой копинг-стратегии с уровнем склонности к интернет-аддикции [1; 4; 8; 9; 11].

Необходимость выявления личностных конструктов, которые при особом проявлении могут выступать детерминантой формирования аддиктивного поведения, теоретическая и практическая значимость, а также недостаточная степень исследованности этой проблемы в теории и практике психологии обусловили выбор исследования данного проблемного аспекта.

Методы исследования

Целью исследования является изучение характера связи склонности к интернет-аддикции у молодых людей с разными типами акцентуации характера и копинг-стратегиями.

Основываясь на имеющейся цели, были поставлены следующие задачи исследования:

1. Определить уровни интернет-аддикции молодых людей.
2. Определить типы акцентуаций характера у молодых людей, склонных к интернет-зависимости.
3. Выявить используемые копинг-стратегии молодыми людьми со склонностью к интернет-зависимости.
4. Выявить взаимосвязь между склонностью к интернет-аддикции у молодых людей и разными типами акцентуации характера и копинг-стратегиями, а также выявить различия в характере связи аддиктивной склонности и различных типов акцентуаций характера и копинг-стратегий.

Для выполнения задач были использованы психодиагностические методы и методы математической статистики.

Психодиагностические методики, применяемые в исследовании: «Методика изучения акцентуаций личности К. Леонгарда» [5], Опросник «Способы совладающего поведения Лазаруса» [2], «Шкала интернет-зависимости (С. Чен)» [6]. Для статистической обработки данных использовался коэффициент корреляции Спирмена, ранговый критерий Краскала–Уоллиса. На начальном этапе в исследовании принимали участие студенты БелГУ и БГТУ им. В. Г. Шухова в количестве 102 че-

ловек (возраст от 20 до 27). Во втором этапе исследования принимало участие 46 респондентов, имеющие склонность к интернет-аддикции.

Результаты и обсуждение

Для решения первой задачи – выявления уровня интернет-аддикции у молодых людей была использована шкала «Интернет-зависимости С. Чена». Анализ данных показал, что 51 респондент (50 %) от общей выборки, не имеет интернет-аддикции. Это свидетельствует о том, что эти молодые люди вполне способны ограничивать свое время проведения в Интернете. Имеют склонность к интернет-зависимости 46 испытуемых (45 %) и зависимыми являются 5 лиц (5 %).

С помощью полученных данных испытуемые были разделены на группы по уровню интернет-аддикции. В результате были выделены 3 группы испытуемых:

- первая группа – интернет-независимые;
- вторая – склонные к интернет-зависимости;
- третья – интернет-зависимые.

В дальнейшем диагностическом исследовании участие принимала вторая группа в количестве 46 респондентов.

Также параллельно с помощью данного опросника были диагностированы специфические симптомы зависимости у респондентов второй группы, среди которых: толерантность, симптом отмены, компульсивность, способность управлять собственным временем и наличие внутриличностных проблем. Результаты представлены в таблице.

Таблица
Данные исследования симптомов интернет-зависимости

Шкалы	Нормативные значения	Средние значения	Стандартное отклонение
Шкала компульсивных синдромов	7,5	11,1	2
Шкала симптомов отмены	7,8	11,8	2,5
Шкала толерантности	6,5	9,7	1,9
Шкала внутриличностных проблем и проблем, связанных со здоровьем	8,8	12,4	4

На основе полученных результатов можно сделать вывод о том, что показатели всех шкал находятся в коридоре высоких оценок, что может служить констатацией наличия интернет-зависимого поведения. Кроме того, полученные данные свидетельствуют о том, что лица с интернет-аддикцией не могут преодолеть свое желание войти в Интернет, испытывают чувство дискомфорта при необходимости выйти из Интернета на определенный период времени. Респонденты периодически или постоянно испытывают физические, социальные, профессиональные или психологические проблемы, которые вызваны чрезмерным использованием Интернета. Также постепенно увеличивается количество времени проведения в Интернете испытуемыми, чтобы достичь удовлетворения, что сопровождается невозможностью контроля.

Согласно результатам диагностики акцентуаций характера, в равной степени доминируют 2 типа акцентуаций характера у молодых людей, склонных к интернет-аддикции, а именно гипертимный и эмотивный типы (18 % – 9 человек). Также одинаковое процентное выражение имеют такие типы акцентуации, как аффективно-экзальтированный и циклотимный (14 % – 7 человек). У 12 % (6 респондентов) выражен демонстративный тип акцентуации. Застревающий тип акцентуации выражен у 10 % респондентов (5 человек). И всего лишь 8 % (4 испытуемых) имеют педантичный и 6 % (3 испытуемых) тревожно-боязливый типы акцентуации.

Для решения такой задачи, как выявление предпочитаемых копинг-стратегий у респондентов второй группы, был использован опросник «Способы совладающего поведения Лазаруса». Анализ данных показал, что чаще всего молодые люди прибегают к такому копинг-поведению, как планирование решения проблемы (14 %). Вместе с тем также доминирует показатель по шкале «самоконтроль» (13 %). Такая копинг-стратегия, как конфронтация, согласно результатам исследования, предпочитается менее часто (9 %). То же самое можно сказать о дистанцировании (7 %) и принятии ответственности (7 %). Равные показатели наблюдаются в группе испытуемых по следующим шкалам: поиск социальной поддержки (12 %), положительная переоценка (12 %), бегство-избегание (11 %).

С помощью коэффициента корреляции Спирмена были обнаружены положительные связи между следующими показателями: склонность к интернет-аддикции – аффективно-экзальтированный тип, склонность к интернет-аддикции – демонстративный тип, склонность к интернет-аддикции – педантичный тип, склонность к интернет-аддикции – эмотивный тип, склонность к интернет-аддикции – циклотимный тип, склонность к интернет-аддикции – компульсивные симптомы, склонность к интернет-аддикции – симптомы отмены, компульсивные симптомы – аффективно-экзальтированный тип, компульсивные симптомы – демонстративный тип, компульсивные симптомы – эмотивный тип, компульсивные симптомы – циклотимный тип, симптомы отмены – эмотивный тип, симптомы отмены – циклотимный тип, симптомы отмены – демонстративный тип. Данные взаимосвязи могут быть объяснены следующим образом.

Связь между склонностью к интернет-аддикции и аффективно-экзальтированным типом акцентуации можно объяснить тем, что обладатели данного типа находят в Интернете огромное количество впечатляющей их информации, что способствует стимуляции чувств и облегчает поиск новизны.

Следующим образом можно интерпретировать связь между склонностью к интернет-зависимости и демонстративным типом акцентуации. В Интернете такие люди могут наиболее полно реализовать свою потребность в признании и общении. Также интернет-пространство, благодаря анонимности, позволяет им реализовать одну из особенностей их поведения, а именно самовосхваление и рассказы о себе и о событиях, в которых они непосредственно занимали центральное место. Существует множество социальных сетей, форумов, чатов, где демонстративная личность может приукрашать свою реальность так, как

ей хочется, тем самым создавая свое виртуальное «Я», которое может значительно отличаться от настоящего.

Молодые люди с педантичным типом акцентуации с помощью Интернета имеют возможность отвлечься от травмирующих событий и долгого переживания обид.

Эмотивные личности, имеющие склонность к интернет-зависимости, часто предпочитают общение в сети Интернет с узким кругом лиц, с которыми они устанавливают тесные отношения. Таким образом, благодаря Интернету они реализуют поиск поддержки, что приводит к тому, что в интернет-пространстве они ощущают себя намного комфортнее, чем в реальной жизни.

У молодых людей с выраженным циклотимным характером склонность к аддиктивному поведению проявляется в период повышенной активности и хорошего настроения. В период такого подъема у них ярко выражены желание иметь друзей и потребность в общении, которые они легко могут реализовать с помощью сети Интернет. Кроме того, у них наблюдается зависимость от внешних событий, которую также удовлетворяет Интернет, предоставляя массу впечатляющей информации.

У респондентов наблюдаются компульсивные симптомы, выражающиеся в невозможности преодолеть желание войти в Интернет, и симптомы отмены, заключающиеся в чувстве дискомфорта, если человеку приходится не пользоваться Интернетом определенное время. Так, компульсивные симптомы характерны для людей со следующими типами акцентуаций: аффективно-экзальтированным, демонстративным, эмотивным и циклотимным. Симптомы отмены проявляются у эмотивных, циклотимных и демонстративных личностей.

Также был применен корреляционный анализ для обнаружения связей между показателями интернет-зависимости и стратегиями копинг-поведения. В результате корреляционного анализа связь была обнаружена между следующими показателями: склонность к интернет-аддикции – дистанцирование, склонность к интернет-аддикции – поиск социальной поддержки, склонность к интернет-аддикции – бегство-избегание, склонность к интернет-аддикции – положительная переоценка.

Полученные данные свидетельствуют о том, что у молодых людей, имеющих склонность к интернет-зависимости, преобладает тенденция к неблагоприятным копинг-стратегиям. Такая стратегия, как дистанцирование, подразумевает способы преодоления трудностей за счет обесценения собственных переживаний и, как следствие, снижение субъективной значимости трудноразрешимых ситуаций. Другая предпочитаемая копинг-стратегия – это поиск социальной поддержки, которая заключается в попытках разрешения проблемы с помощью привлечения внешних ресурсов, в данном случае аддиктивного агента. Следующая стратегия – бегство-избегание – заключается в отрицании и полном игнорировании проблемы, уходе от ответственности и действий, способствующих разрешению ситуации. И последняя стратегия – положительная переоценка, которая подразумевает положительное переосмысление проблемной ситуации без действительного ее разрешения.

Выявленные статистически значимые связи между склонностью к интернет-аддикции и типами акцентуации, копинг-стратегий были проверены нами с помощью рангового критерия Краскела–Уоллиса. Статистический анализ не выявил различий в выраженности уровня интернет-зависимости у молодых людей с различными типами акцентуации и копинг-стратегиями ($H = 0,314; p > 0,05$).

Заключение

Таким образом, можно говорить о том, что акцентуации характера могут выступать в роли внутренних причин и условий, которые обуславливают развитие интернет-аддикции. Склонным к интернет-зависимости пользователям присущи эмоциональная нестабильность, импульсивность, зависимость от внешних событий, потребность во внимании окружающих, тревожность и низкий самоконтроль. В качестве совладающего поведения пользователи, склонные к интернет-зависимости, применяют такие копинг-стратегии, как дистанцирование, поиск социальной поддержки, бегство-избегание.

Информация об авторах

Карина Вадимовна Шакура, студент-специалист 6-го года обучения направления «Клиническая психология» департамента психологии Гуманитарного университета, Уральского федерального университета им. первого Президента России Б. Н. Ельцина (г. Екатеринбург, Россия).

Анна Владимировна Гизуллина, старший преподаватель кафедры клинической психологии и психофизиологии Уральского федерального университета им. первого Президента России Б. Н. Ельцина (г. Екатеринбург, Россия).

Information about the authors

Karina V. Shakura, fifth-year Clinical Psychology student of Psychology Department of the Ural Federal University after the First Russian President B. N. Eltsin, Yekaterinburg, Russia.

Anna V. Gizullina, Cand. Sci. (Psychology), associate professor at Clinical Psychology and Psychophysiology chair, the Ural Federal University after the First Russian President B. N. Eltsin, Yekaterinburg, Russia.

Список литературы

1. Бердин Р. Д. Исследование доминирующих копинг-стратегий у подростков с виртуальной аддикцией // *Paradigmata poznani*. 2015. № 1. С. 119–120.
2. Битюцкая Е. В. Опросник способов копинга. М. : ИИУ МГОУ, 2015. 80 с.
3. Егоров А. Ю. Нехимические (поведенческие) аддикции // *Аддиктология*. 2005. № 1. С. 65–77.
4. Короленко Ц. П. Аддиктивное поведение. Общая характеристика и закономерности развития // *Обозрение психиатрии и медицинской психологии*. 1991. № 39. С. 8–15.
5. Леонгард К. Акцентуированные личности. Ростов н/Д. : Феникс, 2000. 316 с.
6. Малыгин В. Л., Феклисов К. А., Искандирова А. С., Антоненко А. А., Смирнова Е. А., Хомерики Н. С. Интернет-зависимое поведение. Критерии и методы диагностики. М. : МГМСУ, 2011. 32 с.
7. Муртазина Р. Р. Психология и лечение зависимого поведения. М. : Класс, 2000. 240 с.
8. Рассказова Е. И., Гордеева Т. О. Копинг-стратегии в психологии стресса: подходы, методы и перспективы исследований // *Психологические исследования*. 2013. № 1. С. 82–118.

9. Шагивалеева Г. Р., Борисова О. В., Игнатьева А. А. Взаимосвязь акцентуаций характера и интернет-зависимого поведения у подростков // *Международный журнал экспериментального образования*. 2014. № 6. С. 75–75.
10. Юрьева Л. Н., Больбот Т. Ю. Компьютерная зависимость: формирование, диагностика, коррекция и профилактика. Днепропетровск : Пороги, 2006. 108 с.
11. Янг К. С. Диагноз – интернет-зависимость // *Мир Интернет*. 2000. № 2. С. 24–29.
12. Egger O. Internet Behavior and Addiction // *Journal of Personality and Social Psychology*. 1996. Vol. 68. P. 653–663.

Статья поступила в редакцию: 20.10.2019
Принята к публикации: 30.11.2019

References

1. Berdin RD. Issledovanie dominiruyushchikh koping-strategii u podrostkov s virtual'noi addiktsiei [The study of the dominant coping strategies in adolescents with virtual addiction]. *Paradigmata poznani = Paradigms of knowledge*. 2015;1: 119–120. (In Russ.).
2. Bityutskaya EV. *Oprosnik sposobov kopinga [The Coping Ways Questionnaire]*. Moscow: Information and Publishing Department of Moscow State Regional University; 2015. 80 p. (In Russ.).
3. Egorov AYU. Nekhimicheskie (povedencheskie) addiktsii [Non-chemical (behavior-based) addictions]. *Addiktologiya = Addiction Studies*. 2005;1: 65–77. (In Russ.).
4. Korolenko TsP. Additivnoe povedenie. Obshchaya kharakteristika i zakonornosti razvitiya [Addictive behavior. The general characteristics and the development regularities]. *Obozrenie psikhiiatrii i meditsinskoj psikhologii = Psychiatry and Medical Psychology Review*. 1991;39: 8–15. (In Russ.).
5. Leonhard K. *Aktsentuirovannye lichnosti [Accentuated personalities]*. Rostov-on-Don: Phoenix; 2000. 316 p. (In Russ.).
6. Malygin VL, Feklisov KA, Iskandirova AS, Antonenko AA, Smirnova EA, Khomeriki NS. *Internet-zavisimoe povedenie. Kriterii i metody diagnostiki [Internet-addictive behavior. The criteria and diagnostic methods]*. Moscow: MGMSU; 2011. 32 p. (In Russ.).
7. Murtazina PP. *Psikhologiya i lechenie zavisimogo povedeniya [Psychology and treatment of addiction behavior]*. Moscow: Klass; 2000. 240 p. (In Russ.).
8. Rasskazova EI, Gordeeva TO. Koping-strategii v psikhologii stressa: podkhody, metody i perspektivy issledovaniya [Coping in stress psychology: approaches, methods, and research prospects]. *Psikhologicheskie issledovaniya = Psychological research*. 2013;1: 82–118. (In Russ.).
9. Shagivaleeva GR, Borisova OV, Ignatieva AA. Vzaimosvyaz' aktsentuatsii kharaktera i Internet-zavisimogo povedeniya u podrostkov [The linkage between character accentuations and Internet-addiction behavior in adolescents]. *Mezhdunarodnyi zhurnal eksperimental'nogo obrazovaniya = International journal of experimental education*. 2014;6: 75–75. (In Russ.).
10. Yurieva LN, Bol'bot TYu. *Komp'yuternaya zavisimost': formirovanie, diagnostika, korrektsiya i profilaktika [Computer addiction: the formation, diagnosis, intervention and prevention]*. Dnepropetrovsk: Porogi; 2006. 108 p. (In Russ.).
11. Young K. Diagnost – internet-zavisimost' [The diagnose – Internet addiction]. *Mir Internet = The world of Internet*. 2000;2: 24–29. (In Russ.).
12. Egger O. Internet Behavior and Addiction. *Journal of Personality and Social Psychology*. 1996;68: 653–663.

Submitted 20.10.2019
Accepted 30.11.2019

Междисциплинарная секция

Multidisciplinary section

DOI: 10.35853/LAU.WS.2019.MD01
УДК 328.185:[614.8+331.108.26]

Антикоррупционная компетентность государственных гражданских служащих как условие кадровой безопасности организации

Сергей В. Духновский¹,

ORCID: 0000-0003-3118-9988, e-mail: dukhnovskysv@mail.ru

Владимир А. Парсуков²,

ORCID: 0000-0002-4685-2853, e-mail: parsukov77@mail.ru

^{1,2} Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте РФ (Курганский филиал), г. Курган, Россия

Аннотация. В статье рассматривается представление об антикоррупционной компетентности как о сочетании антикоррупционных знаний с умениями разрешать задачи-ситуации коррупционного содержания. Компонентами компетентности выступают: когнитивный (представление служащего о коррупции), эмоциональный (прятие/непрятие коррупции) и поведенческий (установки и активность, направленные на формирование антикоррупционной устойчивости и правосознания). Показано что индикаторами компетентности являются общепонятные, правовые и психологические знания и умения, а также субъективное отношение к коррупции и коррупциогенной личности. Представление об антикоррупционной компетентности нашло свое воплощение в технологии ее оценки. Технология оценки антикоррупционной компетентности содержит пять разделов: 1) понятийный, 2) правовой, 3) психологический, 4) конфликт интересов, 5) оценку отношений к коррупции и к коррупциогенной личности. Приведенные в статье эмпирические примеры показывают правомерность ее использования в системе государственной гражданской службы в плане оценки кадровых рисков и угроз безопасности организации. Так, низкий уровень антикоррупционной компетентности может выступать условием, снижающим кадровую безопасность организации, при этом кадровыми рисками будут являться слабая выраженность антикоррупционных знаний, умений их использования в профессиональной деятельности, включая лояльность к коррупции. Внедрение технологии оценки и мониторинга антикоррупционной компетентности в деятельность кадровых подразделений должно являться одним из направлений работы по противодействию коррупционному поведению (включая его превенцию, локализацию и пресечение) в системе государственной гражданской службы.

Ключевые слова: коррупция, антикоррупционная компетентность, технология, антикоррупционное знание, умение, государственный гражданский служащий.

Для цитирования: Духновский С. В., Парсуков В. А. Антикоррупционная компетентность государственных гражданских служащих как условие кадровой безопасности организации // Благополучие и безопасность в условиях социальных трансформаций : сб. науч. тр. X Междунар. симпозиума (г. Екатеринбург, 9–10 июля 2019 г.) / ред. Е. Б. Перельгина, О. Ю. Зотова, А. В. Дроздова, Л. В. Тарасова. – Екатеринбург : Гуманитарный университет, 2019. – С. 213–222. – ISBN 978-5-7741-0376-8. – DOI: 10.35853/LAU.WS.2019.MD01.

Anti-Corruption Competence of State Civil Servants as a Condition of an Organization' Personnel Security

Sergey V. Dukhnovsky¹,

ORCID: 0000-0003-3118-9988, e-mail: dukhnovskysv@mail.ru

Vladimir A. Parsukov²,

ORCID: 0000-0002-4685-2853, e-mail: parsukov77@mail.ru

^{1,2} Kurgan branch of the Russian Presidential Academy
of National Economy and Public Administration, Kurgan, Russia

Abstract. The authors introduced the perception of anti-corruption competence as a combination of anti-corruption knowledge and the skills of state civil servants to constructively resolve personality-oriented problem situations in corruption cases. The components of competence include; the cognitive one – the employee's perception of corruption; the emotional – acceptance/non-acceptance of corruption; the behavioral – attitudes and activities directed towards the formation of anti-corruption resilience and the sense of lawfulness. The authors showed that indicators of competence are conceptual, legal and psychological knowledge and skills, as well as the subjective attitudes to corruption and a corruptogenic person. The perceptions of anti-corruption competence were incorporated in the assessment technique. It consists of 5 sections: conceptual, legal, psychological, conflict of interests, and attitudes to corruption and corruptogenic personality. The given empirical examples demonstrated the admissibility of the technique in the system of civil service in terms of personnel risk assessment and threats to an organization's security. Thus, low anticorruption competence can act as a condition that decreases the personnel security of an organization, and HR-risks will be the low pronouncement of anti-corruption knowledge and skill in their practical application including loyalty to corruption. The realization and introduction of this technology in the activities of HR-departments of the executive branch should become an aspect of efforts to counter corrupt behaviors including its prevention, localization, and suppression.

Keywords: corruption, anti-corruption competence, technique, anti-corruption knowledge, skills, state civil servant.

For citation: Dukhnovsky SV, Parsukov VA. Anti-Corruption Competence of State Civil Servants as a Condition of an Organization' Personnel Security. In: Perelygina EB, Zotova OYu, Drozdova AV, Tarasova LV. (eds.) *Wellbeing and Security in the Face of Social Transformations: Collection of academic papers from the 10th International Symposium (Yekaterinburg, July 9–10, 2019)*. Yekaterinburg: Liberal Arts University – University for Humanities; 2019. p. 213–222. Available from: doi:10.35853/LAU.WS.2019.MD01.

Введение

Актуальность изучения вопросов противодействия коррупции в системе государственной гражданской службы обусловлена необходимостью использования эмпирических знаний для более эффективной деятельности по выявлению (оценке) и профилактике кадровых рисков, несущих угрозу безопасности организации, в частности в плане совершения коррупционных правонарушений. В этом контексте перспективным направлением, на наш взгляд, являются изучение и оценка феномена антикоррупционной компетентности государственных гражданских служащих. Антикоррупционная компетентность, с одной стороны, выступает проявлением профессионализма служащего, а с другой – условием кадровой безопасности организации, минимизирующим кадровые риски работника, снижающим возможность их проявления

в служебной деятельности. В научном плане, в исследованиях рассматриваются фундаментальные причины и признаки коррупции [4; 11], направления изучения коррупции [10], модели коррупционного поведения [2; 12], классы коррупционной деятельности [7], портрет коррупциогенной личности и ее структура [3], предикторы коррупционного поведения личности [5], коррупционное поведение в рамках кадровой безопасности [6] и др. Среди понятий широкое распространение в психологической науке и практике получили такие, как «склонность к коррупции», «коррупционное давление», «антикоррупционная устойчивость» [3]. Несмотря на это, понятию «антикоррупционная компетентность» уделяется недостаточное внимание, притом что оно, на наш взгляд, открывает широкие возможности его использования в системе государственной гражданской службы. В частности, при оценке кадровых рисков служащих при формировании кадрового резерва, в том числе и управленческого.

Укажем, что, несмотря на попытки описания социального портрета коррупционера [11], диагностики коррупциогенной личности [3], выявленным предикторам коррупциогенного поведения [5], использование личностно-профессиональной (кадровой) психодиагностики не дает ощутимых результатов. Обусловлено это, на наш взгляд, как минимум двумя моментами. Во-первых, тем, что кадровая психодиагностика, ее результаты в системе государственной гражданской службы носят рекомендательный характер. Во-вторых, считаем, что всегда остается риск совершить коррупционное правонарушение (осознанно или нет, умышленно или без умысла) служащим. В этом отношении мы придерживаемся положения о том, что «в силу человеческой природы (подверженность соблазнам, ошибкам, слабостям, болезням и др.) любой без исключения специалист является потенциальным внутренним нарушителем (осознанным или нет) и представляет внутреннюю угрозу» [8, с. 103].

Полагаем, что в рамках кадровой психодиагностики, в системе государственной гражданской службы, наряду с традиционным психологическим тестированием, целесообразно проводить оценку и мониторинг антикоррупционной компетентности служащего, в том числе и при прохождении конкурсного отбора на должность и при постановке в кадровый резерв.

В рамках нашего исследования антикоррупционная компетентность представляет собой сочетание антикоррупционных знаний с умениями разрешать проблемно-личностные ситуации (задачи-ситуации) коррупционного содержания в рамках выполнения своей профессиональной деятельности, а также субъективное отношение к коррупции, коррупционному поведению и коррупциогенной личности. Составляющими антикоррупционной компетентности выступают знания, умения и субъективное отношение. В качестве компонентов антикоррупционной компетентности выделяем: когнитивный (представление служащего о коррупции), эмоциональный (неприятие коррупции) и поведенческий (установки и активность, направленные на формирование антикоррупционной устойчивости и правосознания).

Антикоррупционная компетентность проявляется в двух формах: технологической и надпрофессиональной (в терминологии А. А. Алдашевой) [1].

1. Технологическая форма определяется служебными полномочиями (должностным регламентом) работника, его знаниями, опытом, а также задачами, спецификой и результатами профессиональной деятельности. Индикаторами (характеристиками) технологической формы выступают антикоррупционные знания (общие, правовые и психологические) и умения разрешать лично-проблемные ситуации, в содержании которых заложен коррупционный компонент.

2. Надпрофессиональная форма заключается в субъективном отношении к коррупции и коррупциогенной личности, в частности к такой его характеристике, как чувственный тон, проявляющийся в выраженности гедонистических, астенических, меланхолических чувств по отношению к коррупции как феномену, и в колебании «сближающих и удаляющих чувств» (в терминологии Л. В. Куликова) [9] по отношению к коррупциогенной личности.

Методы исследования

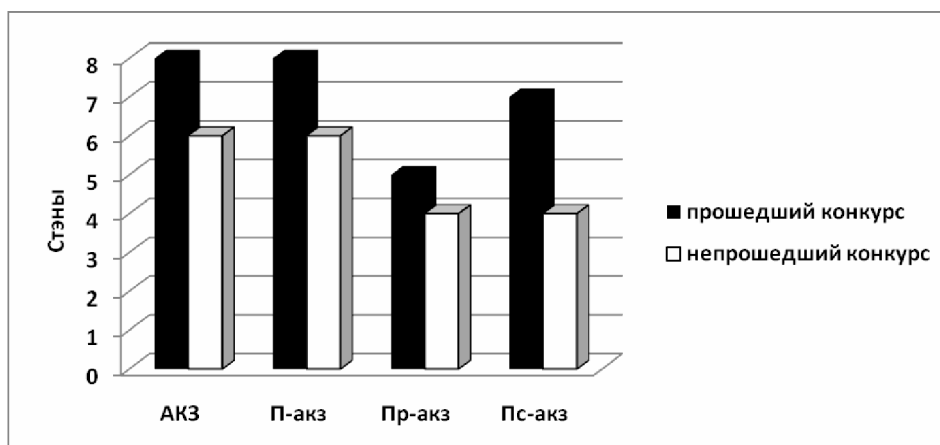
Описанные выше положения выступили основанием для разработки технологии оценки антикоррупционной компетентности, которая предполагает сочетание тестирования знаний, решение задач-ситуаций и элемент кадровой психодиагностики. Назначение технологии – определение уровня антикоррупционной компетентности государственных гражданских служащих, ее технологической (знания и умения) и надпрофессиональной (отношения) форм.

Разработанная нами «Технология оценки...» состоит из двух частей. Первая – технологическая, включающая следующие разделы: 1) понятийный (содержит 7 тестовых заданий и 3 лично-проблемные ситуации), 2) правовой (содержит 7 тестовых заданий и 3 лично-проблемные ситуации), 3) психологический (содержит 7 тестовых заданий и 3 лично-проблемные ситуации), 4) конфликт интересов (содержит 10 лично-проблемные ситуации). Вторая – надпрофессиональная, предполагающая оценку отношений к коррупции (содержит 21 пункт) и к коррупциогенной личности (содержит 18 пунктов).

Результаты и обсуждение

Технология оценки антикоррупционной компетентности государственных гражданских служащих апробирована при обследовании кадрового резерва на руководящие должности Правительства Курганской области, на базе Курганского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ.

В качестве примера приведем результаты оценки двух государственных гражданских служащих, один из которых прошел конкурсный отбор, а другой нет. Начнем анализ с результатов, полученных в рамках оценки антикоррупционных знаний. Профиль госслужащих представлен на рисунке 1.

Примечание: АКЗ – интегральный показатель антикоррупционных знаний, П-акз – знания основных понятий, Пр-акз – правовые знания, Пс-акз – психологические знания.

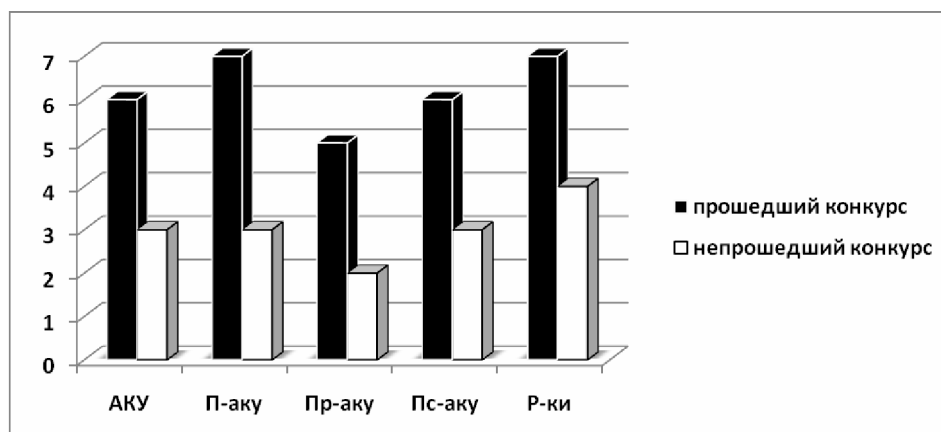
Рис. 1. Выраженность антикоррупционных знаний у служащего, прошедшего и не прошедшего конкурсный отбор для постановки в резерв управленческих кадров

Результаты, представленные на рисунке 1, говорят о следующем. Интегральный показатель антикоррупционных знаний (включая понятийные и психологические) у госслужащего, прошедшего конкурс, выражен на повышенном уровне. Тогда как показатель «правовые антикоррупционные знания» умеренно выражен, что, на наш взгляд, является кадровым риском. Соответственно, для его минимизации он нуждается в дополнительном развитии у служащего.

У субъекта, не прошедшего конкурс, показатели знаниевого компонента антикоррупционной компетентности находятся на среднем уровне, за исключением правовых и психологических знаний, которые выражены на пониженном уровне. Следовательно, у государственного гражданского служащего, не прошедшего конкурс, характеристики знаниевого компонента антикоррупционной компетентности являются кадровыми рисками безопасности организации, для минимизации которых ему необходимо дополнительное профессиональное развитие в вопросах противодействия коррупции.

Далее обратимся к данным, полученным при оценке антикоррупционных умений государственных гражданских служащих. Результаты представлены на рисунке 2.

Как видно из рисунка 2, интегральный показатель антикоррупционных умений у госслужащего, прошедшего конкурс, выражен умеренно, но ближе к повышенному уровню. Заслуживает внимания показатель «решение задач, связанных с конфликтом интересов» (Р-ки), который у данного служащего находится на повышенном уровне. Тем не менее госслужащему для повышения своей профессиональной компетентности, включая антикоррупционную, необходимо совершенствовать правовые и психологические антикоррупционные умения.

Примечание: АКУ – интегральный показатель антикоррупционных умений, П-аку – понятийные антикоррупционные умения, Пр-аку – правовые умения, Пс-аку – психологические умения, Р-ки – решение ситуаций конфликта интересов.

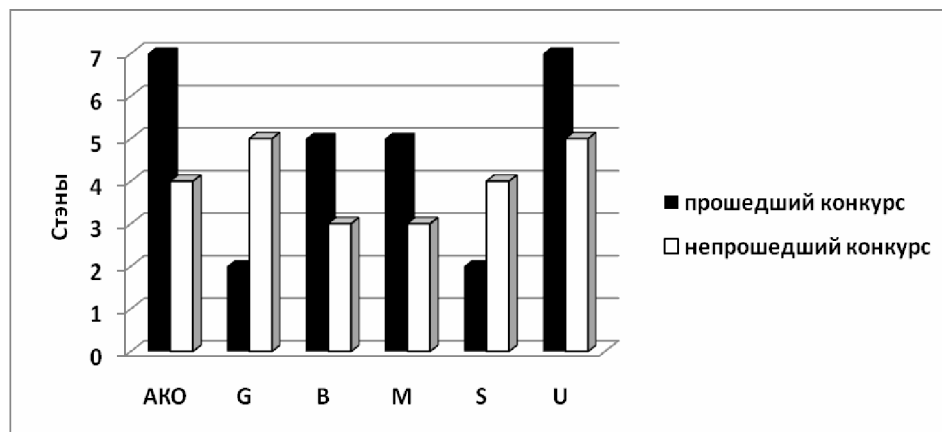
Рис. 2. Выраженность антикоррупционных умений у служащего, прошедшего и не прошедшего конкурсный отбор для постановки в резерв управленческих кадров

У государственного гражданского служащего, не прошедшего конкурс, интегральный показатель антикоррупционных умений находится на пониженном уровне, включая правовые и психологические их параметры (индикаторы), а показатель решение задач связанных с конфликтом интересов, выражен на среднем уровне. Полученные данные свидетельствуют о том, что антикоррупционные умения данного служащего нуждаются в дополнительном развитии, и тот уровень, на котором они находятся в данный момент, представляет собой кадровый риск безопасности и неадекватен возможности замещения руководящих должностей в системе государственной гражданской службы.

Далее обратимся к результатам оценки надпрофессиональной формы антикоррупционной компетентности, проявляющейся в субъективном отношении к коррупции и коррупциогенной личности у государственного гражданского служащего, прошедшего и не прошедшего конкурс на постановку в резерв управленческих кадров. Данные представлены на рисунке 3.

Как видно из рисунка 3, интегральный показатель отношения к коррупции (АКО) у субъекта, прошедшего конкурс, находится на повышенном уровне, что говорит о сформированном у него негативном отношении как к коррупции, так и к коррупциогенной личности. В частности, в отношении к коррупции у него умеренно выражены астенические (показатель В) и меланхолические (показатель М) чувства, в сочетании с низкой выраженностью гедонистических чувств (показатель G). Полученные данные позволяют сделать вывод о негативном отношении служащего к коррупции. Также у него имеет место негативное отношение к коррупциогенной личности, о чем свидетельствуют выраженные на повышенном уровне удаляющие чувства (показатель U), преобладающие над сближающими (показатель S), которые, в свою очередь, находятся на низком уровне. У государственного гражданского служащего, не прошедшего конкурс, преобладают гедонис-

тические чувства (показатель G) в отношении к коррупции и сближающие чувства (показатель S) в отношении к коррупциогенной личности. Таким образом, делаем заключение, что надпрофессиональный компонент антикоррупционной компетентности данного госслужащего характеризуется лояльным отношением к коррупции. Это, в свою очередь, является кадровым риском безопасности организации и не соответствует требованиям, предъявляемым к кандидатам на замещение руководящих должностей в системе государственной гражданской службы.

Примечание: АКО – интегральный показатель антикоррупционных отношения, G – гедонистические чувства, B – астенические чувства, M – меланхолические чувства, S – сближающие чувства, U – удаляющие чувства.

Рис. 3. Выраженность антикоррупционного отношения у служащего, прошедшего и не прошедшего конкурсный отбор для постановки в резерв управленческих кадров

На основании приведенных данных делаем общее заключение. У субъекта, прошедшего конкурс для постановки в резерв управленческих кадров, выражена антикоррупционная компетентность, несмотря на то что отдельные ее параметры могут быть дополнительно развиты, что положительным образом скажется на его профессионализации. У субъекта, не прошедшего конкурс, данный вид профессиональной компетентности представляет собой кадровый риск, для минимизации которого он нуждается в дополнительном профессиональном развитии в области противодействия коррупции.

Заключение

Подводя итог сказанному, отметим следующее. Индикаторами антикоррупционной компетентности являются общепонятные, правовые и психологические знания и умения, в сочетании с субъективным отношением к коррупции и коррупциогенной личности. Представление об антикоррупционной компетентности реализуется в технологии ее оценки, использование которой необходимо в системе государственной гражданской службы как для оценки кадровых рисков служащего, так и для оценки его профессиональной компетентности.

Антикоррупционная компетентность и ее показатели выступают условием кадровой безопасности организации, а ее индикаторы (характеристики) – проявлением кадровых рисков и угроз со стороны государственного гражданского служащего. Так, низкий уровень антикоррупционной компетентности может выступать условием совершения правонарушений коррупционной направленности, в силу недостаточной развитости антикоррупционных знаний и умений их использования в профессиональной деятельности, включая лояльность к коррупции.

Реализация и внедрение технологии оценки и мониторинга антикоррупционной компетентности в деятельность кадровых подразделений будет являться одним из направлений работы по противодействию коррупционному поведению (включая его превенцию, локализацию и пресечение) в системе государственной гражданской службы.

Информация об авторах

Сергей Витальевич Духновский, доктор психологических наук, профессор кафедры социально-гуманитарных дисциплин Курганского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Курган, Россия).

Владимир Александрович Парсуков, кандидат юридических наук, доцент кафедры государственного права, Курганского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Курган, Россия).

Information about the authors

Sergey V. Dukhnovsky, Dr. Sci. (Psychology), Professor at Social Sciences and Humanities chair of the Kurgan branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Kurgan, Russia.

Vladimir A. Parsukov, Cand. Sci. (Law), Associate professor at State Law chair of the Kurgan branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Kurgan, Russia.

Список литературы

1. Алдашева А. А. Профессиональная компетентность: понятие и структура // Вестник Адыгейского государственного университета. 2012. № 4 (109). С. 121–128.
2. Большакова Л. В., Литвиненко А. Н. Типологический анализ моделей коррупционного поведения // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2013. № 1 (57). С. 91–99.
3. Ванновская О. В. Личностные детерминанты коррупционного поведения // Известия РГПУ им. А. И. Герцена. 2009. № 102. С. 323–328.
4. Даукаев И. М. Современные представления о сущности коррупции // Евразийская адвокатура. 2013. № 2 (3). С. 87–89.
5. Девятковская И. В., Сыманюк Э. Э. Психологические предикторы коррупционного поведения личности и их коррекция // Педагогическое образование в России. 2014. № 8. С. 205–208.
6. Духновский С. В. Кадровая безопасность организации. М. : Юрайт, 2019. 245 с.
7. Изотов М. О. Проблема типологии коррупционных отношений // Среднерусский Вестник общественных наук. 2010. № 4 (17). С. 121–128.
8. Крук В. М. Актуальные проблемы обеспечения надежности профессиональной деятельности личного состава ОВД // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2014. № 1 (56). С. 100–105.
9. Куликов Л. В. Руководство к методикам диагностики личностных свойств. СПб. : Б.и., 2003. 49 с.

10. Смирнов А. В. Коррупция как полифакторный феномен // Педагогическое образование в России. 2014. № 10. С. 47–52.

11. Тавокин Е. П., Широкова О. В., Шишова Ж. А. Коррупция в системе государственной службы // Мониторинг общественного мнения. 2014. № 1 (119). С. 70–86.

12. Шедий М. В. Особенности развития антикоррупционного потенциала гражданского общества в России // Ученые записки. 2013. № 2 (26). С. 294–298.

Статья поступила в редакцию: 15.10.2019

Принята к публикации: 18.11.2019

References

1. Aldasheva AA. Professional'naya kompetentnost': ponyatie i struktura [Professional Competence: the Concept and Structure]. *Vestnik Adygeiskogo gosudarstvennogo universiteta = The Bulletin of Adyghe State University*. 2012; 4(109): 121–128. (In Russ.).

2. Bolshakova LV, Litvinenko AN. Tipologicheskii analiz modelei korruptsiionnogo povedeniya [The typological analysis of models of corruption behavior]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii = Bulletin of St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2013;1(57): 91–99. (In Russ.).

3. Vannovskaya O. Lichnostnye determinanty korruptsiionnogo povedeniya [Personal determinants of corruptional behaviour]. *Izvestiya RGPU im. A. I. Gertsena = Izvestia: Herzen University Journal of Humanities & Sciences*. 2009;102: 323–328. (In Russ.).

4. Daukayev IM. Sovremennye predstavleniya o sushchnosti korruptsii [Modern ideas of essence of corruption]. *Evraziiskaya advokatura = Eurasian advocacy*. 2013;2(3): 87–89. (In Russ.).

5. Devyatovskaya IV, Symaniuk EE. Psikhologicheskie prediktory korruptsiionnogo povedeniya lichnosti i ikh korrektsiya [Psychological predictors of corruption behavior of a personality and their correction]. *Pedagogicheskoe obrazovanie v Rossii = Pedagogical Education in Russia*. 2014;8: 205–208. (In Russ.).

6. Dukhnovsky SV. *Kadrovaya bezopasnost' organizatsii [The personnel security of an organization]*. Moscow: Urait; 2019. 245 p. (In Russ.).

7. Izotov MO. Problema tipologii korruptsiionnykh otnoshenii [The problem of the typology of corruptive relationships]. *Srednerusskii Vestnik obshchestvennykh nauk = Central Russian Journal of Social Sciences*. 2010;4(17): 121–128. (In Russ.).

8. Kruk VM. Aktual'nye problemy obespecheniya nadezhnosti professional'noi deyatelnosti lichnogo sostava OVD [Current Issues of Ensuring Reliability of the Internal Affairs Personnel's Professional Activity]. *Psikhopedagogika v pravookhranitel'nykh organakh = Psychopedagogics in Law Enforcement*. 2014;1(56): 100–105. (In Russ.).

9. Kulikov LV. *Rukovodstvo k metodikam diagnostiki lichnostnykh svoystv [A handbook to handle Personality Traits Diagnose techniques]*. Saint Petersburg: no Publ. House; 2003. 49 p. (In Russ.).

10. Smirnov AV. Korruptsiya kak polifaktornyi fenomen [Corruption as a polyfactorial phenomenon]. *Pedagogicheskoe obrazovanie v Rossii = Pedagogical Education in Russia*. 2014;10: 47–52. (In Russ.).

11. Tavokin EP, Shirokova OV, Shishova ZA. Korruptsiya v sisteme gosudarstvennoi sluzhby [Corruption in state service]. *Monitoring obshchestvennogo mneniya = Monitoring of Public Opinion*. 2014;1(119): 70–86. (In Russ.).

12. Shedy MV. Osobennosti razvitiya antikorrupsionnogo potentsiala grazhdanskogo obshchestva v Rossii [The characteristics of the development of anti-corruption potential of the civil society in Russia]. *Uchenye zapiski = Scientific Notes*. 2013;2(26): 294–298. (In Russ.).

Submitted 15.10.2019

Accepted 18.11.2019

DOI: 10.35853/LAU.WS.2019.MD02
УДК 159.923.2:[159.9+614.8]

Гражданская идентичность личности как маркер психологической безопасности в условиях глобальных социальных изменений

Татьяна М. Беспалова,
Рязанский государственный университет имени С. А. Есенина,
г. Рязань, Россия.
ORCID: 0000-0003-0438-6767, e-mail: t.bespalova@365.rsu.edu.ru

Аннотация. В статье представлен теоретический анализ проблемы гражданской идентичности личности в условиях интенсивного развития современной системы социальных связей и общественных отношений. Актуальность исследования обосновывается необходимостью изучения процесса становления гражданской идентичности личности, являющейся фактором психологической безопасности представителей различных возрастных групп. Исследование выполнено в рамках авторской модели гражданской идентичности личности, включающей компоненты «гражданская самоидентичность», «морально-нравственные установки», «социальная дистанция», «субъектность». Исследованная среди лиц юношеского (70 студентов в возрасте от 18 до 20 лет) и зрелого (50 представителей различных профессий в возрасте от 40 до 47 лет) возрастов авторская методика позволила оценить сформированность статусов гражданской идентичности личности – «достигнутая», «мораторий», «псевдоидентичность», «навязанная», «диффузная». Проведенное исследование показало, что юношеский возраст – период неопределенности для активного становления гражданской идентичности личности, обусловленный инфантильностью личности. Доминантой в процессе формирования жизненной стратегии является псевдоидентичность и стремление дистанцироваться от проблем общества, требующих проявления активной гражданской позиции. Лица зрелого возраста отличает более высокий уровень сформированности гражданской идентичности, более глубокое осмысление необходимости развития субъектности личности. Корреляционный анализ, выявивший связи компонентов структуры гражданской идентичности личности и статусы, указывает на необходимость гармонизации личности обеих возрастных групп за счет самоанализа, повышения рефлексии, самостоятельности суждений, приводящих к развитию интернального локуса контроля и гражданственности.
Ключевые слова: гражданская идентичность личности, психологическая безопасность, статус, компоненты, лица юношеского и зрелого возраста.

Для цитирования: Беспалова Т. М. Гражданская идентичность личности как маркер психологической безопасности в условиях глобальных социальных изменений // Благополучие и безопасность в условиях социальных трансформаций : сб. науч. тр. X Междунар. симпозиума (г. Екатеринбург, 9–10 июля 2019 г.) / ред. Е. Б. Перельгина, О. Ю. Зотова, А. В. Дроздова, Л. В. Тарасова. – Екатеринбург : Гуманитарный университет, 2019. – С. 223–231. – ISBN 978-5-7741-0376-8. – DOI: 10.35853/LAU.WS.2019.MD02.

Civil Identity of Personality as a Marker of Psychological Security under Global Social Changes

Tatyana M. Bespalova,

Ryazan State University after S. A. Esenin, Ryazan, Russia
ORCID: 0000-0003-0438-6767, e-mail: t.bespalova@365.rsu.edu.ru

Abstract. The paper analyzes the problem of the civil identity of personality in conditions of the intensive development of a modern system of social relations. The need for studying the formation of civil identity as a factor of the psychological security of different age groups justifies the relevance of the study. The study used an authorial model of personality civil identity. This model included these components: civil self-identification, moral attitudes, social distance, and personal agency. The sample consisted of 70 students aged 18–20 and adults aged 40–47. The author applied this model to assess the maturity of civil identity statuses – the achieved, moratorium, pseudo-identity, the forced, and the diffused. The results showed that adolescence is a period of uncertainty for the development of civil identity since infantilism contributed to this process. Pseudo-identity and a striving to distance from social problems calling for an active life stance act as dominant when life-strategy shapes. Adults exhibit a more mature civil identity, a deeper understanding of the need for personal agency evolution. The correlation analysis has identified the linkage between the components of civil identity and statuses and indicated the necessity to harmonize personalities of both groups through self-examination, self-reflexion, and independent judgment that lead to the promotion of internal control and nationhood.

Keywords: civil identity, psychological security, status, components, young people and adults.

For citation: Bespalova TM. Civil Identity of Personality as a Marker of Psychological Security under Global Social Changes. In: Pereyagina EB, Zotova OYu, Drozdova AV, Tarasova LV. (eds.) *Wellbeing and Security in the Face of Social Transformations: Collection of academic papers from the 10th International Symposium (Yekaterinburg, July 9–10, 2019)*. Yekaterinburg: Liberal Arts University – University for Humanities; 2019. p. 223–231. Available from: doi:10.35853/LAU.WS.2019.MD02.

Введение

Глобальные социальные изменения в стране и мире в большинстве своем отличаются авангардизмом и обеспечивают формирование новых цивилизационных отношений и эффективность деятельности. В условиях глобализации фокус зрения смещается в сторону прогрессивно мыслящей личности с высокими адаптационными и универсальными способностями.

Развитие современного общества требует, с одной стороны, гибкости, вариабельности в формировании перспективных стратегий поведения, с другой – бескомпромиссности в принятии жизненно важных решений. Устойчивость и продуктивную адаптацию к динамическому и часто меняющемуся контексту жизнедеятельности может обеспечить направленность, сформированность системообразующих жизненно важных качеств личности, смысложизненных ценностей и ориентаций. Только целостность личности, ее гармоническое развитие является гарантом психологической безопасности в конъюнктурных, высококонкурентных, а зачастую и жестких условиях жизнедеятельности современного человека.

Помимо глубоких знаний природы социальных процессов, современному человеку необходимы развитая волевая, мотивационная, когнитивная, эмоциональная, рефлексивно-оценочная сферы, базирующиеся на субъектности, реализации внутреннего потенциала.

Именно сформированность Я-концепции, смысложизненных ориентаций, морально-нравственных установок и принципов способна сформировать внутреннюю позицию и стержень личности, когда обращенность в будущее становится направленностью личности, вектором развития дальнейшего жизненного пути, самореализации, обретения своей гражданской идентичности, превращаясь в центр жизненной ситуации, вокруг которого начинает вращаться вся деятельность.

Современный человек неизбежно включен в процесс трансформации окружающего пространства, стоящего на пути модернизации и глобализации. Новые требования, предъявляемые к человеку, являются одновременно и вызовами, и стимулами развития личности. Встраиваясь в систему субъект-субъектных отношений, обеспечивающих не только получение новых знаний, умений и навыков, но и интериоризацию – через призму индивидуального субстрата психики – культурного наследия, человек формирует картину мира, учится проявлять свою самость.

Современный миропорядок и общественный уклад нацеливают личность на проявление дивергентного мышления, эрудиции, общих и специальных способностей, сильной консолидирующей гражданской позиции, которая, являясь базисом психологической безопасности и уверенности, обеспечивает развитие гражданственности, субъектности личности и, как следствие, формирование эффективного взаимодействия личности, государства и общества.

Исходя из нашей концепции и выстроенной на ее основе авторской модели гражданская идентичность личности понимается нами как имеющее значимый личностный смысл осознание принадлежности к государству. Гражданская идентичность личности включает в себя обусловленные индивидуальными свойствами (в первую очередь темпераментом) компоненты, такие как гражданская самоидентичность, морально-нравственные установки, социальная дистанция, субъектность. Согласно нашей модели, каждый компонент включает в себя психологические переменные. В свою очередь, единство компонентов определяет сформированность гражданской идентичности личности, которая может быть обусловлена мерой ответственности и уровнем ее развития, характером выраженности Я-концепции, мотивационной готовностью к личностному росту. Инициация гражданской идентичности личности зависит от воспитания личности гражданина, наделенного гражданским самосознанием и самоидентификацией [11; 12].

На сегодняшний день проблема гражданского воспитания и образования в силу своей актуальности и необходимости поиска путей решения находится в плоскости изучения многих гуманитарных дисциплин. При этом вопросы развития чувства гражданской идентичности требуют дальнейшего тщательного изучения, так как одной из приоритетных задач современного государства является формирование умения личности соотносить себя с гражданским обществом, его моральными и правовыми нормами и ценностями. Это позволит человеку осознавать себя полноправным гражданином своей страны, ощутить

свою принадлежность к определенной гражданской общности и социокультурной группе, обеспечит развитие гражданственности, стремление трудиться на благо государства и общества.

В отечественной научной литературе процессу формирования гражданской идентичности личности в последние два десятилетия обособленно уделяется большое внимание. Так, Л. М. Дробижева отмечает многоаспектность гражданской идентичности личности [4], а В. В. Дьякова подчеркивает, что категория идентичности на современном этапе развития отечественной науки носит междисциплинарный характер [5]. В своих работах Н. И. Никовская определяет процесс формирования гражданской идентичности личности как важнейший фактор объединения российского общества [8]. Гражданская идентичность субъектов различных видов деятельности рассматривается в работах Р. Ю. Шиковой, Е. А. Гришиной, Г. Х. Ахметшиной, А. А. Логиновой [1; 2; 6; 9]. О. К. Ярославская отмечает, что активность человека, его сознательность, инициативность являются основой гражданского общества, которое, в свою очередь, формирует самостоятельность, субъектность, автономность гражданина [10]. Изучая идентичность и в широком, и в предметном контексте, ученые опираются, как правило, на работы Э. Эриксона, который понимал идентичность как «самоотождествление», имеющее социально-культурную основу, и обратил внимание на ее связь с идеологией [13].

Мы, соглашаясь с мнением О. Ю. Малиновой, считаем, что анализ маркеров идентичности, поддерживающих пространство жизнедеятельности и развития человека, имеет особое значение для современных психологических исследований [7].

При этом необходимо отметить, что изучение гражданской идентичности личности носит преимущественно социологический и политический характер. Все это определяет актуальность проблематики изучения вопросов формирования гражданской идентичности личности, ее психологической структуры.

Наше исследование гражданской идентичности личности проведено в рамках авторской психологической модели с использованием авторской методики диагностики сформированности статусов гражданской идентичности личности – достигнутая, мораторий, псевдоидентичность, навязанная, диффузная. Отметим, что под моделью мы, так же как М. А. Гулина, Ю. П. Зинченко, понимаем «символическую репрезентацию воспринимаемого феномена» [3, с. 24]. Феномен гражданской идентичности личности при этом укладывается в рамки психологического конструкта, который, как считают названные авторы, наделен понятийным смыслом, определяющим более высокий уровень абстрактности [3].

Статусы определяют выраженность вышеобозначенных компонентов – гражданской самоидентичности, морально-нравственных установок, социальной дистанции, субъектности. Итогом является не просто определение степени выраженности компонентов, но и диагностика уровня сформированности статусов гражданской идентичности личности. Такой многомерный подход дает возможность увидеть психологическую структуру гражданской идентичности личности, предвосхитить дальнейшее развитие личностных свойств, обеспечивающих

ее сформированность, а также разработать рекомендации по ее гармонизации.

Методы исследования

Методика включает 4 шкалы по названиям компонентов (гражданская самоидентичность, морально-нравственные установки, социальная дистанция и субъектность). При этом каждая из шкал содержит несколько переменных, определяющих ее смысловое содержание. Пятая шкала является обобщающей и отражает сформированность гражданской идентичности личности. Во всех шкалах определяется сформированность статусов – достигнутая, мораторий, псевдоидентичность, навязанная, диффузная идентичность. Таким образом, большая выраженность какого-либо статуса обобщенной – пятой – шкалы указывает, насколько сознательно и активно человек проявляет свою гражданскую позицию в различных сферах деятельности; выраженность какого-либо статуса остальных четырех шкал демонстрирует сформированность тем или иным способом одной из сфер личности.

В исследовании приняли участие лица юношеского (70 студентов в возрасте от 18 до 20 лет) и зрелого (50 представителей различных профессий в возрасте от 40 до 47 лет) возрастов.

Уровень сформированности статуса рассчитывался с помощью статистического метода стандартного отклонения (среднеквадратического отклонения – σ – сигма); для определения нормальности распределения применялся непараметрический критерий Z-Колмогорова–Смирнова; для определения статистики различий использовался параметрический t-критерий Стьюдента; для выявления связи статусов различных компонентов гражданской идентичности личности использовался коэффициент корреляции r-Пирсона.

Результаты и обсуждение

Проведенное исследование обобщенного показателя гражданской идентичности личности показало, что респонденты обеих возрастных групп демонстрируют широкий диапазон распределения статусов и значимо выраженные различия в их уровне. Так, высокий уровень статуса «достигнутая идентичность» обнаружили 8 % юношей и 55 % взрослых людей; «мораторий» – 16 и 24 % соответственно; «псевдоидентичность» – 25 и 12 % соответственно; «навязанная» – 10 и 8 % соответственно; «диффузная» – 24 и 10 % соответственно. Это означает, что практически одинаковое число студентов глубоко осознано необходимость проявлять свою активность и потенциал на благо развития общества и государства («достигнутая идентичность») или, напротив, проявляет инфантильность в выборе жизненной стратегии и целеполагании, отличается мнительностью и конформностью и ориентируются исключительно на мнение значимых людей («навязанная»). Часть студентов в угоду общественному признанию демонстрирует псевдопатриотизм, псевдогражданственность из-за несформированности морально-нравственных ориентиров («псевдоидентичность»), такая же по объему часть – отстраненность и циничное безразличие к жизни государства и общества, зачастую конфронтируя и бойкотируя внешние процессы и вызовы («диффузная»). Шестая часть опрошенных лиц юношеского возраста не определилась с семантикой «добра» и «зла», и по-

этому, разбираясь в причинно-следственных общественных связях и отношениях, пребывает в состоянии личностного самоопределения и поиска смысла жизни («мораторий»).

В отличие от лиц юношеского возраста, чуть более половины респондентов более старшего возраста продемонстрировали глубокое осмысление своей гражданственности и основанное на нем желание активно реализовывать свою гражданскую позицию («достигнутая идентичность»). Четвертая часть опрошенных проявляет неспособность воспользоваться жизненным опытом и знаниями, несформированность внутренней позиции по основным жизненно важным проблемам, а потому пребывает в состоянии внутреннего дисбаланса и поиска смысла по концептуальным вопросам бытия («мораторий»). Одинаковое количество респондентов, выбирая гражданскую позицию, продолжает ориентироваться на мнение друзей или коллег («навязанная»); в угоду общественному мнению демонстративно проявляет приверженность общепринятым нормам и ценностям, которые зачастую не составляют внутреннее содержание личности («псевдоидентичность»); выказывает равнодушие к процессам и явлениям внешнего мира, требующим активной жизненной позиции («диффузная»).

Корреляционный анализ позволил выявить связи статусов («достигнутая идентичность», «мораторий», «псевдоидентичность», «навязанная», «диффузная») различных компонентов гражданской идентичности личности («гражданская самоидентичность», «морально-нравственные установки», «социальная дистанция», «субъектность») (коэффициент корреляции с уровнем значимости $p = 0,01$).

В корреляционных плеядах у группы лиц юношеского возраста визуализировано корреляционное ядро – статус диффузной идентичности компонента «Морально-нравственные установки». Он отрицательно связан с достигнутой ($r = -0,590$) и псевдоидентичностью ($r = -0,440$) того же компонента, а также отрицательно с достигнутой ($r = -0,501$), псевдоидентичностью ($r = -0,6$), навязанной идентичностью ($r = -0,420$) и положительно – с диффузной идентичностью ($r = 0,7$) обобщенного показателя гражданской идентичности личности. Кроме того, диффузная идентичность обобщенного показателя положительно связана с диффузной идентичностью ($r = 0,389$), отрицательно – с достигнутой ($r = -0,400$) и псевдоидентичностью ($r = -0,300$) компонента «Гражданская самоидентичность».

Корреляционным ядром плеяды переменных у группы респондентов зрелого возраста является статус достигнутой идентичности компонента «Социальная дистанция», имеющий 11 связей – 3 положительных и 8 отрицательных. 3 положительных связи обнаружены с достигнутой идентичностью ($r = 0,520$) общего показателя гражданской идентичности личности и компонента «Морально-нравственные установки» ($r = 0,550$), а также с псевдоидентичностью ($r = 0,404$) компонента «Морально-нравственные установки». 8 отрицательных связей обнаружены с мораторием ($r = -0,410$), навязанной ($r = -0,360$), диффузной ($r = -0,520$) идентичностью компонента «Социальная дистанция»; мораторием ($r = -0,250$), навязанной ($r = -0,558$) и диффузной идентичностью ($r = -0,620$) общего показателя гражданской идентичности личности; диффузной ($r = -0,470$) и навязанной идентичностью ($r = -0,450$) компонента «Социальная дистанция».

Установленные корреляционные связи свидетельствуют о том, что статус диффузной идентичности в юношеском возрасте может развиваться, если отсутствует четкое понимание своей гражданской позиции, места и времени ее реализации.

Достигнутая идентичность у лиц зрелого возраста может укрепиться за счет снижения нерешительности в выборе дальнейшего жизненного пути, повышения поисковой активности, переоценки ценностей, реализации внутреннего потенциала, преодоления ригидности мышления, снижения демонстративности, отказа от декларативности.

Заключение

Исследование психологической структуры гражданской идентичности личности, выявление сформированности ее статусов показали, что личность юношеского возраста претерпевает значительные изменения в своем становлении и развитии, обусловленные борьбой мотивов при вступлении в самостоятельную жизнь. Ориентированные на удовлетворение личных актуальных потребностей, студенты хорошо социально адаптированы, что позволяет им тонко чувствовать настроение общества и демонстрировать социально желательные паттерны поведения, при этом не вникая в суть происходящих и грядущих событий и явлений окружающей действительности. В отличие от них лица старшей возрастной группы проявляют большую личностную зрелость, осмысленность, интернальность. При этом гармонизация личности представителей обеих возрастных групп возможна при изменении их жизненной позиции на более активную, основанную на осмыслении перспективного жизненного планирования, гражданственности, ответственности перед собой и другими, что, безусловно, спровоцирует формирование гражданской идентичности личности, являющейся маркером психологической безопасности и устойчивости человека к вызовам современности.

Информация об авторе

Беспалова Татьяна Михайловна, кандидат психологических наук, доцент, заведующий кафедрой психологии личности, специальной психологии и коррекционной педагогики Рязанского государственного университета имени С. А. Есенина (г. Рязань, Россия).

Information about the author

Tatyana M. Bespalova, Cand. Sci. (Psychology), Ass. Prof., head of Personality Psychology, Psychology and Pedagogy for Special Needs chair, Ryazan State University after S. A. Esenin (Ryazan, Russia).

Список литературы

1. Ахметшина Г. Х. Патриотическое воспитание как фактор формирования гражданской идентичности учащейся молодежи : автореф. дис. ... канд. пед. наук. Казань : Ин-т педагогики и психологии профессионального образования РАО, 2015. 28 с.
2. Гришина Е. А. Гражданская идентичность российской молодежи: опыт мониторинговых исследований 90-х годов : дис. ... д-ра социол. наук. М. : МосГУ, 2000. 320 с.
3. Гулина М. А., Зинченко Ю. П. Консультативная психология. СПб. : Питер, 2018. 400 с.
4. Дробижева Л. М. Социальные проблемы межнациональных отношений в постсоветской России. М. : Центр общечеловеческих ценностей, 2003. 376 с.

5. Дьякова В. В. Гражданская идентичность поколений в современной России: социологический анализ : автореф. дис. ... канд. социол. наук. Астрахань : ФГБОУ ВО «АГТУ», 2017. 24 с.
6. Логинова А. А. Формирование гражданской идентичности школьников средствами интернет-ресурсов : автореф. дис. ... канд. пед. наук. Самара : Поволж. гос. соц.-гуманитар. акад., 2010. 27 с.
7. Малинова О. Ю. Россия и «Запад» в XX веке: трансформация дискурса о коллективной идентичности. М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2009. 190 с.
8. Никовская Л. И. Гражданская идентичность как фактор консолидации российского общества: политико-управленческий аспект // Государственное управление Российской Федерации: вызовы и перспективы : материалы 15-й Международной конференции Государственное управление в XXI веке. М. : Добросвет, 2018. С. 647–653.
9. Шикова Р. Ю. Гражданская общероссийская идентичность (социологический аспект) // Вестник Адыгейского государственного университета. 2009. № 1 (42). С. 126–132.
10. Ярославская О. К. Средства формирования и специфика различных видов идентификации // Проблемы гражданской и региональной идентичности в современной России / под ред. О. В. Шиняева, И. А. Манахова. Ульяновск : УлГТУ, 2015. С. 29–34.
11. Bespalova T. M. Problems of formation of civil identity of personality of cadets in modern economic conditions of realization of military-personnel policy // Business Cooperation as a Resource of Sustainable Economic Development and Investment Attraction (ISPCBC 2019) : proceedings of the International Scientific-Practical Conference. Paris : Atlantis Press, 2019. P. 499–502.
12. Bespalova T. M., Tenyaeva O. V. Patriotism and civic identity as basis of professional competence of military students // The European Proceedings of Social & Behavioural Sciences. 2018. Vol. 51. P. 392–397.
13. Erikson E. H. The Life Cycle Completed. N. Y. : W. W. Norton & Company, 1982. 144 p.

Статья поступила в редакцию: 29.10.2019
Принята к публикации: 02.12.2019

References

1. Akhmetshina GKh. *Patrioticheskoe vospitanie kak faktor formirovaniya grazhdanskoi identichnosti uchashcheysya molodezhi [The patriotic education as a factor of the formation of the civil identity in young students]*. Kazan: Institute of Pedagogy and Psychology Education of the RAE; 2015. 28 p. (In Russ.).
2. Grishina EA. *Grazhdanskaya identichnost' rossiiskoi molodezhi: opyt monitoringovykh issledovaniy 90-kh godov [The civil identity of Russian youth: lessons from the monitoring studies of the last century 90s]*. Moscow: Moscow University for the Humanities; 2000. 320 p. (In Russ.).
3. Gulina MA, Zinchenko YuP. *Konsul'tativnaya psikhologiya [Counseling psychology]*. Saint Petersburg: Piter; 2018. 400 p. (In Russ.).
4. Drobizheva LM. *Sotsial'nye problemy mezhnatsional'nykh otnoshenii v postsovetskoi Rossii [Social problems of interethnic relations in the post-Soviet Russia]*. Moscow: Center of Universal Values; 2003. 376 p. (In Russ.).
5. Diyakova VV. *Grazhdanskaya identichnost' pokolenii v sovremennoi Rossii: sotsiologicheskii analiz [The civil identity of generations in modern Russia: the sociological analysis]*. Astrakhan: ASTU; 2017. 24 p. (In Russ.).
6. Loginova AA. *Formirovanie grazhdanskoi identichnosti shkol'nikov sredstvami internet-resursov [The formation of the schoolers' civil identity via the Internet resources]*. Samara: Samara State Academy of Social sciences and Humanities; 2010. 27 p. (In Russ.).

7. Malinova OYu. *Rossiya i «Zapad» v XX veke: transformatsiya diskursa o kollektivnoi identichnosti* [Russia and the “West” in the 20-th century: the transformation of the collective identity discourse]. Moscow: Russian Political Encyclopedia; 2009. 190 p. (In Russ.).

8. Nikovskaya LI. Grazhdanskaya identichnost' kak faktor konsolidatsii rossiiskogo obshchestva: politiko-upravlencheskii aspekt [The civil identity as a factor of Russian society consolidation: a political and managerial aspect]. In: *Gosudarstvennoe upravlenie Rossiiskoi Federatsii: vyzovy i perspektivy* [The state management of the Russian Federation: challenges and prospects]: collected papers of the 15-th International conference. Moscow: Dobrosvet; 2018. p. 647–653. (In Russ.).

9. Shikova RYu. Grazhdanskaya obshcherossiiskaya identichnost' (sotsiologicheskii aspekt) [The civil all-Russian identity (a sociological aspect)]. *Vestnik Adygeiskogo gosudarstvennogo universiteta = The Bulletin of Adyghe State University*. 2009;1(42): 126–132. (In Russ.).

10. Yaroslavskaya OK. Sredstva formirovaniya i spetsifika razlichnykh vidov identifikatsii [Means of the formation and the specificity of different types of the identification]. In: Shinyaev OV, Manakhov IA. (eds.) *Problemy grazhdanskoi i regional'noi identichnosti v sovremennoi Rossii* [The problems of the civil and regional identity in modern Russia]. Uliyanovsk: UISTU; 2015. p. 29–34. (In Russ.).

11. Беспалова ТМ. Problems of formation of civil identity of personality of cadets in modern economic conditions of realization of military-personnel policy. In: *Business Cooperation as a Resource of Sustainable Economic Development and Investment Attraction (ISPCBC 2019): proceedings of the International Scientific-Practical Conference*. Paris: Atlantis Press; 2019. p. 499–502.

12. Беспалова ТМ, Теняева ОВ. Patriotism and civic identity as basis of professional competence of military students. *The European Proceedings of Social & Behavioural Sciences*. 2018;51: 392–397.

13. Erikson EH. *The Life Cycle Completed*. New York: W. W. Norton & Company; 1982. 144 p.

Submitted 29.10.2019

Accepted 02.12.2019

DOI: 10.35853/LAU.WS.2019.MD03
УДК 159.922.4

Национальные проекты в России: проблемы реализации и пути достижения целей

Людмила И. Васильцова¹,
ORCID: 0000-0001-6998-2565, e-mail: vasiltsow2010@yandex.ru
Надежда А. Александрова²
ORCID: 0000-0002-4814-7306, e-mail: anal856@mail.ru
^{1,2} Уральский государственный университет путей сообщения,
г. Екатеринбург, Россия

Аннотация. В статье рассматривается существенный институциональный инструмент управления социальными процессами, непосредственно связанными с воспроизводством человеческого капитала. Зависимость человеческого капитала от качества медицинской помощи и образования, необходимость отвечать на вызовы времени в условиях перехода к цифровой экономике определили выбор объекта исследования – современные национальные проекты. На основе компаративного анализа определены особенности данного этапа реализации национальных проектов: масштабность, открытость, использование новых инструментов социального управления, которые способны улучшить ситуацию с точки зрения доступности медицинской помощи населению, изменить подход к формированию человеческого капитала в системе образования. В результате проведения сравнительного анализа авторы пришли к выводу: действующие регламенты и процедуры не отражают скорости организационных изменений в соответствии с вызовами времени в контексте сохранения и развития человеческого капитала, перехода к цифровой экономике. Кроме того, выделены риски проекта «Здравоохранение»: неготовность отрасли к трансформациям, заменяющим реформы; замедленность адаптации к организационным изменениям, высокая вероятность коррупции, недостаточные компетенции менеджмента. В статье показаны направления, адекватные целям и задачам национального проекта «Образование»: вовлечение научно-технологических центров в процесс обучения студентов, ориентация образовательных программ на запросы практики, создание площадок для взаимодействия и партнерства студентов и успешных специалистов. Научная новизна определяется следующими обстоятельствами: на основе сравнительного анализа определены тренды сохранения и развития человеческого капитала; особенности и риски реализации национальных проектов; уточнены направления, адекватные достижению целей.

Ключевые слова: национальные проекты, компаративный анализ, здравоохранение, образование, цифровая экономика.

Для цитирования: Васильцова Л. И., Александрова Н. А. Национальные проекты в России: проблемы реализации и пути достижения целей // Благополучие и безопасность в условиях социальных трансформаций : сб. науч. тр. X Междунар. симпозиума (г. Екатеринбург, 9–10 июля 2019 г.) / ред. Е. Б. Перельгина, О. Ю. Зотова, А. В. Дроздова, Л. В. Тарасова. – Екатеринбург : Гуманитарный университет, 2019. – С. 232–241. – ISBN 978-5-7741-0376-8. – DOI: 10.35853/LAU.WS.2019.MD03.

© Л. И. Васильцова, Н. А. Александрова, 2019

National Projects in Russia: Problems of Implementation and Ways to Achieve Goals

Lyudmila I. Vasil'tsova¹,

ORCID: 0000-0001-6998-2565, e-mail: vasiltsow2010@yandex.ru

Nadezhda A. Aleksandrova²,

ORCID: 0000-0002-4814-7306, e-mail: ana1856@mail.ru

^{1,2}Ural State University of Railway Transport, Yekaterinburg, Russia

Abstract. The authors considered an essential institutional instrument for managing social processes directly associated with human capital reproduction. The dependence of human capital on the quality of health care and education, the necessity to respond to the challenges of our time under transition to a digital economy justified the subject of the research – the present-day national projects. Based on the comparative analysis, the author defined the characteristics of the given stage of national projects' fulfillment: scale, openness, the use of new instruments of social management capable of improving the situation in terms of medical care availability, changing an approach to the formation of human capital in education. The analysis made it possible to conclude that existing regulations and procedures do not reflect the pace of organizational changes determined by the challenges of our time and in the context of human capital preservation and development during the transitional period. The authors also identified risks of the project Health Care: the reluctance of the industry to transformations that replace reforms; failure to be in tune with the pace of organizational changes; high risk of corruption; insufficient competence of management. The authors showed directions adequate to goals and objectives of the national project Education: involvement of scientific and technological centers in education; orientation of university programs to practical demands; the availability of collaboration spaces for students and successful entrepreneurs. The scientific novelty of the study can be described as follows: trends of preservation and development of human capital as well as characteristics and risks of national projects' implementation were defined; directions adequate to goals' achievement were clarified.

Keywords: national projects, comparative analysis, health care, education, digital economy.

For citation: Vasil'tsova LI, Aleksandrova NA. National Projects in Russia: Problems of Implementation and Ways to Achieve Goals. In: Perelygina EB, Zotova OYu, Drozdova AV, Tarasova LV. (eds.) *Wellbeing and Security in the Face of Social Transformations: Collection of academic papers from the 10th International Symposium (Yekaterinburg, July 9–10, 2019)*. Yekaterinburg: Liberal Arts University – University for Humanities; 2019. p. 232–241. Available from: doi:10.35853/LAU.WS.2019.MD03.

Введение

Национальные проекты в России имеют свою историю. Благоприятная экономическая ситуация в 2005–2009 годах, вызванная значительным повышением цен на углеводородные ресурсы, позволила использовать дополнительные бюджетные доходы для решения приоритетных задач в сфере улучшения качества жизни населения. Первоначально национальные проекты предусматривали четыре направления: здравоохранение, образование, жилье, сельское хозяйство.

Практика реализации национального проекта «Здоровье» показала, что за этот период средняя продолжительность жизни в России увеличилась с 65,4 года до 69 лет, снизились показатели материнской и младенческой смертности, значительно увеличилось число пациентов, получивших высокотехнологическую медицинскую помощь (в 13,7 раза –

с 60 тыс. чел. до 823,3 тыс. чел.). Однако, несмотря на дополнительные финансовые ресурсы (600 млрд рублей), здравоохранение не обеспечило запрос населения на доступную и качественную медицинскую помощь.

В настоящее время национальные проекты выходят на качественно новый уровень. Они направлены на обеспечение прорывного научно-технологического и социально-экономического развития России, повышение уровня жизни, создание условий и возможностей для самореализации и раскрытия таланта каждого человека [12]. Особенностью данного периода являются их открытость, беспрецедентная масштабность, использование новых методов и инструментов социального управления. Современный этап реализации национальных проектов требует анализа проблем достижения их целей и задач, ожидаемых результатов; условий для возможной корректировки; минимизации негативных социально-экономических последствий.

Цель статьи – поиск эффективных решений успешной реализации национальных проектов «Образование» и «Здравоохранение» на основе анализа результатов их внедрения с учетом предшествующего опыта. Задачи отражают потребность в осмыслении социально-экономических и управленческих процессов, связанных с реализацией национальных проектов, проведении анализа основных показателей, характеризующих их динамику, определении актуальных проблем и путей их решения.

Методы исследования

В качестве основного метода исследования выбран компаративный анализ, позволяющий сравнивать социально-экономические процессы в историческом контексте, определять тренды их развития, противоречия реализации. В частности, сравнивались содержание и результаты первого этапа реализации национальных проектов в 2005–2009 гг., логика и структура современных проектов как важнейших институциональных инструментов управления в социальных сегментах. По результатам компаративного анализа выделены особенности современного этапа реализации национальных проектов, определены некоторые угрозы их реализации на примере проектов, оказывающих непосредственное влияние на формирование, сохранение и приращение человеческого капитала.

Результаты и обсуждение

Идеология национальных проектов состоит в том, чтобы обеспечить соответствие качества человеческого капитала стратегическим целям развития страны за счет новых инструментов управления социальными процессами на основе проектного подхода. Практика проектного управления получила признание во многих странах благодаря его эффективности [1; 8]. Первоначально были разработаны национальные проекты, направленные на развитие здравоохранения, образования, жилья, сельского хозяйства.

Реализация приоритетного национального проекта «Здоровье» повысила внимание федеральных и региональных органов власти к процессам развития системы здравоохранения, задаче сокращения прямых и косвенных потерь общества путем снижения заболеваемости и смерт-

ности населения, проблеме стимулирования труда медицинского персонала [2; 3].

Фактические расходы на национальный проект «Здоровье» в 2006 г. из всех источников составили 78,9 млрд руб., в 2007-м – 139,5 млрд руб., в 2008-м – 118,8 млрд руб. Из региональных бюджетов за два первых года было выделено около 45 млрд рублей [14].

Главным результатом проекта «Здоровье» является увеличение продолжительности жизни с 65,4 до 69 лет. Кроме того, более доступной стала высокотехнологичная помощь, усилилось внимание к профилактике заболеваний, повысилась оснащенность медицинских организаций современным оборудованием, выросла заработная плата медицинского персонала.

В 2020 году истекает срок действия Концепции долгосрочного социально-экономического развития России, принятой в ноябре 2008 года [6]. Поскольку Стратегия-2020, направленная на новую модель роста и новую социальную политику, так и не была утверждена, то ряд ее целевых показателей трансформировались в национальные проекты, что определило содержание майского указа Президента РФ В. В. Путина в 2018 году. Современные национальные проекты направлены на обеспечение прорывного научно-технологического и социально-экономического развития России, повышение уровня жизни, создание условий и возможностей для самореализации и раскрытия таланта каждого человека. Они учитывают проблемы социальной сферы [7].

Анализ стратегических документов позволил выделить их особенности: открытость, беспрецедентную масштабность, использование новых методов и инструментов управления. Открытость обусловлена сопряженностью с государственными программами в социальной сфере и обеспечена публикацией паспортов всех национальных проектов, методики расчета предельных базовых бюджетных ассигнований федерального бюджета [11], информационных материалов о ходе реализации национальных проектов (например, информационного ресурса для всех граждан страны «Будущее России. Национальные проекты»), освещением в СМИ. Масштабность – многочисленными направлениями национальных проектов, целями и задачами с учетом предшествующего опыта и необходимостью решения актуальных проблем. Активными инструментами управления становятся система показателей для оценки эффективности проектов [13], мониторинг и контроль за исполнением в регионах.

Отметим новшество национальных проектов: с 2005 года формировалась система их администрирования, включающая информационное обеспечение, сбор отчетности, механизмы управления национальным проектированием. Она получила свое развитие на втором этапе реализации. Однако до настоящего времени не решена основная проблема: действующие регламенты и процедуры не отражают скорости изменений и требований в соответствии с вызовами времени, в том числе касающихся цифровой экономике. Это относится к большинству элементов национальных проектов и угрожает их реализации.

Прежде всего отметим ключевые направления приоритетного проекта «Здравоохранение»: повышение доступности медицинской помощи, сокращение дефицита кадров, снижение заболеваемости и смертности. Уровень доступности и качества медицинской помощи много лет вы-

зывает тревогу в российском обществе. По показателю ожидаемой продолжительности жизни Россия занимает 110-е место в мире.

Достигать цели придется в условиях ограниченного финансирования. В настоящее время доля государственных расходов на здравоохранение на душу населения в России в 3,2 раза меньше, чем в западноевропейских странах. В структуре бюджета на 2020–2022 годы этот показатель не только не вырос, но даже снизился до 2,9 %, несмотря на систематическую критику низкого уровня финансирования ведущими экспертами здравоохранения [14]. При этом в абсолютном выражении расходы на отрасль растут. По сравнению с законодательно установленным объемом бюджетных ассигнований, базовые бюджетные ассигнования увеличены в 2020 г. на 8 162 659,6 тыс. рублей, в 2021-м – на 3 414 772,7 тыс. рублей и уменьшены в 2022 г. на 53 082 140,7 тыс. рублей. Снижение расходов в 2022 году противоречит переходу к инновационным технологиям в отрасли, преимущественно дорогостоящим, решению проблем стимулирования труда и сохранения высококвалифицированных кадров в государственных и муниципальных медицинских учреждениях.

К противоречиям следует добавить возможные риски: неготовность отрасли к трансформациям; замедленность адаптации к организационным изменениям, недостаточные компетенции менеджмента, высокую вероятность коррупции. Результаты социологического опроса, проведенного в период с 1 по 4 февраля 2019 г., подтверждают наличие серьезных рисков. В исследовании приняли участие 164 респондента, из которых более 50 % – сотрудники государственных и частных клиник, 28 % – представители компаний, производящих и/или поставляющих фарммедпродукцию, 12,2 % – работники научных организаций. Большинство (82 %) опрошенных уверены в коррупционном риске, а 16 % указали на ее высокую вероятность [5]. В целом ожидания респондентов от нацпроекта «Здравоохранение» с совокупным бюджетом 1,7 трлн рублей показал, что наиболее достижимой целью окажется модернизация медицинских учреждений, в первую очередь оснащение современным оборудованием.

В ближайшее время предстоит решать проблемы гарантий государственной бесплатной медицинской помощи; повышения квалификации врачей, адекватной современным технологиям в цифровой экономике. Их невозможно решить без достойной оплаты труда. Эту проблему пытались решить и на первом этапе, и позже в ходе реализации программ модернизации здравоохранения в 2010–2012 гг. К сожалению, она сохраняет актуальность, поскольку во многих регионах наблюдается отставание уровня оплаты труда от нормативов, предусмотренных майскими указами 2012 года, что является причиной увольнения квалифицированных сотрудников, внутриорганизационных конфликтов. Кроме того, усилилась необоснованная дифференциация заработной платы административного персонала и непосредственных исполнителей, значительно повысилась напряженность труда. Известно, что разрыв в уровне зарплат администрации и медицинского персонала составляет десятки раз, что позволяет направлять средства топ-менеджеров в развитие частного бизнеса. Ограничение в виде 8 средних заработных плат в качестве максимальной «вилки» в оплате труда руководителя медицинского учреждения и рядового сотрудника во многих случаях

не действует. Наше исследование, направленное на выявление природы конфликтов в организациях, в котором участвовало более 200 работников государственных медицинских учреждений, показало, что, несмотря на устойчивую тенденцию роста заработной платы, не отвечающая ожиданиям персонала система ее организации в условиях высокой напряженности труда является важнейшим источником конфликтов. Переход к методологии, согласно которой на основную зарплату должно приходиться не менее 55 % выплат врачам и среднему медицинскому персоналу, 10–15 % – компенсации за сверхурочные и праздничные, около 30 % – стимулирующие выплаты, в некоторой степени снизит дифференциацию между администрацией и остальными работниками. Но внедрение единого отраслевого стандарта не решит проблемы, если медицинские работники не будут получать достойное вознаграждение за свой труд. Гораздо больший эффект принесет публичность размера заработной платы: если высокий уровень оплаты будет обоснованным, то он послужит стимулом для качественной работы медиков.

Национальный проект «Образование» является важнейшей органической частью стратегических документов, без которой невозможно развитие страны. Итогами изменений в результате его внедрения в 2005–2009 годах стали три направления, связанные с замыслами и реализацией документа: создание механизма ориентации на потребителя (учащихся и их родителей); активное использование общественного интереса к системе образования; предоставление общественным организациям возможностей для широкого участия в принятии решений по значимым вопросам. Важную преобразующую роль стал играть механизм распределения финансовых ресурсов. Проектом предусматривалось увязать объем финансирования с конкретным количеством потребителей [4].

Современный нацпроект «Образование» должен обеспечить вхождение России в десятку стран – лидеров по качеству общего образования, а также присутствие российских вузов в топе-500 мировых рейтингов. На наш взгляд, в современном проекте высшему образованию уделено недостаточно внимания, несмотря на то что именно от его качества зависят темпы научно-технологического и социально-экономического развития России, повышение уровня жизни, создание условий и возможностей для самореализации и раскрытия таланта каждого человека. Ранее Министр высшего образования и науки М. М. Котюков отмечал, что российские вузы должны не только привлекать иностранцев (425 тысяч человек) учиться в России, но и создавать условия для того, чтобы после окончания вуза такие студенты оставались в нашей стране. На наш взгляд, это не самая важная цель, поскольку технологический прорыв должен осуществляться силами российских высококвалифицированных специалистов. Достижению целей и задач больше соответствуют вовлечение научно-технологических центров в процесс обучения студентов, ориентация образовательных программ на запросы практики, создание площадок для взаимодействия и партнерства студентов и успешных специалистов.

По мнению ректора РАНХиГС В. А. Мау, к вероятным трендам развития высшего образования можно отнести, во-первых, устранение языкового барьера вследствие внедрения в образовательный процесс

технологий искусственного интеллекта. Во-вторых, снижение стоимости качественного образования за счет сокращения технологических издержек благодаря цифровизации. Он отметил и главную составляющую успешности высшего образования: университет должен стать площадкой для профессионального общения, которая обеспечивает активную профессиональную интеграцию [9]. Университет в условиях конкуренции с корпоративными образовательными учреждениями и технологическими центрами сохранится при условии взаимодействия и партнерства студентов и состоявшихся специалистов.

Заключение

Исследование показало, что проектное управление создает условия для повышения качества медицинской помощи и образования, эффективности реализации управленческих решений за счет выбора приоритетов социально-экономического развития страны и российских регионов. Цели и задачи проектов могут быть решены на основе нового подхода к управлению здравоохранением и образованием в контексте актуальности формирования, развития и сохранения человеческого капитала, институциональных изменений в сфере профессионального и высшего образования, науки.

Трансформация учебной деятельности должна предусматривать переход от стандартизированных программ к большей гибкости, от контента к контексту. Ценность общения студентов с преподавателями состоит в том, что они формируют компетенции в предметной области, адаптируют знания к скорости появления новых технологий. Концентрация внимания на непосредственном контакте со студентами создает мотивацию к коммуникации, которая выступает органичным элементом модели компетенций, предпосылки для своевременного выявления и поддержки талантливых студентов. Университет будущего обеспечивается не только традиционно возрастающей потребностью в финансировании, но и настройкой на тренды преодоления противоречий в формировании и приращении человеческого капитала.

Информация об авторах

Людмила Ивановна Васильцова, доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры «Управление персоналом и социология» Уральского государственного университета путей сообщения (г. Екатеринбург, Россия).

Надежда Анатольевна Александрова, кандидат философских наук, доцент, заведующий кафедрой «Управление персоналом и социология» Уральского государственного университета путей сообщения (г. Екатеринбург, Россия).

Information about the authors

Lyudmila I. Vasil'tsova, Dr. Sci. (Economics), Prof., Prof. at HR-Management and Sociology chair, Ural State University of Railway Transport, Yekaterinburg, Russia.

Nadezhda A. Aleksandrova, Cand. Sci. (Philosophy), Ass. Prof., head of HR-Management and Sociology chair, Ural State University of Railway Transport, Yekaterinburg, Russia.

Список литературы

1. Большаков С. О практиках проектного управления: опыт стран центральной и восточной Европы // Общество и экономика. 2018. № 9. С. 33–43.
2. Васильцова Л. И. Приоритетный национальный проект «Здоровье» в системе инновационных технологий // Интеграция науки, образования и производства – стратегия развития инновационной экономики : материалы I Международ. науч.-практ. конференции (Екатеринбург, 25–26 января 2011 г.) / ред.

М. В. Фёдоров, Э. В. Пешина, В. П. Иваницкий. Екатеринбург : УрГЭУ, 2011. Ч. 1. С. 32–36.

3. Васильцова Л. И., Талашкина Е. В. Влияние национальных проектов на оплату труда персонала // Достойный труд – основа стабильного общества : материалы Международной конференции (Екатеринбург, 16 октября 2009 г.) / ред. Н. З. Шаймарданов. Екатеринбург : УрГЭУ, 2009. С. 145–149.

4. Вербицкая Л. А., Дементьев И. А. Инновационное образование – новый стандарт университетской среды // Национальные проекты. 2006. № 6. С. 47–49.

5. Гришин В., Рагозин А. Главным риском нацпроекта «Здравоохранение» признана коррупция // Vademecum. 2019. URL: https://vademecum.ru/article/glavnym_riskom_natsproekta_zdravookhranenie_priznana_korruptsiya/ (дата обращения: 25.09.2019).

6. Концепция долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года : утверждена распоряжением Правительства Российской Федерации от 17 ноября 2008 года № 1662-р // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_82134/ (дата обращения: 27.08.2019).

7. Костарева Л. В. Реализация приоритетных национальных проектов в Российской Федерации: проблемы и перспективы // Общество, экономика, управление. 2018. № 1. С. 37–44.

8. Куприна А. В. Западный опыт реализации национальных проектов и пути его использования в России // Совершенствование публичного управления в сфере реализации приоритетных национальных проектов : материалы российской науч.-практ. конференции (Тюмень, 22–23 ноября 2007 г.) / ред. М. С. Матейкович. Тюмень : Тюменский гос. ун-т, 2008. С. 246–249.

9. May В. Снятие языкового барьера изменит всю систему образования // РБК. 2019. URL: <https://www.rbc.ru/trends/education/5da98e219a79478ec7b73173> (дата обращения: 02.09.2019).

10. Паспорт национального проекта «Образование» // Сайт Правительства Российской Федерации. URL: <http://static.government.ru/media/files/UuG1ErcOWtjfOFCsqdLsLxC8oPFDkmBB.pdf> (дата обращения: 22.09.2019).

11. Проект методики расчета предельных базовых бюджетных ассигнований федерального бюджета по государственным программам Российской Федерации и непрограммным направлениям деятельности на 2020 год и на плановый период 2021 и 2022 годов // Сайт Министерства финансов России. URL: https://www.minfin.ru/ru/document/?id_4=127533 (дата обращения: 14.09.2019).

12. Указ Президента Российской Федерации от 7 мая 2018 года № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_297432/ (дата обращения: 03.10.2019).

13. Федеральный план статистических работ (утв. Распоряжением Правительства РФ от 23 октября 2019 года № 2498-р) // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_336180/ (дата обращения: 15.09.2019).

14. Шейман И. М., Шишкин С. В. Российское здравоохранение: новые вызовы и новые задачи // X Международная научная конференция ГУ ВШЭ по проблемам развития экономики и общества (Москва, 7–9 апреля 2009 г.). М. : Изд. дом ГУ ВШЭ, 2009. С. 43–44.

Статья поступила в редакцию: 21.10.2019

Принята к публикации: 25.11.2019

References

1. Bolshakov S. O praktikakh proektnogo upravleniya: opyt stran tsentral'noi i vostochnoi Evropy [Project management practices: the experience of the countries of Central and Eastern Europe]. *Obshchestvo i ekonomika = Society and Economy*. 2018;9: 33–43. (In Russ.).
2. Vasil'tsova LI. Prioritetnyi natsional'nyi proekt «Zdorov'e» v sisteme innovatsionnykh tekhnologii [The national high-priority project “Health” in the system of innovative technologies]. In: Fyodorov MV, Peshina EV, Ivanitsky VP. (eds.) *Integratsiya nauki, obrazovaniya i proizvodstva – strategiya razvitiya innovatsionnoi ekonomiki [The integration of science, education and production – a developmental strategy of innovative economy]: collected papers of the 1st international scientific and practical conference (Yekaterinburg, 25–26 January 2011)*. Yekaterinburg: USUE; 2011. Vol. 1. p. 32–36. (In Russ.).
3. Vasil'tsova LI, Talashkina EV. Vliyanie natsional'nykh proektov na oplatu truda personala [The impact of national projects on employees' wages]. In: Shaimardanov NZ. (ed.) *Dostoinyi trud – osnova stabil'nogo obshchestva [Decent work – a basis of a stable society]: collected papers of international conference (Yekaterinburg, 16 October 2009)*. Yekaterinburg: USUE; 2009. p. 145–149. (In Russ.).
4. Verbitskaya LA, Dementiev IA. Innovatsionnoe obrazovanie – novyi standart universitetskoj sredy [The innovative education – a new standard of university environment]. *Natsional'nye proekty = National projects*. 2006;6: 47–49. (In Russ.).
5. Grishin V, Ragozin A. Glavnym riskom natsproekta «Zdravookhranenie» priznana korruptsiya [Corruption has been recognized the greatest risk of the national project “Health”]. *Vademecum*. Website. 2019. Available from: https://vademecum.ru/article/glavnym_riskom_natsproekta_zdravookhranenie_priznana_korruptsiya/ [Accessed 25.09.2019]. (In Russ.).
6. Kontseptsiya dolgosrochnogo sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya Rossiiskoi Federatsii na period do 2020 goda: utverzhdena rasporyazheniem Pravitel'stva Rossiiskoi Federatsii ot 17 noyabrya 2008 goda № 1662-Г [A concept of long-term socio-economic development of the Russian Federation for the period up to 2020 as approved by Government Order No. 1662-p]. *KonsultantPlyus*. Website. 2008. Available from: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_82134/ [Accessed 27.08.2019]. (In Russ.).
7. Kostareva LV. Realizatsiya prioritetnykh natsional'nykh proektov v Rossiiskoi Federatsii: problemy i perspektivy [The implementation of priority national projects in the Russian Federation: problems and prospects]. *Obshchestvo, ekonomika, upravlenie = Society, Economy, Management*. 2018;1: 37–44. (In Russ.).
8. Kuprina AV. Zapadnyi opyt realizatsii natsional'nykh proektov i puti ego ispol'zovaniya v Rossii [The Western experience in implementing national projects and its use in Russia]. In: Mateikovich MS. (ed.) *Sovershenstvovanie publichnogo upravleniya v sfere realizatsii prioritetnykh natsional'nykh proektov [The improvement of public administration in realizing national projects]: collected papers of the Russian scientific and practical conference (Tyumen, 22–23 November 2007)*. Tyumen: Tyumen State University; 2008. p. 246–249. (In Russ.).
9. Mau V. Snyatie yazykovogo bar'era izmenit vsyu sistemu obrazovaniya [Language barrier removing will change the entire education system]. *RBC*. Website. 2019. Available from: <https://www.rbc.ru/trends/education/5da98e219a79478ec7b73173> [Accessed 02.09.2019]. (In Russ.).
10. Pasport natsional'nogo proekta «Obrazovanie» [The passport of the national project “Education”]. *The RF Government site*. Available from: <http://static.government.ru/media/files/UuG1ErcOWtjfOFCsqdLsLxC8oPFDkmBB.pdf> [Accessed 22.09.2019]. (In Russ.).

11. Proekt metodiki rascheta predel'nykh bazovykh byudzhetykh assignovani federal'nogo byudzheta po gosudarstvennym programmam Rossiiskoi Federatsii i neprogrammnyim napravleniyam deyatel'nosti na 2020 god i na planovyi period 2021 i 2022 godov [Draft methodology of calculating the basic budget ceiling for project activities of the RF and non-program activities for the year 2020 and the planning period of 2020 and 2022]. *The RF Ministry of Finance site*. Available from: https://www.minfin.ru/ru/document/?id_4=127533 [Accessed 14.09.2019]. (In Russ.).

12. Ukaz Prezidenta Rossiiskoi Federatsii ot 7 maya 2018 goda № 204 «O natsional'nykh tselyakh i strategicheskikh zadachakh razvitiya Rossiiskoi Federatsii na period do 2024 goda [Decree of the President of the RF of 7 May 2018 No. 204 “On national purposes and strategic objective of the RF development up to 2024”]. *KonsultantPlyus*. Website. Available from: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_297432/ [Accessed 03.10.201]. (In Russ.).

13. Federal'nyi plan statisticheskikh rabot (utverzhdenn rasporyazheniem Pravitel'stva Rossiiskoi Federatsii ot 23 oktyabrya 2019 goda № 2498-r [The Federal plan of statistical activities (approved by Government Order No. 2498-p)]. *KonsultantPlyus*. Website. Available from: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_336180/ [Accessed 15.09.2019]. (In Russ.).

14. Sheiman IM, Shishkin SV. Rossiiskoe zdavookhranenie: novye vyzovy i novye zadachi [The Russian health care: new challenges and new tasks]. In: *X Mezhdunarodnaya nauchnaya konferentsiya GU VShE po problemam razvitiya ekonomiki i obshchestva [10-th International scientific conference of HSE on issues of economy and society development] (Moscow, 7–9 April 2009)*. Moscow: HSE Publ. House; 2009. p. 43–44. (In Russ.).

Submitted 21.10.2019

Accepted 25.11.2019

DOI: 10.35853/LAU.WS.2019.MD04
УДК 316.6:174:32

От доверия и справедливости к политкорректности

Александр И. Донцов,
Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова,
г. Москва, Россия
ORCID: 0000-0001-7432-3572, e-mail: a.dontsov@mail.ru
Елена Б. Перельгина,
АНО ВО «Гуманитарный университет»,
г. Екатеринбург, Россия
ORCID: 0000-0002-8440-5210, e-mail: professor_perelygina@mail.ru

Аннотация. В современном обществе роста неопределенности и расширения спектра рисков и угроз выявляется потребность в доверии и справедливости как основе социально-психологического состояния общества. Мы исходим из того, что сформулировать теоретические основания взаимосвязи доверия и справедливости на логических и рациональных основах, без учета исторических форм сознания, а также без учета содержания подсознательного, не получится. Обращаем внимание на то, что на сегодняшний день еще не изжито представление о том, что справедливость есть благо сильного, когда имеется в виду, что для слабого справедливость есть благо чужое. Опираясь на идеи некоторых средневековых мыслителей, мы пришли к выводу, что создание международного права, законов о правах человека не препятствует монопольному вмешательству во внутренние дела со стороны богатых империй, когда не столько доверие, сколько сила формирует социально-политический ландшафт. Также важным представляется наблюдение, что государство не может быть всегда справедливым, поскольку обязано обеспечивать движение общества в будущее, которое не всегда предсказуемо в силу неопределенности пути, что сопряжено с многообразными рисками доверия. Справедливость же можно рассматривать, скорее, как оценочное понятие, которое проявляется после свершения факта действия и выступает основанием для формирования доверия.

Ключевые слова: доверие, справедливость, традиции, меньшинства, совесть, политкорректность.

Благодарности: работа выполнена в рамках гранта Российского научного фонда (проект № 16-18-00032-П) «Доверие и субъективное благополучие личности как основа психологической безопасности современного общества».

Для цитирования: Донцов А. И., Перельгина Е. Б. От доверия и справедливости к политкорректности // Благополучие и безопасность в условиях социальных трансформаций : сб. науч. тр. X Междунар. симпозиума (г. Екатеринбург, 9–10 июля 2019 г.) / ред. Е. Б. Перельгина, О. Ю. Зотова, А. В. Дроздова, Л. В. Тарасова. – Екатеринбург : Гуманитарный университет, 2019. – С. 242–254. – ISBN 978-5-7741-0376-8. – DOI: 10.35853/LAU.WS.2019.MD04.

From Trust and Justice to Political Correctness

Aleksandr I. Dontsov,

Moscow State University after M. V. Lomonosov,
Moscow, Russia

ORCID: 0000-0001-7432-3572, e-mail: a.dontsov@mail.ru

Elena B. Perelygina,

Liberal Arts University – University for Humanities,
Yekaterinburg, Russia

ORCID: 0000-0002-8440-5210, e-mail: professor_perelygina@mail.ru

Abstract. With increasing uncertainty and expanding range of risks and threats integral to modern society, the need for trust and justice as a pillar of the socio-psychological state of society also grows. Our assumption is that to formulate theoretical foundations of the linkage between trust and justice based on logic and rationality without both historical forms of consciousness and the content of consciousness is impossible. It is of interest that the idea that justice is the wheel of a strongman still persists: we mean that for a weak one, justice is another's benefit. Building on ideas of several medieval thinkers we drove to the conclusion that international law, laws on human rights do not prevent powerful empires from monopolies interfering in internal affairs when it is not trust but the force that shapes a socio-political landscape. One more observation also seems to be important. Any state cannot be equitable since it has an obligation to ensure the movement of society towards a future that is not always predictable due to uncertain scenarios, which entails the multitude of trust risks. One should consider justice to be more likely an evaluative notion that manifests itself after the advent of the action and acts as a basis for shaping trust.

Keywords: trust, justice, traditions, minorities, conscience, political correctness.

Acknowledgements: the article was supported with a grant from the Russian Science Foundation (project № 16-18-00032-II).

For citation: Dontsov AI, Perelygina EB. From Trust and Justice to Political Correctness. In: Perelygina EB, Zotova OYu, Drozdova AV, Tarasova LV. (eds.) *Wellbeing and Security in the Face of Social Transformations: Collection of academic papers from the 10th International Symposium (Yekaterinburg, July 9–10, 2019)*. Yekaterinburg: Liberal Arts University – University for Humanities; 2019. p. 242–254. Available from: doi:10.35853/LAU.WS.2019.MD04.

Введение

Доверие среди множества иных социально-психологических феноменов выступает важнейшим фактором социальной жизни, поскольку само общество функционально реализует себя как система многоуровневого доверия в системе горизонтальных и вертикальных социальных взаимодействий, образуя базис социальной стабильности. При этом доверие проявляет себя и в субъективном личностном измерении, и одновременно простирается на всю сферу общественных отношений, наполняя ее определенным ценностным и смысловым содержанием. «Условия неопределенности, детерминирующие риски в ситуации ролевых взаимодействий и принятия решения субъектом, обуславливают важность доверия» [9, с. 155].

Чаще всего доверие понимается как ожидание того, что партнер по взаимодействию будет действовать определенным образом, проявит склонность или даже готовность к сотрудничеству [27]. Так, Б. Ф. Поршнев указывает, что доверие является базовым компонентом формирования социальной общности [15], а И. В. Глушко, раскрывая функцио-

нальное содержание феномена доверия, подчеркивает важность присущей ему функции социальной интеграции и формирования социальной стабильности [7].

А. Б. Купрейченко обращает внимание на то, что, несмотря на распространённое переживание доверия как позитивного ожидания, субъекты не испытывают страха, даже получив от людей, которым доверяют, негативную оценку, в том случае, если она заслужена [13]. Субъект доверия ожидает от тех, кому доверяет, справедливого отношения и поведения. Это значит, что ожидание справедливого поведения является одним из главных признаков доверия. Таким образом, доверие и справедливость в обществе обнаруживают взаимную корреляцию. Так, справедливость увеличивает доверие между людьми, а доверие оказывает влияние на представления о справедливости, поскольку в понимании доверия и справедливости есть некое общее социально-психологическое содержание, которое выражается в том, что и доверие, и справедливость являются характеристиками субъект-субъектных связей между людьми и способствуют проявлению гуманитарной сущности человека. Кроме того, «готовность индивида следовать принципу справедливости, его способность выходить за пределы своей жизни, способность к самосовершенствованию и саморазвитию» [10, с. 114] свидетельствуют об его моральной зрелости.

Доверие благоприятно воздействует на качественные параметры диалога между различными субъектами социальных отношений, в процессе которого складываются те или иные коллективные представления. Причем сила доверия внутри общества положительно коррелирует со степенью согласованности социальных представлений о справедливости. По существу, отношения доверия порождают справедливую деятельность и справедливое отношение. Тем самым справедливость увеличивает доверие между людьми.

В свою очередь, следует отметить, что справедливость в системе социального взаимодействия выступает одновременно и принципом государственного управления, задающим основные параметры социальной жизни, и важным критерием оценки деятельности различных социальных субъектов: индивидов, социальных групп и организаций, даже самого государства. Более того, общественное доверие необходимо государственным институтам для того, чтобы реализовывать основные функции, получать обратную связь в виде некоторой оценки своей деятельности, поддерживать стабильность существующего аппарата управления. Таким образом, принцип справедливости можно считать основой современного миропорядка (это подчеркивается в Уставе ООН, Всеобщей декларации прав человека, Уставе Совета Европы и т. д.). При этом представления о том, как ее (справедливость) понимать и применять, в реальности различны до контрадикторности. Дискуссии о содержании этого понятия идут со времени Платона и Аристотеля до наших дней. В современной литературе выделяется фундаментальный труд Дж. Ролза, осознавшего, что отказ от применения справедливого перераспределения части общественного богатства в пользу неудачливых и неимущих не позволяет поддерживать в обществе стабильность и избегать революций [16]. В определенном смысле данная работа осуществлена в противовес позиции крайнего либертинца фон Хайека, утверждавшего, что в условиях либеральной эконо-

мики понятие справедливости становится излишним и неуместным [23]. В развитие идей Дж. Ролза за рубежом представлен ряд интересных работ, принадлежащих перу таких авторов, как М. Сэндел [19], А. Сен [18], Л. Болтански и Л. Твено [3].

В российской литературе существенный вклад в исследование различных аспектов справедливости внесли Т. Самсонова (социально-философский аспект) [17], В. Хайрулин (политико-правоведческий аспект) [24], группа авторов под руководством Р. Гринберга [8], М. Войенкова [6], а также группа специалистов под руководством Д. Москвина (экономический аспект) [2].

В данной работе ставится задача ввести в научный оборот некоторые аспекты теории справедливости в ее взаимосвязи с проблематикой доверия, которые в наше время практически не упоминаются или забыты, но имеют важное значение в современной жизни.

Методы исследования

Методологической основой исследования является интегративный подход, который раскрывает социально-философские, психологические, политико-правовые и экономические грани взаимосвязи таких феноменов, как доверие и справедливость, в их взаимосвязи с темой политкорректности.

Результаты и обсуждение

Представления о справедливости возникали у древних народов из магических обрядов, где «высшие силы» определяли выбор некоего решения. Для современного человека бросить жребий – это означает доверять слепому случаю, а у древних народов выражалось в доверии к богам, которые предопределяют все сферы жизни и выбора пути. Э. Тайлор в своей знаменитой «Первобытной культуре» привел ряд примеров из жизни древних народов [20]. Так, маори с помощью жребия искали вора, в Италии оракулы предсказывали наступление событий, индийцы жребием искали справедливость в определении невиновного.

Обращаем внимание, что это явление не исчезло в веках и живо в широких массах современных людей, прибегающих к гаданию у цыганок. Солидные гадалки с экрана TV предлагают гадания на картах таро, астрологические прогнозы и т. д.

В представлениях людей случай – не случаен, и судьба каждого человека записана на скрижалях небесной канцелярии. Всё это подтверждает идеи Карла Густава Юнга о существовании в нас как индивидуального, так и коллективного бессознательного, которые создают основы нашей Самости, являющейся сутью нашего чувства справедливости, спонтанно возникающего независимо от воли и сознания и не контролируемого ими. По мнению К. Г. Юнга, через бессознательное нас сопровождает солнце или свет справедливости и тень или ад несправедливости [26, с. 92–93]. Поэтому, рассуждая о доверии и справедливости, мы не должны забывать, что в человеке сосуществуют как сознательное, логическое, определенное, так и бессознательное, неопределяемое, самостное, индивидуальное, зачастую межличностно несовместимое. Учтем это в дальнейших рассуждениях.

Напомним еще одну точку зрения на сущность справедливости, которая в последнее время мало упоминается в силу ее неудобства для

сильных мира сего. В данных размышлениях мы отвлекаемся от классических идей Аристотеля о распределяющей и уравнивающей справедливости, а сосредоточимся на идеях, сформулированных Платоном устами Фразимаха.

Фразимах называет справедливым только то, что полезно сильному, т. е. тому, кто имеет рабов, имущество, власть. Именно сильные устанавливают законы, которые выгодны прежде всего тем, кто их установил. Именно эти законы объявляются справедливыми, а тех, кто их нарушает, объявляют людьми несправедливыми и преступными. Любые правители стремятся извлечь из народа пользу, дисциплинируя его не только законами, но и оплаченной ими группой вооруженных людей. Поэтому справедливость, безусловно, есть благо, но это благо не свое собственное, а чужое. Польза из установленной справедливости извлекается теми, кто управляет страной [22]. Данные строки невольно навевают воспоминания о дискуссиях вокруг принятия некоторых законов в Государственной Думе, в частности вокруг пенсионной реформы. Это показывает, что идеи, изложенные Платоном, до сих пор определяют социально-политические контуры современного мира. Современные государства практически всегда репрезентируют присущий им общественный строй как наиболее справедливый формированием и поддержанием определенной системы ценностей, взглядов и представлений, регулируя отношения доверия и недоверия в обществе.

Утверждая свою концепцию справедливого действия и справедливого отношения всей практикой своего функционирования, государство придает ей законодательно закрепленную формулу. Этой цели во многом служит наличие жесткой иерархии в управлении системой образования и контроля учебных заведений, регламентирование содержания образовательных программ, существование централизованной системы оценки результатов обучения, функционирование государственной системы подготовки педагогических кадров. Таким образом, доверие к государству формируется у подрастающего поколения через освоение соответствующих образовательных стандартов, которые способствуют развитию определенной структуры ценностных ориентаций, в которой государство и репрезентирующие его власть социальные институты выступают как субъекты справедливого действия и справедливого отношения. Однако действия государства сами по себе не являются эталоном справедливости. Таким эталоном являются морально-нравственные ориентиры, на предмет соответствия которым граждане сверяют деятельность государственных институтов. В видимом соответствии с этими ориентирами государство и старается выстроить свою деятельность. Фиксация фактов коррупции, хищений, судебных ошибки и другие проявления несправедливого действия и отношения со стороны государственных структур не только подрывают доверие к государству на уровне гражданского общества, но и создают значимые барьеры для развития доверия в системе международных отношений.

Один из самых глубоких философов Нового времени, Ф. Бэкон, указывал, что, с одной стороны, и власть, и государство необходимы только для того, чтобы справедливость имела силу для своей самореализации, т. е. они являются лишь способом осуществления справед-

ливости, а с другой стороны, правосудие, осуществляемое властью и государством, имеет облик «придворного философа», который служит только этим институтам и их персональному воплощению [4].

Несколько раньше, в IX веке нашей эры, проблемы справедливости пытался освоить и описать крупный арабский мыслитель, известный для нас как Аль-Фараби. На наш взгляд, ему удалось некоторые аспекты понимания справедливости вскрыть более глубоко, чем некоторым из наших современников, поскольку он учитывал естественные основы жизни общества без ее идеализации и возвышенных мотивов, которые имеют узкое применение. Он исходил из того, что индивиды, группы людей, объединения, государства имеют фактически одну природу, которая заключается во взаимной вражде и борьбе. Предметом этой вражды являются вечные ценности, такие как материальные блага, удовольствия, безопасность, власть, самовозвышение и все остальное, что этому способствует. Каждый человек, каждое социальное объединение не может действовать иначе, кроме как лишить конкурента всех благ и присвоить их себе. Средством для достижения этого являются мощь и сила. То же самое может произойти и в отношении победителя, если он попадает в сферу интересов более могущественного объединения. Свойство социума бороться за все виды благ является универсальным и коренится в его природе. Сами законы природы и их различные проявления справедливы, т. е. справедлива сама борьба, покорение одной социальной группы другой, справедливы даже ущерб, смерть или рабство побежденного, справедлива также гордость победителя и увеличение его богатства. «Значит, и порабощение побежденного победителем является также справедливым: и исполнение побежденным всего того, что наиболее полезно победителю, разным образом является справедливым. Значит, все это – природная справедливость, а таковая как раз и является добродетелью. Следовательно, все эти действия суть действия добродетельные» [1, с. 354]. Этот же подход касается, по мнению Аль-Фараби, торговли, экономических и межличностных отношений. При этой трактовке доверительные отношения концентрируются внутри противоборствующих групп и не распространяются на межгрупповые отношения.

На первый взгляд идеи Аль-Фараби отражают варварское состояние общества, этаким неочеловеченный дарвинизм борьбы всех против всех. За прошедшие столетия, после множества кровопролитных войн и революций, стали упорядочиваться международные отношения, изменились системы управления, созданы международные организации, приняты декларации о правах человека, созданы международные суды и т. д. В некоторых странах считается важным и справедливым перераспределение части общественного богатства в пользу бедных и неудачливых, что вызывает поток беженцев в эти страны. Казалось бы, мы далеко ушли от природной справедливости и установили основы социальной справедливости. Пока мы находимся внутри западного мира, все это внешне похоже на правду, но как только мы обращаемся к взаимоотношениям Запада и остального мира, так конфигурация доверия и справедливости выстраивается совершенно иная. Запад, и прежде всего США, может вмешиваться во внутренние дела любого государства, навязывать несправедливые условия торговли, не считаясь с ВТО. В наших средствах массовой информации это называлось «двой-

ные стандарты», но это не так. Наблюдая действия США в недалекие годы в Югославии, Ираке, Ливии, Афганистане, а в последние годы в отношении России, Китая, Северной Кореи, можно с уверенностью сказать, что это не есть двойные стандарты, а тот самый единственный стандарт природной справедливости, описанный Аль-Фараби. В этом случае можно наблюдать дефицит доверия в системе международных отношений, которое питается взаимной зависимостью слабого и сильного (периферии и центра в концепции И. Валлерстайна) [5]. Таким образом, после двух с половиной веков революций и борьбы за свободу, равенство, братство и справедливость, мы наблюдаем элементы расчеловечивания справедливости. Почему это происходит?

Все домодернистские общества основывались на традиции. Каждое поколение передавало следующему опыт, формы поведения, моральные установки. Традиция всегда моральна, и это является ее способом существования. Традиция создает корни бытия и связи поколений, она придает жизни устойчивость и стабильность, формируя основы доверительных отношений. Доверие в традиционном обществе безусловно. По мнению Р. М. Оганезовой, само доверие к традиции имеет тенденцию к сакрализации [14]. Традиция консервативна и противится нововведениям, поскольку в ее основе лежит мораль, на протяжении веков регулирующая общежитие.

Понятие «традиция» содержит в себе два аспекта. С одной стороны, это сохранение во времени элементов культуры, а с другой стороны, передача от индивида к индивиду, от социальной группы к другой группе, от поколения к поколению. В традиции присутствует нечто трансцендентное, т. е. выходящее за пределы четкой осмысленности или, говоря словами К. Г. Юнга, бессознательное. При этом традиция обладает внутренней динамикой и способна к изменениям. Самое существенное при этом всегда сохраняется, но форма приспособляется к новым социальным реалиям.

Снижение уровня сакральности, присущее светским обществам, ускоряет размывание традиций, увеличивает склонность к изменениям. Глобализация последних десятилетий создала теорию полного отрицания традиций в современном обществе, которые, по мнению авторов этой теории, заменяются толерантностью и политкорректностью.

Модерн и постмодерн взрывают традиционные общества, поскольку основаны на изменениях, обновлениях, на разрушении традиций и морали, а следовательно, и на разрушении сложившейся системы доверия. Наука, экономика, политика и даже культура современности лежат вне морали и доверия. В этом смысле российские поэты начала XX века с их «пощечиной общественной морали» вполне современны. Экономика традиционных обществ была основана на надежности и длительности, модерн опирается на непрерывные обновления и изменения, новые гаджеты появляются прежде, чем потеряли функционал старые, автомобилям сознательно уменьшается ресурс использования. Экономике нужен людской ресурс, не связанный ни с моралью, ни с традицией, ни с местом проживания, не обремененный многочисленной семьей, не заинтересованный в выстраивании отношений доверия. Экономика требует только функцию, компетентность, все остальное – лишнее, лучше, если это будет «*tabula rasa*», на которой можно писать все, что угодно.

Политика, которая обсуживает экономику, обладает теми же свойствами. Она не должна быть обременена ничем, кроме свойств, требующих достижения цели. Мораль в этом случае излишня, поскольку мешает компетентно решать задачи. Отсюда появляются пробырки Колина Пауэлла якобы с химоружием, дело Скрипалей и прочее другое. Причем обилие этих сюжетов, не соответствующих основополагающим представлениям об истине и справедливости, рано или поздно оборачиваются серьезным кризисом доверия в обществе.

В лучших западных университетах элиту обучают добиваться успеха в любой дискуссии, причем целью дебатов вовсе не является достижение истины или вскрытие важных фактов, а только убедительность. Правда, в качестве аргумента, лежит на полке аргументаций рядом с неправдой на равных правах. Требуется не истина, а убедительная упаковка. На этот факт обратил внимание английский журналист и писатель Гилберт К. Честертон [25], который еще в начале XX века писал, что в закрытых частных школах и элитных университетах не причащают к поиску истины. К дискуссии они относятся как к спорту словесной дуэли, а не достижению правды. Поэтому, когда наши дипломаты пытаются опровергнуть очередной «фейк», предъявляя факты, то другой стороной они воспринимаются лишь как очередные аргументы с вышеуказанной полки, на которые можно ничтоже сумняшеся привести иной «убедительный» аргумент, поэтому ни о морали, ни о справедливости, ни о подлинном доверии здесь не может быть и речи. Можно говорить, скорее, о манипуляции доверием, которая, в конечном итоге, провоцирует его тотальный дефицит.

Другой важной стороной процесса размывания представлений о справедливости является бурный процесс роста меньшинств [11]. Взрывной характер роста меньшинств и их влияния является объективным процессом, проистекающим из потребностей экономики и мощной поддержки со стороны государств Запада, которые силой распространяют это явление на все континенты. Приоритет прав человека над традициями и моралью, приоритет силы над доверием создают атомарного человека, не обремененного ничем, кроме своей индивидуальности. Он легко включается в производство и потребление новых гаджетов, он мобилен, мораль, как выражение общественного мнения, он давно переступил, он не имеет национальности, постоянного «дома-крепости». Он – приверженец демократии, которую можно насадить силой. Но мы знаем, что в обществе должны быть регуляторы, которые как-то скрепляют общество, иначе производство меньшинств может превратиться в неуправляемый процесс цепной реакции. Именно поэтому в конструкцию общества вместо доверия, морали и справедливости вводятся терпимость и политкорректность. Под это подведены следующие основания: если ты принадлежишь большинству, значит угнетаешь меньшинства; если ты белый – угнетаешь черных; богатый – угнетаешь бедных; мужчина – угнетаешь женщин; образован – угнетаешь необразованных; красивый – угнетаешь некрасивых и т. д. до бесконечности. Реальным фактом существования обладают только меньшинства, они обладают правами человека, имеют монополию на справедливое отношение, в то время как остальные должны запастись терпением и политкорректностью. Так происходит угасание истины, правды, доверия и подлинной справедливости. Можно сказать, правда про-

растает неправдой, доверие – недоверием, а справедливость – несправедливостью.

В движении к политкорректности происходят расчеловечивание индивидов, переход от субъект-субъектных к субъект-объектным отношениям, разрушение доверия и справедливости в результате насаждения формального идеологизированного подчинения личности политическим установкам. На наш взгляд, подобное состояние общества представляет собой угрозу существованию самой цивилизации. Существование в мире всегда опиралось на реальное состояние дел. Люди практического труда – токарь, слесарь, железнодорожник и т. д. – всегда отличат качественный продукт труда от некачественного, справедливый поступок от несправедливого в своей социальной группе. Разрастание сфер деятельности, где результат неявен и практичная ложь становится удобной заменой правды, где появляются большие зоны непроверенных данных, приводят к появлению финансовых пузырей, политических иллюзий, которые, схлопываясь, подрывают веру людей в существование справедливости и все чаще демонстрируют несостоятельность благоприятных ожиданий по отношению к действиям других лиц, организаций и групп.

Заключение

Существуют ли пути коррекции человеческого поведения на пути к правде? Существует ли некое универсальное мерило справедливости в условиях разнонаправленности интересов? Есть ли надежда на утверждение доверия как основания современного общества?

Совокупность фактов, событий (подлинных или мнимых), мнений экспертов, соседей, коллег, доставляемых нам по множеству информационных каналов, представляет собой скорее какофонию, нежели информационную симфонию. Мы во многом доверяем логике строго выстроенных формальных рассуждений. В некоей широкой общественной теории такой подход может вызвать доверие, если сформулированы и общественно признаны базовые аксиомы, подкрепленные историческими изысканиями и работами. Однако, во-первых, жизнь показывает, что факты далеко не всегда устойчивы, а история не всегда предсказуема; во-вторых, в нашем сознании одним из акторов незаметно присутствует бессознательное, которое существенно влияет на наш поведенческий выбор; в-третьих, любое наше решение о справедливости приходит эмоционально, через чувство. Творческие люди зачастую доверяют своему чувству, опирающемуся на культурный багаж, значительно больше, чем на абстрактные логические рассуждения, над которыми, как неизбежный грех, висит теорема Гёделя о неполноте; в-четвертых, любой вопрос о поступке, любой вопрос о справедливости – это есть, прежде всего, вопрос о добре и зле, т. е. это – нравственный вопрос о справедливости.

Только там, в глубинах своей души, в глубинах закоулков сознания, происходит поиск, который отличает справедливость от несправедливости, правду от лжи, определяющий критерий выбора между доверием и недоверием. Жизненный опыт человека заключается в перемалывании сознанием фактов, суждений, поступков, оценок и постоянной многоэтапной выработке отношения ко всему, что его окружает. И в этом процессе, как на это обратил внимание основоположник

символического интеракционизма Чарльз Кули [12], сознание неотлично от совести. В сознании индивида сравниваются, измеряются, пересматриваются поступки, идеи, намерения, причины и установки, идет напряженная внутренняя борьба в контексте личного отношения и напряженного переживания. Это и есть работа совести.

Общество, которое пренебрегает оценкой совести, легко скатывается к греховности. Не случайно Данте поместил предательство на нижний круг ада, где совесть отсутствует полностью, и никто не осмелился его хотя бы слегка возвысить. Привычка к бессовестности разрушительна как на уровне личности, так и на уровне общества. Поэтому, сохраняя привычку опоры на совесть, мы получаем критерий различения добра и зла, справедливости и несправедливости. Совесть вырабатывает привычки, укрепляет нравы и стабилизирует общество, формируя ту нравственную основу доверительных отношений, когда возникает взаимное добровольное решение партнеров по взаимодействию стать более уязвимыми по отношению к друг другу.

Еще одна тема вписывается в логику наших размышлений о доверии и справедливости. Всегда ли общество, государство и отдельная личность должны быть справедливыми, либо есть случаи, когда этим можно пренебречь? На этот вопрос нас натолкнула небольшая работа Людвиг Фейербаха [21]. Он утверждал, что общество должно уметь решительно порывать со своим прошлым для движения вперед, для создания новой эпохи. В чем решительно прав Фейербах? Справедливость есть понятие оценочное, оно может критиковать дело, но не предшествовать ему. Действуя по справедливости, мы идем проторенным путем, уже получившим признание и оценку. Следовательно, держит она нас за плечи, заставляя как бы топтаться на месте. Создавая нечто новое, мы вырываемся из-под груди бывших справедливых оценок в пространство риска и неопределенности, но обеспечиваем прорывные действия, открываем свободе свою творческую силу и создаем новую базу своего существования, новые конфигурации доверия и справедливости.

Информация об авторах

Александр Иванович Донцов, академик РАО, доктор психологических наук, профессор, профессор кафедры социальной психологии Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова, почетный президент Российского психологического общества (г. Москва, Россия).

Елена Борисовна Перельгина, член-корреспондент РАО, доктор психологических наук, профессор, декан факультета социальной психологии Гуманитарного университета, заведующая кафедрой социальной психологии Гуманитарного университета, руководитель Центра комплексных проблем психологии безопасности (г. Екатеринбург, Россия).

Information about the authors

Aleksandr I. Dontsov, academician of the Russian Academy of Education, Dr. Sci. (Psychology), professor, professor at Social Psychology chair of Moscow State University after M. V. Lomonosov, Honorary President of the Russian Psychological Society, Moscow, Russia.

Elena B. Perelygina, corresponding member of the Russian Academy of Education, Dr. Sci. (Psychology), professor, dean of Social Psychology department, head of Social Psychology chair, Liberal Arts University – University for Humanities; director of Comprehensive Issues of Security Psychology Center of the Russian Academy of Education, Yekaterinburg, Russia.

Список литературы

1. Аль-Фараби. Добродетельный город // Философские трактаты. Алма-Ата : Наука, 1970. 429 с.
2. Биншток Ф. М., Ермакова Л. И., Коновалов Н. Н., Лещинская А. Ф., Москвин Д. Д., Наумова Н. Ф. Проблемы социальной справедливости в зеркале современной экономической теории. М. : Едиториал УРСС, 2002. 192 с.
3. Болтански Л., Тевено Л. Критика и обоснование справедливости: очерки социологии градов. М. : Новое литературное обозрение, 2013. 576 с.
4. Бэкон Ф. Великое восстановление наук. Соч. : в 2 т. М. : Мысль, 1977. Т. 1. 567 с.
5. Валлерстайн И. Миросистемный анализ. Введение. М. : ЛЕНАНД, 2018. 304 с.
6. Войнков М. И. Социальность и экономическая эффективность: противоречия несовместимости // Социальная справедливость и экономическая эффективность: Опыт, проблемы, теории : материалы науч. конференции. М. : ЛЕНАНД, 2007. С. 54–73.
7. Глушко И. В. Понятийная дихотомия «доверие–недоверие» в контексте мультиметодологии // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2012. № 6-2 (20). С. 53–56.
8. Гринберг Р. С. Справедливость и эффективность: теория, методология и политика // Социальная справедливость и экономическая эффективность: Опыт, проблемы, теории : материалы науч. конференции. М. : ЛЕНАНД, 2007. С. 8–10.
9. Донцов А. И., Перельгина Е. Б. Трактовка доверия в зарубежной социальной психологии // Вопросы психологии. 2017. № 2. С. 152–161.
10. Зотова О. Ю. Психологическое благополучие личности. Екатеринбург : Гуманитарный университет, 2017. 312 с.
11. Ионин Л. Г. Восстание меньшинств. СПб. : Университетская книга, 2013. 237 с.
12. Кули Ч. Х. Человеческая природа и социальный порядок. М. : Идея-Пресс : Дом интеллектуальной книги, 2000. 320 с.
13. Купрейченко А. Б. Психология доверия и недоверия. М. : Институт психологии РАН, 2008. 570 с.
14. Оганезова Р. М. Доверие к традиции и его кризис // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Серия : Общественные науки. 2006. № 11. С. 3–8.
15. Поршнев Б. Ф. Социальная психология и история. М. : Наука, 1979. 235 с.
16. Ролз Дж. Теория справедливости. М. : Изд-во ЛКИ, 2010. 536 с.
17. Самсонова Т. Н. Справедливость равенства и равенство справедливости. М. : Изд-во Моск. ун-та, 1996. 136 с.
18. Сен А. Идея справедливости. М. : Изд-во Института Гайдара : Фонд «Либеральная миссия», 2016. 520 с.
19. Сэндел М. Справедливость. Как поступать правильно? М. : Манн, Иванов и Фербер, 2013. 352 с.
20. Тайлор Э. Первобытная культура. М. : Политиздат, 1989. 573 с.
21. Фейербах Л. Лекция по истории новой философии (1835) // Избранные философские произведения : в 2 т. М. : Государственное изд-во политической литературы, 1955. Т. 1. 676 с.
22. Фразамах. Антология мировой философии : в 4 т. М. : Мысль, 1968. Т. 1. 576 с.
23. Хайек фон Ф. Судьбы либерализма в XX веке. М. : Мысль, 2009. 337 с.
24. Хайрулин В. И. Категория справедливости с истории политико-правовой мысли. М. : Книжный дом «Либроком», 2011. 192 с.
25. Честертон Г. К. Писатель в газете. М. : Прогресс, 1984. 384 с.

26. Юнг К. Г. Очерки по аналитической психологии. Минск : Харвест, 2003. 528 с.

27. Pruitt D. G., Carnevale P. J. Negotiation in social conflict. Pacific Grove : Brooks/Cole Publishers, 1993. 251 p.

Статья поступила в редакцию: 25.10.2019

Принята к публикации: 28.11.2019

References

1. Al-Farabi. Dobrodetel'nyi gorod [The virtuous city]. In: *Filosofskie traktaty [Philosophical texts]*. Alma-Ata: Nauka; 1970. 429 p. (In Russ.).
2. Binshtok FM, Ermakova LI, Konovalov NN, Leschinskaya AF, Moskvina DD, Naumova NF. *Problemy sotsial'noi spravedlivosti v zerkale sovremennoi ekonomicheskoi teorii [The problems of social justice in the mirror of today's psychology]*. Moscow: Editorial URSS; 2002. 192 p. (In Russ.).
3. Boltansky L, Thevenot L. *Kritika i obosnovanie spravedlivosti: ocherki sotsiologii gradov [A Critique and Justification of Justice: Essays on the Sociology of the city]*. Moscow: Novoe Literaturnoe Obozrenie (New Literary Review); 2013. 576 p. (In Russ.).
4. Bacon F. *Velikoe vosstanovlenie nauk. Soch.: v 2 t. [The great Recovery of Sciences. Col. Works in 2 vol.]*. Moscow: Mysl'; 1977. Vol. 1. 567 p. (In Russ.).
5. Wallerstein I. *Mirosistemnyi analiz. Vvedenie [World-Systems Analysis: An Introduction]*. Moscow: Lenand; 2018. 304 p. (In Russ.).
6. Voienkov MI. Sotsial'nost' i ekonomicheskaya effektivnost': protivorechiya nesovmestimosti [Sociality and the economic effectiveness: controversies of incompatibility]. In: *Sotsial'naya spravedlivost' i ekonomicheskaya effektivnost': Opyt, problemy, teorii [Social justice and economic effectiveness: practices, problems, theories]: collected reports of the scientific conference*. Moscow: Lenand; 2007. p. 54–73. (In Russ.).
7. Glushko IV. Ponyatiinaya dikhotomiya «doverie–nedoverie» v kontekste mul'timetodologii [Conceptual Dichotomy Trust-Distrust in the Context of Multi-Methodology]. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki = Historical, Philosophical, Political and Law Sciences, Culturology and Study of Art. Issues of Theory and Practice*. 2012;6-2(20): 53–56. (In Russ.).
8. Grinberg RS. Spravedlivost' i effektivnost': teoriya, metodologiya i politika [Justice and effectiveness: theory, methodology and politics]. In: *Sotsial'naya spravedlivost' i ekonomicheskaya effektivnost': Opyt, problemy, teorii [Social justice and economic effectiveness: practices, problems, theories]: collected reports of the scientific conference*. Moscow: Lenand; 2007. p. 8–10. (In Russ.).
9. Dontsov AI, Perelygina EB. Traktovka doveriya v zarubezhnoi sotsial'noi psikhologii [Interpretation of trust in social psychology of other countries]. *Voprosy psikhologii = Voprosy Psikhologii*. 2017;2: 152–161. (In Russ.).
10. Zotova OYu. *Psikhologicheskoe blagopoluchie lichnosti [Psychological wellbeing of personality]*. Yekaterinburg: Liberal Arts University – University for Humanities; 2017. 312 p. (In Russ.).
11. Ionin LG. *Vosstanie men'shinstv [The riot of the minorities]*. Saint Petersburg: Universitetskaya kniga (University book); 2013. 237 p. (In Russ.).
12. Cooley C. *Chelovecheskaya priroda i sotsial'nyi poryadok [Human nature and the social order]*. Moscow: Ideya-Press; Dom intellektualnoy knigi (House of an Intellectual book); 2000. 320 p. (In Russ.).
13. Kupreichenko AB. *Psikhologiya doveriya i nedoveriya [Psychology of trust and mistrust]*. Moscow: the RAS Institute of Psychology; 2008. 570 p. (In Russ.).

14. Oganezova PM. Doverie k traditsii i ego krizis [Trust towards tradition and its crisis]. *Izvestiya vuzov. Severo-Kavkazskii region. Seriya: Obshchestvennye nauki = University News. North-Caucasian Region. Social Sciences Series*. 2006;11: 3–8. (In Russ.).

15. Porshnev BF. *Sotsial'naya psikhologiya i istoriya [Social psychology and history]*. Moscow: Nauka; 1979. 235 p. (In Russ.).

16. Rawls J. *Teoriya spravedlivosti [A Theory of Justice]*. Moscow: Publ. House LKI; 2010. 536 p. (In Russ.).

17. Samsonova TN. *Spravedlivost' ravenstva i ravenstvo spravedlivosti [The justice of equality and equality of justice]*. Moscow: Moscow State University Publ. House; 1996. 136 p. (In Russ.).

18. Sen A. *Ideya spravedlivosti [The Idea of Justice]*. Moscow: Gaidar Institute Publ. House; the "Liberal Mission" Fund; 2016. 520 p. (In Russ.).

19. Sandel M. *Spravedlivost'. Kak postupat' pravil'no? [Justice: What's the Right Thing to Do?]*. Moscow: Mann, Ivanov, Ferber; 2013. 352 p. (In Russ.).

20. Tylor E. *Pervobytnaya kul'tura [Primitive Culture]*. Moscow: Politizdat; 1989. 573 p. (In Russ.).

21. Feuerbach L. Lektsiya po istorii novoi filosofii (1835) [Lectures on history of a new philosophy (1835)]. In: *Izbrannye filosofskie proizvedeniya v 2 t. [Selected writings in 2 vol.]*. Moscow: State Publishing House of Political Literature; 1955. Vol. 1. 676 p. (In Russ.).

22. Phrasimah. *Antologiya mirovoi filosofii v 4 t. [The Anthology of worldwide philosophy in 4 vol.]*. Moscow: Mysl'; 1968. Vol. 1. 576 p. (In Russ.).

23. Von Hayek FA. *Sud'by liberalizma v XX veke [The destinies of liberalism in the 20-th century]*. Moscow: Mysl'; 2009. 337 p. (In Russ.).

24. Khairullin VI. *Kategoriya spravedlivosti v istorii politiko-pravovoi mysli [Categories of justice from the history of political and legal thought]*. Moscow: Knizhny dom "Librokom" ("Librokom" Books); 2011. 192 p. (In Russ.).

25. Chesterton GK. *Pisatel' v gazete [A writer in a newspaper]*. Moscow: Progress; 1984. 384 p. (In Russ.).

26. Jung CG. *Ocherki po analiticheskoi psikhologii [Essays on analytical psychology]*. Minsk: Kharvest (Harvest); 2003. 528 p. (In Russ.).

27. Pruitt DG, Carnevale PJ. *Negotiation in social conflict*. Pacific Grove: Brooks/Cole Publishers; 1993. 251 p.

Submitted 25.10.2019

Accepted 28.11.2019

DOI: 10.35853/LAU.WS.2019.MD05
УДК 159.923:[141.32+614.8]

Архетипические алгоритмы обеспечения экзистенциальной безопасности личности

Юрий В. Грицков,

Сибирский федеральный университет,
г. Красноярск, Россия

ORCID: 0000-0003-4673-132X, e-mail: grickov50@mail.ru

Николай М. Перельгин,

АО «Мультиклет», Екатеринбург, Россия

ORCID: 0000-0003-2824-8019, e-mail: pnm45@mail.ru

Елена Н. Сюткина,

АНО ВО «Гуманитарный университет»,

г. Екатеринбург, Россия

ORCID: 0000-0003-0521-5839, e-mail: elena_sutkina@mail.ru

Аннотация. Авторы ставят перед собой цель исследовать роль архетипов коллективного бессознательного в распознавании типических для человеческой ситуации угроз и в выработке способов психологической защиты от них. Осмысление проблем экзистенциальной безопасности личности осуществляется в дискурсе концепции архетипов коллективного бессознательного К. Г. Юнга. Центральное место в формировании чувства экзистенциальной безопасности принадлежит архетипу Самости, осуществляющему спонтанное тестирование любой новой ситуации на предмет наличия в ней угроз безопасности ее бытию и запрос на поиск способов их нейтрализации. Разрабатывается представление об архетипах философствования как об общечеловеческих, спонтанно включающихся алгоритмах рефрейминга образов и переживаний, вызывающих долговременный психологический дискомфорт. Авторы приходят к выводу, что в процессе экзистенциального переформатирования субъективных образов ситуаций, воспринимаемых личностью как несущие непреодолимую угрозу его Самости, конституируются типические экзистенциальные смыслы, обеспечивающие долговременную психологическую устойчивость личности к такого рода угрозам. Рассматриваются архетипические алгоритмы защиты от таких экзистенциальных угроз, как страх смерти, чувство вины, длительный экзистенциальный дискомфорт, утрата идентичности и другие. Вводится понятие архетипического смысла. Авторы показывают, что обращение к концепции архетипов как методологическому нарративу в исследовании экзистенциальной безопасности личности позволяет непротиворечивым образом осмыслить и упорядочить накопленный в различных областях знания фактический материал, выстроить целостную теоретическую модель данного феномена. Демонстрируется эвристический потенциал архетипического подхода к теоретическому моделированию процессов деструкции механизмов экзистенциальной безопасности личности.

Ключевые слова: экзистенциальная безопасность личности, архетипический образ, Самость, Мы-Самость, архетипический смысл, архетипы философствования.

Для цитирования: Грицков Ю. В., Перельгин Н. М., Сюткина Е. Н. Архетипические алгоритмы обеспечения экзистенциальной безопасности личности // Благополучие и безопасность в условиях социальных трансформаций : сб. науч. тр. X Междунар. симпозиума (г. Екатеринбург, 9–10 июля 2019 г.) / ред. Е. Б. Перельгина, О. Ю. Зотова, А. В. Дроздова, Л. В. Тарасова. – Екатеринбург : Гуманитарный университет, 2019. – С. 255–262. – ISBN 978-5-7741-0376-8. – DOI: 10.35853/LAU.WS.2019.MD05.

© Ю. В. Грицков, Н. М. Перельгин, Е. Н. Сюткина, 2019

Archetypical Algorithms for Providing Existential Security of the Individual

Yuri V. Gritskov,

Siberian Federal University, Institute for Humanities, Krasnoyarsk, Russia
ORCID: 0000-0003-4673-132X, e-mail: grickov50@mail.ru

Nikolai M. Perelygin,

Mul'tiklet, Yekaterinburg, Russia
ORCID: 0000-0003-2824-8019, e-mail: pnm45@mail.ru

Elena N. Syutkina,

Liberal Arts University – University for Humanities, Yekaterinburg, Russia
ORCID: 0000-0003-0521-5839, e-mail: elena_sutkina@mail.ru

Abstract. The authors aimed to investigate the role of archetypes of the collective unconscious in recognizing threats typical of human situations and developing ways of psychological protection against them. The authors reflected on existential security in the discourse of the C. G. Jung archetypes of the Collective Unconsciousness. A central place in shaping a sense of existential security belongs to the archetype Self that exercises spontaneous testing of any new situation in terms of threats and seeks for ways to neutralize them. The authors also formulated the notion of the philosophizing archetypes as human algorithms of existential reframing of images and experiences provoking a prolonged psychological discomfort. The conclusion was that while reformatting subjective images of situations perceived as bearing threats to an individual's self typical existential meanings are constituted and provide long-term psychological resilience against these kinds of threats. The paper considers archetypical algorithms of protecting against the fear of death, overcoming a sense of guilt, adjusting to the situation through the creation of an attractor, or the change or loss of identity, etc. The authors introduced the notion of archetypal meaning. They also showed that the concept of archetypes as a methodological narrative in studying personality existential security allows us to comprehend and streamline, in a consistent way, the material accumulated in different areas of knowledge, design a coherent theoretical model of the phenomenon. The paper demonstrated a heuristic potential of the archetypal approach in theoretically modeling of the processes when mechanisms of personality existential security are disrupted.

Keywords: existential security of personality, archetypal image, Self, Us-Self, archetypal meaning, archetypes of philosophizing.

For citation: Gritskov YV, Perelygin NM, Syutkina EN. Archetypical Algorithms for Providing Existential Security of the Individual. In: Perelygina EB, Zotova OYu, Drozdova AV, Tarasova LV. (eds.) *Wellbeing and Security in the Face of Social Transformations: Collection of academic papers from the 10th International Symposium (Yekaterinburg, July 9–10, 2019)*. Yekaterinburg: Liberal Arts University – University for Humanities; 2019. p. 255–262. Available from: doi:10.35853/LAU.WS.2019.MD05.

Введение

В концепциях возникновения краудинга (длительного субъективного ощущения психологического дискомфорта, связанного с осознанием незащищенности от наличествующих в человеческой ситуации реальных или мнимых угроз [11]) рассматриваются такие объективные факторы, как дефицит в социальной среде индивидуальных свобод; информационные перегрузки; дезадаптация личности вследствие чрезмерной сложности и трудоемкости предъявляемых ей требований и задач; невостребованность личности обществом; манипуляционные воздействия со стороны различных социальных субъектов; угрожающие непредсказуемыми последствиями глобальные трансформации;

неконтролируемая хаотизация социальных процессов; деградация жизненного мира человека в «массовом обществе потребления» и др.

Из того, что одна и та же ситуация может восприниматься нами и как достаточно комфортная (безопасная), и как весьма угрожающая, с очевидностью следует, что, помимо объективных факторов, в формировании чувства опасности участвуют феномены субъективной реальности. Обычно называются такие субъективные факторы, как интеллектуальный багаж личности, принятые ею объяснительные схемы, полученный ранее опыт, индивидуальные особенности психики и т. п. При этом в тени остается роль в формировании экзистенциального ощущения безопасности феноменов коллективного бессознательного, являющихся, согласно К. Г. Юнгу, паттернами психического восприятия для всего человечества [9]. Присутствующие в психике человека схемы-образцы восприятия типических, многократно повторяющихся в социуме ситуаций представляют собой автоматически включающиеся программы (алгоритмы) выстраивания типических экзистенциальных образов. На наш взгляд, именно задействованные в восприятии личностью собственной ситуации архетипические программы играют существенную, а зачастую и определяющую роль в осознании этой ситуации как опасной или безопасной. Поэтому обращение к архетипическому дискурсу представляется необходимым для формирования целостной теоретической модели процесса психологической адаптации личности к факторам внешнего и внутреннего мира, воспринимаемым как угрозы ее бытию. Целью настоящей работы является прояснение роли архетипов в формировании чувства экзистенциальной безопасности личности.

Методы исследования

Методологической основой исследования выступает герменевтический метод. Осмысление проблем экзистенциальной безопасности личности осуществляется в дискурсе концепции архетипов коллективного бессознательного К. Г. Юнга. Взаимосвязь феномена философствования с проблемами экзистенциальной безопасности личности рассматривается в контексте концепта «архетип Самости».

Результаты и обсуждение

Мы исходим из представления об архетипах как о «формах без содержания, представляющих только возможность определенного типа восприятия и действия» [7, с. 77–78]. Это эволюционно предустановленные (предзаданные) человеку матрицы осмысления феноменов человеческой действительности, алгоритмы выстраивания экзистенциальных образов этих феноменов и связывания одних феноменов с другими. Иными словами, они представляют собой универсальные схемы бессознательной психической активности, спонтанно задействованные в отражении сознанием феноменов внешнего и внутреннего мира человека. Архетипы, в отличие от имеющих физиологическую природу инстинктивных чувств и реакций, проявляются в фантазиях, видениях, снах в виде осознаваемых символических образов, отсылающих к экзистенциальным переживаниям – эстетическим, нравственным, религиозным, экстатическим.

В результате работы архетипов коллективного бессознательного в сознании конституируются символические мыслеобразы, в которых прозрачное для сознания содержание предстает в единстве с идущими из бессознательных глубин психики неэксплицируемыми экзистенциальными переживаниями.

Согласно К. Г. Юнгу, системообразующим центром коллективного бессознательного является архетип Самости [6]. Эта программа конституирует «Я» – самообраз взаимодействующего с действительностью субъекта. «Я» всегда обнаруживает себя в центре своего мира как идентичную самой себе целостность («монаду»), отделенную от этого мира и противостоящую ему. Способность осознать и ощутить, что «Я – это Я», означает «способность ощутить себя субъектом собственных действий» [5, с. 61]. Самость в юнговском понимании выступает субъектом всей психики человека.

Работа архетипической программы Самости направлена на обеспечение и сохранение собственной идентичности как действующего субъекта. Она осуществляет тестирование любой новой ситуации на предмет наличия в ней угроз безопасности ее бытия и инициирует запрос на поиск способов нейтрализации обнаруженных угроз. Если обнаруженная угроза представляется неустранимой, то включаются архетипические программы адаптации к ней, которые мы предлагаем назвать архетипами философствования. Здесь под архетипами философствования мы понимаем предзаданные человеку, спонтанно включающиеся программы смыслового рефрейминга – экзистенциального переформатирования субъективных образов ситуаций, воспринимаемых как несущие непреодолимую угрозу его Самости (в этой ситуации философствование становится способом подлинного бытия человека). В результате работы этих программ конституируются типические экзистенциальные смыслы, обеспечивающие долговременную психологическую устойчивость индивида к такого рода угрозам. Так, например, знание о неизбежности смерти является для человека сильнейшим источником экзистенциального дискомфорта и угрозой его психологической безопасности [1, с. 27]. Архетип преодоления страха смерти, проецируя в сознание «нуминозные» (воспринимаемые субъектом как *vox Dei*) образы-переживания [8, с. 96], побуждает его создавать смыслы, позволяющие преодолевать этот страх.

Чтобы защититься от угроз маячащей на горизонте его бытия смерти, человек может:

– прибегнуть к стратегии ее экзистенциального игнорирования (Эпикур: пока я есть, ее нет, когда она случится, меня уже не будет, поэтому я могу поступать как бессмертный);

- представить смерть как закономерный, экзистенциально необходимый феномен, без которого жизнь не была бы столь прекрасна, не имела бы высшей ценности;

- представить жизнь своих потомков, сограждан, всех будущих поколений как экзистенциальное продолжение своей собственной жизни;

- поверить в инобытие после смерти и т. д. Важно подчеркнуть, что конституирование всех перечисленных «мыслечувств» происходит под воздействием одной и той же архетипической программы, побуждающей искать экзистенциальной защиты от неизбежной и всё раз-

рушающей угрозы, ставящей под вопрос базисные бытийные смыслы человека. Можно назвать эту программу архетипом философствования.

Еще один сильнейший поставщик экзистенциального дискомфорта – Совесть [8]. Крайне болезненное для человека чувство вины неожиданно жалит его в самых разнообразных ситуациях (человек способен ощутить себя виноватым за что угодно, например просто за то, что он существует). Активируемый этим чувством архетипический алгоритм философствования побуждает воспринять любое случившееся несчастье (или угрозу такового) как наказание за какую-то собственную (реальную или мнимую) оплошность (за грех, который должен быть осознан и искуплен) [3, с. 20–26]. В контексте данного алгоритма всё, что случается с человеком, может быть осмыслено как наказание и покаяние за то, что оно случается. Осмысление несчастья как заслуженного и искупительного парадоксальным образом защищает человека от экзистенциального дискомфорта, примиряет его с вызванным этой ситуацией страданием.

Заметим попутно, что альтернативный описанному алгоритм защиты от чувства вины посредством самооправданий (перекладывания вины на других или на непреодолимые обстоятельства) оказывается менее эффективным, так как в этом случае нейтрализация угрозы безопасности достигается за счет актуализации другой угрозы, порождающей зачастую неменьший психологический дискомфорт.

Приведем еще несколько примеров, порождающих архетипические смыслы алгоритмов адаптации к психологически дискомфортным, угрожающим идентичности субъекта ситуациям:

- создание долговременного аттрактора – положительного образа будущего, во имя достижения которого имеет смысл претерпевать существующий экзистенциальный дискомфорт. В иудаизме, например, таким аттрактором являлось представление о «Земле обетованной», на которой Господь обещал процветание многочисленным потомкам Авраама;

- алгоритм пассивного ожидания неизбежного окончания неблагоприятной ситуации (сидеть на берегу реки и ждать, когда мимо проплывет труп твоего врага. Другой вариант той же экзистенциальной позиции – знаменитое «и это пройдет» царя Соломона);

- сопряженная с трансформацией картины мира и системы ценностных ориентиров смена идентификационных кодов (переход в другую веру, идентификация себя с более мощной, иногда вымышленной социокультурной общностью, способной лучше защитить своих членов от проблем и опасностей);

- «обнуление» опасности посредством самоотстранения от переживаемой ситуации и эвакуации из нее базисных смыслов и ценностей (частным вариантом данного алгоритма можно считать самоиронию – «отстраненный» взгляд на собственные проблемы как на несущественные, мелкие, несерьезные в масштабах подлинного бытия).

Самость в своем бытии сталкивается с внешними и внутренними угрозами. Источник первых – социальная реальность, источник вторых – субъективная реальность. Адаптацию к угрозам внешней реальности осуществляет Персона – архетипическая программа, выстраивающая между «Я» и социумом защитный буфер в виде набора масок и ролей, которые индивид предъявляет другим субъектам в соответствующих

ситуациях в ответ на их вызовы и ожидания. Если принятый индивидом набор масок и ролей не обеспечивает эффективной защиты от внешних опасностей, то может произойти утрата Персоны – индивид становится чрезвычайно ранимым, незащищенным в любых социальных взаимодействиях. Не менее деструктивна эволюция Персоны в сторону избыточной защищенности, что также затрудняет адаптацию индивида к социальной реальности.

В то время как область активности архетипа Персоны расположена между эго и внешним миром, между эго и внутренним миром бессознательного действует архетип Тени – программа, проецирующая собственные опасные для личности качества и потенции на других социальных субъектов. Архетип тени делает невидимыми эти качества в себе и при этом побуждает пристально выискивать их в других. До тех пор пока индивид не обнаружит эти качества в себе, он щедро наделяет ими своих реальных и мнимых врагов, поддерживая тем самым свое чувство правоты в противостоянии с ними.

Заметим, что опасными для индивида могут быть не только не осознаваемые личностью негативные качества и потенции, но и позитивные (положительная тень), проявление которых также может быть опасным для нее в определенных обстоятельствах (например, излишне лояльное отношение к коллективному врагу может представлять серьезную опасность для члена группы).

Тот факт, что ресурсы Самости отдельного индивида в противостоянии внешним и внутренним опасностям весьма ограничены, понуждает ее объединяться с другими Самостями в Мы-Самость, ведь нахождение в массе безопаснее, поскольку большинство сильнее и сила эго легитимна. К тому же ощущение себя частью массы освобождает от ответственности: ответственность делегируется вождю. Однако на образование Мы-Самости коллективное бессознательное отвечает новыми вызовами и угрозами. Существование в группе обрекает ее членов на взаимную зависимость и взаимное подражание. В результате «всякая большая компания, составленная из превосходных по отдельности личностей, обладает моральностью и интеллектом неповоротливого, тупого и агрессивного животного» [4, с. 251]. Таким образом неизбежными спутниками коллективной Мы-Самости оказываются глупость и безнравственность. Вследствие этого, как отмечает В. Одайник, атомизированный массовый человек оказывается подвержен массовым «психическим эпидемиям», проявляющимся в форме возглавляемых харизматическими лидерами мессианских движений [4, с. 255].

К. Ясперс также отмечает, что «ввергнутый из субстанции стабильных условий в аппарат массового существования человек», отказавшийся от опоры в Боге и в других «гармонизирующих соблазнах», склонный к «протесту своеюравия» и к «отчаянию нигилизма», утратил чувство безопасности. Массовый человек теряет свою ценность, утрачивает любые смыслы, превращается в ничто [10, с. 131–132]. В конечном счете Самость, искавшая в массе безопасного бытия, ощущает свою беспомощность как перед угрозами внешнего мира, так и перед угрозами мира внутреннего.

На парадоксальную связь массового человека с феноменом терроризма обращает внимание Ж. Бодрийяр: с одной стороны, масса и террорист являются непримиримыми врагами, с другой – оба являются

прямыми виновниками тектонических потрясений и смерти социального. И человек массы, и террорист отказываются от какого-либо смысла, отрицают социальное во всех его ипостасях. Они – продукты и инструменты рассеивания социального. Человек массы, ставший жертвой террористического акта, «расплачивается за преступление, состоящее в том, что он стал никем, что у него нет собственной судьбы... Именно потому, что он теперь – это “кто угодно”, ему суждено быть жертвой терроризма» [2, с. 223].

Заключение

Из вышеизложенного следует, что обращение к концепции архетипов как к методологическому нарративу в исследовании экзистенциальной безопасности личности позволяет непротиворечивым образом осмыслить и упорядочить накопленный фактический материал, выстраивать целостное представление о роли бессознательного в формировании чувства безопасности. Представляется, что разрабатываемый нами концепт архетипов философствования как коренящихся в бессознательном форм экзистенциального реформатирования субъективных образов ситуаций, воспринимаемых личностью как несущих непреодолимую угрозу его Самости, может быть использован в теоретическом моделировании феномена экзистенциальной безопасности личности.

Информация об авторах

Юрий Викторович Грицков, доктор философских наук, профессор, профессор кафедры философии Гуманитарного института Сибирского федерального университета (Красноярск, Россия).

Николай Михайлович Перельгин, кандидат философских наук, профессор, председатель совета директоров АО «Мультиклет» (Екатеринбург, Россия).

Елена Николаевна Сюткина, кандидат философских наук, старший преподаватель факультета социальной психологии Гуманитарного университета (Екатеринбург, Россия).

Information about the authors

Yuri V. Gritskov, Dr. Sci. (Philosophy), Professor, Professor at Philosophy chair of Institute for Humanities, Siberian Federal University, Krasnoyarsk, Russia.

Nikolai M. Perelygin, Cand. Sci. (Philosophy), Professor, Chairman of “Mul’tiklet” Board of Directors, Yekaterinburg, Russia.

Elena N. Syutkina, Cand. Sci. (Philosophy), Senior lecturer at PR and Advertising chair, Liberal Arts university – University for Humanities, Yekaterinburg, Russia.

Список литературы

1. Баканова А. А. Архетипическое содержание чувства безопасности // Направления и перспективы развития образовательной области «Безопасность жизнедеятельности»: материалы VII Всероссийской науч.-практ. конференции по проблемам непрерывного образования в области безопасности жизнедеятельности. СПб.: Союз, 2003. С. 27–29.
2. Бодрийяр Ж. Фантомы современности // Призрак толпы. М.: Алгоритм, 2008. С. 186–270.
3. Грицков Ю. В. Образы страдания в страдающем сознании. Красноярск: КрасГУ, 2004. 120 с.
4. Одайник В. Массовая душа и массовый человек // Аналитическая психология: прошлое и настоящее. М.: Мартис, 1995. С. 243–256.
5. Фромм Э. Человеческая ситуация. М.: Смысл, 1994. 238 с.
6. Юнг К. Г. AION. Исследование феноменологии самости. Киев: Ваклер, 1997. 336 с.

7. Юнг К. Г. Понятие коллективного бессознательного // Аналитическая психология: прошлое и настоящее. М. : Мартис, 1995. С. 71–79.
8. Юнг К. Г. Совесть с психологической точки зрения // Аналитическая психология: прошлое и настоящее. М. : Мартис, 1995. С. 80–98.
9. Юнг К. Г., Франц М.-Л., Хендерсон Дж. Л., Якоби И., Яффе А. Человек и его символы. М. : Серебряные нити, 1977. 368 с.
10. Ясперс К. Власть массы // Призрак толпы. М. : Алгоритм, 2008. С. 10–185.
11. Handbook of environmental psychology / eds. D. Stokols, I. Altman. New York : John Wiley and Sons, 1987. Vol. 1. 1654 p.

Статья поступила в редакцию: 21.10.2019
Принята к публикации: 25.11.2019

References

1. Bakanova AA. Arkhetipicheskoe sodержanie chuvstva bezopasnosti [The archetypal content of a sense of security]. In: *Napravleniya i perspektivy razvitiya obrazovatel'noi oblasti «Bezopasnost' zhiznedeyatel'nosti» [Pathways and prospects of the development of an educational area “Vital security”]: collected papers of 7-th all-Russian scientific and practical conference on life-long education in the field of vital security*. Saint Petersburg: Soyuz; 2003. p. 27–29. (In Russ.).
2. Baudrillard J. Fantomy sovremennosti [The Fantoms of Modernity]. In: *Prizrak tolpy [The ghost of the crowd]*. Moscow: Algoritm; 2008. p. 186–270. (In Russ.).
3. Gritskov YuV. *Obrazy stradaniya v stradayushchem soznanii [The image of suffering in a suffering consciousness]*. Krasnoyarsk: Krasnoyarsk State University; 2004. 120 p. (In Russ.).
4. Odainik V. Massovaya duha i massovyi chelovek [The mass soul and mass man]. In: *Analiticheskaya psikhologiya: proshloe i nastoyashchee [Analytical psychology: the past and the present]*. Moscow: Martis; 1995. p. 243–256. (In Russ.).
5. Fromm E. *Chelovecheskaya situatsiya [The human situation]*. Moscow: Smysl; 1994. 238 p. (In Russ.).
6. Jung CG. *AION. Issledovanie fenomenologii samosti [AION. Researches into the Phenomenology of the Self]*. Kiev: Vakler; 1997. 336 p. (In Russ.).
7. Jung CG. Ponyatie kolektivnogo bessoznatel'nogo [The concept of the collective unconscious]. In: *Analiticheskaya psikhologiya: proshloe i nastoyashchee [Analytical psychology: the past and the present]*. Moscow: Martis; 1995. p. 71–79. (In Russ.).
8. Jung CG. Sovest' s psikhologicheskoi tochki zreniya [Conscience from a psychological perspective]. In: *Analiticheskaya psikhologiya: proshloe i nastoyashchee [Analytical psychology: the past and the present]*. Moscow: Martis; 1995. p. 80–98. (In Russ.).
9. Jung CG, Franz M-L, Henderson JL, Jacobi I, Jaffe A. *Chelovek i ego simvoly [Man and his symbols]*. Moscow: Serebryanye niti; 1977. 368 p. (In Russ.).
10. Jaspers K. Vlast' massy [The power of the mass]. In: *Prizrak tolpy [The ghost of the crowd]*. Moscow: Algoritm; 2008. p. 10–185. (In Russ.).
11. Stokols D, Altman I. (eds.) *Handbook of environmental psychology*. New York: John Wiley and Sons; 1987. Vol. 1. 1654 p.

Submitted 21.10.2019

Accepted 25.11.2019

DOI: 10.35853/LAU.WS.2019.MD06
УДК 159.9+614.8

Архетипы корпоративности и иерархии в обеспечении психологической безопасности социокультурной целостности

Денис В. Львов,
Сибирский федеральный университет,
г. Красноярск, Россия
ORCID: 0000-0001-9165-0428, e-mail: devlal86@gmail.com

Аннотация. В статье поднимается проблема легитимности власти. Анализируется роль архетипов коллективного бессознательного в легитимации властной фракции через отсылку к удовлетворению потребности в безопасности. Опора на модели архетипов корпоративности и иерархии позволяет показать влияние глубинных структур коллективного бессознательного на формирование властных отношений внутри социокультурных общностей. Показано, что архетип корпоративности поддерживает идентичность группы как выделенной из Мира целостности. Архетип иерархии закладывает рамку для внутригруппового расслоения по вертикали и горизонтали, что служит обеспечению эффективного функционирования общности в деле удовлетворения как общих, так и индивидуальных потребностей. При этом корпоративные тенденции продуцируют восприятие объединяющихся в коллектив индивидов как принципиально равных «таких-же-как-я-самостей» в структурно одинаковой для каждого ситуации противостояния с Миром. Иерархические тенденции предрасполагают к принципиально неравному распределению среди входящих в общность индивидов их прав и обязанностей. Таким образом, взаимодействием архетипов корпоративности и иерархии создается диалектическое напряжение между правящей фракцией и подчиненными ей остальными членами сообщества. Разрешение обозначенного противоречия происходит через обращение к потребности в безопасности. При этом согласованное воздействие архетипов корпоративности и иерархии поддерживает приоритет коллективных интересов над индивидуальными, одновременно ограничивая первые необходимостью стремления к возможно полному удовлетворению последних.

Ключевые слова: легитимность, архетип иерархии, потребность в безопасности, архетип корпоративности, власть.

Для цитирования: Львов Д. В. Архетипы корпоративности и иерархии в обеспечении психологической безопасности социокультурной целостности // Благополучие и безопасность в условиях социальных трансформаций : сб. науч. тр. X Междунар. симпозиума (г. Екатеринбург, 9–10 июля 2019 г.) / ред. Е. Б. Перельгина, О. Ю. Зотова, А. В. Дроздова, Л. В. Тарасова. – Екатеринбург : Гуманитарный университет, 2019. – С. 263–271. – ISBN 978-5-7741-0376-8. – DOI: 10.35853/LAU.WS.2019.MD06.

Archetypes of Corporate Nature and Hierarchy in Providing Psychological Security of Socio-Cultural Integrity

Denis V. L'vov,

Siberian Federal University, Institute of Pedagogy, Psychology and Sociology,
Krasnoyarsk, Russia

ORCID: 0000-0001-9165-0428, e-mail: devlal86@gmail.com

Abstract. The paper addresses the problem of the legitimacy of authority. The author analyzed the role of the collective unconscious archetypes in the legitimization of power faction through the reference to the satisfaction of the need for security. Reliance on the models of the archetypes of corporate nature and hierarchy gives the possibility to show the impact of in-depth structures of the unconscious on the formation of power relations within socio-cultural communities. It has been shown that the archetype of corporate nature maintains the group identity as separated from the World entirety. The archetype hierarchy establishes a framework for vertical and horizontal intra-group stratification, which provides an effective functioning of communion in satisfying both common and individual needs. Corporate tendencies, at that, produce the perceptions of individuals organizing themselves in a collective as principally equal “the same as me-self selves” in a situation of confrontation with the World, structurally similar for each of them. Hierarchical tendencies predispose the fundamentally unequal distribution of rights and obligations of people belonging to this communion. Thus, the interaction of the corporate nature and hierarchy archetypes creates a dialectical tension between a ruling faction and their subordinate community members. The resolution of the highlighted controversy occurs through recourse to the need for security. The consorted influence of the archetypes under discussion supports the priority of collective interests over individual ones, restricting the former by the necessity to satisfy the latter to the full extent possible.

Keywords: legitimacy, the archetype of hierarchy, the need for security, the archetype of corporate nature, power.

For citation: L'vov DV. Archetypes of Corporate Nature and Hierarchy in Providing Psychological Security of Socio-Cultural Integrity. In: Perelygina EB, Zotova OYu, Drozdova AV, Tarasova LV. (eds.) *Wellbeing and Security in the Face of Social Transformations: Collection of academic papers from the 10th International Symposium (Yekaterinburg, July 9–10, 2019)*. Yekaterinburg: Liberal Arts University – University for Humanities; 2019. p. 263–271. Available from: doi:10.35853/LAU.WS.2019.MD06.

Введение

В данной статье анализируется роль архетипов иерархии и корпоративности в процессе удовлетворения потребности в безопасности социокультурной общности. Актуальность обеспечения собственной легитимности в глазах подчиненных воспроизводится всякий раз при малейшей ротации во властных кругах. Даже при отсутствии каких-либо изменений простое поддержание стабильного и уверенного функционирования субординационной вертикали нуждается в постоянном и не прерывающемся ни на одном уровне цепочки признании за начальствующими их права требовать исполнения соответствующих приказаний. Обращение к проблематике оправдания существующего социального порядка, равно как противоположное по вектору – обоснование сомнений в «праведности» устоявшегося status quo, можно проследить на всей истории социальной философии, начиная с самого

начала ее письменной фиксации. Различные попытки поиска идеальной модели власти являются отражением обозначенного вопрошания. Такие поиски предпринимаются каждым новым поколением, что свидетельствует не столько о неспособности найти «окончательный ответ», сколько о глубокой укорененности в самой природе общества его потребности в «справедной» власти именно для современного каждому поколению периода. Представляется, что архетипический подход, имеющий в своем арсенале язык для описания коллективного бессознательного, оказывается вполне релевантен и удобен в качестве эвристического средства для выявления глубинных оснований отмеченной потребности. Анализ отталкивается от выявления ситуации противостояния коллективного Мы и Мира. Далее дается характеристика взаимных обязательств властвующей фракции и прочих членов социокультурной целостности исходя из базовой потребности в безопасности. Также исследуются особенности влияния архетипов корпоративности и иерархии на легитимность власти как гаранта безопасности. Показано, что согласованное воздействие двух данных архетипов предъясняет к занимающим в сообществе властные позиции требование действовать в интересах всех членов социокультурной целостности. Невыполнение этого требования, например использование делегированных им полномочий исключительно в собственных корыстных интересах, нарушает условия такого «договора». При этом у коллективной самости возникает тревожность, являющаяся отражением подрыва оснований для искомой как социальной целостности, так и каждым объединенным в ней индивидом безопасности в экзистенциальном противостоянии в отношении непредсказуемого, а потому и потенциально угрожающего Мира. Именно в обеспечении базовой потребности в безопасности как на коллективном, так и на индивидуальном уровне и коренится легитимность всякой власти и обеспечение стабильного подчинения ее воле.

Методы исследования

В качестве методологического основания для произведенного философского анализа был взят архетипический подход. Архетип корпоративности, актуализующийся в ситуации «Мы и Мир», индуцирует центростремительное сплочение индивидов в сообщество вокруг общего ядерного набора ценностей и смыслов. При этом члены объединения предстают как равные «такие-же-как-я-самости». Архетип иерархии, актуализирующийся в ситуации «Я и Сообщество», способствует разработке канона значимых иерархических признаков, являющихся зримым проявлением вертикальной и горизонтальной социальной дифференциации. При этом входящие в общность индивиды неизбежно наделяются принципиально разными полномочиями, что идет вразрез с корпоративным равенством. Диалектическое взаимодействие этих двух архетипов закладывает основания для развития сообщества.

В качестве цели данной работы ставится выявление влияния архетипов иерархии и корпоративности в процессе легитимации власти как гаранта сохранения безопасности всей данной социокультурной общности.

Результаты и обсуждение

Потребность в безопасности является базовой для людей. Эту потребность известный психолог А. Маслоу в своей иерархии помещает сразу вслед за физиологическими нуждами организма перед всеми прочими личностными мотивами. По его словам, вслед за удовлетворением физиологических, возникает новый класс потребностей, которые с известным приближением можно отнести «к категории потребностей в безопасности» [4, с. 63], давая расшифровку которых автор отмечает такие категории, как защищенность; зависимость, стабильность; отсутствие страха, защита, тревога, структура, порядок и хаос, закон и ограничения, покровитель и т. д.

Социальность людей во многом основана на реализации этой потребности. В своем противостоянии с Миром человек осознаёт себя действующим лицом личной трагедии, как об этом написал Э. Фромм, в то время как человек жил неотделимо от мира, он не осознавал ни последствий, ни самой возможности индивидуальных действий. Тогда люди не испытывали и страха перед Миром. Однако, став отдельным индивидом, человек предстает один на один напрямую «с этим миром, ошеломляющим и грозным» [7, с. 43].

Концептуализованная экзистенциалистами «человеческая ситуация» формирует человека как человека. Придя однажды к осознанию собственного одиночества в мире, человек уже не может совершенно забыть о нем. Рожденная из этого тревожность становится одним из неотъемлемых свойств существа, вглядывающегося в мир вокруг в постоянном поиске опасности. Мы отчаянно нуждаемся в ощущении защиты. Отсюда произрастает потребность в единении с природой и другими людьми. Общность структурно одинаковой ситуации является основой для группирования и выработки совместных ответов на один и тот же вызов. Идентификация себя с группой, обладающей заведомо более значительным ресурсом, позволяет чувствовать себя в большей безопасности. Так возникает феномен единения индивидуальных «я» в коллективное «Мы».

Само по себе противостояние Мы и Мира задает определенную координатную сетку с условным нулем как точкой отсчета, расположенной в мы-бытии. Во многом такое «географическое» помещение таких-же-как-я-самостей в одно место рождает то самое искомое чувство совместности, которое так роднит индивидов, идентифицирующих себя с тем или иным социальным Мы. Это чувство дарит успокаивающее ощущение безопасности в противостоянии с Миром.

В обеспечении коллективной безопасности участвует коллективное бессознательное, в том числе рассмотренные нами ранее архетипы корпоративности и иерархии [9]. Первый работает на сплочение общности, второй на формирование ее внутренней структуры и функциональной дифференциации, которые необходимы для эффективной адаптации к окружающей действительности.

При этом в тенденциях, порождаемых этими двумя архетипами, заложено диалектическое противоречие, которое различными способами разрешалось в истории цивилизации: архетип корпоративности поддерживает восприятие всех членов общности как таких-же-как-я-самостей, объединенных противостоящей внешним угрозам Мы-самостью; архетип иерархии, напротив, конституирует статусное нера-

венство входящих в Мы-общность индивидов. Право определять «правила игры» делегируется наверх социальной пирамиды – в институт власти, чьей базовой задачей является обеспечение как минимум безопасности социокультурной целостности, а как максимум – ее процветания.

Власть обретает устойчивость только в опоре на широкую поддержку всей социокультурной общности, от лица которой она действует в Мире. Как замечает Фрэнсис Фукуяма, легитимность необходима даже для самой несправедливой и кровавой диктатуры, ведь ни один диктатор просто не в состоянии править с опорой только лишь на собственную единоличную силу принуждения. Ему необходимы подчиненные, составляющие аппарат принуждения. Они, в свою очередь, должны быть уверены в легитимности его правления [10]. Таким образом, наделенные властью уже в силу этой конфигурации остро чувствуют ситуацию «Мы и Мир», являющуюся триггером для архетипа корпоративности. Его влияние в определенном смысле видно на символическом уровне в архетипических образах, где властитель предстает *защитником* – отцом/матерью для руководимого народа (симптоматичной иллюстрацией может послужить выражение «царь-батюшка»). В данном контексте также вполне видны истоки корпоративной морали с ее двойными стандартами как одного из основополагающих факторов феномена власти: социокультурная Мы-общность склонна «патриотично» обелять свою власть и очернять чужую, поскольку такие представления способствуют усилению чувства безопасности внутри этой общности.

Властвующие в архетипическом восприятии суть «слуги народа» – защитники ценностей и водители, отвечающие за то, чтобы мы-группа оказалась в пункте назначения. Властитель, осознающий себя действительно слугой народа и соответствующим образом поступающий, на самом деле может быть интерпретирован как служитель коллективного бессознательного.

С другой стороны, интересно вспомнить эссе Дж. Оруэлла о романе Дж. Свифта. Анализируя описанное в «Путешествиях Гулливера» общество гуингнмов, Дж. Оруэлл характеризует его как крайнюю форму тоталитаризма, основанную на полном единстве коллективных представлений при совершенном отсутствии государства как института [5]. Это положение можно рассматривать как модель власти, действующей исключительно на основе архетипа корпоративности и не нуждающейся в архетипе иерархии. Но такая модель утопична. Без выделения в общности фракции, наделенной правом формулировать цели, способы их достижения и направления развития, а также без последующего исполнения поставленных этой фракцией задач коллективная целостность просто не сможет организовать совместные действия. Для выработки целей и координации совместных действий возник социальный институт государства. И прежде всего целью государства признается обеспечение безопасности. Т. Гоббс именно через эту цель определял сущность социального института государства. В представлении английского философа государство является единым лицом, действия которого огромное множество людей по взаимной договоренности сделало сферой собственной коллективной ответственности. При этом такой суверен наделяется полномочиями по использованию коллективных

силы и ресурсов, как «сочтет необходимым для их мира и общей защиты» [2, с. 119].

Строгая субординация предполагает безусловное исполнение нижестоящими требований, спущенных «сверху». Тем не менее воля даже самодержавного тирана оказывается в зависимости от коллективной самости управляемого сообщества. Анализируя гитлеровский нацизм, Х. Арендт писала, что иерархически организованная система приказов подразумевает власть командира, которая зависит от всей управляемой им иерархической системы. Вне зависимости от того, насколько она авторитарна по своему направлению, любая иерархия и любая система приказов даже при некоторой произвольности или безапелляционности содержания распоряжений приводят к стабилизации в смысле ограничения абсолютной власти вождя тоталитарного движения. Так, для нацистской терминологии характерно, что «именно бесконечная, динамичная “воля фюрера”» при всей тоталитарности обезличенного и надындивидуального, казалось бы, государства оказывается верховным законом [1, с. 480]. В то же время мистическая по сути «воля фюрера» противопоставлена вполне конкретным и отчетливо выражаемым приказам. В каждой данной управленческой ситуации на всех уровнях иерархических отношений, когда сама личность вождя находится вне зоны доступа, а принятие четких решений необходимо, «воля фюрера» нуждается в приложимой к ситуации трактовке. И наполнение этого архетипического образа символическим и вербальным содержанием осуществляется исходя из разделяемого членами сообщества представления о ней. При этом легко происходит смещение в сторону так или иначе понимаемых коллективных интересов, благо которых и является легитимирующим основанием для принятия этой самой «воли фюрера».

Итак, архетипы иерархии и корпоративности, действуя в связке, задают функционирование власти в качестве гаранта и органа, приносящего Порядок, как *органа, обеспечивающего безопасность Мы-группы*.

Легитимность власти определяется по готовности «низов» выполнять волю «верхов». Это достижимо исключительно на основе известного компромисса – минимума взаимного согласия сторон. Такой «общественный договор», как и всякий контракт, основывается на обязательствах, налагаемых на обе стороны. Это закреплено в иерархическом каноне социокультурной общности. Подчинение покровителю остается в коллективном представлении благом, только пока действия «верхов» воспринимаются как повышающие уровень предсказуемого порядка в противостоянии Мы и Мира, как обеспечивающие безопасность Мы-общности. Если, напротив, действия «верхов» воспринимаются «низами» как произвол, угрожающий ее безопасности, то власть утрачивает свою легитимность.

Базовое обязательство «верхов» – использование привносимого подвластными ресурса для, во-первых, сохранения и, во-вторых, преуспевающего коллективной целостности. Базовое обязательство «низов» – предоставить ресурсную базу. При этом такая уступка происходит отнюдь не из альтруистических побуждений, а ради блага общности, основной частью которой подвластные и являются. Такой симбиоз направлен на обеспечение безопасности всех участников. Невыполнение

этой важнейшей функции обеспечения безопасности (как минимум, на уровне чувства) нарушает «режим легитимности». Соответственно подвластные находят себя «в полном праве» – если не по букве закона, то по духу справедливости – перестать добросовестно подчиняться властям предрешающим. От игнорирования мелких административных предписаний и поиска лазеек для ухода от прописанной в законах ответственности вплоть до открытого бунта. Всякое «оправдание» народного восстания и последующего свержения властителей, начиная еще с Фомы Аквинского, основано как раз на том постулате, что восстание подвластных не только оправдано, но и практически необходимо, если властвующие работают против ядерных (идентификационных) для группы ценностей, и *в том числе – ценности безопасности подвластных.*

Так, Аквинат прямо проводит разграничение между несправедливым и справедливым типами правления. В частности, он пишет, что если властитель направляет совокупность свободных к общему благу, то такое правление следует называть правильным и справедливым. Оно и нужно свободным. В противном случае, когда совокупность управляемых направляется не к общему благу, а к частному благу правящего, то этот тип характеризуется как «несправедливое и извращенное правление» [6, с. 100].

Дж. Локк при всех очевидных отличиях от Фомы Аквинского, в смысле оправдания права народа на неподчинение, продолжает ту же линию. Он считает, что если люди видят такую власть, которая действует не в соответствии с оказанным ей доверием и делегированным к ее исполнению решениям, то «у народа остается верховная власть» по ликвидации или модификации данного правления [3, с. 339].

Соответствующие идеи получили свое развитие у просветителей. Более того, в том или ином виде положение о суверенном праве народа на неподчинение и смену правительств получило закрепление в основополагающих юридических документах. Например, в Декларации независимости США, провозгласившей права равных людей на жизнь, свободу и стремление к счастью, читаем (перевод с англ.): «Но когда длинная череда злоупотреблений и узурпаций, преследуя неизменно одну и ту же цель, выказывает замысел подвести их под абсолютный деспотизм, это их право, это их долг, сбросить такое правительство и обеспечить новую охрану для их будущей безопасности» [8]. В этом случае речь идет не просто о праве, но даже о долге отказывать власти в легитимности, если она ставит свои интересы выше интересов всей общности, свою безопасность выше безопасности социокультурного целого.

Заключение

Таким образом, архетипические программы корпоративности и иерархии направлены на легитимацию устанавливаемых властных отношений внутри социокультурной общности с неизбежным выделением привилегированной фракции, которой делегируются полномочия по управлению всем сообществом. В то же время глубинные структуры коллективного бессознательного поддерживают наложение определенных обязательств не только на подчиненных, но и на правящих. Центральным пунктом такого рода требований оказывается именно обеспечение

безопасности. При этом сочетание действий архетипов корпоративности и иерархии ставит в приоритет безопасность всей общности (в ее противостоянии с большим Миром) по отношению к безопасности любой группы внутри этой общности.

Информация об авторе

Денис Владимирович Львов, кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры социологии Сибирского федерального университета (г. Красноярск, Россия).

Information about the author

Denis V. L'vov, Cand. Sci. (Philosophy), Associate professor, Associate professor at Sociology chair, Siberian Federal University, Institute of Pedagogy, Psychology and Sociology, Krasnoyarsk, Russia.

Список литературы

1. Арендт Х. Истоки тоталитаризма. М. : ЦентрКом, 1996. 672 с.
2. Гоббс Т. Левиафан. М. : Мысль, 2001. 478 с.
3. Локк Дж. Два трактата о правлении // Локк Дж. Сочинения : в 3 т. М. : Мысль, 1988. Т. 3. С. 135–405.
4. Маслоу А. Мотивация и личность. СПб. : Питер, 2012. 352 с.
5. Оруэлл Дж. Политика против литературы. Взгляд на «Путешествия Гулливера» // Памяти Каталонии : эссе. М. : АСТ, 2003. С. 344–370.
6. Фома Аквинский. О королевской власти к королю Кипра, или О правлении князей / пер. А. В. Мареев // Социологическое обозрение. 2016. Т. 15, № 2. С. 96–128.
7. Фромм Э. Бегство от свободы. Человек для себя. М. : АСТ, 2006. 571 с.
8. Declaration of Independence: A Transcription // National Archives. URL: <https://www.archives.gov/founding-docs/declaration-transcript> (дата обращения: 17.06.2019).
9. Gritskov Yu. V., Lvov D. V. Interaction of In-Group Archetypes and Hierarchy while Forming in-Group Community // Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences. 2015. № 11. P. 2325–2330.
10. Fukuyama F. The End of History and the Last Man. New York : The Free Press, 1992. 418 p.

Статья поступила в редакцию: 18.10.2019

Принята к публикации: 20.11.2019

References

1. Arendt H. *Istoki totalitarizma [The origin of the totalitarianism]*. Moscow: TsentrKom; 1996. 672 p. (In Russ.).
2. Hobbes T. *Leviathan [Leviathan]*. Moscow: Mysl'; 2001. 478 p. (In Russ.).
3. Locke J. Dva traktata o pravlenii [Two Treatises of Government]. In: Locke J. *Sochineniya : v 3 t. [A three-book set]*. Moscow: Mysl'; 1988. Vol. 3. p. 135–405. (In Russ.).
4. Maslow A. *Motivatsiya i lichnost' [Motivation and personality]*. Saint Petersburg: Piter; 2012. 352 p. (In Russ.).
5. Orwell J. Politika protiv literatury. Vzglyad na «Puteshestviya Gullivera» [Politics vs. literature. An examination of Gulliver's travels]. In: *Pamyati Katalonii [To the remembrance of Catalonia]: an essay*. Moscow: AST; 2003. p. 344–370. (In Russ.).
6. Aquinas T. O korolevskoi vlasti k korolyu Kipra, ili O pravlenii knyazei [On kingship to the king of Cyprus, or on the rule of princes]. *Sotsiologicheskoe obozrenie = Sociological review*. 2016;15(2): 96–128. (In Russ.).
7. Fromm E. *Begstvo ot svobody. Chelovek dlya sebya [Escape from freedom. Man for himself]*. Moscow: AST; 2006. 571 p. (In Russ.).

8. Declaration of Independence: A Transcription. *National Archives*. Website. Available from: <https://www.archives.gov/founding-docs/declaration-transcript> [Accessed 17.06.2019].

9. Gritskov YuV, Lvov DV. Interaction of In-Group Archetypes and Hierarchy while Forming in-Group Community. *Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences*. 2015;11: 2325–2330.

10. Fukuyama F. *The End of History and the Last Man*. New York: The Free Press; 1992. 418 p.

Submitted 18.10.2019

Accepted 20.11.2019

DOI: 10.35853/LAU.WS.2019.MD07
УДК 130.2:316.77

Трансформация тела в современной медиакультуре

Алла В. Дроздова,
АНО ВО «Гуманитарный университет»,
г. Екатеринбург, Россия
ORCID: 0000-0003-4160-6554, e-mail: drozdovaalla@mail.ru
Елена В. Власова,
Уральский государственный медицинский университет,
г. Екатеринбург, Россия
ORCID: 0000-0002-6013-3142, e-mail: lenashifu@list.ru

Аннотация. Отношение к «жизни тела» и его видимым канонам отражает самые значительные проблемы современной культуры, с их изменчивостью и драматичностью. В современных научных подходах тело больше не понимается только как «биологический факт», это социокультурный феномен, социальный конструкт, который воплощает систему социальных отношений и визуально репрезентируется медиа. В массмедийном пространстве транслируются самые разнообразные представления о телесности, что, с одной стороны, говорит об открытости и демократичности, возможности взглянуть по-иному на привычные телесные стереотипы. Более того, сетевые коммуникации открыли возможность для коллективной и публичной рефлексии, а также для выработки собственных версий телесной нормы. Но, несмотря на полисемантическую визуальную репрезентацию, они продолжают оставаться идеологически окрашенными и во многом обусловлены определенной культурной традицией и современной системой культурных кодов. Цель статьи – выявить, какие социокультурные каноны телесности, телесные образы воспроизводятся новыми медиа. Для изучения репрезентации телесности в качестве методологической доминанты была выбрана программа культурных и визуальных исследований. Наиболее релевантной представляется качественная методология, которая позволяет гибко и рефлексивно исследовать индивидуальные опыты репрезентации телесности и проводить культурологическую концептуализацию. Поэтому для исследования был использован анализ 30 высказываний в форме эссе респондентов в возрасте от 18 до 23 лет, для которых характерна высокая вовлеченность в социальные сети ВКонтакте и Instagram.

Ключевые слова: тело, телесность, телесные практики, визуальность, медиа, отчуждение.

Для цитирования: Дроздова А. В., Власова Е. В. Трансформация тела в современной медиакультуре // Благополучие и безопасность в условиях социальных трансформаций : сб. науч. тр. X Междунар. симпозиума (г. Екатеринбург, 9–10 июля 2019 г.) / ред. Е. Б. Перельгина, О. Ю. Зотова, А. В. Дроздова, Л. В. Тарасова. – Екатеринбург : Гуманитарный университет, 2019. – С. 272–279. – ISBN 978-5-7741-0376-8. – DOI: 10.35853/LAU.WS.2019.MD07.

The Transformation of the Body in Today's Media Culture

Alla V. Drozdova,

Liberal Arts University – University for Humanities,
Yekaterinburg, Russia
ORCID: 0000-0003-4160-6554, e-mail: drozdovaalla@mail.ru

Elena V. Vlasova,

Ural State Medical University, Yekaterinburg, Russia
ORCID: 0000-0002-6013-3142, e-mail: lenashifu@list.ru

Abstract. Attitudes to “the life of the body” and its visible canons reflect the most significant challenges with their dramatic character and changeability. No longer do contemporary theoretical approaches interpret the body to mean only “a biological fact”. It is a socio-cultural phenomenon, a social construct that embodies a system of social relations and is represented by the media. Mass media translate diverse representations of corporeity. On the one hand, it speaks of openness and democracy, the possibility to take a new glance at habitual corporal stereotypes. Moreover, network communications have provided an opportunity for collective and public reflection and developing people's versions of the corporeal norm. But, despite a polysemantic nature of visual representations, they keep on being ideologically painted and largely determined by a particular cultural tradition and the current system of cultural codes. The article aimed to identify what socio-cultural canons of corporeity, corporeal images new media reproduce. The authors exploited the program of cultural and visual studies as a methodological dominant for examining the corporeity representations. In the authors' view, the most relevant of them is a quality technique that allows for analyzing, flexibly and reflexively, individual practices in the body representations and carrying out culturological conceptualization. It was the reason why we examined thirty utterances in the form of an essay written by the respondents aged 18–23. All of them were intensively involved in the social networks VKontakte and Instagram.

Keywords: the body, corporeity, bodily practices, visuality, media, alienation.

For citation: Drozdova AV, Vlasova EV. The Transformation of the Body in Today's Media Culture. In: Perelygina EB, Zotova OYu, Drozdova AV, Tarasova LV. (eds.) *Wellbeing and Security in the Face of Social Transformations: Collection of academic papers from the 10th International Symposium (Yekaterinburg, July 9–10, 2019)*. Yekaterinburg: Liberal Arts University – University for Humanities; 2019. p. 272–279. Available from: doi:10.35853/LAU.WS.2019.MD07.

Введение

В современной культуре медиа становятся основными источниками нашего представления о теле, канонах красоты и здоровья. Оказавшись в ситуации «реальности медиа», современный человек видит и мыслит глазами камер и объективов, теперь в наше зрение инкорпорированы те визуальные образы, которые мы наблюдаем в кино, цифровой фотографии, рекламе, социальных сетях. Современное потребление и производство визуального контента, связанного с развитием цифровых технологий (ежедневно около 350 миллионов фотографий загружаются в Facebook, около 55 миллионов фотографий ежедневно размещаются в Instagram) [14], изменило не только социальную коммуникацию и взаимодействие, но и наше представление о теле, нормах телесности и способах его идентификации.

Конечно, «забота о теле» существовала в разные культурно-исторические эпохи. Следует подчеркнуть то, что в разные периоды отно-

шение к «жизни тела» и его видимым канонам отражает, как правило, самые значительные проблемы современной культуры, с ее изменчивостью и драматичностью. В современной гуманитаристике нет устойчивого определения телесности, так как одни рассматривают телесность через «движение, жесты, поведенческие и физиологические паттерны», а другие ее понимают как надприродный аспект тела. Так, согласно структуралистской концепции М. Дуглас, в постиндустриальную эпоху тело начало рассматриваться как центр социального влияния и контроля, социальных норм, которые властно задаются современным медиаобществом [13, p. 80]. Именно поэтому в фокусе нашего внимания находятся социокультурные каноны телесности, образы тела, фантазмы, которые активно задаются и воспроизводятся современными медиа.

Методы исследования

Трансформация телесного происходит под влиянием визуального контента новых медиа, поэтому для изучения репрезентации телесности в качестве методологической доминанты была выбрана программа культурных, а также визуальных исследований. Кроме того, для анализа телесных режимов проблематично использовать количественные методы исследования. Наиболее релевантной представляется качественная методология, которая позволяет гибко и рефлексивно исследовать индивидуальные опыты репрезентации телесности и проводить культурологическую концептуализацию. Поэтому для исследования был использован анализ 30 высказываний в форме эссе респондентов в возрасте от 18 до 23 лет, для которых характерна высокая вовлеченность в социальные сети ВКонтакте и Instagram.

Результаты и обсуждение

Как отмечают исследователи С. Неттлетон и Дж. Ватсон, если и есть что-то определенное в этом мире, так это то, что мы все имеем тела. Потому что все, что мы делаем, мы делаем нашими телами – когда мы думаем, говорим, слушаем, едим, спим, ходим, отдыхаем, работаем и играем, мы «используем» наши тела [15]. Этот, казалось бы, очевидный факт делает проблематику телесности одной из самых значимых в социокультурных исследованиях, особенно в условиях современного массмедийного пространства, где репрезентируются самые разнообразные представления о телесности, от «маргинальных тел» до нормативных. Сегодня вряд ли можно говорить о едином телесном каноне, скорее наоборот, в последние годы в рекламе и на телевидении активно внедряются образы новых тел, ранее считавшиеся «ненормативными» и маргинальными: это пожилые, полные люди, инвалиды, трансгендеры. Появление разных типов телесности в медиа расширяет наше понимание красоты (С. Сонтаг писала, что можно прийти лишь к временной конвенции, что такое красота [8]), ведь чем больше разнообразие телесного в медиа, тем яснее мы понимаем, что нет общей нормы. Что, в сущности, говорит об открытости и демократичности, возможности взглянуть по-иному на привычные телесные стереотипы. Более того, сетевые коммуникации открыли возможность для коллективной и публичной рефлексии, а также для выработки собственных версий телесной нормы. За последний год таких примеров в цифровом медийном пространстве было реализовано немало. Так, в нашумевшем

российском спецпроекте #Нивкакиерамки, который стал частью мировой рекламной кампании Reebok #bemorehuman («Стань частью перемени»), автор Залина Маршенкулова, объясняя идеологию проекта, в своем блоге отметила, что «хватит переживать, что о тебе думают другие, хватит бояться быть не такой, хватит подчинять свою жизнь и внешность тому, что сказал партнёр или сосед» [6]. Или популярный сетевой челлендж #FaceApp, когда при помощи фильтра «состаривания» пользователи продемонстрировали другим свои будущие немолодые лица, заранее примирившись с травмирующим опытом постаревших лиц и тел. Кроме того, следует отметить, что в таких проектах, как «Травма красоты» или #Покажите нас (бренд Dove), свои фото без цифровой обработки выложили в Сеть многие селебрити, и эта тенденция на новую искренность в области телесности и «красоту с человеческим лицом» все больше заявляет себя в сетевой коммуникации.

Однако самым важным изменением в понимании телесности является то, что в современной культуре тело, по мысли Б. Дубина [4], становится объектом достижения и соревнования, его можно сокращать и наращивать, оно доступно технической обработке, и вместе с тем тело открыто всеобщему обозрению и публичной презентации. Вспомним: если в прошлые эпохи телесный идеал существовал, то он не считался достижимым, поэтому его и не думали добиваться. Телесные ритуалы, как отмечает С. Бордо, связанные с постом и аскезой, были уделом избранных, аристократов или священников, способных, как считалось, достигнуть духовного совершенства [3, с. 84]. Напротив, в современной культуре тело более не рассматривается как раз и навсегда данное, его каждый может культивировать через овладение и дисциплину. Так, в проведенном нами пилотном исследовании «Как менялось отношение к своему телу», в котором приняли участие 30 человек, 80 % респондентов (преимущественно девушки в возрасте от 18 до 20 лет) считают, что «строительство» собственного тела – это тот способ, который поможет обрести уверенность в себе. Наиболее ярко эта позиция отражена в эссе Даши Б.:

«Именно поэтому я считаю, что если человека что-то не устраивает в себе – пусть берет и меняет это, иначе никак. Толстый – запишись к врачу, начни правильно питаться, займись физкультурой. Не нравится, что вся кожа покрыта прыщами, – опять же запишись к хорошему дерматологу, гастроэнтерологу, начни ухаживать за своей кожей и следить за питанием. Нос кривой – накопи денег и сделай себе операцию, если нет противопоказаний, а пока научись использовать косметику так, чтобы она скрывала твои недостатки и подчеркивала достоинства».

Позиция активного реконструирования тела для респондентов, прежде всего, связана с неприятием своего природного, индивидуального тела; более того, «тело равное самому себе» отчуждается от себя самого, сообщества с Другим. Так, Вика Р. пишет:

«Только после скинутого килограмма, изнурительной тренировки или новой придуманной схемы изменения формы бровей я могла почувствовать удовлетворение своим лицом и телом, устав от всего этого, я осознала свою ничтожность. Меня измотало презрение себя в зеркале, невозможность встретиться с человеком или выйти прогуляться без косметики и правильной одежды...»

Как мы видим, природа больше не является единственным творцом тела, которое из «биологического факта» превращается в социальный конструкт [1; 2; 7; 9], тело становится результатом социального производства и регулирования. Все это приводит к тому, что для совершенствования тела, поддержания его здоровья, чистоты и украшения создана система телесных практик, технологий и социальных институтов моды, пластической хирургии, татуировки, правильного питания. Эти практики помогают если и не изменить тело, то создать видимость его изменений. В результате использования этих практик тело превращается в центр приложения технологий, из-за чего тело отчуждается, симулируется и все больше становится объектом для манипуляций и внешнего воздействия. Если Дж. Агамбен и М. Фуко считали, что причина отчуждения тела находится в экономическом и политическом строе общества, то в современной культуре еще одной властной силой становятся медиа. Как посредник и транслятор символических значений, медиа не только активно воспроизводят новые телесные практики, формируют для индивида установку: жить – это значит уметь изменить и показать себя, но и конструируют телесность, упрощая образ тела, как своего, так и чужого. Симптоматично, что респонденты рассказывают о своем психологическом комплексе, с которым живут несколько лет.

Настя Ч.:

«Он тянул меня вниз, занижал мою самооценку всё больше и больше. СМИ только подливали масла в огонь: во всех соцсетях, в рекламе, журналах – стройные девушки модельной внешности с этими желаемыми 90-60-90, которые так далеки от меня».

Поэтому отчуждение телесного возникает в результате несоответствия индивидуального тела коллективному, заданному медиа, отчего тело становится отчуждаемым от личностного бытия самого человека.

Необходимо отметить, что визуальные образы телесности, массово тиражируемые медиа, гиперболизируют телесное. Предлагая способы ревизии нашего тела, они укрупнили масштаб наших тел и лиц. Иными словами, медиа стали особой принудительной силой по отношению к телесности индивида, именно они задают образцы, как надлежит вести себя, двигаться, представлять себя другому [5]. Все это создает ситуацию, когда «вокруг тела разворачивается настоящая паника – сексуальная, спортивная, модельная, обусловленная именно исчезновением тела и избытком средств его симуляции» [10, с. 13]. Более того, в современной ситуации, по мысли Х. Бельтинга, само тело как транслятор смыслов становится живым медиа, «способным воспринимать, помнить, и проецировать образы. Тело, как обладатель и адресат образов, управляющий медиа как расширениями его собственных визуальных способностей. Тела получают образы, воспринимая их, в то время как медиа передают их телам» [12, р. 316].

Трансформация телесного связана и с принципиально новой ситуацией, благодаря которой современный человек существует одновременно в офлайн- и онлайн-реальности, когда все стали видеть всех. Прозрачное поле визуальной онлайн-среды позволяет пользователям умело просчитывать эффекты разных ракурсов тела, мгновенно демонстрировать модные позы и выражения лица. Благодаря этой визуальной компетентности пользователи социальных медиа более успешны в тех сферах, которые предполагают публичное само-

выражение, и их телесный язык создает основу для групповой идентификации. Основным становится желание показать себя привлекательным, идеальной версией себя. Теперь реальное тело начинает соотноситься с виртуальным, цифровым фантомом, причем цифровой образ становится все более инструментальным, отчужденным от природной телесности, его легко исправить, придать ему нормативный и привлекательный вид. Так, в случае селфи-снимков, репрезентирующего Я-образ, пользователь выступает не только в роли конструирующего свой культурный и социальный габитус, но и в роли конструируемого. Поэтому, несмотря на полисемантическую визуальную репрезентацию, они продолжают оставаться идеологически окрашенными и во многом обусловлены определенной культурной традицией и современной системой культурных кодов. Скорее, следует говорить о конвенциональной презентации тела, которое подчиняется жестким параметрам, навязанным нам как массовой культурой, так и множеством одинаковых изображений, опубликованных в инстаграме не только известными блогерами, но и обычными пользователями, претендующими на лайки и репосты своих фотографий.

Заключение

Таким образом, медиакultura, в которой преобладают визуальные репрезентации, конструирует телесность, делая ее предметом коллективного внимания и рефлексии. Представленность разнообразных образов тел в социальных медиа фиксирует плюральность и множественность современной телесной нормы, ее трансформацию, но вместе с тем в публичном пространстве медиа закрепляются эталонные образы/образцы, которые властно указывают, каким социальным канонам должно соответствовать тело.

Информация об авторах

Алла Владимировна Дроздова, доктор культурологии, доцент, завкафедрой рекламы и связей с общественностью, АНО ВО «Гуманитарный университет» (г. Екатеринбург, Россия).

Елена Владимировна Власова, кандидат философских наук, доцент, завкафедрой философии, биоэтики и культурологии Уральского государственного медицинского университета (г. Екатеринбург, Россия).

Information about the authors

Alla V. Drozdova, Dr. Sci. (Cultural Studies), Associate Professor, Head of Department of Advertisement and Public Relations, Liberal Arts University – University for Humanities, Yekaterinburg, Russia.

Elena V. Vlasova, Cand. Sci. (Philosophy), Associate professor, Head of Philosophy, Bioethics and Culturology, Ural State Medical University, Yekaterinburg, Russia.

Список литературы

1. Агамбен Дж. Нагота. М. : Грюндриссе, 2014. 204 с.
2. Бодрийяр Ж. Общество потребления. Его мифы и структуры. М. : Республика : Культурная революция, 2006. 268 с.
3. Бордо С. Интерпретация стройного тела // Теория моды. 2015. № 34. С. 81–105.
4. Дубин Б. Идеальное тело и современное общество // Без границ: тело, общество, культура : официальный сайт фестиваля. 21.03.2014. URL: <http://acropolis-now.org/2014/03/21/boris-dubin-idealnoe-telo-i-sovremennoe-obshhestvo/> (дата обращения: 28.06.2019).

5. Гоффман И. Представление себя другим в повседневной жизни. М. : КАНОН-пресс-Ц, 2000. 302 с.
6. Игла мужского одобрения: реклама Reebok вызвала скандал в сети // Sostav : независимый проект брендингового агентства Depot WPF. 08.02.2019. URL: <https://sostav.ua/publication/reklama-reebok-vyzvala-skandal-v-seti-80919.html> (дата обращения: 25.06.2019).
7. Нанси Ж.-Л. Corpus. М. : Ad Marginem, 1999. 255 с.
8. Сонтаг С. О фотографии. М. : Ad Marginem, 2013. 268 с.
9. Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы. М. : Ad Marginem, 1999. 383 с.
10. Эпштейн М. Н. Философия тела. СПб. : Алетейя, 2006. 432 с.
11. Butler J. P. Bodies that Matter, on the Discursive Limits of «Sex». New York, London : Routledge, 1993. 256 p.
12. Belting H. Image, Medium, Body. A New Approach to Iconology // Critical Inquiry. 2005. Vol. 31 (2). P. 302–319.
13. Douglas M. Natural Symbols: Exploration in Cosmology. New York : Routledge, 2003. 240 p.
14. Miller D. Photography in the age of Snapchat // London's Global University : Global Social Media Impact Study. 2 February 2014. URL: <https://blogs.ucl.ac.uk/global-social-media/2014/02/02/photography-in-the-age-of-snapchat> (accessed : 26.06.2019).
15. Nettleton S., Watson J. The body in Everyday Life: an Introduction // The body in Everyday Life / Ed. by S. Nettleton, J. Watson. London, New York : Routledge, 1998. P. 1–23.

Статья поступила в редакцию: 08.11.2019
Принята к публикации: 10.12.2019

References

1. Agamben G. *Nagota [Naked Life and Nudity]*. Moscow: Gryundiss; 2014. 204 p. (In Russ.).
2. Baudrillard J. *Obshchestvo potrebleniya. Ego mify i struktury [The society of consumption. Its myths and structures]*. Moscow: Respublika; Kulturnaya revolyutsiya; 2006. 268 p. (In Russ.).
3. Bardot S. Interpretatsiya stroinogo tela [Interpretations of a slim body]. *Teoriya mody = The theory of fashion*. 2015;34: 81–105. (In Russ.).
4. Dubin B. Ideal'noe telo i sovremennoe obshchestvo [An ideal body and modern society]. *Without boundaries: body society, culture*. Official site of the festival. 21.03.2014. Available from: <http://acropolis-now.org/2014/03/21/boris-dubin-idealnoe-telo-i-sovremennoe-obshchestvo/> [Accessed 28.06.2019]. (In Russ.).
5. Goffman E. *Predstavlenie sebya drugim v povsednevnoi zhizni [The Presentation of Self in Everyday Life]*. Moscow: KANON-press-Ts; 2000. 302 p. (In Russ.).
6. Iгла мужского одобрения: реклама Reebok вызвала скандал в сети [A needle of a man's approval: the Reebok' ad stirred a scandal in the network]. *Sostav*. Website. 08.02.2019. Available from: <https://sostav.ua/publication/reklama-reebok-vyzvala-skandal-v-seti-80919.html> [Accessed 25.06.2019]. (In Russ.).
7. Nancy J-L. *Corpus*. Moscow: Ad Marginem; 1999. 255 p. (In Russ.).
8. Sontag S. *O fotografii [On Photography]*. Moscow: Ad Marginem; 2013. 268 p. (In Russ.).
9. Foucault M. *Nadzirat' i nakazyvat'. Rozhdenie tyur'my [Discipline and Punish. The death of the Prison]*. Moscow: Ad Marginem; 1999. 383 p. (In Russ.).
10. Epshtein MN. *Filosofiya tela [The philosophy of the body]*. Saint Petersburg: Aleteiya; 2006. 432 p. (In Russ.).
11. Butler JP. *Bodies that Matter, on the Discursive Limits of «Sex»*. New York, London: Routledge; 1993. 256 p.

12. Belting H. Image, Medium, Body. A New Approach to Iconology. *Critical Inquiry*. 2005;31(2): 302–319.
13. Douglas M. *Natural Symbols: Exploration in Cosmology*. New York: Routledge; 2003. 240 p.
14. Miller D. Photography in the age of Snapchat. *London's Global University: Global Social Media Impact Study*. 02.02.2014. Available from: <https://blogs.ucl.ac.uk/global-social-media/2014/02/02/photography-in-the-age-of-snapchat> [Accessed 26.06.2019].
15. Nettleton S, Watson J. The body in Everyday Life: an Introduction. In: Nettleton S, Watson J. (eds.) *The body in Everyday Life*. London, New York: Routledge; 1998. P. 1–23.

Submitted 08.11.2019

Accepted 10.12.2019

DOI: 10.35853/LAU.WS.2019.MD08
УДК 316.6:[338.46+002]:351.757

Информационный комфорт как составляющая качества обслуживания в гостинице

Евгения Г. Радыгина,
Уральский государственный экономический университет,
г. Екатеринбург, Россия
ORCID: 0000-0002-2233-7734, e-mail: radygina@bk.ru

Аннотация. Качество обслуживания в гостинице является определяющим фактором выбора для гостя. Способность гостиничного предприятия удовлетворить потребности и оправдать ожидания оценивается гостем не только в период проживания, но и в момент выбора и совершения покупки, а также после оказания услуги размещения. Основную роль в этом процессе играет информация. Индустрия гостеприимства является информационно насыщенной отраслью, поэтому гостиничным предприятиям важно не только оказывать качественные услуги, но и организовывать информационный обмен между предприятием и потенциальными или реальными потребителями гостиничных услуг. Информационный комфорт напрямую влияет на восприятие потребителями качества гостиничных услуг, отвечая на их потребности и запросы, а также формируя ожидания от обслуживания. Информационный комфорт включает процессы информирования гостей как внутри, так и за пределами гостиницы. Создание информационного комфорта на всех этапах обслуживания является необходимым условием для эффективной деятельности гостиницы, определения конкурентных преимуществ и формирования лояльности потребителей. Информационный комфорт формируется посредством создания внутренней и внешней информационной среды гостиницы. Благодаря процессам цифровизации в экономике донесение нужной информации до потребителя становится более простым и менее экономически затратным, создавая новые каналы и способы взаимодействия не только с постоянными, но и с потенциальными потребителями. Гостиницам важно формировать такое информационное поле, которое будет способствовать более высокому восприятию потребителями качества обслуживания.

Ключевые слова: гостиница, качество обслуживания, информация, информационная среда, информационный комфорт.

Для цитирования: Радыгина Е. Г. Информационный комфорт как составляющая качества обслуживания в гостинице // Благополучие и безопасность в условиях социальных трансформаций : сб. науч. тр. X Междунар. симпозиума (г. Екатеринбург, 9–10 июля 2019 г.) / ред. Е. Б. Перельгина, О. Ю. Зотова, А. В. Дроздова, Л. В. Тарасова. – Екатеринбург : Гуманитарный университет, 2019. – С. 280–288. – ISBN 978-5-7741-0376-8. – DOI: 10.35853/LAU.WS.2019.MD08.

An Informational Comfort as a Component of High-Standard Service in Hotels

Evgeniya G. Radygina,
Ural State University of Economics, Yekaterinburg, Russia
ORCID: 0000-0002-2233-7734, e-mail: radygina@bk.ru

Abstract. The quality of service in a hotel determines the guest's choice. A guest evaluates the ability of a lodging property to satisfy clients' needs and meet their expectations not only during his stay but the moment before and after he makes a choice and purchase. Information plays a key role in this process. The hospitality industry is information-intensive, that is why it is important for a hotel not only to offer qualitative services but also organize an exchange of information between the enterprise and its services' current or potential consumers. By attending to guests' requests and needs and through forming their expectations, the informational comfort directly influences the guest's perceptions of hotel services. This comfort is also necessary to inform guests both inside and outside the hotel. The build-up of the informational comfort at all stages of services is a prerequisite for the efficient work of the property, the definition of competitive advantages, and the formation of consumer loyalty. Such comfort is shaped through internal and external information environments. Thanks to the digital economy, the way to communicate information to the consumer has become simpler and less economically costly designing new channels and means of interaction with regular and potential clients. The hotels should develop such an information space that can contribute to more intense consumer perception of service quality.

Keywords: hotel, quality of service, information, information environment, informational comfort.

For citation: Radygina EG. An Informational Comfort as a Component of High-Standard Service in Hotels. In: Perelygina EB, Zotova OYu, Drozdova AV, Tarasova LV. (eds.) *Wellbeing and Security in the Face of Social Transformations: Collection of academic papers from the 10th International Symposium (Yekaterinburg, July 9–10, 2019)*. Yekaterinburg: Liberal Arts University – University for Humanities; 2019. p. 280–288. Available from: doi:10.35853/LAU.WS.2019.MD08.

Введение

В современном мире огромное значение имеет информация, без нее трудно ориентироваться в обстановке и принимать правильные решения. Гостиничный сервис очень зависим от технологий сбора, обработки, создания, применения и передачи информации. В процессах предоставления гостиничных услуг потребитель постоянно сталкивается с различного рода информацией. От того, насколько полно предоставлена информация, насколько она отвечает потребностям и ожиданиям гостя, зависит не только уровень удовлетворенности обслуживанием, но и объем оказанных услуг. Гость может просто отказаться от услуги, информация о которой его не устраивает.

Информация о гостинице позволяет потенциальному гостю сделать вывод о качестве гостиничного обслуживания. Грамотное представление информации способно повлиять на удовлетворенность гостя. Информация, предоставленная вовремя, в нужных объеме и форме, способна значительно повлиять на положительное мнение. И, наоборот, неточно, неверно и неполно предоставленная информация способствует возникновению у потребителя сомнений в качестве обслуживания. Изменения, происходящие в сфере применения цифровых

технологий и информационной среде массовых коммуникаций, способствуют росту ожиданий гостей. Они становятся более требовательными к качеству обслуживания, профессионализму работников, разнообразию предоставляемых услуг и их стоимости.

За счет расширения информационного пространства с использованием новых информационно-коммуникационных технологий и сети Интернет происходит расширение круга потенциальных потребителей услуг индустрии гостеприимства и изменяется процесс коммуникации с ними [3].

Актуальность темы исследования определяется тем, что информация является важнейшей связью, удерживающей вместе производителей и потребителей в индустрии гостеприимства. В условиях цифровизации экономики внимание к информации возрастает, появляются новые каналы и методы взаимодействия с потребителями (в том числе и потенциальными) посредством информационного обмена, электронных каналов связи и создания информационного поля. Появляются инструменты оценки качества информационного воздействия на потребителя, которые гостиничным предприятиям просто необходимо использовать.

Информационные потоки включают в себя все элементы обслуживания: содержание и характеристики услуг, время, данные, расчеты, сведения об оплате и др. Этап предоставления информации о содержании гостиничного обслуживания – один из важных этапов, часто определяющий эффективность дальнейшего взаимодействия с гостем. Неполная, неточная или неправильно предоставленная и воспринятая гостем информация может повлиять на возникновение претензий к качеству обслуживания. Владение обслуживающим персоналом нужной информацией и ее грамотное предоставление обеспечивает привлечение внимания к дополнительным услугам, возникновение интереса и желания приобрести услугу, а также определяет впечатление и восприятие качества обслуживания.

Несмотря на то что одной из характеристик услуг является непостоянство качества, грамотно организованные информационные потоки между гостиницей и потребителями способны сгладить влияние этого фактора, формируя возможность «материализации» услуги в глазах потребителя.

Проблемой исследования является недостаточная согласованность информационных потоков между персоналом и гостями, которая приводит к снижению восприятия качества обслуживания. Объект – качество обслуживания в гостинице. Предмет – информационный комфорт. Цель – сформировать модель информационного комфорта в гостинице.

Методы исследования

Основными терминами, используемыми в исследовании, являются «качество обслуживания» и «информационный комфорт». Понятие качества гостиничного обслуживания представлено в работах Ж. Джаруж, Е. Ю. Никольской, Л. А. Попова, М. М. Романовой, А. Михеева, А. И. Кошелевой, М. В. Кобяк, В. А. Лепешкина, А. В. Тихомировой. Качество обслуживания определяется как способность гостиничного продукта удовлетворять потребности гостей [6]. Комфортность пребывания пребывая в гостиницах рассматривали С. А. Рамзина, Н. С. Ша-

бурова, D. Dickson, R. C. Ford, B. Laval, A. Yuksel. Среди направлений обеспечения комфортности проживания в гостинице: информационный комфорт, бытовой, экономический, эстетический, комфорт безопасности и психологический комфорт [8]. Чем точнее все элементы комфорта отвечают потребностям гостя, тем большую удовлетворенность испытывает потребитель и тем выше качество обслуживания [10]. Информационный комфорт рассматривается в работах Е. Г. Радыгиной, М. А. Морозова, М. М. Морозова.

Для получения информации об уровне информационного комфорта в российских гостиницах использовались материалы собственного эмпирического исследования, проведенного в период 2018–2019 гг. с использованием сервиса GoogleForms. Для обработки и анализа полученных данных использовались математические и статистические методы.

Результаты и обсуждение

Для гостиничного предприятия важно предоставить своим клиентам и то и другое. В таком случае они останутся удовлетворены и вернуться снова. Такой подход учитывает индивидуальные особенности гостей и рассматривает комфортные условия проживания как целый комплекс необходимых мер, предусматривающий обеспечение шести его компонентов: информационного комфорта, который в свою очередь делится на внутренний и внешний и представляет собой любую информацию, которую гость получает об отеле внутри его стен и за их пределами; экономического комфорта, предполагающего удобство расчетов для гостя; бытового комфорта, направленного на удовлетворение физических потребностей гостя; эстетического комфорта; комфорта безопасности; психологического комфорта [7].

Качество гостиничного обслуживания также определяется в стандартах, а соответствие уровня определяет категорию гостиницы – звездность [9].

Информационные услуги гостиницы ориентированы на удовлетворение информационных потребностей гостей путем предоставления информационных продуктов [4] и играют вспомогательную роль в гостиничном обслуживании.

Информационные услуги имеют следующие особенности: многократность использования; актуальность; адресность. Кроме того, информационный продукт может терять свою ценность по мере того, как предоставляемое им знание перестает быть актуальным. Производство информации требует значительных затрат по сравнению с затратами на тиражирование, в отличие от производства материальных товаров [11].

По данным исследований, 80 % российских туристов предварительно изучали информацию о месте предполагаемого путешествия и средствах размещения при выборе маршрута; а 45 % туристов выбирают отель, исходя из информации, полученной с помощью цифровых коммуникаций [5].

Информацию, необходимую гостям и составляющую ядро информационного комфорта, можно разделить на внешнюю и внутреннюю. Внешняя информация находится вне гостиницы и направлена на потенциального гостя, позволяет представить и ощутить качество гостиничного продукта до его предоставления. Внутренняя информация на-

целена на обеспечение комфортности проживания гостя в гостинице, знакомя его со спектром основных и дополнительных услуг, удобствами и внутренней инфраструктурой гостиницы (рисунок).

Рис. Систематизация информации о гостинице

Для исследования информационного комфорта в гостиницах был проведен опрос, в котором участвовали 140 человек в возрасте от 31 до 60 лет. Результаты анкетирования показали необходимость качественного оформления информации в папке гостя (38 % опрошенных), формирования системы указателей внутри и вне гостиницы (12 %), обеспечение качественного предоставления информации сотрудниками гостиницы (44 %), представление информации о гостинице в сети Интернет и наличие сайта (66 %).

При проведении опроса потребителей гостиничных услуг были выявлены следующие недостатки в обеспечении информационного комфорта в России:

1. Недостаточно полная информация о местоположении, доступности, структуре основных и дополнительных услуг, уровне цен. 34 % опрошенных сказали, что не всегда информация, предоставленная вне гостиницы, позволяет сделать вывод о содержании и качестве услуг размещения.

2. Недостаточно полная информация о правилах проживания в гостинице и инфраструктуре. Об этом недостатке сообщили 12 % опрошенных. Данный недостаток может устраняться при общении гостя с персоналом гостиницы, однако гости вступают в коммуникацию лишь в том случае, если какая-то конкретная услуга гостю необходима и он заинтересован в ее получении. папка гостя является достаточно хорошим средством предоставления информации, однако 20 % гостей заявили, что не смотрят информацию в папке гостя.

3. Недостаток информации внутри гостиницы о регионе, городе, транспортных развязках, магазинах и услугах, необходимых приезжим (об этом сообщили 15 % опрошенных). Ситуацию часто исправляет то, что в крупных туристских центрах вне гостиницы активно применяются информационные сервисы. Задача состоит в том, чтобы сделать их актуальными, общедоступными и легкими в использовании.

Время является важным элементом в создании информационного комфорта. Время предоставления информации о гостиничной услуге влияет на восприятие гостем ее актуальности и на принятие решения о покупке. Поэтому гостиничные предприятия стараются регламентировать скорость предоставления информации: взятие трубки после двух гудков, ответ на запрос в течение нескольких секунд, организация онлайн-консультирования. Длительное ожидание способно отрицательно повлиять на оценку качества обслуживания [2]. Это требует создания специализированных информационных систем, позволяющих сотрудникам получать и предоставлять информацию в наиболее короткий промежуток времени.

Современное обслуживание уже невозможно без использования информационных технологий. Рекламные баннеры в Интернете (на поисковых страницах, на сайтах, релевантных по тематике, в группах по интересам) – отличный способ завоевания своей собственной целевой аудитории и общения с ней. Потребитель, увидев интересное предложение, кликает на баннер, содержащий ссылку, и переходит на сайт с предложением. Если говорить о группах по интересам, то нельзя не отметить успешность Телеграм-каналов для продвижения тематических досуговых услуг. В Телеграм используется множество способов привлечения целевой аудитории и завоевания ее лояльности: написание тематических текстов, создание поисковых ботов, публикация интересных подборок. E-mail-рассылка также широко используется для поддержания интереса среди целевой аудитории. Для успешной e-mail-рассылки необходимо собрать базу контактов, подобрать наиболее подходящий инструмент (программу рассылки), написать оптимальный продающий текст и организовать обратную связь [1].

При разработке структуры и содержания информации, потребной для создания информационного комфорта для гостей, необходимо учесть основные возможности и риски (таблица).

Таблица

**Особенности создания информационного комфорта
для потребителей гостиничных услуг**

Возможности	Угрозы
<ul style="list-style-type: none">- привлечение потенциальных гостей;- повышение узнаваемости бренда;- использование новых технических возможностей;- снижение нагрузки на сотрудников	<ul style="list-style-type: none">- необходимость оперативного обновления информации;- неблагоприятная экономическая ситуация;- понижение рейтинга запроса в поисковых системах

Заключение

Предоставление информации гостям гостиницы повышает качество гостиничного продукта и удовлетворенность гостей обслуживанием. Качественное предоставление информации во внешней среде гостиницы будет способствовать развитию маркетинговых коммуникаций и привлечению большего количества гостей. Представленность гостиницы в сети Интернет и других информационных системах дает возможность расширить круг потенциальных гостей при минимальных затратах.

Повышение информационного комфорта в гостинице способствует более высокому восприятию гостями качества гостиничного продукта, а также способствует повышению заполняемости гостиницы и увеличению продаж дополнительных услуг.

Однако не стоит забывать о соответствии представленной информации о гостинице реальности. Гость, заинтересовавшийся предложением, должен убедиться в точности и правильности предоставленной информации. Только в этом случае он будет удовлетворен качеством обслуживания.

Информация об авторе

Евгения Геннадьевна Радыгина, кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры туристического бизнеса и гостеприимства Уральского государственного экономического университета (г. Екатеринбург, Россия).

Information about the author

Evgeniya G. Radygina, Cand. Sci. (Pedagogy), Ass. Prof., Assoc. Prof. at Tourist Business and Hospitality chair, Ural State University of Economics, Yekaterinburg, Russia.

Список литературы

1. Вакин И. С. Стратегии развития малых предприятий в индустрии гостеприимства с использованием цифровых технологий // Научный вестник МГИИТ. 2018. № 6 (56). С. 64–69.
2. Джарруж Ж., Никольская Е. Ю., Попов Л. А., Романова М. М. Методы повышения контроля качества гостиничных услуг // Российский экономический интернет-журнал. 2018. № 1. С. 1–13.
3. Лихачев А. В., Ридель Л. Н. Тенденции развития индустрии гостеприимства в России // Экономика и управление в современных условиях : материалы международной научно-практической конференции / ред. В. Ф. Забуга. Красноярск : Сибирский институт бизнеса, управления и психологии, 2018. С. 178–180.
4. Михеев А. Продвижение отеля/ресторана на рынке // Гостиничное дело. 2015. № 01-02. С. 42–44.

5. Морозов М. А., Морозов М. М. Цифровые коммуникации как инструмент формирования единого информационного пространства в туризме // Вестник Российского нового университета. Серия : Человек и общество. 2019. № 2. С. 69–72.

6. Прокофьев Н. В. Маркетинговые особенности повышения качества обслуживания и степени удовлетворенности потребителя // Интеграция науки и производства. 2013. № 5. С. 14–15.

7. Радыгина Е. Г. Направления обеспечения комфортных условий проживания в гостинице // Наука Красноярья. 2017. Т. 6, № 3-2. С. 239–260.

8. Рамзина С. А., Шабурова Н. С. Инструменты создания гостевого комфорта // Современное образовательное пространство: психологическое благополучие и культура безопасности : материалы межрегиональной конференции с международным участием (Екатеринбург, 15–16 февраля 2017 г.). Екатеринбург : Гуманитарный университет, 2017. С. 216–219.

9. Тихомирова А. В. Отдельные вопросы качества гостиничных услуг // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия : Право. 2013. Т. 13, № 2. С. 59–62.

10. Popov L. A., Nikolskaya E. Yu., Kosheleva A. I., Kobayak M. V., Lepeshkin V. A. Trends in the development of hotel business in the world and the Russian Federation // International Journal of Applied Business and Economic Research. 2016. Vol. 14 (9). P. 5843–5864.

11. Yuksel A. Managing customer satisfaction and retention: a case of tourist destinations, Turkey // Journal of Vacation Marketing. 2001. Vol. 7 (2). P. 153–168.

Статья поступила в редакцию: 23.10.2019

Принята к публикации: 25.11.2019

References

1. Vakin IS. Strategii razvitiya mal'kikh predpriyatii v industrii gostepriimstva s ispol'zovaniem tsifrovyykh tekhnologii [Development strategies of small enterprises in the hospitality industry using digital technologies]. *Nauchnyi vestnik MGIIIT = Research Bulletin of MSITI*. 2018;6(56): 64–69. (In Russ.).

2. Jarrouj G, Nikolskaya EY, Popov LA, Romanova MM. Metody povysheniya kontrolya kachestva gostinichnykh uslug [Methods of increasing the quality control of hotel services]. *Rossiiskii ekonomicheskii internet-zhurnal = Russian economic online magazine*. 2018;1: 1–13. (In Russ.).

3. Likhachyova AV, Ridel LN. Tendentsii razvitiya industrii gostepriimstva v Rossii [The tendencies of the hospitality development in Russia]. In: Zabuza VF. (ed.) *Ekonomika i upravlenie v sovremennykh usloviyakh [Economy and management in modern conditions]: collected papers of international scientific and practical conference*. Krasnoyarsk: Siberian Institute of Business, Management and Psychology; 2018. p. 178–180. (In Russ.).

4. Mikheev A. Prodvizhenie otelya/restorana na rynke [The promotion of a hotel/restaurant on the market]. *Gostinichnoe delo = The hotel business*. 2015;01-02: 42–44. (In Russ.).

5. Morozov MA, Morozov MM. Tsifrovye kommunikatsii kak instrument formirovaniya edinogo informatsionnogo prostranstva v turizme [Digital communications as a tool for the formation of a single information space in tourism]. *Vestnik Rossiiskogo novogo universiteta. Seriya : Chelovek i obshchestvo = Vestnik of Russian New University. Series: Man and Society*. 2019;2: 69–72. (In Russ.).

6. Prokofiev NV. Marketingovye osobennosti povysheniya kachestva obsluzhivaniya i stepeni udovletvorennosti potrebitelya [Marketing specific features of services improvement and consumer satisfaction]. *Integratsiya nauki i proizvodstva = Integration of science and production*. 2013;5: 14–15. (In Russ.).

7. Radygina EG. Napravleniya obespecheniya komfortnykh uslovii prozhivaniya v gostinitse [Areas of comfort provision in a hotel]. *Nauka Krasnoyar'ya = Science of Krasnoyarie*. 2017;6(3-2): 239–260. (In Russ.).

8. Ramzina SA, Shaburova NS. Instrumenty sozdaniya gostevogo komforta [Tools of creating guests comfort]. In: *Sovremennoe obrazovatel'noe prostranstvo: psikhologicheskoe blagopoluchie i kul'tura bezopasnosti [Contemporary space of education: psychological wellbeing and security culture]: collected papers of interregional conference with international participation*. Yekaterinburg: Liberal Arts University–University for Humanities; 2017. p. 216–219. (In Russ.).

9. Tikhomirova AV. Otdel'nye voprosy kachestva gostinichnykh uslug [The selected issues of the quality of hospitality services]. *Vestnik Yuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya : Pravo = South Ural State University Bulletin. Series: Law*. 2013;13(2): 59–62. (In Russ.).

10. Popov LA, Nikolskaya EYu, Kosheleva AI, Kobyak MV, Lepeshkin VA. Trends in the development of hotel business in the world and the Russian Federation. *International Journal of Applied Business and Economic Research*. 2016;14(9): 5843–5864.

11. Yuksel A. Managing customer satisfaction and retention: a case of tourist destinations, Turkey. *Journal of Vacation Marketing*. 2001;7(2): 153–168.

Submitted 23.10.2019

Accepted 25.11.2019

DOI: 10.35853/LAU.WS.2019.MD09
УДК [159.9+614.8]:379.85

Периметр безопасности гостиничного продукта в инфраструктуре туризма

Снежана А. Рамзина,
АНО ВО «Гуманитарный университет», г. Екатеринбург, Россия
ORCID: 0000-0001-9937-1175, e-mail: media-plan@mail.ru

Аннотация. Зависимость сферы туризма от факторов внешней и внутренней сред актуализирует вопросы обеспечения безопасности отеля. Под безопасностью гостиничного сервиса понимаем структуру бизнес-процессов гостиничной деятельности, обеспечивающих защиту от существенных недостатков сервисного продукта. Специфика обеспечения безопасности в сфере гостеприимства обусловлена не только характером и формами запросов субъектов сервиса, но институциональной регуляцией их взаимодействия. Институциональные характеристики гостиничной деятельности раскрывают ее связь с общественными процессами. Цель исследования – с позиции междисциплинарного подхода в туристике определить возможности формирования периметра безопасности продукта отеля как объекта туристской инфраструктуры. Цель актуализирована необходимостью создания гибкой организационной модели гостиничного риск-менеджмента, способной обеспечить стабильность безопасности и гарантии качества услуг. Институциональный, функциональный, системный подходы, перспективы социологии туризма, позволили определить условия формирования гостиничного периметра безопасности. Теория риск-менеджмента позволила охарактеризовать организационную модель, обеспечивающую стабильность и гарантии качества услуг гостеприимства. Парадигма психологии безопасности актуализировала возможности риск-менеджмента на микроуровне взаимодействия участников сервисного контакта. Обеспечение безопасности на предприятии размещения предусматривает меры заботы о безопасности гостей и персонала, защиты конфиденциальности информации о частной жизни постояльцев и сотрудников, коммерческих сведений о положении компании на рынке и ее имуществе. Действия по обеспечению периметра безопасности, закрепленные в системе корпоративных предписаний, регламентов, гарантируют стабильность и эффективность управления деятельностью всех подразделений гостиничной организации.

Ключевые слова: периметр безопасности, гостиничный риск-менеджмент, потребность в безопасности, паспорт безопасности объекта, гостиничный продукт, потенциальные риски.

Для цитирования: Рамзина С. А. Периметр безопасности гостиничного продукта в инфраструктуре туризма // Благополучие и безопасность в условиях социальных трансформаций : сб. науч. тр. X Междунар. симпозиума (г. Екатеринбург, 9–10 июля 2019 г.) / ред. Е. Б. Перельгина, О. Ю. Зотова, А. В. Дроздова, Л. В. Тарасова. – Екатеринбург : Гуманитарный университет, 2019. – С. 289–297. – ISBN 978-5-7741-0376-8. – DOI: 10.35853/LAU.WS.2019.MD09.

The Security Perimeter of a Hospitality Product in the Tourism Infrastructure

Snezhana A. Ramsina,

Liberal Arts University – University for Humanities,
Yekaterinburg, Russia
ORCID: 0000-0001-9937-1175, e-mail: media-plan@mail.ru

Abstract. The dependence of tourism on internal and external environmental factors actualizes the issues associated with hotel security provision. We suppose hospitality security to be a form of protection against the essential weaknesses of service products presented in the business-structure of the hotel operations. The specificity of security provision in the hospitality industry is determined by not only the nature and forms of requests on the part of service subjects but also an institutional mode of their interaction. The institutional characteristics of hospitality activities disclose their ties with social processes. The study aimed to define the possibilities of building the security perimeter of a hotel product as an object of the tourist infrastructure. The necessity to create a flexible organizational model of hotel risk-management capable of ensuring security stability and the quality of service justified our aim. Based on institutional, functional, and system approaches together with perspectives of tourism sociology, the author made an effort to define the conditions of the formation of the hotel security perimeter. Risk-management theory allowed for characterizing an organizational model that provides security stability and guarantees the quality of services. The paradigm of security psychology actualized the opportunities of risk-management at a micro-level of interactions between service contact participants. The provision of security of lodging enterprises embraces as follows: concerns for the personal safety of the guests and the staff; privacy protection for the clients and personnel' information; the confidentiality of information on the company market position and its assets. Effective measures to ensure the safety perimeter built into the system of corporate regulations guarantee the stability and the effective management of all units of the hotel.

Keywords: the security perimeter, hotel risk management, need for security, safety passport of an entity, hospitality product, potential risks.

For citation: Ramsina SA. The Security Perimeter of a Hospitality Product in the Tourism Infrastructure. In: Perelygina EB, Zotova OYu, Drozdova AV, Tarasova LV. (eds.) *Wellbeing and Security in the Face of Social Transformations: Collection of academic papers from the 10th International Symposium (Yekaterinburg, July 9–10, 2019)*. Yekaterinburg: Liberal Arts University – University for Humanities; 2019. p. 289–297. Available from: doi:10.35853/LAU.WS.2019.MD09.

Введение

Изучение возможностей периметра безопасности гостиничного продукта в социальном плане обусловлено значимостью запросов безопасности и противодействия террористическим угрозам в туристской деятельности. В научном плане безопасность как междисциплинарная область знания актуализирует теоретико-методологические подходы многих гуманитарных наук. В фокусе нашего внимания оказывается не столько сам концепт безопасности, мы рассматриваем этот феномен через призму деятельностного подхода. В самом общем смысле безопасность означает состояние, свободное от неприемлемого риска, чреватого ущербом; это степень защищенности объекта от угроз. В гостеприимстве безопасность – это структура бизнес-процессов гостиничной деятельности, обеспечивающих защиту от существенных недостатков сервисного продукта.

Научно-практическая необходимость изучения локальных проблем отдельных видов безопасности [2] и формирование условий развития безопасного, стабильного развития туристской инфраструктуры задается изучением нормативно-правовой базы и перспективами социологического подхода в туристике.

Поиск механизмов и инструментов достижения целей в сфере безопасности туризма потребовал обращения к широкому кругу источников. Междисциплинарный характер феномена безопасности как сферы деятельности рассматривался в трудах А. И. Донцова, Ю. П. Зинченко, И. Н. Панарина, Дж. Фридмана, Э. Хобсбаума, Н. Н. Рыбалкина, др.

Изучение актуальных вопросов организации гостиничной деятельности предполагало обращение к туристике – системе прикладных наук о туризме и туристском обслуживании. Для анализа практики гостиничного дела в структуре гостеприимства мы обращались к работам Р. Браймера, Дж. Уокера, др., отечественных ученых В. А. Квартальнова, Г. А. Папиряна, Е. Н. Трофимова, Е. В. Мошняга, Н. В. Шабалиной, др. Основные тренды в обеспечении безопасности отеля изучались на материалах А. Г. Бобковой, Л. П. Воронковой, С. А. Кудреватых, Е. Л. Писаревского, А. В. Раппопорта и др. на материалах Международного форума «Безопасность туризма– 2019».

Специфика гостиничного сервиса, отраженная в работах С. И. Байлика, М. В. Ефремовой, А. Д. Чудновского, Л. П. Шматько и др., задает требования к организации пространства сервисного взаимодействия. Раскрытие динамики социального взаимодействия в гостиничном деле основано на трудах классиков социологии Э. Гидденса, Р. Мертона, Р. Парка, Т. Парсонса, Н. Элиаса, М. О. Мнацаканяна, др.

Практики гостиничного менеджмента, проанализированные В. В. Богалдин-Малых, Н. А. Зайцевой, Е. Е. Егоровым, В. Г. Стахановым, др., определяют особенности организации факторов безопасности во внутренней среде предприятия. Возможности повышения уровня гостевой удовлетворенности качеством услуг рассматривались в источниках по психологии безопасности Р. Кларка, А. Кармели, Н. Кауфман, Е. Б. Перельгиной, О. Ю. Зотовой, и др.

Анализ актуальной нормативно-правовой базы отрасли, результаты исследования потребительских оценок опыта предприятий гостиничной сферы выступили материалами статьи.

Методы исследования

Междисциплинарный функциональный, системный подходы в туристике, перспективы социологии туризма позволили определить условия формирования гостиничного периметра безопасности.

Заинтересованность в обеспечении безопасности в гостиничном деле – основание социального партнерства субъектов на всех уровнях взаимодействия. С позиций институционального подхода социологии охарактеризован вектор взаимодействия заинтересованных сторон. Требования к организации периметра безопасности изложены с позиций гостиничного риск-менеджмента. Трактовки маркетинга взаимоотношений позволили учесть субъектно-деятельностную компоненту форм организации гостиничной безопасности комплексного продукта гостеприимства.

В методическом плане актуальна проблема измерения гостевой удовлетворенности качеством гостиничных услуг по методике SERQUAL. Этот метод маркетингового анализа сервиса устанавливает детерминанты количественных и качественных параметров оценки гостевой удовлетворенности.

Результаты и обсуждение

Признание туризма приоритетной отраслью экономики РФ предполагает создание благоприятных условий его развития. Туризм как сфера социально-экономического, социально-культурного взаимодействия многих участников динамична в силу зависимости от влияния факторов внешней среды (политического, экономического, социально-культурного, технологического, проч. порядка). Изменчивость потребностей туристов, непостоянство состава и форм туристского продукта, др., – влияют на порядок оказания туристских услуг, на комплексные меры обеспечения безопасности объектов туристской инфраструктуры.

Проблематика безопасности затрагивает все сферы туристской деятельности. Преобразование общественных отношений под влиянием процессов глобализации актуализируют проблему организации безопасного путешествия туриста, комфортного пребывания гостя в отеле. Рост недовольства глобализмом, выраженный в форме международного терроризма, о котором писал Дж. Е. Стиглиц [10], усиливает значимость глобальной туристской безопасности. Универсальная социальная безопасность – уровень качества услуг на транспорте, в отеле, на объектах питания и отдыха – поддерживается требованиями глобальной политики. Они преодолевают структурную раздробленность регионального нормативного поля туризма: СНиПов, СанПинов, туристских кодексов, программных продуктов информационных систем и оборудования по обеспечению безопасности, проч.

Институциональные основания обеспечения безрискового пространства в гостиничном секторе сформировали запрос изучения требований к деятельности туристских предприятий. Направления государственного регулирования деятельности организаций, оказывающих услуги туризма и гостеприимства в РФ [7], представлены в отраслевых документах:

- ФЗ «Об основах туристской деятельности в РФ» (редакция от 04.06.2018 г);
- Федеральная целевая программа «Развитие внутреннего и въездного туризма в РФ 2019-2025 гг.»;
- Государственная программа РФ «Развитие культуры и туризма на 2013–2020 гг.»;
- «Стратегия развития туризма в РФ до 2035 г.», утв. 20 сентября 2019 года № 2129-р;
- Государственные стандарты туристской и гостиничной деятельности, др.

Туристский инфраструктурный состав определяется ресурсами, формирующими совокупность объектов туристского назначения. Согласно ФЗ «Об основах туристской деятельности в Российской Федерации», гостиницы и другие средства размещения открывают список инфраструктурных объектов сферы. По данным Ассоциации по безопасности объектов туристской индустрии, в 2019 г. в России функ-

ционирует свыше 31 000 отелей, 18 000 санаторно-курортных организаций, свыше 1 500 баз отдыха [4].

В тексте редакции закона, вступившей в силу с 01.07.2019 г., даны основания различия гостиниц по соответствию положениям о классификации гостиниц, утвержденным Правительством РФ. Обязательным условием прохождения классификации гостиниц (согласно Постановлению Правительства РФ от 16 февраля 2019 г. № 158) – соответствие требованиям пожарной безопасности и антитеррористической защищенности.

Согласно рейтингу Ассоциации по безопасности объектов туристской индустрии, безопасность – третий по значимости критерий гостевого выбора гостиниц [1]. Независимо от классификационного статуса предприятия размещения, функционального назначения, формы управления, от стадии жизненного цикла организации (новый объект или действующий), меры обеспечения периметра безопасности требуют комплексного подхода.

Термин «периметр безопасности» в гостиничный риск-менеджмент попал из научно-практического оборота компьютерного программного обеспечения. Он означает точки контроля входа локальных корпоративных ведомственных сетей в глобальное пространство Интернета. Сегодня профессионалы прикладной информатики отмечают, что этот термин устарел в силу технологических возможностей мобильных устройств, которые подключаются к внешнему облаку – хранилищу конфиденциальных данных, или возможностей приложений, обрабатывающих эти данные [3].

Информационная составляющая комфорта актуализирует вопросы информационной безопасности в гостиничном деле, раскрытые И. С. Барчуковым, А. В. Зайцевым, Н. Г. Новиковой, Л. А. Родигиным, проч. Пространство отеля охватывает не только информационную, но также и физическую, социальную, экономическую, проч. составляющие. Поэтому использование термина «периметр безопасности» по-прежнему правомерно. Потребность туристов и персонала в защите от угроз внутренней и внешней среды актуализирует меры гостиничного риск-менеджмента, обеспечивающие желаемое состояние безопасности. Угрозы внешнего окружения: экономического, правового, природного, проч., также терроризм, нарушение личной неприкосновенности, – формируют управленческую потребность в безопасности. Что касается угроз внутреннего характера, то их дифференцируем по субъектам: для персонала – это потеря работы, для гостей – ложное понимание содержания продуктов туризма.

Через взаимосвязи между социальными факторами и потребностями субъектов сервиса, через организованное на институциональном уровне взаимодействие определяем стратегические фокусы и тактику создания периметра безопасности продукта отеля. Субъектами, чья активность определяет состояние безопасности в туризме, выступают:

- представители властных структур, городских и районных администраций, чья деятельность связана с обеспечением безопасности туризма;
- представители правоохранительных органов, МЧС, ФСБ;
- руководители антитеррористических комиссий (наибольшая угроза развитию туризма – терроризм [6]);

- представители органов управления туризмом, туристско-рекреационных кластеров,
- туроператоры,
- владельцы активов гостеприимства;
- руководители предприятий размещения, имеющих паспорт безопасности.

Паспорт безопасности – это информационно-справочный документ внутреннего пользования, определяющий готовность объекта к предупреждению теракта и смягчению его последствий. Меры обеспечения безопасности отеля предполагают соответствие комплексу архитектурных требований на стадии строительства, выделяя лестницы, лифты, двери, перегородки здания. Паспорт безопасности объекта разрабатывается в соответствии требованиями Постановлений Правительства РФ № 272 от 25 марта 2015 года «Об утверждении требований к антитеррористической защищенности мест массового пребывания людей и объектов (территорий), подлежащих обязательной охране войсками национальной гвардии РФ, и форм паспортов безопасности таких мест и объектов» и № 447 от 14 апреля 2017 года «Об утверждении требований к антитеррористической защищенности гостиниц и иных средств размещения и формы паспорта безопасности этих объектов».

Социально-экономический характер, гетерогенность продукта гостеприимства, гостевые требования стабильности и гарантий качества сервиса задают ориентиры системы безопасности предприятия. Эта система содержит комплекс организационных, технических, экономических, информационных и физических мер обеспечения периметра безопасности, предупреждения и своевременного реагирования на угрозы. Например, предупреждения туристов о необходимости соблюдать «обычные меры безопасности» в странах временного пребывания, регулярно обновляемые на сайте министерства иностранных дел Канады [9], снижает риски путешествия за границу.

Система безопасности предприятия включает требования к персоналу. Корпоративные предписания, регламенты устанавливают меры защиты конфиденциальности информации о частной жизни постояльцев и сотрудников отеля, коммерческих сведений о компании, меры выражения заботы о безопасности гостей и коллег.

Гостиничный продукт выступает ядром формирования гостевой удовлетворенности. Фокусы маркетинга отношений и маркетинг услуг, отраженные К. Хаксевером, А. Парасураманом, К. Лавлоком, Л. Баумгартемом, А. П. Дуровичем, др., позволяют установить оптимальные точки контакта в обеспечении безопасности. Структура сервисного продукта определена значимостью гостевой потребности в комфорте и безопасности.

Весной 2019 г. по методике SERQUAL, используя сервис Google-Forms, мы провели исследование оценок качества сервиса гостей и персонала отелей г. Екатеринбурга разного уровня звездности. Выборка составила 300 респондентов в возрасте от 23 до 65 лет. Как показали результаты, детерминантами количественной оценки удовлетворенности потребителей (независимо от целей поездки) и сотрудников (независимо от стажа работы в организации и занимаемой должности) выступают безопасность и стабильность услуг, а гарантия, надежность являются качественными параметрами удовлетворенности.

Гарантии стабильности и безопасности пребывания гостя обеспечивает периметр безопасности гостиничного продукта, разрабатываемый согласно рекомендациям международных стандартов операционного риск-менеджмента (ISO 22399, BS 25999, NB 221, SI 24001, NFPA 1600). Аспектами управления периметром безопасности, с учетом концепции «стратегического актерства», построенной на взаимосвязанных элементах – цели, средствах и решимости [8], выступают следующие действия:

- создание паспорта безопасности гостиницы; определение потенциальных рисков;
- контртеррористическая работа;
- контроль точек доступа – двусторонних входов и выходов: центральный вход, въезд в подземный паркинг, вход в багажную комнату с улицы; погрузочная зона; др.;
- зонирование гостиничного пространства с оснащением техническими средствами контроля доступа;
- разделение гостевых и служебных потоков, навигация гостей и персонала отеля;
- применение технических решений обеспечения безопасности;
- планирование технологических процессов и процедур по урегулированию конфликтов, материального и физического ущерба;
- расчет количества сотрудников службы безопасности;
- проведение тренинг-сессий по распознаванию ситуации рисков, по развитию навыков управления рисками и оказания неотложной помощи в чрезвычайных ситуациях;
- оптимизация расходов на физическую безопасность.

Периметр безопасности гостиничного продукта формирует комфортное пространство сервиса. Благоприятный средовый фактор определяет «специфику доверия в контексте средового познания, поведения и восприятия» [5, с. 12]. Ситуация сервисного контакта формирует средовое доверие у гостя, повышает уровень его удовлетворенности качеством услуг. Это необходимо для достижения стабильности в социальном пространстве гостиничных практик.

Заключение

Приоритет гостевых потребностей и институциональные требования социального контекста обеспечения безопасности предопределяют выбор стратегии отеля. Эта стратегия фокусируется на создании централизованной системы безопасности, надежности, гарантий и качестве туристского комфорта. Жизнеспособность системы профилактики рисков и обеспечения безопасности в гостиничном деле задается на уровне государственной политики повышения безопасности в туризме и в вопросах качества услуг. Ответственность за обеспечение безопасности туристской поездки (вне зависимости от этапа жизненного цикла турпродукта) позволяет управлять рисками и угрозами по всему периметру путешествия.

Информация об авторе

Снежана Александровна Рамзина, кандидат социологических наук, доцент, зав-кафедрой социально-культурного сервиса и туризма АНО ВО «Гуманитарный университет» (г. Екатеринбург, Россия).

Information about the author

Snezhana A. Ramsina, Cand. Sci. (Sociology), associate professor, head of Hospitality and Tourism chair, Liberal Arts University – University for Humanities, Yekaterinburg, Russia.

Список литературы

1. Ежегодный рейтинг туристической безопасности стран мира – 2019 // Ассоциация по безопасности объектов туристской индустрии. 2019. URL: https://www.tourismsafety.ru/news_one_744.html (дата обращения: 26.09.2019).
2. Зинченко Ю. П. Безопасность как междисциплинарная область современной науки // Междисциплинарные исследования в психологии безопасности и их современное состояние : материалы VIII Межрегионального симпозиума с междунар. участием (Екатеринбург, 12–13 июля 2017 г.). / ред. Е. Б. Перельгина. Екатеринбург : Гуманитарный университет, 2017. С. 21–24.
3. Лукацкий А. Термин «периметр» только вредит информационной безопасности // SecurityLab.ru. 03.11.2017. URL: https://www.securitylab.ru/blog/personal/Business_without_danger/342839.php (дата обращения: 24.08.2019).
4. Материалы международного форума «Безопасность туризма – 2019» // Ассоциация по безопасности объектов туристской индустрии. 2019. URL: https://www.tourismsafety.ru/forum_tsif_2019.html (дата обращения: 26.09.2019).
5. Перельгина Е. Б. Доверие в системе социальных отношений: анализ социального доверия современного российского общества // Доверие и субъективное благополучие как основание безопасности современного общества. Екатеринбург : Гуманитарный университет, 2018. С. 11–92.
6. Раппопорт А. В. Проблемы безопасности в туризме // ПОИСК: Политика. Обществоведение. Искусство. Социология. Культура. 2015. Вып. 4 (51). С. 140–147.
7. Турбизнес : информационно-аналитический журнал для специалистов туристической отрасли. URL: www.tourbus.ru/ (дата обращения: 22.09.2019).
8. Biscop S., Coelmont J. Europe, strategy and armed forces: the making of a distinctive power. London : Routledge, 2012. 138 p.
9. Foreign Affairs and International Trade Canada // The official website of the Government of Canada. URL: http://www.voyage.gc.ca/countries_pays/report_rapport-eng.asp?id=249000 (дата обращения: 25.11.2019).
10. Stiglitz J. E. Globalization and its Discontents Revisited. *Anti-Globalization in the Era of Trump*. New York : W. W. Norton & Company, 2018. 515 p.

Статья поступила в редакцию: 19.10.2019

Принята к публикации: 25.11.2019

References

1. Ezhegodnyi reiting turisticheckoi bezopasnosti stran mira – 2019 [Annual rating of tourist security worldwide (2019)]. *The official site of Association for Security of Tourist Properties*. 2019. Available from: https://www.tourismsafety.ru/news_one_744.html [Accessed 26.09.2019]. (In Russ.).
2. Zinchenko YP. Bezopasnost' kak mezhdistsiplinarnaya oblast' sovremennoi nauki [Security as an inter-disciplinary field of modern science]. In: Perelygina EB. (ed.) *Mezhdistsiplinarnye issledovaniya v psikhologii bezopasnosti i ikh sovremennoe sostoyanie [Inter-disciplinary research in security psychology and its state-of-the art]: proceedings of the 8th Inter-regional symposium with international participation*. Yekaterinburg: Liberal Arts University – University for Humanities; 2017. p. 21–24. (In Russ.).

3. Lukatsky A. Termin «perimetr» tol'ko vredit informatsionnoi bezopasnosti [The term “perimeter” only damages information security]. *SecurityLab.ru*. Website. 03.11.2017. Available from: https://www.securitylab.ru/blog/personal/Business_without_danger/342839.php [Accessed 24.08.2019]. (In Russ.).

4. Materialy mezhdunarodnogo foruma «Bezopasnost' turizma – 2019» [The collected papers of the International Forum “Tourism Safety-2019”]. *Tourism Safety International Forum*. Website. 2019. Available from: https://www.tourismsafety.ru/forum_tsif_2019.html [Accessed 26.09.2019]. (In Russ.).

5. Pereyigina EB. Doverie v sisteme sotsial'nykh otnoshenii: analiz sotsial'nogo doveriya sovremennogo rossiiskogo obshchestva [Trust in the system of social relations: an analysis of social trust of today's Russian society]. In: *Doverie i sub"ektivnoe blagopoluchie kak osnovanie bezopasnosti sovremennogo obshchestva [Trust and subjective wellbeing as a basis of modern society security]*. Yekaterinburg: Liberal Arts University – University for Humanities; 2018. p. 11–92. (In Russ.).

6. Rappoport AV. Problemy bezopasnosti v turizme [The problems of security in tourism]. *POISK: Politika. Obshchestvovedenie. Iskusstvo. Sotsiologiya. Kul'tura = POISK: Politics, Social Studies, the Art, Sociology, Culture*. 2015;4(51): 140–147. (In Russ.).

7. *Turbiznes : informatsionno-analiticheskii zhurnal dlya spetsialistov turisticheskoi otrasli [Information-and-analytical magazine “Tourism business” for the tourist industry specialists]*. Available from: www.tourbus.ru/ [Accessed 22.09.2019]. (In Russ.).

8. Biscop S, Coelmont J. *Europe, strategy and armed forces: the making of a distinctive power*. London: Routledge; 2012. 138 p.

9. Foreign Affairs and International Trade Canada. *The official website of the Government of Canada*. Available from: http://www.voyage.gc.ca/countries_pays/report_rapport-eng.asp?id=249000 [Accessed 25.11.2019].

10. Stiglitz JE. *Globalization and its Discontents Revisited. Anti-Globalization in the Era of Trump*. New York: W. W. Norton & Company; 2018. 515 p.

Submitted 19.10.2019

Accepted 25.11.2019

DOI: 10.35853/LAU.WS.2019.MD10
УДК 159.9

Концептуальные положения и модель контроля профилактики негативных проявлений в образовательной организации

Надира Л. Захарова,

ГБОУ ВО Московской области «Технологический университет»,
г. Королев, Россия
ORCID: 0000-0001-9226-5492, e-mail: nadlex@mail.ru

Аннотация. В связи с отсутствием методологии и разработанной на ее основе системы контроля профилактики негативных проявлений в образовательных организациях требуются научное осмысление и обоснование содержания и компонентов системы контроля, обеспечивающей социальную и психологическую безопасность субъектов образовательного процесса. Цель исследования: научное обоснование концептуальных положений контроля профилактики негативных проявлений и на этой основе разработка модели системы контроля профилактической деятельности в образовательной организации. Основными методами исследования явились теоретический анализ исследований, анализ документов, научное моделирование, позволившее представить описательную модель системы контроля профилактики негативных проявлений в организации. Определены методологические подходы (субъектный, деятельностный, системный), факторы, содержательные характеристики методического, кадрового, организационного обеспечения системы, уровни, предмет, цели, результирующие показатели функционирования системы контроля профилактики негативных проявлений. Определены функции системы контроля профилактики: поддержание высокого уровня профилактической деятельности, оптимизация ресурсов организации, нейтрализация воздействий угрожающих безопасности факторов, упорядочивание процессов коммуникации, социально-психологическое регулирование. Научная новизна исследования заключается в определении концептуальных основ системы контроля профилактики негативных проявлений как совокупности взаимосвязанных действий субъекта по оценке результативности профилактической деятельности в определенный промежуток времени на основе учета специфики действий в зависимости от социально-психологических условий организации и проблем субъектов образовательного процесса.

Ключевые слова: контроль, профилактика негативных проявлений, субъект образовательного процесса, функции.

Для цитирования: Захарова Н. Л. Концептуальные положения и модель контроля профилактики негативных проявлений в образовательной организации // Благополучие и безопасность в условиях социальных трансформаций : сб. науч. тр. X Междунар. симпозиума (г. Екатеринбург, 9–10 июля 2019 г.) / ред. Е. Б. Перельгина, О. Ю. Зотова, А. В. Дроздова, Л. В. Тарасова. – Екатеринбург : Гуманитарный университет, 2019. – С. 298–307. – ISBN 978-5-7741-0376-8. – DOI: 10.35853/LAU.WS.2019.MD10.

© Н. Л. Захарова, 2019

Conceptual Propositions and the Model for Control and Prevention of Negative Effects in an Educational Establishments

Nadira L. Zakharova,

Moscow Region University of Technology,
Korolyov, Russia

ORCID: 0000-0001-9226-5492, e-mail: nadlex@mail.ru

Abstract. The lack of methodology and the control and prevention model developed on its basis requires scientific thinking and substantiation of the substance and components of the control system that can ensure the social and psychological security of the subjects of education. The study aimed at scientific groundwork for conceptual propositions to control negative influences and develop a model for monitoring and preventive activities in educational organizations. The methods of the study included theoretical analysis, the analysis of documents, scientific modeling allowing for designing a descriptive model of the control and prevention system. The author defined methodological approaches (a subject-, activity-, and system-based ones), factors, substantive characteristics of methodical, staffing, and organizational provisions, levels, goals, and the result indicators of this control and prevention of negative effects system. The author also outlined functions of the system: to support high profile of preventive activities; to optimize the resources of an organization; to neutralize factors generating threats to organizational security; to harmonize communication, and socio-psychological regulation. The academic novelty of the study resides in determining the conceptual foundations of the control and preventive system to hamper negative outside effects. The author interpreted these foundations as a totality of interrelated actions of the subject to assess the results of preventive measures at a given period based on actions' specificity depending on the socio-psychological climate of an organization and problems of the subjects of education.

Keywords: control, prevention of negative effects, subject of education, functions.

For citation: Zakharova NL. Conceptual Propositions and the Model for Control and Prevention of Negative Effects in an Educational Establishments. In: Perelygina EB, Zotova OYu, Drozdova AV, Tarasova LV. (eds.) *Wellbeing and Security in the Face of Social Transformations: Collection of academic papers from the 10th International Symposium (Yekaterinburg, July 9–10, 2019)*. Yekaterinburg: Liberal Arts University – University for Humanities; 2019. p. 298–307. Available from: doi:10.35853/LAU.WS.2019.MD10.

Введение

В контексте решения проблем психологического благополучия и безопасности личности следует обратиться к проблеме организации и контроля профилактической деятельности в сфере негативных проявлений в условиях образовательной организации. Отечественные и зарубежные ученые приводят анализ данных, свидетельствующих о разных формах насилия, распространенных как среди несовершеннолетних, так и среди взрослых [5; 12; 14]. Так, среди основных форм девиаций зарубежные ученые называют насильственную смерть учащихся в учебных учреждениях, виктимизацию, преступления на почве ненависти, запугивания, нападения [14]. Согласно статистическим данным, в период с 2006-го по 2008 г. в России было зарегистрировано более 15 тыс. преступлений, связанных с насилием по отношению к несовершеннолетним [5]. Среди девиаций россиян наблюдаются подростковый алкоголизм, наркомания и токсикомания, немедицинское

потребление наркотических, психотропных и других токсических веществ детьми, особенно школьного возраста; распространены семейное неблагополучие, жестокое обращение с детьми и все формы насилия в отношении детей; в подростковой среде – межэтническая и межконфессиональная напряженность, ксенофобия, дискриминационное поведение детей и подростков, агрессивность, травля сверстников, интернет-зависимость; и др.

В настоящее время предпринимается немало усилий по снижению уровня негативных проявлений среди молодежи. Определены основные направления и задачи государственной политики в интересах детей. В результате принятых мер наметились позитивные тенденции, связанные с созданием комфортной для жизни детей среды, тем не менее проблемы безопасности образовательной среды не решены в полной степени.

Большое количество научных исследований посвящено теоретическим обобщениям [1; 2; 6], определению методологических позиций [3; 7; 10] в изучении психологических и социальных особенностей девиаций, проявляющихся у учащихся или взрослых. Ряд исследователей, анализируя результаты эмпирических данных, выявляют индивидуально-психологические характеристики девиантной личности, закономерности развития девиаций различных видов [4; 6; 7]. Ученые предпринимают попытки определить концепцию безопасности, профилактики агрессивного поведения несовершеннолетних, акцентируя внимание на сложности операционализации понятий и многоаспектности процесса предотвращения негативных проявлений детей и подростков [8; 9; 11; 13]. В частности, в работах зарубежных и отечественных специалистов предлагаются методы определения безопасности образовательной среды [11; 12], разрабатываемые как на основе методологии социологии, так и с использованием теоретических и методологических положений психологии.

Проведенный нами анализ литературных источников позволяет констатировать, что вопрос контроля профилактической деятельности недостаточно изучен. Отсутствуют данные, свидетельствующие о результативности профилактических технологий, используемых в образовательных организациях. При этом отмечается нечеткость показателей и критериев профилактической деятельности, которые являются основанием для контроля реализации профилактических программ.

Таким образом, определены противоречия, требующие научного осмысления:

- между потребностями общества в разработке системы контроля профилактики негативных проявлений в условиях образовательной организации и отсутствием научно-обоснованных сведений об особенностях профилактической работы и ее динамике;

- между высоким уровнем теоретического осмысления роли деятельности по контролю профилактической деятельности и отсутствием определенных показателей этой деятельности.

Данные противоречия определили научную проблему исследования, состоящую в необходимости научно обоснованного определения концептуальных положений контроля профилактики негативных проявлений.

Методы исследования

Для достижения цели исследования – разработки модели системы контроля профилактики негативных проявлений в образовательной организации – был использован комплекс теоретических методов исследования: теоретический анализ научных разработок в сфере социально-психологической профилактики, анализ документов, научное моделирование, позволившее представить описательную модель системы контроля профилактики негативных проявлений в организации. Задачи исследования отражаются в следующих требованиях:

1. Определить понятия системы контроля профилактики негативных проявлений.
2. На основе теоретического анализа научных источников определить методологические подходы системы контроля профилактической деятельности в условиях образовательной организации.
3. Раскрыть содержательные характеристики методического, кадрового, организационного обеспечения системы контроля профилактики негативных проявлений.
4. Определить функции и результирующие показатели функционирования системы контроля профилактики негативных проявлений в образовательной среде.

Результаты и обсуждение

В нашей работе под контролем профилактики негативных проявлений мы понимаем деятельность по оценке и формулированию рекомендаций по развитию методического, кадрового, организационного уровня профилактической работы. В этом случае контроль предполагает мониторинг результативности плановых мероприятий в определенный промежуток времени, показывающий специфику действий в зависимости от социально-психологических условий организации и проблем субъектов образовательного процесса.

С учетом этих позиций нами разработана модель системы контроля с целью оптимизации профилактической деятельности по минимизации рисков и угроз комплексной безопасности образовательной среды (рисунки). В сущности, контроль состояния профилактической деятельности в образовательной организации является научным исследованием с целью определения уровня развития компонентов профилактической деятельности образовательной организации, а также потребностей руководителей, педагогов и родителей как субъектов образовательного процесса в профилактической работе.

Для контроля профилактической работы в образовательной организации следует определить динамику, детерминанты, особенности, содержание развития профилактической деятельности и на этой основе разработать рекомендации, направленные на создание безопасной образовательной среды.

Эмпирический уровень контроля состояния профилактической работы в образовательной организации представляет собой сбор первичной информации, фиксирующей уровень развития компонентов профилактической работы, описание полученных данных, уровень развития потребностей руководителей, педагогов, родителей в профилактической деятельности в организации (школе, колледже, высшем учебном заведении и др.)

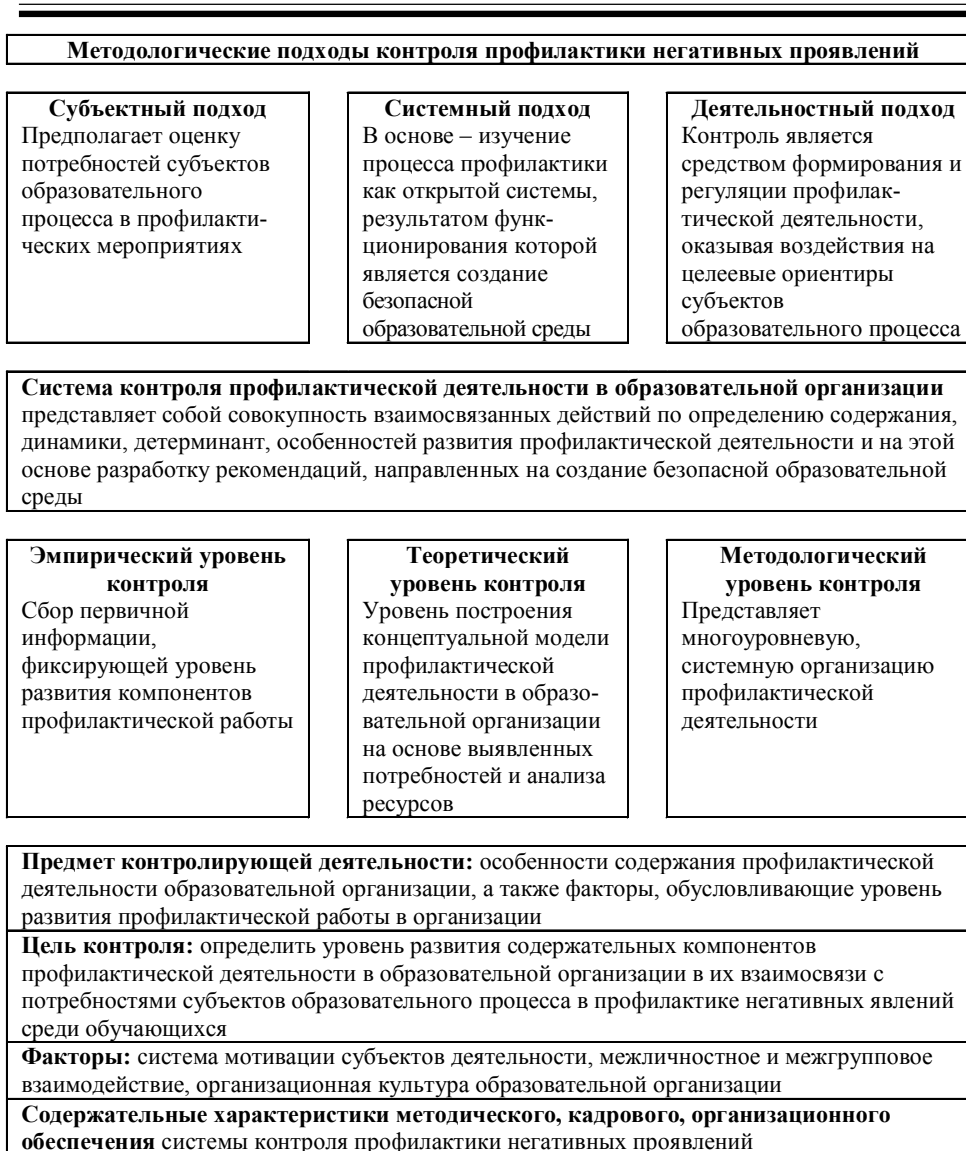

Рис. Модель системы контроля профилактики негативных проявлений в образовательной организации

Теоретический уровень контроля состояния профилактической работы – это уровень построения концептуальной модели профилактической деятельности в образовательной организации.

Методологический уровень контроля состояния профилактической работы в образовательной организации с содержательной стороны представляет собой многоуровневую, системную организацию профилактической деятельности, соотношение общей теоретической концепции, принципов и методов изучения профилактической деятельности.

Объектом контроля являются субъекты образовательного процесса как участники профилактической деятельности. Предметом контролирующей деятельности являются особенности содержания профилактической деятельности образовательной организации, а также факторы,

обуславливающие уровень развития профилактической работы в организации.

Цель контроля: определить уровень развития содержательных компонентов профилактической деятельности в образовательной организации в их взаимосвязи с потребностями субъектов образовательного процесса в профилактике негативных явлений обучающихся.

Содержательными характеристиками методического обеспечения профилактической деятельности являются: наличие информации о профилактических беседах, лекциях и других профилактических мероприятиях (тренинги, дискуссии, круглые столы, стенгазеты, фильмы), информационных материалов о предотвращении негативных явлений; наличие и качество практических занятий, учебных пособий, их соответствие современным требованиям оформления и содержания; диагностического инструментария для обследования обучающихся с целью определения их психологического и социального благополучия, выявления последствий негативных явлений.

Содержательными характеристиками кадрового обеспечения профилактической работы являются наличие и качество профессиональной консультативной поддержки, взаимосвязь с научно-исследовательскими организациями с целью проведения мастер-классов, обучения педагогов, родителей в сфере профилактики негативных проявлений; наличие и уровень развития компетенций в сфере обеспечения комплексной безопасности и проведения профилактической работы; наличие документов, доказывающих подготовку специалиста в области противодействия экстремизму; содержание, глубина знаний в сфере социального взаимодействия (конфликтологии, делового общения и др.).

Содержательными характеристиками организационного обеспечения профилактической работы являются наличие и качество проведения профилактических проектов (мероприятий), организуемых обучающимися или педагогами; соответствие условий профилактической деятельности ее целям и задачам; наличие и активность волонтерского движения в сфере профилактики негативных явлений среди молодежи; системы мотивации за проведение профилактической деятельности.

По уровню и характеру применения деятельность по контролю профилактики может быть определена как модульная, где под модулем мы понимаем автономную и логически завершенную часть оценочного действия. Модульный характер контроля предполагает оценку как способ воздействия, формирования целевых ориентиров субъектов образовательного процесса. В первом модуле выясняются потребности субъектов относительно снижения воздействия негативных проявлений. Контролирующий субъект определяет содержание профилактической работы на каждом из уровней и оценку с точки зрения их реализации каждым из субъектов образовательного процесса. Второй модуль представляет собой определение стратегии и тактики изменения профилактической деятельности с учетом ресурсов организации. В следующем модуле определяются результаты функционального воздействия профилактической программы. Приоритетными ориентирами в организации и контроле профилактической деятельности являются ценности творчества и отношения. Контролирующий субъект помогает организации развивать собственный превентивный подход.

Методологическими подходами к реализации контролирующей деятельности являются: субъектный, деятельностный и системный. В основе субъектного подхода – принцип определения способов субъектной активности на основе определения потребностей субъектов образовательного процесса в профилактических мероприятиях. Такими потребностями могут быть соблюдение этики межличностных отношений, чувство благополучия и безопасности, возможность проявлять свои способности и самореализовываться в образовательной среде.

Деятельностный подход предполагает организацию контроля как средства формирования и регуляции профилактической деятельности, воздействия на целевые ориентиры субъектов образовательного процесса. В данном случае одной из основных методологических основ является классическая схема деятельности, где в качестве единицы анализа принимается конкретное действие.

В основе системного подхода – изучение процесса профилактики как открытой системы, результатом функционирования которой является создание безопасной образовательной среды. Системный подход к контролю профилактики негативных проявлений предполагает исследование функций системы контроля, а также результирующие показатели ее функционального воздействия (таблица).

Таблица

Функции системы контроля профилактики негативных проявлений

Функции системы контроля профилактики негативных проявлений	Результат функционального воздействия системы контроля
Поддержание высокого уровня профилактической деятельности	Развитие всех аспектов профилактической деятельности, включая методический, организационный, кадровый компоненты
Оптимизация ресурсов организации	Наличие решений проблемных задач в снижении рисков безопасности субъектов образовательного процесса, готовность организации к проведению профилактики негативных проявлений
Нейтрализация воздействий угрожающих безопасности факторов	Отсутствие опасных ситуаций, наличие приемов и методов противостояния угрозам безопасности
Упорядочивание процессов коммуникации	Наличие разнообразных оптимальных способов взаимодействия
Социально-психологическое регулирование	Высокий уровень психологической безопасности всех субъектов образовательного процесса

Факторами контроля профилактики негативных проявлений в образовательной организации являются следующие:

- система мотивации субъектов деятельности, направленная на стимулирование субъектной активности всех участников образовательного процесса, формирование и развитие познавательного интереса к деятельности по контролю профилактических мероприятий, установок на самоуправление и творческого подхода к решению проблем, возникающих в связи с негативными проявлениями;

- межличностное и межгрупповое взаимодействие, отражающее все стороны коммуникации, способствующее оперативному получению и анализу информации о возможных негативных проявлениях;

- организационная культура образовательной организации, построенная на принципах гуманизма и сотрудничества. Содействие и соучастие являются значимыми условиями формирования психологического благополучия участников образовательного процесса, одними из превентивных компонентов системы профилактики агрессии.

В сущности, модель системы контроля профилактики негативных проявлений в образовательной организации отражает процесс качественных изменений в развитии образовательной организации, благодаря которым она приобретает способность мобилизовать собственные ресурсы организации для достижения психологически безопасной образовательной среды. В ходе реализации данной модели возможна эффективная профилактика негативных проявлений в образовательной организации.

Заключение

Теоретический анализ научных источников и анализ документов позволили определить основные виды негативных проявлений в образовательной организации, а также роль системы контроля профилактической деятельности. Контроль в данном случае является не простой совокупностью мероприятий, а системой взаимосвязанных действий субъекта, направленной на формирование и развитие профилактической работы, создание и обогащение ресурсов образовательной организации, нейтрализацию опасных воздействий на личность субъекта образовательного процесса, организацию эффективных коммуникативных отношений, регуляцию социально-психологических феноменов в организации. Наивысший уровень развития системы контроля обеспечивает максимальную степень безопасности субъектов деятельности.

Таким образом, концептуальные основы системы контроля профилактики негативных проявлений в образовательной среде составляют следующие положения:

- основными методологическими подходами системы контроля профилактической работы являются субъектный, деятельностный, системный;
- содержание эмпирического, теоретического и методологического уровней контроля;
- система контроля предполагает оценку, разработку и развитие содержательных характеристик методического, кадрового, организационного обеспечения;
- контролирующая деятельность отражает особенности содержания профилактической деятельности образовательной организации, а также факторы, обуславливающие уровень развития профилактической работы в организации;
- основным результатом функционирования системы контроля является определение уровня развития содержательных компонентов профилактической деятельности в образовательной организации в их взаимосвязи с потребностями субъектов образовательного процесса;
- разработка рекомендаций контролирующего субъекта происходит с учетом системы мотивации субъектов деятельности, межличностного и межгруппового взаимодействия, организационной культуры образовательной организации.

Информация об авторе

Надира Летфулловна Захарова, доктор психологических наук, доцент, профессор кафедры прикладной психологии ГБОУ ВО Московской области «Технологический университет» (г. Королев, Россия).

Information about the author

Nadira L. Zakharova, Dr. Sci. (Psychology), Ass. Prof., Prof. at Applied Psychology chair, Moscow Region University of Technology, Korolyov, Russia.

Список литературы

1. Алехина С. В., Битянова М. Р. Мониторинг как вид профессиональной деятельности педагога-психолога // Вестник практической психологии образования. 2009. № 4 (21). С. 66–73.
2. Ананьев В. А. Основы психологии здоровья. Кн. 1 : Концептуальные основы здоровья. СПб. : Речь, 2006. 384 с.
3. Белов В. Г. Концепция психолого-акмеологического сопровождения подростков с делинквентным поведением // Ученые записки университета им. П. Ф. Лесгафта. 2010. № 9 (67). С. 11–17.
4. Гульдман В. В., Корсун А. М. Поиск впечатлений, как фактор приобщения подростков к наркотикам // Вопросы наркологии. 1990. № 2. С. 40–44.
5. Дети в России – 2009. М. : Статистика России, 2009. 121 с.
6. Дмитриева Н. В., Левина Л. В. Психологические механизмы развития аддиктивного поведения // Сибирский педагогический журнал. 2012. № 9. С. 65–72.
7. Захарова Н. Л., Хорс М. А. Особенности самосознания и проявления агрессии у подростков с аддиктивным поведением // Социально-гуманитарные технологии. 2018. № 4 (8). С. 62–68.
8. Иванов С. А., Писарева С. А., Пискунова Е. В., Крутова О. Э. Мониторинг и статистика в образовании. М. : АПК и ППРО, 2007. 128 с.
9. Одинцова М. А., Захарова Н. Л. Уроки жизнестойкости: программа профилактики антивитальных тенденций среди подростков. М. : ИИУ МГОУ, 2015. 38 с.
10. Шлыкова Н. Л. Методологические основы исследования психологической безопасности субъекта образовательного процесса // Безопасность образовательной среды: состояние, проблемы, пути решения в современных условиях / под ред. Т. Н. Зарецкой, М. А. Одинцовой. М. : МГППУ, 2015. С. 27–49.
11. Царькова Л. В. Модель психологического обеспечения развития профессионального самосознания осужденных несовершеннолетних делинквентов // Психология обучения. 2012. № 4. С. 131–140.
12. Devine J. Maximum security: The culture of violence in inner-city schools. Chicago, IL : The University of Chicago Press, 1996. 292 p.
13. Cornell G. The Prevention of Gun Violence in Schools and Communities // Forum on School Safety. Washington : House Committee on Education and the Workforce, 2018. 18 p.
14. Musu-Gillette L., Zhang A., Wang K., Zhang J., Oudekerk B. A. Indicators of School Crime and Safety: 2016. Washington : National Center for Education Statistics, 2017. 261 p.

Статья поступила в редакцию: 30.10.2019

Принята к публикации: 05.12.2019

References

1. Alekhina SV, Bityanova MP. Monitoring kak vid professional'noi deyatel'nosti pedagoga-psikhologa [Monitoring as a type of professional activity of educational psychologists]. *Vestnik prakticheskoi psikhologii obrazovaniya = The Bulletin of education practical psychology*. 2009;4(21): 66-73. (In Russ.).
2. Ananiev VA. *Osnovy psikhologii zdorov'ya. Kn. 1 : Kontseptual'nye osnovy zdorov'ya [Basics of health psychology. Book 1: The conceptual fundamentals of health]*. Saint Petersburg: Rech; 2006. 384 p. (In Russ.).
3. Belov VG. Kontseptsiya psikhologo-akmeologicheskogo soprovozhdeniya podrostkov s delinkventnym povedeniem [Concept of the psychological-acmeologic support of the adolescents with delinquent behavior]. *Uchenye zapiski universiteta im. P. F. Lesgafta = Uchenye zapiski universiteta imeni P. F. Lesgafta*. 2010;9(67): 11-17. (In Russ.).
4. Gul'dan VV, Korsun AM. Poisk vpechatlenii, kak faktor priobshcheniya podrostkov k narkotikam [The search for impressions as a factor of adolescents' introduction to narcotics]. *Voprosy narkologii = Journal of Addiction Problems*. 1990;2: 40-44. (In Russ.).
5. *Deti v Rossii – 2009 [Children in Russia. 2009]*. Moscow: Statistics of Russia; 2009. 121 p. (In Russ.).
6. Dmitrieva NV, Levina LV. Psikhologicheskie mekhanizmy razvitiya addiktivnogo povedeniya [Psychological mechanisms of addictive behavior]. *Sibirskii pedagogicheskii zhurnal = Siberian Pedagogical Journal*. 2012;9: 65-72. (In Russ.).
7. Zakharova NL, Khors MA. Osobennosti samosoznaniya i proyavleniya agressii u podrostkov s addiktivnym povedeniem [Features of Social Fears in Persons with Addictive Behavior]. *Sotsial'no-gumanitarnye tekhnologii = Social and Humanitarian Technologies*. 2018;4(8): 62-68. (In Russ.).
8. Ivanov SA, Pisareva SA, Piskunova EV, Krutova OE. *Monitoring i statistika v obrazovanii [Monitoring and statistics in education]*. Moscow: APK and PPRO; 2007. 128 p. (In Russ.).
9. Odintsova MA, Zakharova NL. *Uroki zhiznestoikosti: programma profilaktiki antivital'nykh tendentsii sredi podrostkov [Lessons of resilience: a preventive program against anti-vital tendencies among teenagers]*. Moscow: Moscow State Regional University Publ. House; 2015. 38 p. (In Russ.).
10. Shlykova NL. Metodologicheskie osnovy issledovaniya psikhologicheskoi bezopasnosti sub"ekta obrazovatel'nogo protsesssa [Methodological foundations of studies into psychological security of the subject of education]. In: Zaretskaya TN, Odintsova MA. (eds.) *Bezopasnost' obrazovatel'noi sredy: sostoyanie, problemy, puti resheniya v sovremennykh usloviyakh [Security of the educational environment: state of the art, problems, ways of a solution under modern conditions]*. Moscow: Moscow State Psychological and Pedagogical University; 2015. p. 27-49. (In Russ.).
11. Tsar'kova LV. Model' psikhologicheskogo obespecheniya razvitiya professional'nogo samosoznaniya osuzhdennykh nesovershennoletnikh delinkventov [A model of psychological support of the development of professional self-awareness of convicted delinquent minors]. *Psikhologiya obucheniya = Psychology of training*. 2012;4: 131-140. (In Russ.).
12. Devine J. *Maximum security: The culture of violence in inner-city schools*. Chicago: The University of Chicago Press; 1996. 292 p.
13. Cornell G. The Prevention of Gun Violence in Schools and Communities. In: *Forum on School Safety*. Washington: House Committee on Education and the Workforce; 2018. 18 p.
14. Musu-Gillette L, Zhang A, Wang K, Zhang J, Oudekerk BA. *Indicators of School Crime and Safety: 2016*. Washington: National Center for Education Statistics; 2017. 261 p.

Submitted 30.10.2019

Accepted 05.12.2019

DOI: 10.35853/LAU.WS.2019.MD11
УДК 17:343.25

Этическое измерение возможности применения смертной казни

Марина В. Максименко,

Пермский институт Федеральной службы исполнения наказаний,
г. Пермь, Россия

ORCID: 0000-0003-3106-6486, e-mail: m_maximenko@inbox.ru

Аннотация. Актуальность проведения исследования обусловлена широким общественным резонансом проблемы исполнения смертной казни как вида уголовного наказания. Целью исследования являются изучение тенденции развития отношения российского общества к проблеме смертной казни на основе данных опросов общественного мнения, выявление социально значимых условий формирования неприемлемого отношения к применению высшей меры наказания в современном обществе. Автором рассматривается эффективность превентивного воздействия факта существования и реализации рассматриваемого вида наказания на формирование законопослушного поведения граждан посредством переживания чувства страха перед смертью и неправосудным приговором. Инструментарий исследования включает общенаучные методы, а также вторичный метод статистической обработки – факторный анализ. Предметом исследования выступают данные социологических опросов, суждения экспертов, содержащиеся в научных обзорах, материалах периодической печати, статистические данные о количестве зарегистрированных преступлений. География исследования включает изучение нравственных оценок жителей государств, в которых смертная казнь не применяется – Российской Федерации, Великобритании, и стран, где смертная казнь как вид наказания реализуется по сей день – Соединенных Штатов Америки, Беларуси. В исследовании представлена краткая ретроспектива взглядов и мнений видных политических деятелей, юристов и философов по вопросу о допустимости применения смертной казни. Основным результатом исследования является вывод о прогрессирующей гуманистических тенденций в понимании справедливости россиянами, сделанный на основании выявленной тенденции роста числа противников смертной казни.

Ключевые слова: смертная казнь, мораторий, общественное мнение, гуманизация, страх смерти, право на жизнь.

Для цитирования: Максименко М. В. Этическое измерение возможности применения смертной казни // Благополучие и безопасность в условиях социальных трансформаций: сб. науч. тр. X Междунар. симпозиума (г. Екатеринбург, 9–10 июля 2019 г.) / ред. Е. Б. Перельгина, О. Ю. Зотова, А. В. Дроздова, Л. В. Тарасова. – Екатеринбург: Гуманитарный университет, 2019. – С. 308–316. – ISBN 978-5-7741-0376-8. – DOI: 10.35853/LAU.WS.2019.MD11.

An Ethical Dimension of Applying the Death Penalty

Marina V. Maksimenko,

Perm Institute of Federal Penal Enforcement Service of the Russian Federation,
Perm, Russia
ORCID: 0000-0003-3106-6486, e-mail: m_maximenko@inbox.ru

Abstract. The relevance of this study is attributable to the fact that the possibility to use capital punishment has been high on the public agenda. The study aimed to examine tendencies in attitudes of Russian society to the death penalty based on public polls and to identify socially meaningful conditions for shaping non-acceptance regarding the risk of capital punishment. The author considered the preventive effect of the factual existence and execution of this penalty on the formation of law-abiding behavior through experiencing fear of death and a wrongful conviction. The tools exploited in the study involved general academic techniques including a secondary method of statistical processing – the factor analysis. The author used the data of sociological polls, expert judgments published in scientific reviews, materials from periodicals, and statistics on recorded offenses. The study geography embraced moral assessments of the population from countries where the death penalty is not imposed – the RF, Great Britain, and states where, to this day, the death penalty has been exercised – the USA and the Republic of Belarus. The paper offered a brief retrospective of views and opinions of prominent politicians, lawyers, and philosophers relating to the possible use of the death penalty. The main finding of the research was progressing humanistic tendencies in understanding justice among the Russian inferred from the growing number of death penalty opponents.

Keywords: death penalty, moratorium, public opinion, humanization, dear of death, right to life.

For citation: Maksimenko MV. An Ethical Dimension of Applying the Death Penalty. In: Perelygina EB, Zotova OYu, Drozdova AV, Tarasova LV. (eds.) *Wellbeing and Security in the Face of Social Transformations: Collection of academic papers from the 10th International Symposium (Yekaterinburg, July 9–10, 2019)*. Yekaterinburg: Liberal Arts University – University for Humanities; 2019. p. 308–316. Available from: doi:10.35853/LAU.WS.2019.MD11.

Введение

Проблема этической оценки возможности применения высшей меры наказания являлась дискуссионным вопросом на протяжении всей истории существования смертной казни. Различные мнения высказывали представители власти, общественности, научных кругов. Как отмечал в своем труде «История философии права» один из крупнейших деятелей дореволюционной российской юридической науки Г. Ф. Шершеневич, моральная оценка целесообразности применения смертной казни как вида наказания за совершение различных преступлений занимала существенное место в философских изысканиях эпохи Позднего Средневековья и Возрождения [9]. Т. Мор, Г. Гроций, Ш.-Л. Монтескье указывали на неэффективность и негуманность лишения жизни преступника.

В отечественной философской мысли проблема допустимости смертной казни разрабатывалась в трудах таких мыслителей, публицистов, теоретиков права, как В. С. Соловьев, Ф. М. Достоевский, Б. Н. Чичерин, З. М. Черниловский, А. Ф. Кистяковский, М. Н. Гернет, И. И. Карпец, и многих других. Традицию этического обоснования применения насилия от имени государства к лицам, совершившим прес-

тупления, в отечественной философской мысли заложила Екатерина II в своем «Наказе комиссии о составлении проекта нового уложения» [7]. Императрица в ст. 210 своего «Наказа» отмечала исключительность случаев применения смертной казни как дополнительного вида наказания, применяемого, когда гражданин, будучи лишен свободы, «имеет тем не менее средства и власть, могущие возмутить народное спокойствие» [4, с. 18].

Развитие гуманистических идеалов на протяжении нескольких столетий и признание жизни как высшей ценности в современных основных законах государств привело к тому, что большинство стран мира к настоящему моменту отказалось от применения смертной казни. В некоторых странах (преимущественно азиатских и африканских) казнь сохранилась и, по сведениям средств массовой информации, активно применяется. Данные о количестве приговоренных к смертной казни, приговор в отношении которых приведен в исполнение, о процедуре казни, как правило, являются закрытыми. Однако сам факт существования такого вида наказания за совершение различных преступлений вызывает многочисленные дискуссии в обществе, разделяя граждан на сторонников и противников высшей меры.

В современном государстве уголовное право не может развиваться в отрыве от эволюции этических ценностей, составляющих основу морального сознания граждан. Совершенствование механизма наказания преступникам должно исходить не только из опыта правоприменительной практики, но и из конкретной исторической ситуации, частью которой выступают настроения, мнения масс по вопросам уголовно-правового регулирования. Изучением общественного мнения, в том числе в немаркетинговых целях, занимаются различные организации, крупнейшими из которых можно назвать Всероссийский центр изучения общественного мнения, Левада-Центр, Фонд «Общественное мнение». Результаты социологических опросов по проблеме отношения населения к смертной казни, а также результаты первичной обработки полученных статистических данных выступают предметом исследования.

Методы исследования

Общими методами, применяемыми при проведении исследования, выступили анализ, сравнение, исторический метод; специальным – вторичный метод статистической обработки (факторный анализ). Общенаучные методы позволили установить степень разработанности проблемы этической оценки смертной казни как в отечественной, так и в зарубежной философской мысли, определить и обосновать тенденцию гуманизации в отношении к исследуемому виду наказания, что способствовало обоснованию необходимости установления моральной допустимости или недопустимости применения смертной казни как этической основы законотворческого и правоприменительного процессов.

Факторный анализ результатов опросов общественного мнения позволил выявить, соотнести и объяснить природу моральной оценки смертной казни жителями государств, где смертная казнь как вид наказания применяется, и россиянами, отказавшимися на законодательном уровне от применения данного вида наказания еще в 1997 году.

Результаты и обсуждение

Фондом «Общественное мнение» периодически проводилось изучение мнения россиян о допустимости применения смертной казни как вида наказания (рис. 1) [3]. Динамика снижения числа сторонников смертной прослеживается на протяжении всего периода изучения. Результаты исследований, проводимых Всероссийским центром изучения общественного мнения и Левада-Центром (рис. 2) [6], называют в качестве сторонников применения смертной казни чуть менее половины опрошенных (разница может быть объяснена не только погрешностью, но и различием формулировок вопросов респондентам).

В качестве условий формирования общественного мнения в период исследования необходимо отметить, что:

- мораторий на смертную казнь был подписан в 1997 году, и с этого момента смертные приговоры не исполнялись;
- уровень преступности, по данным Госкомстата, в период проведения исследований существенно снизился с примерно 3 000 зарегистрированных преступлений в 2000 году до чуть менее 2 000 преступлений в 2018 году [8];
- снизилось в несколько раз количество насильственных преступлений, а также изнасилований (за совершение именно этих преступлений, по мнению опрошиваемых, возможно вынесение смертных приговоров).

Рис. 1. Распределение ответов на вопрос о допустимости вынесения смертных приговоров преступникам по данным фонда «Общественное мнение» (выборка 1 500 респондентов) [3]

При общей гуманизации позиции россиян по вопросу о принципиальной возможности вынесения смертных приговоров примерно половина респондентов высказалась за отмену моратория и возвращению к практике применения смертной казни.

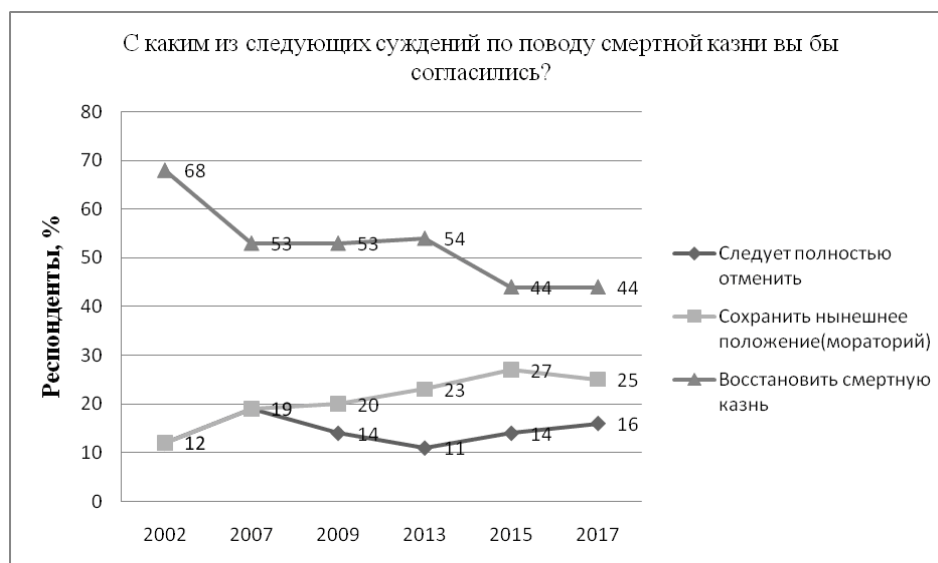

Рис. 2. Распределение ответов на вопрос о согласии с суждениями по поводу смертной казни по данным Левада-Центра (выборка 1 600 респондентов) [6]

Этическая сторона вопроса о приемлемости для современного общества существования и исполнения смертной казни включает дискуссию о ее эффективности как средстве устрашения, т. е. о ее предупредительной пользе для широких масс. Страх, как проявление инстинкта самосохранения, лежит в основе многих моральных запретов. Страх смерти является одним из самых сильных страхов, которые способен испытать человек. Для потенциальных преступников страх смерти, казалось бы, должен стать существенным стимулом законопослушного поведения, однако, как отмечают исследователи этики смертной казни, страх смерти не всегда способствует достижению превентивной цели. Так, после вступления в действие Уголовного кодекса РСФСР 1960 г., предусматривающего смертную казнь в качестве наказания за особо квалифицированное изнасилование, количество убийств при изнасилованиях увеличилось, так как преступники, опасаясь уголовного преследования, стали чаще убивать жертв [5].

Тем не менее страх смерти как превентивный механизм уголовного наказания отмечается сторонниками высшей меры как действенный способ поддержания общественного порядка и общественной безопасности. Противники смертной казни высказывают мнение, что страх смерти в мотивации поведения потенциальных преступников поглощается присущим большинству обывателей страхом быть неправомерно подвергнутым данному виду наказания. Этот страх небезоснователен. Так, признанная после приведения в исполнение приговора экспертная ошибка послужила основанием для реабилитации обвиненного в изнасиловании и убийстве малолетней потерпевшей гражданина Хабаровова, правда уже посмертной [1].

Исследование общественного мнения по вопросу о возможности применения смертной казни нередко преследует популистские цели. Так, 11 октября 2019 года на официальной странице Государственной Думы Российской Федерации в одной из социальных сетей был про-

веден анонимный опрос пользователей по вопросу о необходимости возвращения смертной казни для «убийц детей и педофилов». Промежуточные результаты сетевого моноанкетирования выявили сторонников смертной казни для такой некорректно сформулированной категории преступников в количестве более 70 % из 150 тысяч опрошенных.

Данный опрос ни по содержанию, ни по структуре исследованием быть признан не может, однако массмедиа активно распространили его итоги в своих информационных сообщениях, интерпретируя данные как результаты опроса общественного мнения россиян. Подобные случаи усложняют понимание истинных моральных оценок допустимости высшей меры наказания, даваемых обществом в отсутствие активной пропаганды и без оглядки на конкретное событие резонансного преступления.

В комментариях опрашиваемых встречаются распространенные в обывательской среде идеи о том, что указанную категорию осужденных нужно казнить, чтобы не содержать их на пожизненном лишении свободы за деньги налогоплательщиков. Такой «экономный» критерий этической оценки смертной казни по результатам исследований, проведенных в одном из штатов США, где смертная казнь применяется, не выдерживает критики. Американские исследователи провели подсчеты всех процедурных расходов по назначению и исполнению смертной казни, включая процессуальные издержки, и пришли к выводу, что пожизненное содержание осужденных в местах изоляции от общества обходится дешевле, чем смертная казнь [11, р. 11]. Даже для такого небольшого американского штата, как Вайоминг, где смертная казнь применяется крайне редко, ее противники отмечают, что сохранение самой процедуры на 2020 год будет стоить бюджету 750 000 долларов налогоплательщиков [10].

Что касается моральной оценки смертной казни гражданами Беларуси, где этот вид наказания до сих пор применяется, то можно отметить схожесть позиций белорусов и россиян. На референдуме 1996 года в Беларуси подавляющее большинство (чуть более 80 %) голосов было подано против отмены высшей меры. Спустя двадцать лет ситуация изменилась количественно, но не качественно: по данным исследования, проведенного в 2014 году, «за» смертную казнь (именно в такой формулировке вопроса) высказались 57,6 % респондентов [2].

В Великобритании, где смертная казнь была законодательно отменена в 1969 году, решению парламентариев предшествовали пятилетние социологические исследования, показавшие, что около 80% респондентов выступали против отмены смертной казни. Однако общественное мнение не повлияло на волю законодателя, и в середине прошлого столетия британский парламент принял решение о продлении закона «Об убийстве», который еще в 1965 году временно запретил применение высшей меры наказания [12].

Выводы

Среди опрашиваемых различными исследовательскими организациями респондентов, высказывающихся за отмену смертной казни, доминирует молодежь, жители городов, материально обеспеченные (по самооценке) респонденты. Значительная часть соотечественников

поддерживает идею моратория, при которой смертная казнь как вид наказания сохраняется без фактического применения, что является переходным этапом к полной ее отмене.

В результате проведенного исследования можно сделать вывод о том, что гуманистические тенденции в понимании справедливости будут прогрессировать в процессе развития российского общества. Смена поколений, очевидно, рано или поздно приведет к доминированию числа сторонников полной отмены смертной казни. Конституцией Российской Федерации не предусмотрено всенародное голосование как способ отмены смертной казни, однако внесение изменений в уголовное законодательство, как и эволюция любых правовых норм, происходит под влиянием ситуации и в конкретных условиях регулирования общественных отношений.

Таким образом, опираясь на результаты опросов, можно экстраполировать тенденцию роста влияния сторонников отмены смертной казни на общественное мнение последующих поколений. Это заключение вполне согласуется с очевидной трансформацией, происходящей в ценностной структуре сознания современного россиянина: либерализация понимания всеобщей справедливости через провозглашение и реальное обеспечение реализации прав личности, в том числе права на жизнь.

Информация об авторе

Марина Вячеславовна Максименко, кандидат философских наук, старший преподаватель кафедры уголовного и уголовно-исполнительного права Пермского института Федеральной службы исполнения наказаний (г. Пермь, Россия).

Information about the author

Marina V. Maksimenko, Cand. Sci. (Philosophy), senior lecturer at Criminal and Penal Enforcement Law chair of Perm Institute of Federal Penal Enforcement Service of the Russian Federation, Perm, Russia.

Список литературы

1. Китаев Н. Н. Ошибки и неточности специальной литературы по расследованию многоэпизодных сексуальных убийств // Эксперт-криминалист. 2006. № 2. С. 27–28.
2. Костюкевич Н. Третью белорусов по-прежнему не знают о применении смертной казни в своей стране // Новости TUT.BY. 10.10.2014. URL: https://news.tut.by/society/419169.html?utm_source=news.tut.by&utm_medium=news-bottom-block&utm_campaign=relevant_news (дата обращения: 01.07.2019).
3. Меняется ли отношение россиян к смертной казни // Фонд «Общественное мнение». 23.04.2015. URL: <https://fom.ru/Bezopasnost-i-pravo/12128> (дата обращения: 01.07.2019).
4. Наказ ея императорскаго величества Екатерины вторыя самодержецы Всероссийския Коммиссии о сочинении проэкта новаго уложения, с принадлежащими к тому приложениями. М. : Печатан при Сенате, 1767. 118 с.
5. Савельева К. В. Этика и смертная казнь: основные проблемы // XIII Державинские чтения в Республике Мордовия : материалы Междунар. науч.-практ. конф. (Саранск, 21 апреля 2017 г.) : в 2 ч. Саранск : ЮрЭксПрактик, 2017. Ч. 2. С. 211–217.
6. Смертная казнь // Левада-Центр. 2017. URL: <https://www.levada.ru/2017/02/08/smertnaya-kazn/> (дата обращения: 01.07.2019).
7. Упоров И. В. Пенитенциарные аспекты «Наказа» Екатерины II в контексте гуманистических идей европейских просветителей // Аллея науки. 2017. Т. 3, № 10. С. 715–723.

8. Число зарегистрированных преступлений по видам // Госкомстат. 22.04.2019. URL : http://www.gks.ru/free_doc/new_site/population/pravo/10-01.doc (дата обращения: 01.07.2019).

9. Шершеневич Г. Ф. История философии права. СПб. : Издание бр. Башмаковых, 1907. 588 с.

10. Bill to Abolish Wyoming's Death Penalty Introduced with Bipartisan Support // Death Penalty Informational Center. 23.01.2019. URL: [http:// https://deathpenaltyinfo.org/news/bill-to-abolish-wyomings-death-penalty-introduced-with-bipartisan-support](http://https://deathpenaltyinfo.org/news/bill-to-abolish-wyomings-death-penalty-introduced-with-bipartisan-support) (дата обращения: 01.10.2019).

11. Morgan J. G. Tennessee's Death Penalty: Costs and Consequences. Nashville : Office of Research, 2004. 68 p.

12. Rose A. The Populist Bind: Death Penalty Abolition as an Anti-Democratic Decision // Clocks and Clouds. 2013. № 3 (1). P. 1-1.

Статья поступила в редакцию: 30.10.2019

Принята к публикации: 01.12.2019

References

1. Kitaev NN. Oshibki i netochnosti spetsial'noi literatury po rassledovaniyu mnogoepizodnykh seksual'nykh ubiystv [Errors and inaccuracies of the specialized literature on investigating multi-episode sex murders]. *Ekspert-kriminalist = Forensic expert*. 2006;2: 27–28. (In Russ.).

2. Kostyukevich N. Tret' belorusov po-prezhnemu ne znayut o primeneni smertnoi kazni v svoei strane [A third of Belarusians still do not know of the imposition of the death penalty in their country]. *TUT.BY*. Website. 10.10.2014. Available from: https://news.tut.by/society/419169.html?utm_source=news.tut.by&utm_medium=news-bottom-block&utm_campaign=relevant_news [Accessed 01.07.2019]. (In Russ.).

3. Fond «Obshchestvennoe mnenie» [Public Opinion Foundation]. *Menyaetsya li otnoshenie rossiyan k smertnoi kazni [Is the Russians' attitude to the capital punishment changing?]*. 23.04.2015. Available from: <https://fom.ru/Bezopasnost-i-pravo/12128> [Accessed 01.07.2019]. (In Russ.).

4. *Nakaz eya imperatorskago velichestva Ekateriny vtoryya samodержetsy Vserossiiskiya Kommissii o sochinenii proekta novago ulozheniya, s prinaldzhashchimi k tomu prilozheniyami [Order of Her Imperial Majesty Yekaterina II, Empress and Autocrat of All the Russians to the Commission on the articulation of the project of code with attachments]*. Moscow: Printed by the Senate; 1767. 118 p. (In Russ.).

5. Savelieva KV. Etika i smertnaya kazn': osnovnye problemy [Ethics and the death penalty: key problems]. In: *XIII Derzhavinskie chteniya v Respublike Mordoviya [The 13-th Derzhavin's Readings in the Republic of Mordovia]: the collected papers of International scientific and practical conference (Saransk, 21 April 2017): in 2 vol.* Saransk: YurEksPraktik; 2017. Vol. 2. p. 211–217. (In Russ.).

6. Levada-Tsentr [Levada-Center]. *Smertnaya kazn' [The death penalty]*. 08.02.2017. Available from: <https://www.levada.ru/2017/02/08/smertnaya-kazn/> [Accessed 01.07.2019]. (In Russ.).

7. Uporov IV. Penitentsiarnye aspekty «Nakaza» Ekateriny II v kontekste gumanisticheskikh idei evropeiskikh prosvetitelei [The penitentiary aspects of the "Order" of Ekaterina II in the context of humanistic ideas of European educators]. *Alleya nauki = The Lane of Science*. 2017;3(10): 715–723. (In Russ.).

8. Goskomstat: website. *Chislo zaregistrirrovannykh prestuplenii po vidam [The number of reported offenses by type of crime]*. 22.04.2019. Available from: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/population/pravo/10-01.doc [Accessed 01.07.2019]. (In Russ.).

9. Shershenovich GF. *Istoriya filosofii prava [The history of philosophy of the law]*. Saint Petersburg: The Publication of the Bashmakovs Brothers; 1907. 588 p. (In Russ.).

10. Death Penalty Informational Center. *Bill to Abolish Wyoming's Death Penalty Introduced with Bipartisan Support*. 23.01.2019. Available from: <http://https://deathpenaltyinfo.org/news/bill-to-abolish-wyomings-death-penalty-introduced-with-bipartisan-support> [Accessed 01.10.2019].

11. Morgan JG. *Tennessee's Death Penalty: Costs and Consequences*. Nashville: Office of Research; 2004. 68 p.

12. Rose A. The Populist Bind: Death Penalty Abolition as an Anti-Democratic Decision. *Clocks and Clouds*. 2013;3(1): 1-1.

Submitted 30.10.2019

Accepted 01.12.2019

DOI: 10.35853/LAU.WS.2019.MD12
УДК 316.6

Проблема профилактики ксенофобии в молодежной среде

Рустам Р. Муслумов,
Уральский федеральный университет им. первого Президента России
Б. Н. Ельцина, г. Екатеринбург, Россия
ORCID: 0000-0003-1327-1590, e-mail: mrr82@yandex.ru

Аннотация. Ксенофобия в молодежной среде выступает разновидностью социальной патологии, опасной формой личностной деформации, разрушающей социум. С молодежью, подверженной ксенофобии, требуется вести постоянную работу по профилактике. Цель нашего исследования состояла в теоретическом обосновании направлений профилактики ксенофобии в молодежной среде. Теоретико-методологической основой исследования явились положения отечественной психологии о личности как системном образовании и о системной детерминации ее развития. Результаты исследования показали, что ксенофобия – это результат влияния группы факторов: социально-политических, экономических, психологических, культурных, антропологических. Детерминантами ксенофобии выступают социально-культурная среда и личностные факторы. Ксенофобские установки и стереотипы формируются как стихийно, так и целенаправленно. Выделены следующие виды ксенофобии: буллинг или травля, этническо-расовая, религиозная, ксенофобия по отношению к социальным группам и индивидам, различающихся определенными физическими или материальными, социальными, культурными и иными признаками. Профилактика ксенофобии представляет собой комплекс мероприятий, направленных на устранение причин возникновения и распространения ксенофобии. В систему профилактических мер входят общепрофилактические мероприятия, работа с группами риска, ресоциализация маргинальных групп, расширение субъектов профилактики. Особая роль придается подготовке специалистов для образовательных учреждений. В преодолении ксенофобии необходим комплексный подход, представляющий собой совокупность различных средств и форм работы, влияющих на сознание и поведение личности, социальных групп и социальных движений.

Ключевые слова: ксенофобия, экстремизм, профилактика ксенофобии, толерантность, самосознание, правовая культура.

Для цитирования: Муслумов Р. Р. Проблема профилактики ксенофобии в молодежной среде // Благополучие и безопасность в условиях социальных трансформаций : сб. науч. тр. X Междунар. симпозиума (г. Екатеринбург, 9–10 июля 2019 г.) / ред. Е. Б. Перельгина, О. Ю. Зотова, А. В. Дроздова, Л. В. Тарасова. – Екатеринбург : Гуманитарный университет, 2019. – С. 317–325. – ISBN 978-5-7741-0376-8. – DOI: 10.35853/LAU.WS.2019.MD12.

The Problem of Preventing Xenophobia among Young People

Rustam R. Muslumov,

Ural Federal University after the First Russian President B. N. Eltsin,
Yekaterinburg, Russia
ORCID: 0000-0003-1327-1590, e-mail: mrr82@yandex.ru

Abstract. Xenophobia among youth is a variety of social pathology, a dangerous form of personality deformation that acts as a destructive force in a community. It is necessary to engage young people prone to xenophobia in sustained preventive work. The study aimed to theoretically substantiate the directions of xenophobia preventive activities among youth. Domestic theories on personality as a systemic formation and its systemic determination laid the theoretical and methodological groundwork of the study. The findings showed that xenophobia is a result of a group of factors' impact: socio-political, economic, psychological, cultural, anthropological ones. A socio-cultural milieu and personal traits act as the determinants of xenophobia. Xenophobic attitudes and stereotypes can be shaped both spontaneously and purposefully. The author singled out the following xenophobia types: bullying, ethnic-racial, religious, xenophobia against social groups and individuals with differences in certain physical, material, cultural, and other features. Preventive measures presents a complex of activities aimed at eliminating causes of xenophobia emergence and spread. The paper described a system of preventing measures including general preventing events, work with risk groups, re-socialization of marginal groups, and a proliferation of the base of subjects for prevention. The author also highlighted a special role given to training specialists for educational establishments.

Keywords: xenophobia, extremism, xenophobia prevention, tolerance, well-awareness, legal culture.

For citation: Muslumov RR. The Problem of Preventing Xenophobia among Young People. In: Perelygina EB, Zotova OYu, Drozdova AV, Tarasova LV. (eds.) *Wellbeing and Security in the Face of Social Transformations: Collection of academic papers from the 10th International Symposium (Yekaterinburg, July 9–10, 2019)*. Yekaterinburg: Liberal Arts University – University for Humanities; 2019. p. 317–325. Available from: doi:10.35853/LAU.WS.2019.MD12.

Введение

Актуальность темы исследования. В последние десятилетия ксенофобия стала сложнейшей проблемой развития российского общества. Ситуация усложняется в связи с дезорганизацией общества, ростом социального неравенства, социальной напряженностью, массовой миграцией населения. Между этническими группами возникают неприязненные отношения, распространяются ксенофобские настроения, активно проявляющиеся в молодежной среде. Способствуют развитию ксенофобии продолжающийся духовный кризис, утрата традиционных ценностей и идеалов, преступность, социальный пессимизм, широко распространенный среди населения правовой инфантилизм и нигилизм.

Степень научной разработанности темы исследования. Различные аспекты ксенофобии стали предметом анализа в ряде научных дисциплин. Ученые рассматривают негативные установки, предубеждения, агрессивное поведение по отношению к этническим, религиозным, социальным группам, отдельным индивидам, проблемы формирования толерантности, предупреждения ксенофобии.

Формирование ксенофобских стереотипов и установок раскрывается в научных работах Т. Адорно, И. С. Кона, М. В. Кроз, А. В. Макачук, Н. А. Ратиновой, Г. У. Солдатовой, Р. Сэнфорда, З. Фрейда, Э. Фромма. Заслуживает внимания концепция авторитарной личности (Э. Фромм, М. Хоркхаймер, Т. В. Адорно), которая выявляет детерминацию ксенофобии на личностном уровне.

Некоторые авторы в изучении причин ксенофобии используют теории идентичности: этнической идентичности Б. Андерсона, Р. Брубейкера, социальной идентичности Г. Тэджфела и Дж. Тернера, работы Э. Эриксона, отечественных социологов (Л. Д. Гудкова, М. К. Горшкова, Н. Е. Тихоновой, В. А. Тишкова и др.).

Особенности распространения ксенофобии в молодежной среде исследуются в работах В. А. Авксентьева, Б. В. Аксюмова, В. А. Бокарева, Н. С. Гаджигасановой, Ю. А. Зубок, В. А. Котлярова, В. И. Чупрова и др.

В профилактике ксенофобии существенную роль играет воспитание толерантной личности. Психологи гуманистического направления (Дж. Олпорт, К. Роджерс, А. Маслоу, В. Франкл) связывают развитие личности с усвоением моральных норм, эмпатией, формированием самосознания. В работах З. Фрейда, Э. Фромма интолерантность анализируется в аспекте агрессивности и враждебности индивида. Основные положения психологической теории толерантности развивают в своих трудах А. Г. Асмолов, Г. Л. Бардиер, В. В. Бойко, Д. В. Зиновьев, А. А. Реан, Г. У. Солдатов и др. Формирование толерантной культуры, проблемы толерантного воспитания рассматриваются в работах М. М. Акулича, М. Т. Алиева, М. С. Кагана, Ю. А. Красина, В. В. Макаева, З. Д. Мальковой, В. Н. Мясищева, Л. А. Петровской, Г. Ф. Семигина, Л. Л. Супруновой, Н. Н. Ярошенко и др. Концепции профилактики ксенофобии среди студентов обосновываются в работах Л. А. Апанасюк, Г. М. Бирженюка, Ю. Д. Красильникова и др.

Типы, механизмы, формы и виды коммуникативной деятельности, особенности взаимодействия с представителями различных культур, технологии оптимизации межкультурного взаимодействия анализируют многие авторы (В. С. Агеев, С. А. Арутюнов, М. М. Бахгин, М. В. Белозерова, В. С. Библер, С. Бечнер, Р. Р. Валитова, В. Ф. Горохов, П. К. Гречко, Б. В. Емельянов, Д. В. Зиновьев, С. И. Иконникова, М. С. Каган, М. Коксинен, К. Камиллери, Н. А. Кудрина, П. М. Лебедева, М. П. Мчедлов, В. М. Золотухин, Ю. М. Лотман, А. Ф. Лосев, В. Раутен, В. И. Мукомель, Ю. В. Тарагухина, Ж. Т. Тощенко, А. Н. Садовой, А. П. Садохин, К. Б. Соколов, Э. Стоунквист, С. Хантингтон, В. Ю. Хотинец и др.).

Анализ научной литературы показывает, что многие аспекты ксенофобии анализируются в разных отраслях науки, и это вносит существенный вклад в осмысление проблемы. Современная ситуация общественного развития, особенности молодежи как социальной группы требуют дальнейшего изучения ксенофобии, ее природы, закономерностей, механизмов проявления и профилактики.

Цель нашего исследования состояла в теоретическом обосновании основных направлений профилактики ксенофобии в молодежной среде в современном российском обществе. Задачи исследования:

- уточнить понятие «ксенофобия», выявить особенности, формы проявления, основные виды ксенофобии;

- проанализировать причины и условия распространения ксенофобии;
- обосновать направления профилактики ксенофобии в молодежной среде.

Методы исследования

Теоретико-методологической основой исследования явились положения отечественной психологии о личности как системном образовании и о системной детерминации ее развития (Л. С. Выготский, А. Н. Леонтьев, К. К. Платонов, Б. Ф. Ломов и др.). Применялись теоретические методы исследования: абстрагирование, обобщение, анализ, синтез, индукция, дедукция. Эмпирической базой послужили государственные статистические материалы, а также опубликованные результаты исследований общественного мнения российских ученых и авторские публикации.

Результаты и обсуждение

Понятие «ксенофобия» происходит от двух греческих слов («xenos» – чужой, посторонний и «phobos» – страх), что означает: «1) навязчивый страх перед незнакомыми людьми, боязнь чужих; 2) неприязнь, нетерпимость, ненависть и презрение к лицам иной веры, культуры, национальности, к иностранцам, представителям других регионов, а также к чему-либо незнакомому, чужому, непривычному» [8, с. 217]. Психологи в основе ксенофобии выделяют такие эмоции, как гнев, отвращение, презрение, страх, неуважение и зависть.

Ксенофобия формируется под воздействием политических, социально-экономических, культурных, психологических, биологических факторов. Ксенофобские установки и стереотипы формируются как стихийно, так и целенаправленно. Ксенофобия охватывает разные сферы жизнедеятельности человека: политическую, экономическую, социальную, религиозную, бытовую.

Ксенофобия выражается в социальных установках, предрассудках, предубеждениях, социальных стереотипах, на мировоззренческом уровне, в поведении. Она проявляется в психических процессах, психических состояниях, психических свойствах, в особенностях поведения. Формы ее проявления различны: от стереотипов и предрассудков в отношении определенных групп населения, анекдотов и т. п. до преступлений, проявлений травли, агрессии и насилия [5]. По степени открытости ксенофобия может быть открытой и скрытой. Ксенофобия существует на разных уровнях: индивидуальном, групповом и массовом (общественном). Ксенофобия разрушает традиционные нравственно-культурные ценности, манипулирует сознанием и поведением отдельных лиц и социальных групп, порождает насилие и террор.

Основные виды ксенофобии:

- буллинг, или травля (в школе, на рабочем месте, в армии – «дедовщина» и др.);
- этническо-расовая ксенофобия – предубеждение и дискриминация по отношению к представителям этнических групп или рас (например, антисемитизм, кавказофобия, азиатофобия, цыганофобия, русофобия и др.);

- религиозная ксенофобия – страх и предубеждение по отношению к представителям разных религий;

- ксенофобия по отношению к группам, отличающихся по социальным, культурным, материальным и физическим признакам. Например, мигрантофобия (против беженцев, мигрантов), гандикапизм (против инвалидов), против бомжей, сексуальных меньшинств, больных СПИДом и др.

Детерминантами ксенофобии выступают внешние и внутренние факторы. Молодежная среда характеризуется высоким уровнем распространения ксенофобии. Многочисленные эмпирические исследования, связанные с мониторингом ксенофобии, констатируют, что наименее толерантная и наиболее склонная к ксенофобическим установкам часть общества – старшие школьники и молодежь [11]. Социальная и материальная незащищенность молодежи, ее потребность в самоидентификации, психологическая незрелость, значительная зависимость от чужого мнения, воздействие антисоциальных явлений (преступности, национализма, наркотиков, проституции и т. д.), падение уровня воспитания в семье и в учебных заведениях способствуют распространению ксенофобии среди молодежи. Дополнительными факторами риска распространения ксенофобии могут быть не только объективные трудности, но и ценностный кризис в молодежной среде. На сознание молодежи значительное влияние оказывают незаконные объединения, организации и группировки. На их появление и распространение оказывают влияние высокий уровень экстремистских настроений в обществе, ультраправые молодежные субкультуры. Лидеры экстремистских группировок используют не только националистическую литературу, но и всемирную сеть Интернет. Нередко утверждается, что ксенофобии подвержены неблагополучные или «трудные» молодые люди. Однако уголовная статистика показывает, что среди лиц, совершающих националистические преступления, много выходцев из благополучных семей.

Ксенофобия выступает предтечей экстремистских установок, в основе которых лежат личностные деформации. В этом контексте можно говорить о «нравственном нигилизме, сочетающемся с нарушением базового чувства доверия к миру, агрессивностью, интолерантностью, которые в совокупности и становятся главными психологическими детерминантами формирования экстремистских идей, сознания и поведения личности» [6, с. 25].

Профилактика ксенофобии направлена на устранение причин и условий, способствующих ее формированию и распространению. Система профилактики ксенофобии включает в себя совокупность социально-экономических, политических, культурно-воспитательных, организационно-управленческих, правовых и медицинских мероприятий [7]. Меры предупреждения воздействуют как на объективные, так и на субъективные факторы, ведущие к ксенофобии. Мероприятия по предупреждению ксенофобии конкретизируются в зависимости от уровня развития общества (макро-, мезо-, микросреда).

Учитывая сложившуюся ситуацию, работу с молодежью по предупреждению и преодолению ксенофобии необходимо проводить системно и настойчиво. Профилактика ксенофобии среди молодежи представляет собой систему мероприятий, затрагивающих как внешнюю

среду жизни личности, так и ее внутренний мир. В преодолении ксенофобии необходим комплексный подход, представляющий собой совокупность различных средств и форм работы, влияющих на сознание и поведение человека во всех сферах общественной жизни. Важнейшим направлением в профилактической работе являются мероприятия, ориентированные на повышение жизненных возможностей молодежи. Особого внимания заслуживает работа среди молодежи «в зоне риска». К таким категориям молодежи относятся: выходцы из неблагополучных семей; так называемая «золотая молодежь», привыкшая к безнаказанности и вседозволенности; участники неформальных объединений, демонстрирующие девиантное поведение; члены экстремистских политических, религиозных организаций, движений, сект; молодежь, склонная к агрессии, с неразвитыми навыками саморегуляции. В ходе профилактики необходимо вовлекать в полноценную жизнь группы молодежи, испытывающие трудности в процессе интеграции в общество (инвалиды, жертвы насилия, военных действий, катастроф, переселенцы и мигранты, лица, освободившиеся из мест лишения свободы, безработные и пр.) [1]. Профилактика ксенофобии актуальна для многих групп молодежи (государственных служащих, сотрудников правоохранительных органов, работников средств массовой коммуникации, преподавателей и т. д.), так как ксенофобские настроения широко распространены в обществе.

При организации профилактической работы особое внимание необходимо уделять возрастным особенностям подростков и молодежи. Мотивация молодежи может значительно отличаться; нередко молодые люди, проявляя ксенофобию, стремятся на этой почве самоутвердиться, обратить на себя внимание, иногда даже стать «жертвой» в борьбе за свои идеалы. Особое внимание необходимо уделить особенностям социализации и формирования самосознания молодежи. Так, например, в исследованиях Е. И. Башкатовой показано, что «чем хуже респондентами оценивалось свое детство, тем более высокий уровень националистических установок у них обнаруживался» [3, с. 8].

Особая роль в преодолении ксенофобии принадлежит культуре личности, которая соединяет в себе знания, взгляды, установки и поведение. Культура личности является показателем степени социализации и важнейшим регулятором социального поведения. Психокоррекционная работа направлена на развитие умений социального взаимодействия, рефлексии, саморегуляции, самосознания, на формирование навыков толерантного поведения, способных снизить уровень проявления ксенофобских предрассудков и стереотипов [2].

Усилия должны быть сосредоточены не на наказании, а на оптимизации социальной среды, создании условий для эффективной социализации и самореализации молодого человека. Вероятный итог такой работы – воспитание социально активной как в правовом, так и нравственном плане личности.

Многонациональное общество России, множество национальных культур смогут благоприятно сосуществовать при условии создания действенной системы профилактики ксенофобии. Важно рассматривать мировую культуру как результат усилий всех народов, а не акцентировать внимание на заслугах лишь отдельной нации или сообщества, находить позитивный опыт в других национальных культурах.

В профилактической деятельности следует уделять внимание информационной сфере: пропагандировать ценности гражданского общества, разрушать негативные стереотипы по отношению к социальным общностям и социальным группам, противодействовать распространению экстремистских печатных изданий, блокировать сайты в Интернете, которые разжигают социальную вражду.

В условиях современного мира проблема гармонизации межэтнических и межрелигиозных отношений, профилактика ксенофобии принимают глобальные масштабы, и толерантность становится поликультурным образованием, позволяющим человеку обрести способность приобщаться к культурному опыту народов не только своей страны, но и других стран [9]. При этом в воспитательной работе важно не только учитывать культурные различия, но и организовывать совместную деятельность в группах со смешанным национальным составом. Причем в такой работе необходима атмосфера межэтнического взаимопонимания и терпимости, где каждый, независимо от этнической принадлежности, чувствует себя комфортно, открыт для взаимодействия с другими, где соблюдаются этические нормы поведения в межличностном общении.

Особое внимание стоит уделять подготовке специалистов образовательных учреждений. Педагогу необходимо быть готовым к проявлениям ксенофобии, ее профилактике, требуются высокая интенсивность и доминантность педагогических воздействий [4], без которых борьба с ксенофобскими проявлениями может быть проиграна.

Выводы

Проведенное исследование позволяет сделать некоторые выводы и дать общие рекомендации.

Профилактика ксенофобии в молодежной среде является государственной задачей, ее эффективное решение способствует преодолению отклоняющегося поведения, сокращению случаев произвола и насилия над личностью, утверждению правопорядка и законности.

Основами профилактики ксенофобии являются социальный мир, гражданское согласие, расширение гарантий прав человека.

В связи с дифференциацией общества, возникновением разнообразных социальных интересов (национальных, классовых, политических, частных и пр.), многообразием культур особую роль играет правовая культура как государственный, социально необходимый регулятор отношений в обществе. Правовая культура должна стать основой укрепления российского общества, гармонизации межэтнических отношений, формирования общегражданской идентичности россиян, уважения чести и достоинства личности. Важнейшим фактором в борьбе с ксенофобией является воспитание личности, которое направлено на формирование патриотизма, нравственности, толерантности, гражданских ценностей и привычек правомерного поведения [10].

В сфере профилактики ксенофобии требуется объединение усилий органов государства, общественных организаций, средств массовой информации, установление сотрудничества с этническими, религиозными и культурными общностями, неагрессивными молодежными субкультурами. В деле профилактики ксенофобии требуются поиск, совершенствование методик и технологий, проведение постоянного мо-

нитинга ситуации, разработка программ и комплекса согласованных мероприятий. Совместные усилия, учет особенностей социализации молодежи, специальная подготовка преподавательского состава, разнообразные формы и методы работы расширяют возможности профилактики. Задача решения проблемы ксенофобии в молодежной среде является чрезвычайно сложной, требующей постоянного внимания и комплексных мер.

Информация об авторе

Рустам Рафикович Муслумов, кандидат психологических наук, доцент, доцент кафедры педагогики и психологии образования Уральского федерального университета им. первого Президента России Б. Н. Ельцина (г. Екатеринбург, Россия).

Information about the author

Rustam R. Muslumov, Cand. Sci. (Psychology), associate professor, associate professor at Pedagogy and Psychology of Education chair, Ural Federal University after the First Russian President B. N. Eltsin, Yekaterinburg, Russia.

Список литературы

1. Апанасюк Л. А. Психолого-педагогические факторы реализации социально-культурных программ преодоления ксенофобии в молодежной среде // Вестник ТГУ. 2012. № 6 (110). С. 153–158.
2. Асмолов А. Г. На пути к толерантному сознанию. М. : Смысл, 2002. 255 с.
3. Башкатова Е. И. Связь самосознания личности с экстремистскими установками молодежи // Амурский научный вестник. 2018. № 3. С. 4–9.
4. Гатаев А. С.-А. Особенности воспитания студентов в процессе их аудиторной и внеаудиторной работы // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2017. № 5-2. С. 57–60.
5. Кельберг А. А. Ксенофобия как социально-психологический феномен // Вестник СПбГУ. 1996. № 13. С. 46–57.
6. Красноштанова Н. Н., Горбачев И. В. Социально-психологическая сущность экстремизма и особенности его проявления в российской молодежной среде // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2018. № 4 (75). С. 22–26.
7. Кроз М. В., Ратинова Н. А. Социально-психологические и правовые аспекты ксенофобии. М. : Academia, 2005. 52 с.
8. Макаренко В. А. Краткий словарь современных понятий и терминов. М. : Республика, 1993. 669 с.
9. Мириманова М. С. Толерантность как феномен индивидуальный и социальный. М. : Прометей, 2004. 253 с.
10. Мукомель В. И. Ксенофобия в молодежной среде // Россия реформирующаяся. 2017. № 15. С. 228–258.
11. Солдатова Г. У., Макаручук А. В. Может ли другой стать другом? Тренинг по профилактике ксенофобии. М. : Генезис, 2006. 256 с.

Статья поступила в редакцию: 30.10.2019

Принята к публикации: 05.12.2019

References

1. Apanasyuk L.A. Psikhologo-pedagogicheskie faktory realizatsii sotsial'no-kul'turnykh programm preodoleniya ksenofobii v molodezhnoi srede [Psychological and pedagogical factors of implementing sociocultural programs on overcoming xenophobia in the youth environment]. *Vestnik TGU = The Tyumen State University Bulletin*. 2012;6(110): 153–158. (In Russ.).
2. Asmolov A.G. *Na puti k tolerantnomu soznaniyu [On the way to tolerant consciousness]*. Moscow: Smysl; 2002. 255 p. (In Russ.).

3. Bashkatova EI. Svyaz' samosoznaniya lichnosti s ekstremistskimi ustanovkami molodezhi [The linkage of personality self-awareness and extremist attitudes of youth]. *Amurskii nauchnyi vestnik = Amur Scientific Gazette*. 2018;3: 4–9. (In Russ.).

4. Gataev AS-A. Osobennosti vospitaniya studentov v protsesse ikh auditornoi i vneauditornoi raboty [The specifics of students education in the process of in-class and off-class work]. *Aktual'nye problemy gumanitarnykh i estestvennykh nauk = Topical problems of humanities and natural sciences*. 2017;5-2: 57–60. (In Russ.).

5. Kelberg AA. Ksenofobiya kak sotsial'no-psikhologicheskii fenomen [Xenophobia as a socio-psychological phenomenon]. *Vestnik SPbGU = The Saint Petersburg State University Bulletin*. 1996;13: 46–57. (In Russ.).

6. Krasnoshtanova NN, Gorbachev IV. Sotsial'no-psikhologicheskaya sushchnost' ekstremizma i osobennosti ego proyavleniya v rossiiskoi molodezhnoi srede [Socially Psychological Essence of Extremism and its Peculiarities in the Russian Youth]. *Psikhopedagogika v pravookhranitel'nykh organakh = Psychopedagogics in Law Enforcement*. 2018;4(75): 22–26. (In Russ.).

7. Kroz MV, Ratinova NA. *Sotsial'no-psikhologicheskie i pravovye aspekty ksenofobii [Socio-psychological and legal aspects of xenophobia]*. Moscow: Academia; 2005. 52 p. (In Russ.).

8. Makarenko VA. *Kratkii slovar' sovremennykh ponyatii i terminov [A concise dictionary of modern notions and terms]*. Moscow: Respublika; 1993. 669 p. (In Russ.).

9. Mirimanova MS. *Tolerantnost' kak fenomen individual'nyi i sotsial'nyi [Tolerance as an individual and social phenomenon]*. Moscow: Prometey; 2004. 253 p. (In Russ.).

10. Mukomel VI. Ksenofobiya v molodezhnoi srede [Xenophobia in the youth environment]. *Rossiya reformiruyushchayasya = A reforming Russia*. 2017;15: 228–258. (In Russ.).

11. Soldatova GU, Makarchuk AV. *Mozhet li drugoi stat' drugom? Trening po profilaktike ksenofobii [Can another become a friend? Xenophobia prevention training]*. Moscow: Genезis; 2006. 256 p. (In Russ.).

Submitted 30.10.2019

Accepted 05.12.2019

Для заметок

Для заметок

Scientific publication

**Wellbeing and Security
in the Face of Social
Transformations**

Collection of academic papers
from the 10th International Symposium
(Yekaterinburg, July 9–10, 2019)

Computer layout: V.V. Kuryanovich
Signed for publication 27.12.2019.
Format 60 x 90/16

**Liberal Arts University –
University for Humanities**
Zheleznodorozhnikov street 3, off. 207.
Yekaterinburg, Russia, 620041.
E-mail: ektbriogu@mail.ru
URL: <https://simposium.sopsy.ru/en>

Научное издание

**Благополучие и безопасность
в условиях социальных
трансформаций**

Сборник научных трудов
X Международного симпозиума
(г. Екатеринбург, 9–10 июля 2019 г.)

Редактор С. В. Фельдман
Компьютерная верстка В. В. Курьянович
Подписано к изданию 27.12.2019.
Формат 60x90/16.
Уч. изд. л. 20,32. Усл. печ. л. 18,9.

Гуманитарный университет
620041, г. Екатеринбург,
ул. Железнодорожников, 3
Лицензия № 2114 от 26.04.2016